

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

p-ISSN 2412-6446

e-ISSN 2782-442X

Свидетельство о регистрации как СМИ:

ПИ № ФС 77-82936 от 14.03.2022.

СЛАВЯНСКИЙ МИР

**2024 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ**

Том 19

№ 3–4

Главный редактор

Елена Семёновна Узенёва,
к.ф.н., доцент, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Научная редакция

Светлана Ивановна Данченко,
д.и.н., зав. отделом истории славянских народов
Юго-Восточной Европы в Новое время
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0354-3185

Ольга Сергеевна Каштанова,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7053-461X

Анна Андреевна Леонтьева,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7543-6085

Наталья Александровна Лунькова,
младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Ксения Валерьевна Мельчакова,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Пётр Владимирович Мошечков,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0036-2306

Татьяна Ивановна Чепелевская,
к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8474-7042

Редакционный совет

Дёрдь Бебеш,
доктор философии (история), доцент
Печский университет, Печ, Венгрия

Алеш Заржицкий,
доктор философии (история), профессор
Остравский университет, Острава, Чехия
ORCID: 0000-0003-3894-5547

Наталья Корина,
д.ф.н., профессор
Университет имени Константина Философа в Нитре, Словакия
ORCID: 0000-0002-2809-1480

Христина Марку,
доктор философии (филология), доцент
Фракийский университет имени Демокрита, Комотини, Греция
ORCID: 0000-0002-8001-4933

Пенка Пейковска,
д.и.н., профессор
Институт истории Болгарской академии наук, София, Болгария
ORCID: 0000-0001-7979-3258

Сузана Раич,
доктор философии (история), доцент
Белградский университет, Белград, Сербия
ORCID: 0000-0002-8044-9814

Витторио Томеллери,
д.ф.н., профессор
Туринский университет, Турин, Италия
ORCID: 0000-0001-7513-7587

Штефан Трёбст,
д.и.н., профессор
Лейпцигский университет, Лейпциг, Германия

Сандра Хаджихалилович,
д.ф.н., доцент
Задарский университет, Задар, Хорватия
ORCID: 0000-0002-0848-472X

Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН
Издаётся с 2006 года
Периодичность: четыре номера в год
Тираж: 500 экз.

Ответственный секретарь

Никита Владимирович Евстафьев,
младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Редакционная коллегия

Ирина Евгеньевна Адельгейм,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Татьяна Ивановна Вединина,
д.ф.н., руководитель Центра ареальной лингвистики
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7752-6615

Оксана Анатольевна Запека,
к.филос.н., зав. кафедры славяноведения и культурологии
РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия

Елена Николаевна Ковтун,
д.ф.н., профессор, зав. Отделом истории славянских литератур
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9457-8556

Евгений Андреевич Колосков,
к.и.н., доцент
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-8123-2924

Константин Васильевич Лифанов,
д.ф.н., профессор
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8347-7466

Сергей Алексеевич Мызников,
д.ф.н., член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2972-0656

Константин Владимирович Никифоров,
д.и.н., директор
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4436-5074

Владимир Яковлевич Петрухин,
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Анна Аркадьевна Плотникова,
д.ф.н., главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Андрей Николаевич Соболев,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0003-2673-9228

Ольга Юрьевна Солодянкина,
д.и.н., доцент
Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия
ORCID: 0000-0001-6419-8085

Ольга Александровна Туфанова,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2254-7969

Артём Акоювич Улунян,
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1861-4823

Ольга Владимировна Хаванова,
д.и.н., профессор РАН
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7694-5292

Степан Михайлович Шамин,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт российской истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1065-9653

Алла Геннадьевна Шешкен,
д.ф.н., профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, корп. «В»,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: slavmilen@yandex.ru
Сайт: slavvicworld.ru

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES, RAS

p-ISSN 2412-6446

e-ISSN 2782-442X

Certificate of Registration as a Media Outlet:

PI No. FS 77-82936 dated 14.03.2022.

SLAVIC WORLD

2024 IN THE THIRD
MILLENNIUM

Volume 19

Issue 3–4

Editor-in-Chief

Elena S. Uzeneva,

Ph. D., associate professor, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Assistant Editors

Tatyana I. Chepelevskaya,

Ph. D., associate professor, senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8474-7042

Svetlana I. Danchenko,

Doctor of History, Head of the Department of History of Slavic Peoples
in South-Eastern Europe in Modern Times
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0354-3185

Olga S. Kashtanova,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7053-461X

Anna A. Leontyeva,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7543-6085

Natalia A. Lunkova,

junior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Ksenia V. Melchakova,

Ph. D., senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Petr V. Moshechkov,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0036-2306

Advisory Board

György Bebesi,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
University of Pécs, Pécs, Hungary

Sandra Hadžihalilović,

Doctor of Letters, associate professor
University of Zadar, Zadar, Croatia
ORCID: 0000-0002-0848-472X

Natalia Korina,

Doctor of Letters, professor
Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovakia
ORCID: 0000-0002-2809-1480

Christina Markou,

Doctor of Philosophy (philology), associate Professor
University of Thrace, Komotini, Greece
ORCID: 0000-0002-8001-4933

Penka Peykovska,

Doctor of History, professor
Institute for Historical Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
ORCID: 0000-0001-7979-3258

Suzana Rajić,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
University of Belgrade, Belgrade, Serbia
ORCID: 0000-0002-8044-9814

Vittorio S. Tomelleri,

Doctor of Letters, professor
University of Turin, Turin, Italy
ORCID: 0000-0001-7513-7587

Stefan Troebst,

Doctor of History, professor
Leipzig University, Leipzig, Germany

Aleš Zárícký,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic
ORCID: 0000-0003-3894-5547

Founder and Publisher: Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Published since 2006
Frequency: four per year
Circulation: 500 copies

Executive Editor

Nikita V. Evstafyev,

junior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Editorial Board

Irina E. Adelgeim,

Doctor of Letters, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Olga V. Khavanova,

Doctor of History, Russian Academy of Sciences professor
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7694-5292

Evgenii A. Koloskov,

Ph. D., associate professor
Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-8123-2924

Elena N. Kovtun,

Doctor of Letters, professor,
Head of the Department of the History of Slavic Literatures
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9457-8556

Konstantin V. Lifanov,

Doctor of Letters, professor
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8347-7466

Sergei A. Myznikov,

Doctor of Letters, Corresponding Member of RAS, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2972-0656

Konstantin V. Nikoforov,

Doctor of History, director
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4436-5074

Vladimir Ya. Petrukhin,

Doctor of History, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Anna A. Plotnikova,

Doctor of Letters, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Stepan M. Shamin,

Doctor of History, leading research fellow
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1065-9653

Alla G. Sheshken,

Doctor of Letters, professor
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Andrey N. Sobolev,

Doctor of Letters, leading research fellow
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0003-2673-9228

Olga Yu. Solodyankina,

Doctor of History, associate professor
Cherepovets State University, Cherepovets, Russia
ORCID: 0000-0001-6419-8085

Olga A. Tufanova,

Doctor of Letters, leading research fellow
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2254-7969

Artyom A. Ulunyan,

Doctor of History, chief research fellow
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1861-4823

Tatyana I. Vendina,

Doctor of Letters, Head of the Areal Linguistics Center
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7752-6615

Oksana A. Zapeka,

Ph. D., Head of the Department of Slavic Studies and Cultural Studies
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

Address: Leninsky Prospect, 32A, Moscow, 119334, Russia
E-mail: slavmillen@yandex.ru
Web: slavworld.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Прудовский Пётр Игоревич*
Трехдневная битва под Варшавой 1656 г. в русских источниках 9
- Никифоров Денис Игоревич*
Проблема выплаты сербского долга России по займу 1876 г.
(по материалам российских дипломатических документов) 28
- Кирилина Любовь Алексеевна*
Финансовые и экономические инициативы словенских либералов
в 70–90-е гг. XIX в. (с акцентом на деятельности И. Хрибара) 46
- Баягич Душан*
Издание «Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије»
(Вестник: Официальная газета Сербской православной патриархии)
о конкордате Королевства Югославия и Святого престола,
подписанном в 1935 г. 67
- Пригарин Александр Анатольевич*
Реэмиграция русских старообрядцев из Добруджи:
«болгарский» этап 1946 г. (по архивным данным) 96
- Хаджихалилович Сандра*
Языковая игра в текстах современной хорватской рекламы
банковских услуг для детей 125

Из истории славяноведения

- Яковенко Сергей Георгиевич*
Е.Ф. Шмурло (1854–1934 гг.) — ученый корреспондент
Российской академии наук в Риме (1903–1924 гг.):
незавершенный проект. Часть II 142
- Чжан Яньи*
Болгаристика в Китае (1961–2023): обзор с акцентом
на исследования болгарской истории 172

Этнолингвистические исследования

- Кучко Валерия Станиславовна*
Традиция использования *урочливых камней* в Кологривском районе
Костромской области 192
- Никитина Инна Олеговна*
Надгробия и надгробные надписи у греков России:
о чём кладбище может нам рассказать 206

Климова Ксения Анатольевна

Представления о заложных покойниках в понтийской
народной культуре 231

Юбилеи

Кравченко Татьяна Юрьевна

К юбилею Елены Николаевны Ковтун 246

Обзоры и рецензии

Радович Даниел

Рецензия на книгу: «Илија Гарашанин (1812–1874) —
великий сын сербской земли» [Рец.] Илија Гарашанин (1812–1874) —
великан српске земље / ур. С. Рајић. Аранђеловац:
Народни музеј у Аранђеловцу, 2024. 604 с.
ISBN 978-86-88927-26-0 251

О времени и о себе

Косик Виктор Иванович

«История — это капкан, откуда не вырвешься».
Воспоминания В. И. Косика в форме интервью 258

Хроника научной жизни

Перетяцько Артём Юрьевич

Конференция молодых ученых «Славянский мир:
общность и многообразии». Москва, 21–22 мая 2024 г.
Секция «История» 304

Грасько Анна Васильевна

Конференция молодых ученых «Славянский мир:
общность и многообразии». Москва, 21–22 мая 2024 г.
Секция «Литературоведение» 317

Березнев Владислав Игоревич

Конференция молодых ученых «Славянский мир:
общность и многообразии». Москва, 21–22 мая 2024 г.
Секция «Языкознание» 322

Кравченко Татьяна Юрьевна

Презентация нового собрания сочинений А.Н. Толстого 329

In memoriam

Корина Наталья Борисовна

Геннадий Афанасьевич Цыхун (30.10.1936 – 18.10.2024) 335

CONTENTS

Articles

- Petr I. Prudovsky*
The Three-days Battle of Warsaw 1656 in Russian Sources 9
- Denis I. Nikiforov*
The Issue of Serbia's Repayment of Debt to Russia on the Loan of 1876
(Based on Russian Diplomatic Documents) 28
- Liubov A. Kirilina*
Financial and Economic Initiatives of Slovenian Liberals in the 1870s–90s.
(with an Emphasis on the Activities of Ivan Hribar) 46
- Dušan R. Bajagić*
Glasnik: The Official Newspaper of the Serbian Orthodox Patriarchate
on the Concordat of the Kingdom of Yugoslavia and the Holy See,
Signed in 1935 67
- Aleksandr A. Prigarin*
The Re-emigration of Russian Old Believers from Dobrudja:
“Bulgarian” Stage 1946 (According to Archival Data) 96
- Sandra Hadžihalilović*
Language Game in the Texts of Modern Croatian Banking Advertisements
for Children 125

From the History of Slavic Studies

- Sergey G. Yakovenko*
E.F. Schmourlo (1854–1934) — Scientific Correspondent
of the Russian Academy of Sciences in Rome (1903–1924):
Non-accomplished Project. Part II 142
- Zhan Yanyi*
Bulgarian Studies in China (1961–2023):
Review with an Accent on the Study of the Bulgarian History 172

Ethnolinguistic Studies

- Valeria S. Kuchko*
Tradition of Using *Urochlivye Kamni* “Jinx Stones”
in the Kologrivsky District of the Kostroma Region 192
- Inna O. Nikitina*
Tombstones and Tombstone Inscriptions Among the Greeks of Russia:
What a Cemetery Can Tell Us 206

Ksenia A. Klimova

Representations of the Dead in the Popular Culture of Pontic Greeks 231

Jubilees

Tatyana Ju. Kravchenko

On the Jubilee of Elena N. Kovtun 246

Review Articles

Daniel Radović

Review on the Book: “Ilija Garašanin (1812–1874) —
the Great Son of Serbian Land” [Rev.] Ilija Garašanin (1812–1874) —
Velikan Srpske Zemlje / Ur. S. Rajić. Aranđelovac:
Narodni muzej u Aranđelovcu, 2024. 604 s.
ISBN 978-86-88927-26-0 251

Looking Back on the Past and the Profession

Viktor I. Kosik

“History is a Trap that is Hard to Escape”.
Memoirs of V. I. Kosik in the Form of an Interview 258

Chronicle of Scientific Life

Artyom Yu. Peretyatko

Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”.
Moscow, 21–22 May 2024. Section “History” 304

Anna V. Grasko

Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”.
Moscow, 21–22 May 2024. Section “Literary studies” 317

Vladislav I. Bereznev

Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”.
Moscow, 21–22 May 2024. Section “Linguistics” 322

Tatyana Ju. Kravchenko

Presentation of the New Collected Works by A. N. Tolstoy 329

In Memoriam

Natalia B. Korina

Gennadii Afanas'evich Tsykhun (30.10.1936–18.10.2024) 335

ТРЕХДНЕВНАЯ БИТВА ПОД ВАРШАВОЙ 1656 Г. В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ

Пётр Игоревич Прудовский

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: hypolimnion@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9158-7809

Аннотация

В общем виде механизмы получения новостей из-за границы в России в XVII в. уже исследованы, однако конкретные эпизоды получения актуальной информации становились предметом изучения в недостаточной степени. Между тем именно они позволяют понять, в каком информационном контексте принимались те или иные внешнеполитические решения. Если полная реконструкция подобного информационного фона — дело будущего, уже сейчас можно рассмотреть его отдельные фасетки. Ярким казусом подобного рода является получение Москвой новостей о таком масштабном событии, как Варшавская битва 1656 г., в которой с одной стороны участвовали польские и литовские войска Речи Посполитой вместе со вспомогательным крымским контингентом, а с другой — союзные армии Швеции и Бранденбургско-Прусского государства. В статье рассмотрены все известные сообщения об этом сражении, поступавшие правительству Русского государства: известия польско-литовских, бранденбургских и курляндских дипломатов, представителей присяжной и неприсяжной литовской шляхты, литовских евреев, а также Богдана Хмельницкого, — и выстроена их хронология. Характеризуются как происхождение и фактологическая точность сообщаемых сведений, так и намеренные умолчания информаторов, выявляется политическая направленность известий. Непротиворечивая информация, подтверждаемая независимыми друг от друга источниками, сводилась для царя Алексея Михайловича и его окружения к трем пунктам, из которых первые два соответствовали действительности: 1) сам факт сражения и его участники, 2) результат битвы и 3) конфликт польской и литовской частей войска Речи Посполитой. Отдельно рассмотрены свидетельства об антагонизме между польскими и литовскими участниками битвы. Этот мотив интерпретируется как проявление настроений значительной части литовской шляхты, отражающих существовавшие противоречия между Литвой и Короной, и представляет собой доселе неизвестный «литовский» взгляд на Варшавскую битву.

Ключевые слова

Россия XVII в., Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, Швеция, Бранденбургско-Прусское государство, Северные войны, распространение новостей, история коммуникации

Статья поступила в редакцию 24 октября 2024 г.

Статья доработана автором 5 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Прудовский П. И.* Трехдневная битва под Варшавой 1656 г. в русских источниках // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2024. Т. 19. № 3–4. С. 9–27. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.01>

THE THREE-DAYS BATTLE OF WARSAW 1656 IN RUSSIAN SOURCES

Petr I. Prudovsky

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: hypolimnion@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9158-7809

Abstract

The mechanisms of acquiring foreign news in the 17th-century Russia have been studied in general, but there is still lack of local studies on how specific news reached the Moscow government. However, it is the set of specific news that determined the information background of foreign policy decisions. While we are still far away from fully reconstructing this background, it is still possible to study its individual facets. The Battle of Warsaw of 1656, fought between Polish-Lithuanian and Crimean forces on the one side and Swedish and Brandenburg-Prussian armies on the other, being the largest field battle of the Second Northern War, offers a valuable opportunity for a case study on how the Tsar Alexei Mikhailovich and his counselors got news about a major European event. This paper discusses all known reports of the battle that reached the Russian government. Those are reports by diplomats from Poland-Lithuania, Brandenburg and Courland as well as by Lithuanian nobles both sworn to the Tsar and loyal to the Commonwealth, Lithuanian Jews and, of all people, by the Hetman Bogdan Khmelnytsky. We establish the chronology of these reports and trace the origin of their data and their political agenda. Only part of the information available to the Tsar could be cross-checked. Eventually it came down to the following three points (of which the first two were accurate). Firstly, the battle and its participants. Secondly, the outcome. Thirdly, that the main reason for the Polish defeat was the lack of cooperation between the Poles and the Lithuanians. This construct that appears in the reports by several Lithuanian nobles might well be a manifestation of anti-Polish sentiments in the public opinion of a part of Lithuanian nobility. It also represents a “Lithuanian” version of the Battle of Warsaw, as opposed to “Swedish”, “Polish” and “Prussian” versions hitherto studied by historians.

Keywords

Seventeenth-Century Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, Grand Duchy of Lithuania, Sweden, Brandenburg-Prussia, Northern Wars, news circulation, history of communication

Received 24 October 2024

Revised 05 November 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Prudovsky, P. I., 2024. The Three-days Battle of Warsaw 1656 in Russian Sources. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 9–27. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.01>

Следили ли руководители внешней политики допетровской России за происходящим за ее рубежами, и если да, то насколько внимательно? Насколько при тогдашнем состоянии коммуникаций им удавалось удовлетворять свою потребность в информации? Ученые, занимавшиеся этими вопросами, рассмотрели различные пути поступления сведений о внешнем мире и обрисовали общую картину того, какие механизмы получения новостей из-за границы развивались в России в XVII в.¹ Между тем конкретные эпизоды получения актуальной информации, которые могли бы показать, в каких условиях и насколько эффективно работали эти механизмы, для 1650-х гг. практически не исследованы.

В 2003 г., изучая поворот российской внешней политики от войны с Речью Посполитой к конфронтации со Швецией в 1656 г., Б. Н. Флоря подчеркивал: «Автор считает методически правильным при установлении причин тех или иных шагов, предпринятых в это время русскими политиками, исходить из анализа того круга сведений, которые были известны этим политикам во время принятия того или иного решения»². При кажущейся очевидности подобной установки в действительности ее реализация в изучении истории XVII в. сталкивается с большими трудностями. Один путь для ее воплощения испробован в цитированной статье и продолжившей ее монографии Б. Н. Флоры 2010 г.³ Он состоит в том, чтобы, последовательно анализируя документы внешнеполитических акций, выявлять в предшествующих информацию, послужившую основой для планирования последующих. Учитывая непрерывный характер внешнеполитической деятельности и преемственность в круге лиц, ответственных за формирование государственного курса, такой подход позволяет с достаточной степенью полноты объяснить генезис большинства внешнеполитических решений. При этом, однако, из поля внимания исследователя выпадает целый пласт сведений, которыми располагали те, кто осуществлял руководство внешней политикой, но которые по тем или иным причинам не выступили очевидной основой для принятия ими решений. Между тем именно эти сведения образовывали информационный контекст, в рамках которого политики продумывали варианты решений.

Однако полная реконструкция этого информационного фона, едва ли в принципе возможная, оказывается особенно трудно достижимой применительно к истории России первой половины — середины XVII в. Лишь

¹ Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011; Waugh D. C., Maier I. Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context. Seattle; Uppsala: Research Works at the University of Washington Libraries, 2023. <https://doi.org/10.6069/XCSQ-BF71>.

² Флоря Б. Н. От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // Kwartalnik Historyczny. 2003. Rocznik 110. № 2. S. 25.

³ Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010.

с 1670-х гг. устанавливается более или менее регулярное поступление в Москву европейской прессы, обзоры которой (так называемые «куранты») зачитывались перед царем и Боярской думой⁴. С. М. Шамин отмечает, что получение прессы через купцов и дипломатов не было систематическим и давало лишь отрывочные сведения⁵. То же самое можно сказать и о других традиционных путях получения зарубежных новостей: от «выходцев» из плена, добровольных осведомителей, иностранцев, выезжающих на царскую службу и др.

На примере трехдневной битвы под Варшавой 18/28–20/30 июля 1656 г. (здесь и далее через дробь даются даты старого/нового стиля, одиночные даты по новому стилю оговариваются, по старому стилю — не оговариваются), крупнейшего полевого сражения польско-шведской войны 1655–1656 гг.⁶, мы рассмотрим, какими путями и в каком виде масштабное событие европейской истории появлялось в доходивших до Москвы новостных сообщениях. Это сражение происходило на фоне дипломатического вмешательства великих держав в польско-шведскую войну и формирования военно-политических коалиций вокруг противоборствующих сторон, а потому имело не только военное, но и политическое значение⁷.

С весны 1656 г. продолжалось польское контрнаступление против оккупировавших значительную часть страны шведов. 1 июля (нового стиля) капитуляцией шведского гарнизона во главе с фельдмаршалом Арвидом Виттенбергом завершилась осада Варшавы королем Яном-Казимиром. С освобождением столицы польско-литовское руководство начало планировать решающий удар по шведам, для чего под Варшавой было собрано около 40 000 человек, включая польскую компутовую армию, литовскую дивизию великого гетмана Павла Сапеги (дивизия польного гетмана Вин-

⁴ Шамин С. М. Куранты XVII столетия... С. 84.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Изучением Варшавской битвы занимались историографии всех основных государств-участников, причем изначально наибольшее внимание ей уделяла историография прусская, видевшая в битве первый шаг к будущей славе Прусского королевства: *Droysen J. G. Die Schlacht von Warschau 1656 // Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1863. Bd. 4. S. 347–496; Riese A. Die dreitägige Schlacht bei Warschau 28., 29. und 30. Juli 1656. Breslau: Verlag von Max Mälzer, 1870. Шведские работы: Carlson F. F. Sveriges historia under konungarne af Pfalziska huset. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, kongl. boktryckare, 1855. D. 1. S. 169–177; Englund P. Den oöfvinnerlige: Om den svenska stormaktstiden och en man i dess mitt. Stockholm: Atlantis, 2000. S. 425–428. Большой вклад в военно-историческое изучение сражения внесла польская историография: *Kubala L. Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i sp.; Warszawa: Gebethner i Wolf, s. a. [1917] S. 1–27; Herbst S. Trzydniowa bitwa pod Warszawą 28–30 VII 1656 r. // Wojna polsko-szwedzka 1655–1660 / red. J. Wimmer. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1973. S. 296–330; Nagielski M. Warszawa 1656. Warszawa: Bellona, 1990.**

⁷ См.: *Frost R. After the Deluge: Poland-Lithuania and the Second Northern War. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 71–72.*

цента Гонсевского не участвовала в описываемых событиях, так как оперировала севернее по Нареву), а также посполитое рушение ряда воеводств и союзный отряд крымских татар во главе с Субханом Гази-агой (около 2 000 человек). Seriously ослабленные шведы противопоставили этому союз с Бранденбургско-Прусским государством. Карл-Густав Шведский и курфюрст Фридрих-Вильгельм Бранденбургский договорились соединить свои войска и совместно атаковать Варшаву. Силы союзников составляли около 18 000 человек, примерно поровну между шведами и пруссаками. 17/27 июля армии короля и курфюрста соединились в лагере под Новым Двором (у слияния Вислы и Буга, совр. Новы-Двур) и на следующее утро двинулись правым берегом Вислы к Варшаве. Вечером 18/28 июля шведы были остановлены польскими фортификационными сооружениями, преграждавшими проход между рекой и лесом. 19/29 шведско-бранденбургская армия совершила фланговый маневр, обошла польские редуты и, выстроившись параллельно реке, начала теснить польско-литовские части к Висле, подвергаясь постоянным контратакам их конницы с фронта, а татарских сил — с тыла. В этот день произошла легендарная атака собранных в один кулак польских и литовских гусар под командованием князя Александра Полубенского, которую, как и прочие, союзникам удалось отразить благодаря дисциплине и огневому превосходству. На третий день шведы и бранденбуржцы взяли ключевые позиции на подступах к Праге, после чего польско-литовские силы начали отступление по трем направлениям: литовцы и татары — на север (литовские части отошли к Бресту-Литовскому, а татары присоединились к дивизии Гонсевского), ряд польских подразделений — вдоль правого берега Вислы на юг, а основные силы во главе с гетманами и королем — через наплавной мост к Варшаве, а затем, признав оборону города невозможной, на юг и, после переправы через Вислу, к Люблину. Потери сторон в точности не известны, но ясно, что шведско-прусская армия потеряла убитыми несколько сотен человек (скорее всего, около 400), а польско-литовско-татарские — около 2 000. В ночь на 21/31 июля Варшава сдалась и в нее был введен гарнизон. Добыча победителей оказалась невелика — большую часть обоза полякам удалось переправить и увезти, однако артиллерия почти вся досталась шведам⁸: точно известно о потере 39 пушек и мортир. Армия союзников оказалась слишком малочисленной и испытывала слишком серьезные трудности со снабжением, чтобы провести успешное преследование отступающих. Кроме того, курфюрст, не желавший полного торжества шведов, воспротивился дальнейшему походу. В итоге, столкнувшись с распространяющейся эпидемией, союзники уже в середине августа (нового стиля) вынуждены были отступить в Пруссию. Таким образом, несмотря на победу в сражении, шведы не сумели достигнуть перелома в войне; более того, неудача Речи Посполитой возбудила

⁸ *Nagielski M. Warszawa 1656... S. 211.*

в Европе опасения по поводу роста могущества Швеции, вследствие чего Голландия послала военную эскадру на Балтику, а в Вене стали всё больше склоняться к поддержке Польши.

Для российской внешней политики описанные события могли иметь большое значение. Вступив в войну со Швецией, направленную на завоевание Риги и остальной Ливонии, и согласившись на мирные переговоры с Речью Посполитой, на которых правительство Алексея Михайловича рассчитывало закрепить за собой завоевания 1654–1655 гг., Русское государство было заинтересовано в том, чтобы Ян-Казимир продолжал войну со Швецией и не заключил с ней сепаратного мира. Такая возможность беспокоила русских дипломатов, что видно по материалам мирных переговоров между русскими великими и полномочными послами и польско-литовскими комиссарами под Вильной, проходивших с августа по ноябрь 1656 г.⁹ Неудивительно поэтому, что большое внимание уделялось «проведыванию вестей», о чем агенты власти получали соответствующие распоряжения¹⁰. При этом великое посольство в Вильне, наряду с царским станом, двигавшимся вдоль Двины к Риге, играло роль своеобразного информационного центра, куда стекались многочисленные сведения о ситуации в Речи Посполитой. Наиболее важная информация пересылалась послами царю, причем гонец преодолевал расстояние между Вильной и Ригой чуть менее чем за две недели. Не всегда, однако, послы были пунктуальны: однажды известия, полученные 10 августа, они отправили лишь 20-го, а чтобы скрыть задержку, число «10» в документе переписали на «20»¹¹.

Представление сражения под Варшавой в информационном пространстве Западной Европы начало подробно исследоваться еще в середине XIX в. классиком прусской историографии И.-Г. Дройзеном¹². Распространение известий о Варшавской битве по Европе происходило быстро. Уже 1/11 августа о происшедшем, очевидно о первом дне сражения, стало известно в Митаве, надо думать, через Кёнигсберг¹³. Это дает основание предположить, что в Кёнигсберг доставлялись ежедневные депеши о битве. В Париж донесение о битве было отправлено по дипломатическим каналам 9 августа (нового стиля), но не приводится сведений, когда известие было

⁹ Об этих переговорах в контексте русской внешней политики лета — осени 1656 г. см.: *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи... С. 95–155.

¹⁰ См., напр.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1656 г. № 27. Л. 45. Отписка гродненского воеводы Б. Д. Апрелева великим послам: «Писали вы, государи, ко мне в Гродню, чтобы мне послать за Немонт реку и проведать про вести, что деетца промеж польским и свейским короли».

¹¹ Там же. № 25. Л. 121.

¹² *Droysen J. G.* Die Schlacht von Warschau... S. 350–373.

¹³ *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg.* Berlin: Georg Reimer, 1884. Bd. 8. S. 18.

получено¹⁴. В Гаагу письма из Варшавы с известием о шведской победе, отправленные 1 августа, пришли 20 числа того же месяца (всё — новый стиль)¹⁵. По горячим следам распространился целый ряд печатных сообщений о битве, исходивших от шведской и бранденбургской сторон, в том числе в составе газет того времени. Эти повествования подчеркивают успешные действия союзных армий и их конечную победу¹⁶. Еще Дройзен предположил, что, по обыкновению того времени, проигравшая сторона в своих сообщениях о битве должна была по возможности затушевывать свою неудачу; действительно, известия, исходившие от польской стороны, преуменьшали масштаб события и были направлены на опровержение преувеличенных слухов о потерях¹⁷.

Вопрос о том, как Варшавская битва отразилась в новостях, распространявшихся по Восточной Европе, то есть в Русском государстве, Великом княжестве Литовском и на Украине, еще не изучался. Ниже будут рассмотрены сообщения о Варшавской битве в порядке их получения представителями российской власти. Следует помнить, что, как уже указывалось, сохранность вестовых материалов заведомо не может быть стопроцентной, а значит, реальная осведомленность Москвы, скорее всего, была выше.

Для понимания контекста начать следует с известия 26 июля (нового стиля), переданного польско-литовскими комиссарами великим послам в Вильне 30 июля, которое уже указывало на вероятность близкого сражения. В нем сообщается, что шведская армия стоит недалеко от Варшавы, под Новым Двором, у шведского короля и бранденбургского курфюрста заключен договор о военном сотрудничестве, а к польскому королю на помощь пришли татары¹⁸. Это сообщение должно было задать рамки для восприятия великими послами последующих событий.

Первым, кто получил сведения собственно о происшедшей битве, был, что неудивительно, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин¹⁹, находившийся в тот момент в Митаве с дипломатической миссией при дворе курляндского герцога Якоба Кеттлера. Посол бранденбургского курфюрста барон Йонас-Казимир цу Эйленбург, направлявшийся к царю, сообщил

¹⁴ *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte...* Berlin: Georg Reimer, 1865. Bd. 2. S. 106.

¹⁵ *Ibid.* Berlin: Georg Reimer, 1877. Bd. 7. S. 64.

¹⁶ *Droysen J. G. Die Schlacht von Warschau...* S. 351, 354–355, 365–366. Тексты различных реляций см.: *Ibid.* S. 456–496, а также в: *Riese A. Die dreitägige Schlacht bei Warschau...* S. 198–201, 207–211.

¹⁷ *Nagielski M. Warszawa 1656...* S. 6–7; см. также: *Kubala L. Wojna brandenburska...* S. 25, 270.

¹⁸ *Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в.* / отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Гуманитарий, 2007. С. 148; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 88. Л. 17–21. Возможно, в действительности это сообщение основывалось на письме короля комиссарам от 22 августа (нов. ст.), с которым оно совпадает по содержанию, см.: *Kubala L. Wojna brandenburska...* S. 274, рг. 39.

¹⁹ Впоследствии боярин и руководитель Посольского приказа.

Ордину-Нащокину 4 августа очень кратко: «...писано-де к нему сего числа из Прус: швейской король побил польских людей, чают, что и Варшаву взял»²⁰. Если, как предположено выше, известие о событиях 18/28 июля пришло в Митаву 1/11 августа, то вполне соответствует тем же логистическим возможностям, что 4/14 августа ее достигла новость о событии 21/31 июля, когда шведско-бранденбургские войска вошли в Варшаву. Знаменательно, что «посол прусский» ни слова не сказал об участии своего курфюрста в сражении, что отражало стремление отмежеваться от шведов в глазах царя: целью посольства было договориться о нейтралитете Бранденбургско-Прусского государства в русско-шведском конфликте²¹. Сообщение Нащокина достигло царского лагеря 7 августа. Таким образом, между битвой и получением известия о ней царем прошло менее трех недель.

Следующее известие о сражении было получено также в Митаве, где находился по дороге в Пруссию дьяк Григорий Карпович Богданов²². 6 августа в беседе с ним курляндский канцлер Мельхиор фон Фелькерзам рассказал: «...у швейского короля и у курфюрста бранденбургского с польским королем бой был большой, а бились два дни да две ночи. А тот бой был от Воршавы в пяти милях меж реками Вислою и Бугом. И на том бою на обе стороны побито добре много. И поляки на третей день поля не здержали, от швейского короля и от курфюрста уступили»²³. Если результат битвы и ее длительность указаны верно (она началась вечером 28, а закончилась вечером 30 июля), то в определении расстояния от Варшавы ошибка едва ли не на порядок (если имеется в виду немецкая миля — около 7 км), наиболее жаркие схватки отстояли от города на 4–6 км. Еще более фантастично продолжение рассказа, согласно которому польские войска вновь собрались и осадили шведов и бранденбуржцев в их лагере. Это, несомненно, выдача желаемого за действительное, возможно, направленная на то, чтобы дистанцировать курфюрста в глазах царя от шведов²⁴. Интересно, что в эти же дни в Митаве был еще один русский дипломат, князь Даниил Ефимович Мышецкий, он, как и остальные, встречался с прусским послом, но в его статейном списке известий о Варшавской битве нет.

²⁰ РГАДА. Ф. 63 «Сношения России с Курляндией». Оп. 1. 1656 г. № 4. Л. 21. В немецком протоколе беседы зафиксированы лишь слова о взятии шведами Варшавы и оговорка, что точных сведений о деле еще нет: Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz (далее — GStA PK). I NA GR Rep. 11 Akten Nr 6541. Fol. 46v.

²¹ Прудовский П. И. Развитие русско-бранденбургских дипломатических отношений в середине XVII века // Россия и Пруссия в середине XVII века / сост. П. И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. С. 477–479. Аналогичную линию см. ниже в сообщении о битве от 27 августа.

²² Впоследствии один из судей Посольского и Разрядного приказов. О его посольстве см. там же. С. 473–476.

²³ Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1. С. 362.

²⁴ Прудовский П. И. Развитие русско-бранденбургских дипломатических отношений... С. 479–480.

В тот же день 6 августа новости достигли гродненского воеводы Богдана Демьяновича Апрелева, которому их рассказал присяжный еврей Марко Самойлов, живший в Крынках (к востоку от Белостока и чуть западнее современной польско-белорусской границы). По его словам, «был бой под Варшавой у польского короля с шведами июля в 31 день и августа в 1 день. И на том-де бою шведы польского короля ратных людей многих побили и королевского двора многих думных людей побили. Убит пан Хрептович, ротмистр гусарской и надворной хорунки; убит пан Обухович²⁵ и иныи-де многие побиты думные люди. И с тово-де бою польское и литовское войско розбежались, а король-де польской утек до Замосья. А как-де был бой у польского короля с шведским королем, и в те поры корунное войско с литовским промеж себя посварились и на бою корунное войско великополяна литовскому войску нисколь не послышались. И шведы-де их побили, литовское войско и крымских татар побили много, которые были при польском короле, и Варшеви-де шведы взяли июля в 31, а которые сидели польские люди в Варшеве, и тех-де швед всех посека наголову. А которые крымские люди, что от бою остались, и те-де крымцы побежали назат до Крыму. А шведское войско и князь пруской пошли тотчас за польским королем к Замосью». Воевода прокомментировал известие еврея следующим образом: «И я того не ведаю, впрям ли тот жид сказывал или солгал»²⁶. Если не считать мелких искажений, характерных для устной передачи (ошибка в датах, отправление татар в Крым), наиболее существенным мотивом, не соответствующим нашим знаниям о битве, является конфликт между литовским и коронным войском, который мы найдем и в ряде нижеследующих сообщений. 10 августа отписка была получена в Вильне великими послами, которые признали полученные сведения достойными всякого внимания и пересказали их в отписке царю, полученной им 2 сентября²⁷. Среди вестей, переданных Марком Самойловым, был шведский мирный ультиматум. Если бы потерпевший поражение Ян-Казимир склонился к урегулированию конфликта со Швецией, это поставило бы под угрозу мирные переговоры России и Речи Посполитой. Послы потребовали у комиссаров объяснений, и те заверили, что король выбирает мир с Россией, а не со Швецией²⁸. При этом в материалах виленских переговоров польско-литовские представители ничего не сообщают о сражении, но всегда, когда об этом заходит речь, стараются представить ход военных действий в выгодном для

²⁵ В битве участвовал воевода смоленский Филипп Обухович, замещавший больного гетмана Павла Сапегу. Он вывел отступающие литовские части к Бресту, где и умер 6 сентября (нов. ст.): *Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku posługujące, w dziennikach domowych Obuchowiczów i Cedrowskiego pozostałe* / Wyd. M. Baliński. Wilno: A. Ass, 1859. S. 53.

²⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 27. Л. 45-46.

²⁷ Там же. № 25. Л. 121-122.

²⁸ Русская и украинская дипломатия... С. 152.

польской стороны свете, хотя известно несколько писем, которыми король и сенаторы оперативно известили их о своем поражении²⁹.

7 августа в Вильну было доставлено письмо из Кёнигсберга от некоего Александра Леста, очевидно офицера-шотландца, адресованное полковнику на русской службе Юрию Энглису (Инглису) и датированное 3 августа н. ст. Судя по сообщаемым Лестом новостям, о Варшавской битве в Королевце еще не стало известно, но было ясно, что дело полным ходом идет к сражению: «Король свейской с войском стоит блиско Аршавы, да тут же стоит поблиску польского короля абоз в большом опасенье и беспрестани ждут поля. А брандбургской курфистр страдает о миру, чтоб учинити меж свейским и польским короли мир»³⁰. Хотя позиция курфюрста на тот момент описана неточно (при том что его принципиальная нацеленность на прекращение войны уловлена верно), в другом месте письма правильно оценивается сила шведской армии: «только у свейского войска своего опричь бранденбургского 8 тысяч». Общий итог письма — армия курфюрста соединена со шведской, но при этом он преследует отличные от шведов политические цели — соответствует действительности и показывает, что жители Кёнигсберга в целом адекватно представляли себе политику своего правителя.

В тот же день 7 августа в Вильне было получено еще одно известие о трехдневной битве. «На государево имя» из литовского войска выехал шляхтич Федор Моляцкий, рассказавший следующее: «Был-де у поляков с шведами бой под Варшавою, а на том-де бою был король польский Ян-Казимер, а с ним были полковники литовские Полубенской да Лукаш Халецкий и иные полковники. А с свейские стороны был король свейской, а с ним был курфистр брандбургской с князем Богуславом Радиевским и генералом Дуклесом и с ыными. А учинился-де бой по сю сторону Вислы недалеко от Праги <...> А как тот бой учинился в поле под Прагою и сошлись с обеих сторон войско польское и свейское, и сперва-де было счастье литовскому войску против шведов, и татары напали <...> и многих шведов побили. А после того в несколько дней по многих боях, на которых с обеих сторон немалые люди легли, учали шведы польского короля с войском побивать и назад их почали отгонять через Вислу, и там многих польских людей и татаров побито. А корунное войско, стоячи за Вислою под Варшавою, никакими мерами литовскому войску помочи не дали». Король и сорок рот коронного войска, которые шли на помощь литовскому войску, побежали за Вислу. Шведы взяли окопы, поставили 120 пушек (явное преувеличение), отбили польских людей от моста и от реки и взяли Варшаву без приступа³¹. Это сообщение несет на себе явные черты устной пере-

²⁹ Kubala L. *Wojna brandenburska...* S. 270; *Nagielski M. Warszawa 1656.* S. 214–215.

³⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 27. Л. 1–3; Ф. 210 «Разрядный приказ». Оп. 9. № 270. Л. 946–947.

³¹ Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 27. Л. 4–6.

дачи с присущими ей искажениями; в частности, смешаны два главных изменника того времени — перешедшие на шведскую сторону подканцлер коронный Иероним Радзеёвский и князь Богуслав Радзивилл. Обращает на себя внимание вновь появляющийся в этом рассказе мотив розни между поляками и литовцами.

Следующим по хронологии было сообщение комиссаров великим послам 12 августа, находившееся в полном согласии с их линией подчеркивать свои военные успехи: «...королевское-де величество ныне пошел за свейским королем, а свейской-де король от государя их, от королевского величества уходит»³². Учитывая, что только 8 августа (нов. ст.) союзники выступили из Варшавы, притом продолжая наступление на юг³³, рассказ комиссаров не мог основываться ни на каких реальных сообщениях.

В тот же день (12 августа) в Ковне воевода Сила Константинович Степанов узнал у еврея Абрама Моисеева, «слышачи от шляхты»: «...был-де у польского короля с свейским королем бой тому недели с две, и на том-де бою свейские люди польских побили многих людей, а бились-де с свейским королем одне польские люди, а литовские люди польскому королю не помогали, а помогли-де польскому королю и выручили крымские татаровя и побили у свейского короля крымские татаровя свейских людей больше того, что они, шведы, у польского короля». 13 августа ковенские евреи добавили к этому, что «польский король после боя из Варшавы пошел к Люблину с обозом, а гетман Сопега — под Бресть, а Гансевской — за Гродню в Новой Двор, а крымские-де татаровя пошли назад в Крым и польской полон поимали с собою многой. А свейской-де король ныне в Варшаве». 15 августа эти известия были получены великими послами, а 17-го — пересланы царю, который, очевидно, получил их в последних числах месяца³⁴. В этих сообщениях вновь возникает мотив польско-литовской розни, однако здесь отказываются сражаться уже не поляки, а литовцы. Впрочем, возможно, здесь нашел отражение лишь тот факт, что дивизия Гонсевского, действовавшая ближе всего к Ковне, не участвовала в битве. Обращает на себя внимание противоречие между декларируемым ходом битвы (более высокие потери шведов) и ее результатом (Варшава осталась за шведами, войска Речи Посполитой отступают в разные стороны). Очевидно, в Ковенский повет к этому моменту дошли лишь самые общие слухи о сражении, дополнявшиеся подробностями уже в пути.

27 августа бранденбургский посол, встречавшийся в Митаве с русскими дипломатами (см. выше), прибыл в осадный лагерь царя под Ригой и в беседе с думным дьяком Ларионом Дмитриевичем Лопухиным изложил события вокруг сражения следующим образом: «...то он ведает, что Варша-

³² Русская и украинская дипломатия... С. 152.

³³ *Herbst S. Trzydniowa bitwa pod Warszawą...* S. 328.

³⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 88. Л. 531об.-532; Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 27. Л. 52, 54об.

ва и Краков были во взятые за швейским королем, а после того слухом он слышал, что у польского короля с швейским королем был бой под Варшавою июля в 18 де(нь), и сперва-де было овладел Варшавою польской король, а после того вскоре у польского короля швейской король Варшаву взял и полских многих людей побил, и польской-де король с того бою з достальными людьми уступил в Люблин, и за польским королем швейской король хотел итти к Люблину ж. И курфистр-де их полскому и швейскому королем своими людьми не помогал, а оберегал своими ратными людьми рубеж свой и вперед никому помогать не хочет»³⁵. Немецкий протокол тех же переговоров звучит близко к этому: точно так же сражающимися сторонами названы только польский и шведский короли, упомянуто взятие Варшавы после боя и отступление Яна-Казимира к Люблину; но даты битвы даны по Григорианскому календарю, указано на ее продолжение в течение трех дней и не отмечено желание Карла-Густава преследовать поляков до Люблина. Особенно любопытно, что зафиксирован наводящий вопрос русского «канцлера»: «Стоял ли во время битвы курфюрст вместе со шведским королем?»³⁶ Это означает, что, хотя в большинстве приведенных выше сообщений не упоминалось об участии в сражении бранденбургского войска на стороне шведов, русское правительство приняло во внимание те из них, где это участие констатировалось или подразумевалось.

2 сентября, как уже говорилось, царь получил отписку великих послов, содержащую несколько сокращенный и отредактированный пересказ сообщения Богдана Апрелева от 6 августа, однако без какой-либо принципиальной правки³⁷.

Вышеприведенные известия, полученные (по меркам того времени) по горячим следам событий, можно назвать первым эшелон новостей. Следующий фрагмент, отстоявший от самого сражения примерно на два месяца, следует отнести ко второму эшелону, не формировавшему осведомленность правительства о текущих событиях, но лишь корректировавшему сложившиеся на первом этапе представления о внешнем мире.

28 сентября уже упоминавшийся дьяк Г. К. Богданов вернулся к царскому лагерю под Ригой, в который не был допущен из-за опасений, что может занести туда «морское поветрие». Его расспросили о ходе его посольства и о раздобытых им вестях «через огонь» и он сообщил следующее: «...тому-де ныне з 10 недель швейской король, а с ним было ратных людей конных и пеших 6 000, да с ним же был курфистр, а с ним ратных людей было з 9 000, всего с 15 000 человек, были в Варшаве, и под Варшавою у них с польским королем был бой. А с польским-де королем было ратных людей с 30 000 или с 40 000 человек. И меж собою из обозов стрелялись ис пушек

³⁵ Россия и Пруссия в середине XVII века... С. 77-78.

³⁶ GStA PK. I HA GR Rep. 11 Akten Nr 6541. Fol. 75v.

³⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 25. Л. 121-122.

три дни, а в четвертой день польской король уступил, потому что у него пехоты и пушек было мало и меж шляхтою совету не было и друг другу не помогали. А как-де польской король уступил, и свейской король и курфистр с ратными людьми хотели за ним итти в погоню, и в те-де поры свейскому королю и курфистру ведомо учинилось — польские языки говорили, что-де польской король с ратными людьми свейскому королю и курфистру уступили нарочно, чтоб свейской король и курфистр за польским королем зашел подале, для того что царского величества ратные люди с сорок тысяч из Вильни идут к польскому королю на помощь и хотят засесть дороги, куды свейскому королю и курфистру назад итти, и чтоб их обступя, с польским королем побить вместе. И свейской-де король и курфистр в погоню за польским королем не пошол»³⁸. По всей видимости, ко времени проезда Богданова через Пруссию, Жмудь и Курляндию уже достаточно широко распространились относительно точные фактические сведения о битве, которые он и воспроизвел; вместе с ними его информаторы передали ему слухи, отражавшие надежды на помощь России в деле освобождения Речи Посполитой от шведов. Скорее всего, источник слуха восходит к литовской шляхте, либо собственно жмудской, либо бежавшей туда от войны или пришедшей с отрядами литовского войска, так как если антишведские настроения в равной степени были распространены во всех трех названных регионах, то в Пруссии и Курляндии доминировали также тревога и страх перед русскими, а не надежды на них.

Нам остается разобрать еще два фрагмента, о которых нет точных сведений, когда они достигли царя и его приближенных, ясно лишь, что это не могло произойти раньше ноября-декабря. Эти известия можно отнести к третьему эшелону новостей, к новостям устаревшим, имеющим значение лишь с точки зрения возможных долговременных последствий.

29 сентября в Москву, в отсутствие царя, осаждавшего Ригу, в Разрядный приказ поступила отписка белгородского воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского. Тот получил в сентябре (число не указано) вести от Богдана Хмельницкого, среди которых имеется следующая, полученная якобы от крымского хана: «...король-де польской Ян-Казымер осадил было в Оршаве свейского караля полковника Витемборка и Оршаву было взял. И король-де свейской Густав приходил на обоз короля польского большим собраньем. И у короля-де польского с свейским королем был бой день с утра до вечера под Новым двором. А на другой-де, государь, день, король свейской короля польского збил, ляхов и татар, которые к нему приходили на помощь, многих побил и обоз и наряд взял. А наряду-де, государь, взял девяноста пушек больших. А король-де польской Ян-Казымер уступил под Люблин. А бой-де, государь, у короля польского с свейским королем был в августе месяце в первых числах»³⁹. Вполне вероятно, вопреки заявлениям

³⁸ Россия и Пруссия в середине XVII века... С. 373.

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 282. Л. 242.

гетмана, что эти вести он получил не из Крыма, а от самого Карла-Густава, который, как известно, после битвы писал Хмельницкому. Последний, конечно, не мог рисковать признаться в переписке с «государевым недругом». Такое происхождение известий может объяснить и отсутствие упоминаний о бранденбургском участии: шведам было выгодно приписать всю славу себе. По-видимому, это сообщение было принято к сведению в Разряде, но, судя по отсутствию помет, дальше не пошло и не было сообщено царю, неторопливо возвращавшемуся из похода из-под Риги.

Под 17 сентября в статейном списке стольника Афанасия Ивановича Нестерова, посланника к польскому королю, имеется запись его бесед с генеральным старостой жмудским Ежи-Каролом Глебовичем и другими шляхтичами, в которой суммируется их рассказ о Варшавской битве (без обозначения, к кому из собеседников восходят те или иные сведения). В Посольский приказ статейный список не мог попасть раньше декабря, поэтому практического значения для русского правительства содержащийся в нем рассказ о битве, надо думать, не имел. Однако, насколько мне известно, из существующих изложений трехдневного сражения, исходящих с литовской стороны, это самое подробное. Учитывая, что шведская, польская и прусская версии битвы уже давно введены в научный оборот, думается, этот текст заслуживает самого пристального анализа и публикации. Здесь же в связи с недостатком места придется дать лишь его краткий пересказ⁴⁰.

Помимо Глебовича авторами сообщения названы Ян Храповицкий, «которой был в Дорогобуже капитаном», и «королевской покоевой дворянин» Оборский. Битва в нестеровском пересказе происходит «в июле месяце перед Ильиным днем» (20 июля). В составе враждебной армии названы шведы, пруссаки, а также изменники — отряды коронной и литовской шляхты. Во главе армии находились шведский король, бранденбургский курфюрст и Богуслав Радзивилл, общая численность войска оценена в 25 тысяч человек, что лишь в какой-то мере соответствует действительности, и то если учесть подразделения, действовавшие на границах Восточной Пруссии. Указана численность литовского войска — 6 000 человек во главе с Полубенским, ошибочно названным Казимиром, и татарского контингента — 15 000 человек «и с обозными татарами», что, в отличие от количества литвинов, совершенно неправдоподобно. Подготовка польско-литовских сил к сражению описана следующим образом. Коронные силы во главе с королем располагались на левом, а литовцы и татары — на правом берегу Вислы. Узнав о приближении шведов, Ян-Казимир велел переправиться на правый берег польному гетману Станиславу Лянцкоронскому с шестью тысячами коронного войска, а затем и сам перешел реку, но не со всеми войсками. Сражение, длившееся три дня, развернулось под Прагой, участво-

⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 30. Л. 79–84. Эта часть статейного списка Нестерова была специально переписана в тетради, что показывает заинтересованность Посольского приказа в полученных известиях: там же. № 47 (начало не сохранилось).

вали в нем только литовские и татарские рати, а «коронные ратные люди, которые были с польским королем и 3 гетманы, стояли полками вправо, а литовским людем и крымским татаром на бою не помогали и с свейским королем не бились». Не участвовали в битве и те польские люди, которые остались на другом берегу. Причиной неучастия поляков названа их обида на литовцев, упрекавших их за измену королю в первое время вторжения шведов. Видя отказ поляков сражаться, Ян-Казимир разгневался и «пошел за реку Вислу и хохол у себя на голове драл». Шведы, видя, что поляки с ними не бьются, подвезли пушки, огнем которых «отбили» противника от Вислы и от моста. После этого литовцы с Полубенским ушли к Бресту, татары — вдоль реки к Люблину, а польский король по требованию сенаторов оставил Варшаву и также отступил к Люблину, имея с собой 5 тысяч человек «или больши». Потери литовцев составили 2 000 человек убитыми, татар — 3 000, поляков — 5 000 из числа тех, кто не переправился обратно на варшавскую сторону. Победу шведов собеседники Нестерова объяснили их превосходством в артиллерии, при котором любые атаки на них были бесполезны и вели лишь к напрасным потерям. При этом они утверждали, вопреки действительности, что у поляков пушек не было. Как мы видим, и в остальном приведенное изложение мало соответствует действительности. Помимо того что оно неверно передает ряд деталей, оно представляет поражение Речи Посполитой существенно более тяжелым, нежели оно было в действительности: и потери выше, и внутренние разногласия глубже, и способность противостоять противнику ниже⁴¹. Думается, подобная направленность рассказа указывает на то, что основным информатором Нестерова был не Глебович. Генеральный староста жмудский, сенатор-католик, он придерживался ориентации на Яна-Казимира и поддержание единства Речи Посполитой, а значит, во-первых, был хорошо осведомлен о битве благодаря корреспонденции с королем и сенаторами, а во-вторых, не должен был разделять настроений ожесточения против поляков, охвативших часть литовской шляхты. Вероятно, за сообщение информации Нестерову в описанном ключе в большей степени был ответствен кто-то из двух других названных им собеседников⁴², а может быть, кто-то из не упомянутой в статейном списке шляхты. В любом случае анализируемый текст несет в себе явные черты устного происхождения и по большей части основывается на распространявшихся среди литовской шляхты слухах.

⁴¹ Разителен контраст с сообщениями, исходившими от представителей Короны, преуменьшавшими масштаб неудачи. Например, по словам гданьского резидента при короле, это была «не битва, а наполовину упущенная победа» (*Droysen J. G. Die Schlacht von Warschau... S. 494*).

⁴² Что не слишком вероятно, если Ян Храповицкий — это автор известного дневника, славный своей лояльностью Речи Посполитой; что до Оборского, то его служба в свите короля также делает его плохим кандидатом для высказывания антипольских настроений.

Мотив антагонизма между польской и литовской шляхтой, возникавший в изученных сообщениях, очевидно, должен быть признан существенной частью общественных настроений, распространявшихся в тот момент в политически активных кругах Великого княжества Литовского. Этот мотив мог иметь фактическое основание — часть польского посполитого рушения разошлась по домам еще до битвы⁴³. Именно эти подразделения могли подразумеваться под «поляками», отказавшимися переправляться через Вислу на бой. Однако, учитывая, что коронные и литовские интересы издавна противоречили друг другу по многим вопросам (что было ясно еще с бескоролевий XVI в.) и что в условиях «Потопа» значительная часть литовской шляхты предпочла жизни в изгнании возвращение в свои маестности ценой службы царю, не вызывают удивления сходные настроения и в среде шляхты, по-прежнему связывавшей свои судьбы с Речью Посполитой. Несомненно, проигранное генеральное сражение, перечеркнувшее надежды на быстрый конец войны, при неизбежных поисках виновных должно было обострить старые противоречия и вызвать ожесточение против шляхетского народа Короны, не пришедшего на помощь Литве во время недавнего нашествия «Москвы».

Итак, известия о Варшавской битве попадали в руки царского правительства от иностранных дипломатов, присяжных литовских евреев, литовской шляхты, Богдана Хмельницкого. Нельзя исключать, что до России дошли какие-то печатные вестовые материалы из Западной Европы; в сохранившихся курантах (и оригиналах, и переводах) нет сведений о трехдневном сражении, но сохранность таких материалов для этих лет крайне неудовлетворительна. Характер сообщений дипломатов прямо продиктован интересами, которые они призваны были защищать. Официальные представители Речи Посполитой хранили о неблагоприятном для них событии глубокое молчание. Бранденбургский посол старался распространяться о сражении как можно меньше, чтобы не выдать участия в ней своего курфюрста. Курляндский канцлер стремился представить дело в невыгодном для шведов и благоприятном для курфюрста свете. При том что дипломаты регулярно получали корреспонденцию из гуши событий и относились к наиболее информированным носителям новостей, их известия с точки зрения подробностей малоинформативны. Однако сам официальный характер их источников (как бы некоторые, а именно Эйленбург, от этого ни отрекшались) придавал их лапидарным сообщениям достоверность. Так же должно было восприниматься и сообщение Богдана Хмельницкого, если бы оно пришло не в Москву, а под Ригу. Остальные сообщения исходят от представителей литовской шляхты или, как известия евреев, восходят к ним. Среди них нет ни одного свидетельства очевидца. Все они отражают распространившиеся в этой среде слухи, но при этом сохраняя-

⁴³ *Kubala L. Wojna brandenburska... S. 6.*

ют фактическое ядро. Часть слухов носит компенсационный характер и в этом сближается со слухами, инспирированными самим руководством Речи Посполитой, чтобы сгладить негативное впечатление от поражения⁴⁴. Другие, напротив, отражают разочарование литовской шляхты в союзе с Польшей. Конфликт между польской и литовской частями шляхетской армии, настойчиво возникающий в сообщениях информаторов, столь же хорошо подтверждаемые разными источниками факт битвы и ее результат, а также, как мы видели, участие на шведской стороне бранденбургского курфюрста — именно эти аспекты из массива поступающих новостей должны были стать в глазах царя и его окружения зернами достоверной информации. Учитывая активное участие царя Алексея Михайловича в руководстве внешней политикой, апогеем чего было его личное присутствие в «государевых походах» 1654–1656 гг., и критически важное значение для судьбы его завоеваний, которое имели известия с театров военных действий, не подлежит сомнению, что он в той или иной форме знакомился с получаемыми «вестями»⁴⁵, которые, таким образом, и попадали в тот информационный фон, о котором говорилось в начале статьи. Важно отметить, что существенным фактором, облегчавшим получение новостей, было не просто наличие русской власти в Великом княжестве Литовском, но присутствие в Вильне полномочных представителей царя — великих послов, активно занимавшихся сбором информации.

Рассмотренные известия имеют значение не только для оценки информированности русского правительства. Состав литовской армии известен нам очень плохо⁴⁶, поэтому данные литовских информаторов об участвовавших в битве командирах могут оказаться ценными. Важны и данные о социально-психологическом состоянии литовской шляхты. Если оценки проигранного сражения со стороны ряда польских деятелей известны, то взгляд литовского общества на трагические события трех дней Варшавской битвы был практически не известен. Думается, приведенный материал послужит источником по истории общественных настроений и «*opinii*» (общественного мнения) Великого княжества Литовского по определяющим само существование этого государственного образования вопросам отношения к союзу с Польшей и к власти царя над Литвой.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА):

Ф. 63 «Сношения России с Курляндией». Оп. 1. 1656 г.

Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1656 г.

Ф. 210 «Разрядный приказ». Оп. 9.

⁴⁴ *Herbst S. Trzydniowa bitwa pod Warszawą...* S. 328; *Nagielski M. Warszawa 1656.* S. 214.

⁴⁵ См. также: *Шамин С. М. Куранты XVII столетия...* С. 81–82.

⁴⁶ *Herbst S. Trzydniowa bitwa pod Warszawą...* S. 304; *Nagielski M. Warszawa 1656.* S. 244.

Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz (GStA PK):

I HA GR Rep. 11 Akten Nr 6541.

Россия и Пруссия в середине XVII века / сост. П. И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг.

Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. / отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Гуманитарий, 2007.

Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku posługujące, w dziennikach domowych Obuchowiczów i Cedrowskiego pozostałe / wyd. M. Baliński. Wilno: A. Ass, 1859.

Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg / hrsg. von B. E. Simson. Berlin: Georg Reimer, 1865. Bd. 2.

Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg / hrsg. von B. Erdmannsdörffer. Berlin: Georg Reimer, 1877. Bd. 7.

Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg / hrsg. von B. Erdmannsdörffer. Berlin: Georg Reimer, 1884. Bd. 8.

Литература

Прудовский П. И. Развитие русско-бранденбургских дипломатических отношений в середине XVII века // Россия и Пруссия в середине XVII века / сост. П. И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. С. 449–517.

Флоря Б. Н. От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // Kwartalnik Historyczny. 2003. Rocznik 110. № 2. S. 25–49.

Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010.

Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011.

Carlson F. F. Sveriges historia under konungarne af Pfalziska huset. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, kongl. boktryckare, 1855. D. 1.

Droysen J. G. Die Schlacht von Warschau 1656 // Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1863. Bd. 4. S. 347–496.

Englund P. Den ööverninnerlige: Om den svenska stormaktstiden och en man i dess mitt. Stockholm: Atlantis, 2000.

Frost R. After the Deluge: Poland-Lithuania and the Second Northern War. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Herbst S. Trzydniowa bitwa pod Warszawą 28–30 VII 1656 r. // Wojna polsko-szwedzka 1655–1660 / red. J. Wimmer. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1973. S. 296–330.

Kubala L. Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i sp.; Warszawa: Gebethner i Wolf, s. a. [1917].

Nagielski M. Warszawa 1656. Warszawa: Bellona, 1990.

Riese A. Die dreitägige Schlacht bei Warschau 28., 29. und 30. Juli 1656. Breslau: Verlag von Max Mälzer, 1870.

Waugh D. C., Maier I. Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context. Seattle; Uppsala: Research Works at the University of Washington Libraries, 2023. DOI: <https://doi.org/10.6069/XCSQ-BF71>

References

- Carlson, F. F., 1855. *Sveriges historia under konungarne af Pfalziska huset*. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, kongl. boktryckare. Vol. 1.
- Droysen, J. G., 1863. Die Schlacht von Warschau 1656. *Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*, 4, pp. 347–496.
- Englund, P., 2000. *Den öövertvinnerlige: Om den svenska stormaktstiden och en man i dess mitt*. Stockholm: Atlantis.
- Floria, B. N., 2003. From the Deluge to Vilna. Russian Politics towards the Polish-Lithuanian Commonwealth 1655–1656. *Kwartalnik Historyczny*, CX (2), pp. 25–49. (In Russian).
- Floria, B. N., 2010. *The Russian State and Its Western Neighbours (1655–1661)*. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Frost, R., 1993. *After the Deluge: Poland-Lithuania and the Second Northern War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Herbst, S., 1973. Trzydniowa bitwa pod Warszawą 28–30 VII 1656 r. In: J. Wimmer, ed., 1973. *Wojna polsko-szwedzka 1655–1660*. Warsaw: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, pp. 296–330.
- Kubala, L., s. a. *Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657*. Lwów: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i sp.; Warsaw: Gebethner i Wolf.
- Nagielski, M., 1990. *Warszawa 1656*. Warsaw: Bellona.
- Prudovsky, P. I., 2013. The Development of Diplomatic Relations between Russia and Brandenburg in the Middle of the Seventeenth Century. In: P. I. Prudovsky, ed., 2013. *Russia and Prussia in the Middle of the Seventeenth Century*. Moscow: Drevlekhranilishche. Vol. 1: *Ambassadorial Book of the Relations between Russia and Brandenburg-Prussia 1649–1671*, pp. 449–517. (In Russian)
- Riese, A., 1870. *Die dreitägige Schlacht bei Warschau 28., 29. und 30. Juli 1656*. Breslau: Verlag von Max Mälzer.
- Shamin, S. M., 2011. *Kuranty of the Seventeenth Century: European Press in Russia and the Emergence of Russian Periodical Press*. Moscow; Saint Petersburg: Alians-Arkheo. (In Russian)
- Waugh, D. C., Maier, I., 2023. *Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context*. Seattle; Uppsala: Research Works at the University of Washington Libraries. <https://doi.org/10.6069/XCSQ-BF71>

ПРОБЛЕМА ВЫПЛАТЫ СЕРБСКОГО ДОЛГА РОССИИ ПО ЗАЙМУ 1876 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ)

Денис Игоревич Никифоров

Кандидат исторических наук,
независимый исследователь
Почтовый адрес: Москва, Россия
Электронный адрес: denisen1@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1580-6707

Аннотация

В статье рассматриваются действия Сербии по выплате долга Российской империи по займу 1876 г. Рассматриваются все этапы сношений Российской империи в части выплаты долга и то, какие обстоятельства влияли на перенос срока выплаты. В 1876 г. в период сербско-турецкой войны Сербия заключила договор о займе с тремя российскими банками. К 1890 г. сложились основные долговые обязательства Сербии перед Российской империей, которые включали долг по займам 1867, 1876 гг. и по кредиту 1890 г. Основываясь на материалах Архива внешней политики Российской империи, автор делает вывод, что российские дипломаты способствовали рассрочке сербского долга, а вопрос его выплаты был напрямую связан с улучшением русско-сербских отношений. Добившись независимости, Сербия оказалась в ситуации, когда обязательства по строительству железных дорог, военные приготовления, а также институциональные преобразования требовали дополнительного финансирования. Среди причин, повлиявших на возможность выплат по займу 1876 г., автор выделяет краткосрочные займы, а также бюджетный дефицит, который Сербия смогла преодолеть только в 1903 г. Политические и экономические проблемы Сербии в период с 1878 по 1903 г. привели к тому, что Сербия не могла выплатить долг Российской империи вплоть до 1911 г. Улучшение экономических условий в Сербии позволило заключить договор о займе с французским банковским синдикатом и впоследствии полностью закрыть долговые обязательства перед Российской империей.

Ключевые слова

Сербский заем 1876 г., долговая история Сербии, финансовая политика Сербии, русско-сербские отношения, внешняя политика Сербии

Статья поступила в редакцию 28 сентября 2024 г.

Статья доработана автором 1 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Никифоров Д. И.* Проблема выплаты сербского долга России по займу 1876 г. (по материалам российских дипломатических документов) // *Славянский мир* в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 28–45. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.02>

THE ISSUE OF SERBIA'S REPAYMENT OF DEBT TO RUSSIA ON THE LOAN OF 1876 (BASED ON RUSSIAN DIPLOMATIC DOCUMENTS)

Denis I. Nikiforov

Ph. D., independent researcher
Postal address: Moscow, Russia
E-mail: denisen1@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1580-6707

Abstract

The article analyses Serbia's actions regarding the repayment of its debt to Russia under the Loan Agreement of 1876. The author examines all stages of Russian-Serbian relations concerning the repayment of this debt, as well as the circumstances that impacted the postponement of payment deadlines. In 1876, during the Serbian-Turkish War, Serbia entered into a loan agreement with three Russian banks. By 1890, Serbia's main debt obligations to Russia included debts from the loans of 1867, 1876, and a credit agreement from 1890. The question of debt repayment was connected to the improvement of Russian-Serbian relations, as Russian diplomats consistently agreed to defer payments on loans, including the one from 1876. After gaining independence, Serbia found itself in a situation where obligations related to railway construction, military preparations, and institutional reforms required additional financing. The author highlights the presence of short-term loans and a budget deficit, which Serbia was only able to overcome by 1903. The political and economic challenges faced by Serbia resulted in the country being unable to repay its debt to Russia until 1911. However, the improvement in economic conditions eventually allowed the state to enter into a loan agreement with a French banking syndicate, which enabled Serbia to fully settle its debt obligations to Russia.

Keywords

Serbian loan of 1876, debt history of Serbia, financial policy of Serbia, Russian-Serbian relations, foreign policy of Serbia

Received 28 September 2024

Revised 1 November 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Nikiforov, D. I., 2024. The Issue of Serbia's Repayment of Debt to Russia on the Loan of 1876 (Based on Russian Diplomatic Documents). *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 28–45. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.02>

В начале 1876 г. Сербское княжество вступило на путь подготовки к войне с Османской империей. Осознавая свои возможности, сербское правительство искало пути финансирования военных приготовлений, для чего уже летом 1876 г. был заключен договор с тремя российскими банками. Добившись независимости по результатам Берлинского конгресса 1878 г., Сербия столкнулась с вызовами, которые ставили под вопрос своевременность выплат по долговым обязательствам. Оказавшись в состоянии перманентного дефицита, Сербия десятилетиями не могла закрыть долг, взятый еще в период Восточного кризиса. В этой связи немаловажным аспектом истории развития сербской государственности остается ее долговая политика. Еще в 1906 г. сербский экономист и политик Владимир Йованович касался данной проблематики в своей статье¹. Описывая долговые обязательства Сербии, он отмечал, что Сербия должна перестать переводить свои иностранные займы в долги и должна систематически работать, чтобы освободиться от материальных обязательств². Его сын, известный историк и государственный деятель Слободан Йованович, в своей трехтомной биографии Милана Обреновича также рассматривал некоторые аспекты, касающиеся формирования долговых обязательств в начале пути Сербии как независимого государства³.

Среди работ, посвященных истории сербских долгов, стоит выделить работу Милана Недельковича, которая была опубликована в 1909 г. При том что в данной работе подробно разобрано, какие долги числились за Сербией до указанной даты, стоит заметить, что вопрос погашения долгов перед Российской империей не мог быть исследован автором в том числе и потому, что сам автор опубликовал работу за два года до выплаты. Отдельно стоит выделить работы Драганы Гнятович, в рамках которых была рассмотрена кредитная политика Сербии⁴. Проблемам русско-сербских экономических отношений посвящены работы Николы Поповича. Автор рассматривал историю торговых отношений между Сербией и Россией, а также исследовал проблему российских займов Сербии в XIX в.⁵

¹ *Јовановић В.* Ера страних зајмова у Србији // *Јовановић В.* Изабрани списи. Београд: Службени гласник, 2011.

² *Ibid.* С. 483.

³ *Јовановић С.* Влада Милана Обреновића. Београд: Геца Кон, 1934. Књ. 3. С. 526.

⁴ *Gnjatović D.* Foreign Long Term Government Loans of Serbia 1862–1914 // *Proceedings of the Fourth Annual SEEMHN Conference.* Belgrade, 2009. P. 1–21. URL: https://www.nbs.rs/export/sites/NBS_site/documents/publikacije/konferencije/seemhn_conf/SEEMHN_2_Dragana_Gnjatovic.pdf (дата обращения: 16.09.2023); *Eadem.* Stari državni dugovi. Prilog ekonomskoj i političkoj istoriji Srbije i Jugoslavije 1862–1941. Beograd: Ekonomski institut, 1991.

⁵ *Поповић Н. Б.* Срби и руси у изазовима историје (19–20. век). Београд: Фондација «Александар Невски», 2023; *Idem.* Трговина између Србије и Русије (19. век) // *Руски добровольци у Србији 1876.: тематски зборник радова / гл. и одг. уред. А. Ј. Тимофејев.* Београд: Графо Сан, 2022. С. 131–167. <https://doi.org/10.31168/7576-0472-5-8>

Несмотря на то что интерес к истории финансовой политики Сербии значительно вырос, история сербских займов до сих пор изучена фрагментарно.

В исследовании использованы материалы Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). В фонде 166 «Миссия в Белграде» содержатся материалы, касающиеся вопроса выплаты сербского долга по займам, в том числе и по займу 1876 г. В деле № 101 представлены входящие и исходящие письма, доверительные отношения и телеграммы, в которых рассматривается проблема выплаты долга. Стоит выделить справочную записку 1910 г. о сербских долгах от Министерства финансов Российской империи. В документе приводится подробная информация о выплатах Сербии и то, в какой период Сербия просрочила их⁶.

В рамках данной работы на основании материалов АВПРИ будет рассмотрено то, как выплачивался долг по займу 1876 г. К моменту выплаты в 1911 г. за Сербией числились и другие задолженности, обязательства по которым будут рассмотрены в контексте выплаты долга по займу 1876 г.

* * *

До 1876 г. Сербия имела долговые обязательства перед Российской империей. Так, в 1867 и 1868 г. Сербия взяла кредит у государственного казначейства Российской империи в 200 000 червонцев и до 1876 г. исправно выплачивала его. В 1873 г. посольство в Вене писало в Консульство в Белграде о исправном получении 17 999 червонцев по займам 1867 и 1868 г.⁷

В 1876 г. Сербия попыталась взять кредит в Московском купеческом обществе взаимного кредита. 19 мая 1876 г. министр иностранных дел Сербского княжества Йован Ристич (1831–1899) писал в российское консульство: «Мой коллега из финансового департамента сообщил мне, что российская компания “Московское общество взаимного кредита” сообщила ему, что она была бы готова предоставить определенную сумму займа сербскому правительству, но по условиям закона она не может сделать это без одобрения императорского правительства. Я пришел воззвать к вашей крайней доброте, попросив вас прийти и выполнить необходимые действия, чтобы компания получила необходимое одобрение и проинформировала меня о результате»⁸. Тем не менее кредит у московского общества получить не удалось, и летом 1876 г. Сербское княжество заключило договор с тремя российскими банками: Санкт-Петербургским Международным коммерческим, Русским для внешней торговли и Волжско-Камским коммерческим банками⁹. Со вре-

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 282–284.

⁷ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 178. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 34.

⁹ О том, как Сербское княжество заключило договор займа с банками Российской империи в 1876 году, см.: *Никифоров Д. И.* Финансовая политика Сербского княже-

менем Государственный банк выкупил 6 % облигации Сербии на сумму 1 836 405 руб. Как указано в справке о долговых обязательствах сербского правительства, подготовленной министерством финансов Российской империи: «Подписка на Сербский заем успеха не имела. Ввиду сего, последовало Высочайшее соизволение на оставление Государственным Банком за свой счет облигаций Сербского займа на сумму числившегося за частными банками долга по открытому им Государственным банком кредиту. На этом основании Государственный банк приобрел 122 427 штук 6 % облигаций на сумму <...> 1.836.405 рублей»¹⁰.

По результатам Берлинского конгресса Сербия получила независимость, но также и долговые обязательства. В соответствии со статьей 42 Сербия «обязана нести на себе часть оттоманского государственного долга за новые территории, присужденные ей настоящим трактатом, <...> представители держав в Константинополе, вместе с Блистательной Портой, определяют размер этой части на справедливых основаниях»¹¹. Помимо этого, согласно 38-й статье Берлинского трактата 1878 г., Сербия брала на себя обязательства перед Австро-Венгрией и Обществом по эксплуатации железных дорог европейской Турции по строительству, соединению и эксплуатации железных дорог.

Помимо того что Сербия взяла на себя обязательства по результатам Берлинского конгресса, она столкнулась с необходимостью вооружения и военной реорганизации, развития административных и коммунальных институтов, что также требовало инвестирования дополнительных средств в экономику государства и дополнительных займов¹². Д. Гнятович в своем исследовании отмечала, что с Берлинского конгресса до начала Первой мировой войны Сербия взяла 23 долгосрочных государственных займа. Экономические трудности, с которыми столкнулась Сербия, также сказывались на выплате долга Российской империи по займу 1876 г.

Период 80-х гг. XIX в. оказался тяжелым для Сербии с экономической точки зрения: в 1882 г. Скупщина провозгласила Сербию королевством, в 1883 г. после выборов вспыхнуло Тимокское восстание, в 1885 г. началась сербско-болгарская война, которая требовала затрат на вооружение. Помимо этих вызовов перед сербским правительством стоял вопрос государственного развития Сербии, которое также требовало финансирования. Это отражалось на работе правительства: за 10 лет в Сербии сменилось 10 составов правительства. Подобная турбулентность сказывалась на экономической и финансовой стабильности Сербии.

ства накануне сербско-турецкой войны. 1875–1876 годы // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 23–33. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0025843-0>

¹⁰ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 282.

¹¹ Берлинский трактат. 1 (13) июля 1878 года // *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб: типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1888. Т. 8. С. 668.

¹² *Gnjatović D.* Foreign Long Term... Р. 2.

В 1880 г. Сербия заключила железнодорожную конвенцию с Австро-Венгрией, по которой, в соответствии с 38-й статьей Берлинского трактата, брала на себя обязательства по безотлагательному строительству до июня 1883 г. железной дороги с железнодорожными ветками до Вране и Пирота¹³. Эта конвенция была заключена еще в период работы правительства Й. Ристича. Сформированное в ноябре 1880 г. правительство Милана Пирочанца (1837–1897) также активно занималось реализацией строительства железных дорог и поисков займа. В апреле 1881 г. между Сербией и Австро-Венгрией была заключена конвенция. По договору Сербия упрощала ввоз австрийских промышленных товаров, а Вена — сербской сельскохозяйственной продукции¹⁴. Как отмечает Светлана Ивановна Данченко, договор предоставлял условия для развития экономики и торговли Сербии и отвечал интересам крестьян, вывозивших сельскохозяйственную продукцию на рынки Австро-Венгрии, но только в случае благоприятных отношений с ней¹⁵. В обратном случае Вена использовала торговые договоренности как рычаг политического давления, закрывая возможности для сербского экспорта¹⁶. До середины 80-х гг. XIX в. 87 % всех вывезенных из Сербии товаров было отправлено в Австро-Венгрию либо через нее в другие страны¹⁷. Торговля с соседними странами не предоставляла таких же возможностей, как торговля с Австро-Венгрией¹⁸.

После Берлинского конгресса 1878 г. политическое и экономическое влияние Российской империи уступало Австро-Венгрии. Причины утраты влияния Петербурга на Сербию заключались в том, что Российская империя имела крайне слабые экономические позиции на Балканах¹⁹. Как отмечает отечественный историк Ярослав Валерианович Вишняков, товарооборот с Россией практически сошел на нет: экспорт товаров из Сербии в Россию отсутствовал вообще, а ввоз российских товаров в страну составлял суммы в 493 362 фр. в 1884 г. и 796 071 фр. в 1885 г.²⁰ Несмотря на это,

¹³ *Недельковић М.* Историја српских државних дугова од 1867–1895 год. Београд: Штампарија «Штампе» Стеве М. Ивковића и комп., 1909. С. 27.

¹⁴ *Пархоменко Д. В.* Австро-сербский торговый договор 1881 г.: рабство или модернизация? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1014.

¹⁵ *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 74.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Вишняков Я. В.* Сербия в экономической стратегии Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 182. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-179-190>.

¹⁸ *Пархоменко Д. В.* Австро-сербский торговый договор... С. 1016.

¹⁹ *Данченко С. И.* Сербский вопрос в царствование Александра III // Имперский дом Романовых и Балканы / отв. ред. В. Б. Каширин. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 211.

²⁰ *Вишняков Я. В.* Сербия в экономической стратегии... С. 182.

Петербург не хотел сдавать свои позиции в Сербии и, используя русофильские настроения сербского народа, старался задействовать «мирные» средства влияния²¹. В пользу укрепления русско-сербских отношений выступал сербский народ и отдельные представители сербской политической элиты. В поддержку союза с Австро-Венгрией выступал сам сербский правитель Милан Обренович, стремившийся заручиться политической поддержкой Вены. Эта дихотомия также накладывалась на противостояние двух сербских династий — Обреновичей и Карагеоргиевичей. На это обращает внимание отечественный историк Петр Ахмедович Искендеров: «Столкновение двух внешнеполитических ориентаций Сербии — на Австро-Венгрию и Россию — дополнялось персональным противостоянием по линии двух династий в самой Сербии, олицетворявших два вышеуказанных направления...»²² Говоря о причинах ослабевающего влияния России, С. И. Данченко выделяет «усиление влияния иностранного капитала, захватывающего командные позиции в экономике молодых балканских государств»²³.

В 1881 г. Сербия заключила конвенцию с парижским банкирским домом «Юнион Женераль» (фр. *Union Générale*), возглавляемым Эженом Бонту (1820–1904), о строительстве железных дорог. Как писал в своей статье В. Йованович, именно с этого займа началась «эра иностранных займов в Сербии»²⁴. Э. Бонту был непосредственно связан с правительством Австро-Венгрии. Как отмечает Андрей Леонидович Шемякин, переговоры между сербским правительством и французской фирмой начались по инициативе Вены и, «видимо, вследствие этого они на удивление быстро и успешно завершились»²⁵. Занимавший пост министра финансов Чедомиль Миятович (1842–1932) отмечал, что существовали «личные связи австро-венгерского правительства с основателем большого и богатого римско-католического банка в Париже, известного под именем “Юнион Женераль”. Зная, что “Юнион Женераль” получает каждый день новые огромные денежные депозиты от римско-католических монастырей и других организаций во Франции и оттого располагает колоссальным капиталом, австро-венгерское правительство позвало г-на Бонту из Парижа в Вену и убедило его основать крупный банк, известный под именем Лендербанк, с задачей заниматься финансовой работой не только в Австро-Венгерской монархии, но главным образом в балканских странах»²⁶.

²¹ Данченко С. И. Сербский вопрос... С. 212.

²² Искендеров П. А. Сербия: в поисках внешней опоры (1878–1903 гг.) // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 95.

²³ Данченко С. И. Сербский вопрос... С. 211.

²⁴ Йовановић В. Ера страних зајмова... С. 469.

²⁵ Шемякин А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М.: Индрик, 1998. С. 173.

²⁶ Миятович Ч. Успомене. Београд: Радио телевизија Београд, 2008. С. 293.

Сам Э. Бонту, описывая события в своих мемуарах, писал: «Я думал о других делах в Сербии, которые так и не успели осуществиться. Я хотел показать, что мощный финансовый институт, каким был “Юнион Женераль”, работая над развитием новой страны, коей была тогда Сербия, может обеспечить большое вознаграждение за свою помощь, одновременно обогащая нацию <...> Наконец, необходимо было, поселившись в Вене, прочно обосноваться и в Белграде и получить доступ к сербской железнодорожной сети, чтобы затем иметь возможность сделать решительный шаг в реализации того, что я назвал Восточной программой “Юнион Женераль”»²⁷. Будучи президентом Всеобщего союза, Э. Бонту был заинтересован в продвижении на парижских биржах облигаций Балканских государств, которые брали на себя обязательства строительства железных дорог²⁸.

В соответствии с конвенцией 1881 г. Сербия брала 5-процентный кредит на строительство железных дорог и заключала договор об их строительстве и эксплуатации. Уже в начале 1882 г. «Юнион Женераль» был объявлен банкротом, и Сербия заключила сделку с банком «Комтуар д’Эсcont де Пари» (фр. *Comptoir d’Escompte de Paris*) и взяла у него еще два 5-процентных займа на строительство железных дорог в 1885 и 1886 г., а также два 4,5-процентных займа у французского банковского синдиката в 1906 и 1909 г.²⁹

Осенью 1883 г. было сформировано правительство Николы Христича, которое продержалось до парламентских выборов. В феврале 1884 г. был сформирован новый кабинет министров Милутина Гарашанина (1843–1898). Как отмечал С. Йованович, новое правительство получило в наследство долг в размере 13 487 826 динаров, а к сентябрю 1884 г. к этой сумме прибавился долг по плавающей процентной ставке в размере 9 288 115 динаров. Помимо этого, государственная касса имела другие долговые обязательства, требовавшие немедленной выплаты³⁰. В этой связи 22 сентября 1884 г. был заключен договор о займе с «Комтуар д’Эсcont» и «Лендербанком» (нем. *Länderbank*) на сумму 40 270 000 динаров. В сербской историографии этот заем принято называть «золотая рента» или «сербская рента» из-за крайне невыгодного для Сербии курса. Полученные в результате займа деньги были использованы на выплату по долговым обязательствам, взятым на военные расходы, и на выплату по долгам с плавающей процентной ставкой³¹.

Отдельно стоит выделить финансирование военных расходов. В 1882 г. Сербия взяла 5-процентный кредит на вооружение у венского англо-австрийского банка. 25 июня 1890 г., в период регентства короля А. Обре-

²⁷ Bontoux E. *L’Union Generale: sa vie, sa mort, son programme*. Paris: Nouvelle librairie parisienne, 1888. P. 62.

²⁸ Gnjatović D. *Foreign Long Term...* P. 3.

²⁹ Ibid. P. 3–4.

³⁰ Јовановић С. *Влада Милана Обреновића*. С. 178.

³¹ Там же. С. 180.

новича, Государственный банк открыл сербскому правительству кредит в сумме до 1 000 000 руб. «для уплат по заказам в России военных принадлежностей»³². 30 июня 1890 г. был заключен особый договор, по которому сербское правительство обязалось уплачивать в счет суммы этого кредита проценты в размере 6 % годовых. Погашение долга должно было осуществляться каждые полгода, до 20 декабря и 19 июня, взносами, равными 350 000 франкам. В случае просрочки Сербия обязывалась выплачивать пеню в 3 % годовых на внесенные в срок суммы³³.

Исправное исполнение такого обязательства сербское правительство обеспечило ежегодными поступлениями добавочного налога в 6 %. 14 апреля 1890 г. этот налог был вотирован Скупщиной и утвержден Регентским советом³⁴. Государственный банк произвел за счет сербского правительства платежи по сделанным оборонным заказам на сумму 688 529 руб. 96 коп. Свободный остаток открытого кредита был зачтен банком в пополнение ближайших срочных платежей по долгу³⁵.

Говоря о долгах, мы можем предположить, что в этот период Сербия не могла системно организовать выплату по краткосрочным и долгосрочным долговым обязательствам, что существенно сказывалось на бюджете страны. Так, Сербия столкнулась с перманентным дефицитом бюджета. Стремление выкупить монополии, которые закладывались Сербией в счет долговых обязательств, общественные потребности, а также бюджетный дефицит в течение многих лет частично финансировались за счет иностранных кредитов³⁶.

Новые вызовы, стоявшие перед Сербией как независимым государством, осложняли выплаты долга перед Российской империей. В соответствии со справкой Министерства финансов Российской империи, уже к 1881 г. проценты по долгу перед Российской империей составляли 486 647 руб. 32 коп.³⁷ Средства по долгу поступали на сроки с 1882 по 1889 г. и включили всего 1 028 386 руб. 80 коп. 30 января 1881 г. Сербия запросила освобождение от взыскания невыплаченных Государственному банку процентов и попросила предоставить возможность произвести погашение капитального долга в течение 26 лет³⁸. По этой схеме погашения долга Сербия должна была выплатить 2 313 870 руб. в период с 1882 по 1899 г. и 987 491 руб. к 1907 г.

* * *

³² АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 8.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ *Gnjatović D. Foreign Long Term...* P. 2.

³⁷ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 282.

³⁸ Там же. Л. 47.

Так сформировались основные долговые обязательства Сербии перед Российской империей. Без учета выплат в 1890 г. они состояли из трех долгов:

Долг государственному казначейству Российской империи 1867 и 1868 г. в 200 000 червонцев³⁹.

Долг по займу Государственному банку Российской империи 1876 г. в 1 836 405 руб.

Долг по кредиту Государственному банку Российской империи 1890 г. в 1 000 000 руб.⁴⁰

В августе 1890 г. Сербия обратилась в Министерство иностранных дел Российской империи об отсрочке платежей по займу 1876 г. К этому моменту в Сербии с 1884 г. сменилось семь кабинетов министров. Ранее разрешение на отсрочку платежей Сербия получила по долгам 1867 г.⁴¹ 23 августа 1890 г. занимавший в этот период пост министра иностранных дел Николай Карлович Гирс (1820–1895) получил письмо из министерства финансов: «Вследствие письма Вашего Высокопревосходительства, от 11 сего августа по ходатайству Сербского прав[ительст]ва о распространении Всемилошвейские дарованной отсрочки платежей по выданным ему в 1867 г. ссудам на заключенный им же в 1876 г. заем в Государственном Банке, г. министр финансов входил к Государю Императору с всеподданнейшим докладом, в коем полагал отсрочить, до 1 января 1895 г., из срочных по означенному займу платежей в 128 548 р. 35 к. кред. на сроки 1 января 1892, 1893 и 1894 гг., по сумме, соответствующей сорока восьми тысячам рублей золотом, по курсу С.-Петербургской биржи по предъявлении на Лондон от 2 января каждого года»⁴². С соизволения императора Александра III выплаты по займу 1876 г. Сербией были отсрочены на 5 лет. Так, отсрочив ежегодный платеж, Министерство финансов определяло Сербию как ненадежного плательщика по этому займу. К осени 1892 г. Сербия была должна Государственному банку по займу 1876 г. 185 576 руб. 4 коп., с начислением на все означенные платежи пени за просрочку в размере 5 % годовых по день взноса. Помимо долгов 1867–1868 гг. и долга по займу 1876 г. оставались недоимки по долгу 1890 г.⁴³

А. И. Персиани обратился к сербскому правительству с просьбой сообщить о мерах, которые будут приняты сербским правительством для уплаты упомянутых недоимок. Йован Авакумович, возглавлявший в этот период правительство Сербского королевства, написал об этом эпизоде в своих мемуарах. Он отмечал, что его удивил запрос о выплате займа, и предполагал, что требование от А. И. Персиани было инициировано им

³⁹ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 141.

⁴⁰ Там же. Л. 25.

⁴¹ Там же. Л. 3.

⁴² Там же. Л. 5.

⁴³ Там же. Л. 9.

по причине поддержки радикалов и возникших личных противоречий⁴⁴. Сербский министр высказал свои предположения о симпатиях Персиани, но последний заверил его, что тот неправ, продемонстрировав официальную переписку, и обещал сделать всё, что в его силах, чтобы получить для Сербии отсрочку⁴⁵.

12 ноября 1892 г. товарищ министра иностранных дел Николай Павлович Шишкин (1830–1902) написал А. И. Персиани, прося его участвовать в сношении с сербским правительством в связи с тем, что за Сербией числилась недоимка по кредиту 1890 г. в размере 657 931 франков и по заключенному в 1876 г. займу в размере 185 576 руб. 4 коп.⁴⁶ Российскому посланнику поручалось «войти в сношение с Королевским Правительством относительно взноса <...> Государственному банку указанных в отношении Министерства финансов платежей и о последующем не отказать <...> уведомить» Н. П. Шишкина⁴⁷. Сам А. И. Персиани, анализируя финансовые возможности Сербского королевства в этот период, писал, что сербское правительство «поставлено этим нашим требованием в большое затруднение ввиду того крайне неблагоприятного положения, в котором находятся ныне финансы страны. Недостаток наличных средств для удовлетворения насущных потребностей государства при наступающем к тому же январском сроке уплаты по купонам вынудил сербское Министерство финансов вновь обратиться к кредиту венского Landerbank'a, заключив у него краткосрочный заем в 6 млн франков»⁴⁸. По итогам своего анализа, А. И. Персиани дал следующую рекомендацию: «...с одной стороны, наше требование едва ли может быть удовлетворено за недостатком наличных средств, а с другой — снисходительность, проявленная нами в этом случае, послужила бы в глазах сербов новым доказательством нашего к ним расположения»⁴⁹. 21 января 1893 г. Шишкин сообщил Персиани, что Министерство иностранных дел Российской империи незамедлительно обратилось по этому вопросу к министру финансов Сергею Юльевичу Витте (1849–1915). Н. П. Шишкин написал А. И. Персиани, что С. Ю. Витте «не встречал в принципе препятствий предоставить Королевскому Правительству дальнейшие льготы в расчетах его с Банком нашим, он полагал бы, однако, соответственным поставить разрешение вопроса этого в зависимость от результатов, кои мы ожидать можем для интересов политики нашей в Сербии от дарования Правительству оной желаемых облегчений <...> Тайный Советник Витте считает нужным одновременно с объявлением Сербии о таковой льготе

⁴⁴ *Авакумовић Ј.* Мемоари. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2008. С. 304.

⁴⁵ Там же. С. 306.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 6.

⁴⁷ Там же. Л. 7.

⁴⁸ Там же. Л. 16–16об.

⁴⁹ Там же.

просить Королевское Правительство указать совершенно точно, в какие именно сроки и в каких размерах представлялось бы для него возможным уплатить упомянутые недоимки, а также производить вообще погашение числящихся за ним долгов»⁵⁰. 1 февраля 1893 г. Персиани обратился к правительству Сербии с нотой, в которой, не упоминая о возможности уступок, настаивал на уплате накопившихся недоимок. Он писал: «Требование это имело лишь целью поставить Королевское Пр[авительств]о в неловкое перед нами положение, так как оно в настоящее время не имеет возможности произвести уплату должных нам сумм <...> Вопросы же о льготах я коснусь, лишь когда выяснится уступчивость Сербского прав[ительств]ва, причем я обращусь к нему с предложением указать точно, в какие именно сроки и в каких размерах представится ему возможность уплатить упомянутые недоимки, а также производить вообще погашение имеющихся за ним долгов»⁵¹. Й. Авакумович пишет, что в дальнейшем он получил от Персиани официальный акт Министерства иностранных дел Российской империи, в котором говорилось об отсрочке выплаты долга по займу. Как он писал, «после этого Персиани и его семья стали частыми гостями в моем доме, а я и моя семья также часто ходили к нему домой»⁵².

Как можно заметить из комментариев Витте, решение вопроса по поводу займов, в том числе 1876 г., было напрямую связано с политическим вектором в стране. Российская империя, как другие страны, заключавшие с Сербией подобные договоренности, рассчитывала на то, что получит также политическое влияние в стране. На это рассчитывал и венский кабинет, и Высокая Порта, активно поддерживавшая Оттоманский банк в стремлении финансового инвестирования в Сербию. В сентябре 1892 г. состоялась встреча представителей Оттоманского банка, «Берлинера» (нем. *Berliner*) и «Лендербанка» в германском городе Карлсруэ, где было заключено соглашение о совместном предоставлении краткосрочных авансов Сербии⁵³. В 1893 г. был выдан первый кредит при их совместном содействии, сумма которого составляла 44 миллиона франков с процентной ставкой 5 %⁵⁴. Российскую сторону занимал вопрос, сможет ли Сербия в связи с этим закрыть свои долговые обязательства перед Российской империей. 10 декабря 1893 г. глава правительства Сава Груич (1840–1913) проинформировал Персиани о состоянии сербского долга и готовности правительства осуществить выплаты по нему. Он писал: «Если вся сумма кредита еще не погашена, то по единственной причине: кредит, заключенный в этом году, еще не реализован в полном объеме <...>, на сегодняшний день государство

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 18.

⁵¹ Там же. Л. 22.

⁵² Авакумовић Ј. Мемоари... С. 306.

⁵³ Autheman A. La Banque imperial ottoman. Paris: Institut de la gestion publique et du développement économique, 1996. P. 175. <https://doi.org/10.4000/books.igpde.4760>.

⁵⁴ Ibid. P. 176.

получило только 13,5 миллиона, не считая суммы в 8,5 миллионов, авансированной правительству и предназначенной для использования в счет оставшейся части еще не реализованного кредита. Опцион на вторую часть кредита, то есть на эффективную сумму около 20 миллионов, состоится самое позднее во второй половине следующего года <...> Господин министр финансов добавляет, что средства по второй части кредита, которую осталось исполнить, а также дополнительный кредит в размере 9 миллионов эффективной стоимости будут использованы не только для возмещения всего остатка русского займа 1890 г., но и уплаты средней суммы аннуитетов русского займа 1876 г.»⁵⁵.

В 1895 г. прошла Карлсбадская конференция, на которой Сербия договорилась произвести конверсию долгов. Сербия планировала взять единый заем в 355 292 000 франков, из которого должна была платить 4 % годовых. В числе прочих пунктов нас интересует упоминание долга Сербии России за 1876 г. Так, во втором параграфе протокола Карлсбадской конференции указано, что Сербия выделит на выплату суммы по своим обязательствам, взятым в 1876 г., и обязательствам по соляным шахтам 45 000 000 динаров⁵⁶. В этом же году подписывается закон о государственных монополиях, по которому в Сербии организовывался единый директорат управления монополиями. В. Йованович видел проблему в том, что к управлению монополиями было допущено значительное число иностранных кредиторов⁵⁷. Законы о государственных монополиях позволили систематизировать финансовую политику Сербии и привели к тому, что профицит доходов, предназначенных для государственной казны, также стал постоянно расти⁵⁸. 4 февраля 1896 г. Сербия заключила договор с синдикатом банков, в который входили Оттоманский банк, уже упомянутые «Лендербанк» и «Комтуар д'Эсcont» и др. По договору Сербия брала заем в 355 292 000 динаров. В том же 1896 г. на счет России поступило 187 500 фр., по курсу дня поступления равных 69 750 руб. В этом же году Сербия заплатила еще 93 750 фр., равных 34 842 руб. 10 коп. Всего Сербия за указанный период заплатила 1 255 303 руб. 90 коп.,⁵⁹ к 1899 г. – 2 313 870 руб. 30 коп. полностью и оплатила пени за несвоевременные взносы 219 839 руб. 74 коп.

В мае 1903 г. в Сербии произошел военный переворот, в ходе которого был убит сербский король Александр Обренович (1876–1903). Престол сербского короля занял Петр Карагеоргиевич (1844–1921). За год до этого, в 1902 г., Сербия взяла так называемый монопольный заем⁶⁰. Чтобы дать

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 40–41.

⁵⁶ Збирка закона уговора и погодаба о српским зајмовима. Београд: Штампa краљевско-српске државне штампарије, 1897. С. 24.

⁵⁷ *Јованович С.* Ера страних зајмова... С. 483.

⁵⁸ *Gnjatović D.* Foreign Long Term... Р. 11.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 137.

⁶⁰ *Gnjatović D.* Foreign Long Term... Р. 7.

характеристику тому, насколько бедственным было положение Сербии еще в 1902 г., стоит обратиться к записке сербского политика Николы Пашича (1845–1926), в которой он пишет: «Сербия на грани банкротства. Режим последних лет истощил все ее материальные ресурсы и окончательно пошатнул ее кредит»⁶¹. Монопольный заем позволил закрыть все краткосрочные займы до конца 1903 г.⁶² Как отмечает Д. Гнятович, 1903 г. был последним, который закончился с бюджетным дефицитом, и в дальнейшем кредитоспособность Сербии стала улучшаться⁶³. В 1906 г. Сербия заключила договор о займе на строительство железных дорог с французским банковским синдикатом, возглавляемым Оттоманским банком. Получив по договору 81 000 000 динаров, 35 000 000 направили на перевооружение сербской армии⁶⁴. В 1909 г. Сербия контактировала с представителями французской банковской группы. 26 мая 1909 г. чрезвычайный посланник в Сербии Василий Сергеевич Сергеев (1857–1910) писал, что заем спроектирован в размере 150 000 000 франков и большая часть суммы предназначена на развитие продуктивных сил страны и, следовательно, предпринимаемая финансовая операция «преследует вполне мирные цели»⁶⁵. Гарантией выплат по займу послужили доходы от монополий. Похожие условия были предложены при заключении договора займа на строительство железных дорог и вооружения 1906 г.⁶⁶ Сама операция, по планам сербского правительства, должна была состояться в начале 1910 г. Российская империя поддерживала Сербию в заключении этого договора. Так, 8 июля 1909 г. министр иностранных дел Российской империи написал поверенному в Париже: «Согласно просьбе Белградского Кабинета, благоволите поддержать перед французским Правительством шаги, предпринимаемые Сербией в пользу заключения на парижском рынке нового сербского займа, удачу которого по политическим соображениям мы признавали бы весьма желательной»⁶⁷. Заключить договор о займе получилось в ноябре 1909 г.⁶⁸ Сам заем предназначался для строительства железных дорог и вооружения сербской армии. Со стороны кредиторов выступала французская группа, в числе которых был уже упомянутый Оттоманский банк, «Сосьете Женераль» и др., и немецкая группа, образованная «Берлинером» и франкфуртским банкирским домом Бетмана⁶⁹.

⁶¹ Записка Н. Пашича о финансово-политическом положении Сербии // Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3: Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 гг. Београд: Архив Србије; М.: Главное архивное управление города Москвы, 2012. С. 100.

⁶² *Gnjatović D. Foreign Long Term...* P. 6.

⁶³ *Ibid.* P. 13.

⁶⁴ *Gnjatović D. Stari državni dugovi...* S. 92.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 266.

⁶⁶ *Gnjatović D. Stari državni dugovi...* S. 93.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 270.

⁶⁸ *Autheman A. La Banque imperial...* P. 178.

⁶⁹ *Ibid.*

В 1910 г. Сербское королевство договорилось о рассрочке платежа по долгу и выплате в соответствии со следующими сроками: в 1910 г., не позднее мая, — 1 000 000 фр., в 1911 г. — 500 000 фр., в 1912 г. — 1 100 000 фр.,⁷⁰ оплатить остаток долга в 1913 г.⁷¹

К 1 апреля 1910 г. Сербия была должна Российской империи 1 756 289 руб. 64 коп., из которых 307 028 руб. 13 коп. — по займу 1876 г.⁷² 5 мая 1910 г. посланник в Сербии Николай Генрихович Гартвиг (1857–1914) сообщил о том, что Сербия перевела 2 000 000 фр. на счет Генерального Общества для содействия и развития торговли и промышленности во Франции.

Уже 1 июля 1910 года за Сербией числилось 814 025 руб. 17 коп.⁷³ Помимо произведенных выплат на итоговую сумму долга повлияло сложение пени в размере 228 920 руб. 26 коп.⁷⁴

6 августа 1911 г. в МИД Российской империи сообщили об уплате Сербией долга в размере 1 725 011 фр. 91 с., а также выплате 31 января 48 841 фр. 52 с. и 500 000 фр. 20 мая, что «полностью покрывает сербский государственный долг Русскому правительству. Причем в более ранний срок»⁷⁵. Таким образом, долги Сербского княжества по займу 1876 г., а также по займам 1867, 1868 и 1890 гг. были закрыты полностью, включая проценты, раньше намеченного срока.

Обращаясь к истории выплаты долга по займу 1876 г., можно заметить, что возможность осуществления выплат напрямую зависела от финансовых возможностей Сербии и ее политической независимости. В 1911 г. завершилась история с выплатой долга по займу 1876 г. Для того чтобы осуществить это, ей понадобилось пройти эру иностранных займов, преодолеть бюджетный дефицит и получить более крупные займы. Российская сторона с пониманием отнеслась к трудностям, которые встали перед Сербией как самостоятельным государством, и в течение этого долгого и тернистого пути шла на уступки Сербии, видя возможность в улучшении политических отношений между двумя странами. Сербия взяла заем у Российской империи еще в эпоху Восточного кризиса, но смогла полностью закрыть задолженность только в преддверии Балканских войн 1912–1913 гг.

⁷⁰ В начале XX в. средний курс рубля был: 1 руб. = 2 фр. 67 сан., 1 = 2 дин. 67 п. Стоит учесть, что курс в момент выплат мог отличаться. См.: Монеты всех государств на земном шаре / пер. с нем. Я. Фрейдберг. Ливава: книжный магазин Э. К. Корна, 1904. С. 38–41; Народное хозяйство в 1913 году. Петроград: Редакция периодических изданий Министерства финансов, 1914. С. 632.

⁷¹ Там же. Л. 279.

⁷² АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101. Л. 284.

⁷³ Там же. Л. 291.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Л. 295.

Источники

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ):
 Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 101.
 Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 178.
- Авакумовић Ј.* Мемоари. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2008.
- Берлинский трактат. 1 (13) июля 1878 года // *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб: типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1888. Т. 8. С. 639–676.
- Збирка закона уговора и погодаба о српским зајмовима. Београд: Штамп краљевско-српске државне штампарије, 1897.
- Мијатовић Ч.* Успомене. Београд: Радио телевизија Београд, 2008.
- Записка Н. Пашича о финансово-политическом положении Сербии // Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3: Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 гг. Београд: Архив Србије; М.: Главное архивное управление города Москвы, 2012. С. 100–102.
- Монеты всех государств на земном шаре / пер. с нем. Я. Фрейдберг. Либава: книжный магазин Э. К. Корна, 1904.
- Народное хозяйство в 1913 году. Петроград: Редакция периодических изданий Министерства финансов, 1914.

Литература

- Вшиняков Я. В.* Сербия в экономической стратегии Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 179–190. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-179-190>
- Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996.
- Данченко С. И.* Сербский вопрос в царствование Александра III // Имперский дом Романовых и Балканы / отв. ред. В. Б. Каширин. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 209–232.
- Искендеров П. А.* Сербия: в поисках внешней опоры (1878–1903 гг.) // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 87–109.
- Јовановић В.* Ера страних зајмова у Србији // *Јовановић В.* Изабрани списи. Београд: Службени гласник, 2011. С. 467–484.
- Јовановић С.* Влада Милана Обреновића. Београд: Геца Кон, 1934. Књ. 3.
- Недельковић М.* Историја српских државних дугова од 1867–1895 год. Београд: Штампарија «Штампе» Стеве М. Ивковића и комп., 1909.
- Никифоров Д. И.* Финансовая политика Сербского княжества накануне сербско-турецкой войны. 1875–1876 годы // Славяноведение. 2023. № 3. С. 23–33. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0025843-0>

- Пархоменко Д. В. Австро-сербский торговый договор 1881 г.: рабство или модернизация? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1013–1017.
- Поповић Н. Б. Срби и руси у изазовима историје (19–20. век). Београд: Фондација «Александар Невски», 2023.
- Поповић Н. Б. Трговина између Србије и Русије (19. век) // Руски добровольци у Србији 1876.: тематски зборник радова / гл. и одг. уред. А. Ј. Тимофејев. Београд: Графо Сан, 2022. С. 131–167. <https://doi.org/10.31168/7576-0472-5-8>
- Шемякин А. Л. Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М.: Индрик, 1998.
- Autheman A. *La Banque imperial ottoman*. Paris: Institut de la gestion publique et du développement économique, 1996. <https://doi.org/10.4000/books.igpde.4760>
- Bontoux E. *L'Union Generale: sa vie, sa mort, son programme*. Paris: Nouvelle librairie parisienne, 1888.
- Gnjatović D. Foreign Long Term Government Loans of Serbia 1862–1914 // Proceedings of the Fourth Annual SEEMHN Conference, Belgrade. P. 1–21. URL: https://www.nbs.rs/export/sites/NBS_site/documents/publikacije/konferencije/seemhn_conf/SEEMHN_2_Dragana_Gnjatovic.pdf (дата обращения: 16.09.2023).
- Gnjatović D. *Stari državni dugovi. Prilog ekonomskoj i političkoj istoriji Srbije i Jugoslavije 1862–1941*. Beograd: Ekonomski institut, 1991.

References

- Autheman, A., 1996. *La Banque imperial ottoman*. Paris: Institut de la gestion publique et du développement économique. <https://doi.org/10.4000/books.igpde.4760>
- Bontoux, E., 1888. *L'Union Generale: sa vie, sa mort, son programme*. Paris: Nouvelle librairie Parisienne.
- Danchenko, S. I., 1996. *Development of Serbian statehood and Russia. 1878–1903*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN. (In Russian)
- Danchenko, S. I., 2014. The Serbian Question during the Reign of Alexander III. In: V. B. Kashirin, ed., 2014. *The Imperial House of the Romanovs and the Balkans*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. (In Russian)
- Gnjatović, D., 2009. Foreign Long Term Government Loans of Serbia 1862–1914. *Proceedings of the Fourth Annual SEEMHN Conference. Belgrade*. Available at: https://www.nbs.rs/export/sites/NBS_site/documents/publikacije/konferencije/seemhn_conf/SEEMHN_2_Dragana_Gnjatovic.pdf (Accessed: 16.09.2023).
- Gnjatović, D., 1991. *Stari državni dugovi. Prilog ekonomskoj i političkoj istoriji Srbije i Jugoslavije 1862–1941*. Belgrade: Ekonomski institut.
- Iskenderov, P. A., 2017. Serbia: In Search of External Support (1878–1903). In: K. V. Nikiforov, ed., 2017. *History of the Balkans. At the Turning Point of Eras (1878–1914)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. (In Russian)
- Jovanović, S., 1934. *The Government of Milan Obrenović*. Belgrade: Geca Kon. Knj. 3. (In Serbian)
- Jovanović, V., 2011. The period of foreign credits in Serbia. In: V. Jovanović, 2011. *Izabrani spisi*. Belgrade: Službeni glasnik. (In Serbian)

- Nedeljković, M., 1909. *History of the national debts of Serbia in 1867–1895*. Belgrade: Štamparija “Štampe” Steve M. Ivkovića i komp. (In Serbian)
- Nikiforov, D. I., 2023. Financial Policy of the Serbian Principality on the Eve of the Serbian-Turkish War. 1875–1876. *Slavic Studies*, 3, pp. 23–33. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0025843-0> (In Russian)
- Parkhomenko, D. V., 2008. The austro-serbian trade agreement of 1881: slavery or modernization? *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 10 (4), pp. 1013–1017. (In Russian)
- Popović, N. B., 2023. *Serbians and Russians in the challenges of history (19–20. centuries)*. Belgrade: Fondacija “Aleksandar Nevski”. (In Serbian)
- Popović, N. B., 2022. Trade between Serbia and Russia (19th century). In: A. J. Timofejev, ed., 2022. *Russian volunteers in Serbia in 1876.: thematic collection of articles*. Belgrade: Grafo San, pp. 131–167. <https://doi.org/10.31168/7576-0472-5-8> (In Serbian)
- Shemyakin, A. L., 1998. *The ideology of Nikola Pasić. Its formation and evolution (1868–1891)*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Vishnyakov, Y. V., 2024. Serbia in the Economic Strategy of the Russian Empire in Late XIX — Early XX Century. *RUDN Journal of Russian History*, 23 (2), pp. 179–190. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-179-190> (In Russian)

ФИНАНСОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ СЛОВЕНСКИХ ЛИБЕРАЛОВ В 70–90-Е ГГ. XIX В. (С АКЦЕНТОМ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. ХРИБАРА)

Любовь Алексеевна Кирилина

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: kirilina.ljuba@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5272-8077

Аннотация

В статье на основе воспоминаний словенского либерала Ивана Хрибара и его публикаций в словенских либеральных газетах «Словенски народ» и «Слован», а также исследований словенских историков анализируются важнейшие либеральные финансово-экономические инициативы 1870–1890-х гг., способствовавшие развитию национальной экономики словенцев. Особое внимание уделяется еще недостаточно изученным аспектам: деятельности И. Хрибара в сфере развития банковского дела, а также выдвинутой им в статьях 1880-х гг. программе развития словенской национальной экономики. Словенские либералы во второй половине XIX — начале XX в. придерживались общеевропейских либеральных социально-экономических доктрин. При этом, как и у других славянских либералов в Австро-Венгрии, в центре их внимания находились национально-политические чаяния их народа, а развитие словенской экономики и торговли должно было создать материальную базу для их осуществления. Один из наиболее энергичных либеральных деятелей И. Хрибар при разработке своих финансовых и экономических проектов стремился к созданию крупного словенского капитала и росту его конкурентоспособности по отношению к немецкому и итальянскому, к национально-культурной и политической эмансипации словенских предпринимателей. Ему удалось добиться создания ряда современных финансовых учреждений, которые во многом содействовали подъему и модернизации национальной экономики в словенских землях, прежде всего в Крайне и ее центре Любляне. Однако уже в середине 1890-х гг. словенские христианские социалисты, входившие в состав партии католиков, начали претворять в жизнь свою социально-экономическую программу. В отличие от либералов, они создавали кооперативы, направленные на поддержку беднейших слоев населения. Они проявили большую гибкость и понимание экономической ситуации, чем большинство либералов, что способствовало росту популярности их партии среди словенцев.

Ключевые слова

Словенские либералы, 70–90-е гг. XIX в., чешский банк «Славия», словенские банки и кооперативы, развитие национальной экономики, Иван Хрибар

Статья поступила в редакцию 16 октября 2024 г.

Статья доработана автором 9 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 11 декабря 2024 г.

Цитирование: *Кирилина Л. А.* Финансовые и экономические инициативы словенских либералов в 70–90-е гг. XIX в. (с акцентом на деятельности И. Хрибара) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 46–66. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.03>

FINANCIAL AND ECONOMIC INITIATIVES OF SLOVENIAN LIBERALS IN THE 1870S–90S (WITH AN EMPHASIS ON THE ACTIVITIES OF IVAN HRIBAR)

Liubov A. Kirilina

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5272-8077

Abstract

The article, based on the memoirs of the Slovenian Liberal Ivan Hribar and his publications in the newspapers Slovenski Narod and Slovan, as well as the research of Slovenian historians, analyzes the most important liberal financial and economic initiatives of the 1870–1890s, which contributed to the development of the national economy of the Slovenes. Particular attention is paid to aspects that have not yet been sufficiently studied: the activities of I. Hribar in banking development, as well as the program for the development of the Slovenian national economy that he put forward in articles from the 1880s. Slovenian liberals in the second half of the 19th — early 20th centuries adhered to Pan-European liberal socio-economic doctrines. At the same time, like other Slavic liberals in Austria-Hungary, the focus of their attention was the national-political aspirations of their people, and the development of the Slovenian economy and trade was supposed to create the material basis for their implementation. One of the most energetic liberal figures, I. Hribar, when developing his financial and economic projects, sought to create large Slovenian capital and increase its competitiveness in relation to German and Italian, and to the national, cultural and political emancipation of Slovenian entrepreneurs. He managed to achieve the creation of a number of modern financial institutions, which greatly contributed to the rise and modernization of the national economy in the Slovenian lands, especially in the Krajina region and its center Ljubljana. However, already in the mid-1890s, the Slovenian Christian Socialists, who were part of the Catholic Party, began to implement their socio-economic program. Unlike the liberals, they created cooperatives aimed at supporting the poorest strata of the population. They showed greater flexibility and understanding of the economic situation than most liberals, which contributed to the growth of their party's popularity among the Slovenians.

Keywords

Slovenian liberals, 70s–90s. XIX century, Czech bank “Slavia”, Slovenian banks and cooperatives, development of the national economy, Ivan Hribar

Received 16 October 2024

Revised 9 November 2024

Accepted 11 December 2024

For citation: Kirilina, L. A., 2024. Financial and Economic Initiatives of Slovenian Liberals in the 1870s–90s (With an Emphasis on the Activities of Ivan Hribar). *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 46–66. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.03>

Финансово-экономическая деятельность словенских либералов в 1870–1890-е гг. рассмотрена во многих работах словенских историков. Из них следует выделить прежде всего многочисленные статьи и книгу Ж. Лазаревича, монографию П. Водопивеца, а также исследования Ю. Перовшека. Материалы по этой теме имеются и в монографиях Ф. Эрьявца, Ф. Кресала и З. Берганта, а также общих трудах по истории Словении. Некоторые сведения о деятельности словенского либерала И. Хрибара в сфере развития банковского дела и его представлениях о путях развития словенской экономики содержатся в посвященных этому политическим статьях В. Мелика, Ю. Перовшека, Ж. Лазаревича и обширном очерке И. Грдины, однако освещена эта тема еще недостаточно. На основе воспоминаний Хрибара и его публикаций в словенских либеральных газетах «Словенски народ» (словен. *Slovenski narod*) и «Слован» (словен. *Slovan*) в 1880-х гг. мы попытаемся восполнить этот пробел и более широко представить финансово-экономические инициативы словенского политика и его деятельность, направленную на их осуществление, а также определить их значение для развития словенской экономики.

Процесс перехода от традиционного феодального общества к индустриальному проходил в словенских землях замедленными темпами, с существенным отставанием от австрийских и чешских регионов. Это обстоятельство было обусловлено не только односторонним аграрным характером экономики, но и особенностями социальной структуры словенского населения. В конце XIX в. 80 % его составляли крестьяне, буржуазия была слаба и малочисленна. Этот слой состоял в основном из ремесленников, торговцев и зажиточных крестьян, большинству из которых были чужды идеи предпринимательства и связанные с ним риски. Крупнейшие промышленные предприятия, банки и акционерные общества находились в руках иностранного капитала: немецко-австрийского, итальянского, чешского, а также германского, французского и швейцарского¹. Крупных капиталистов среди словенцев были единицы: Й. Горьюп, И. Калистер, Ф. Терпинц, семья Кочеваров. Эта ситуация вызывала у словенских национальных деятелей ощущение, что общественная и экономическая модернизация в империи идет рука об руку с денационализацией или ассимиляцией их народа, и осознание того, что для его выживания и укрепления позиций необходима скорейшая модернизация социально-экономической структуры формирующейся нации.

Поскольку развитие экономики в словенских землях ограничивала нехватка капитала, для ее реструктуризации было необходимо создание собственных финансовых предприятий. Первый банк в регионе — Крайнский

¹ Кирилина Л. А. Словенские земли накануне и в период Первой мировой войны. (90-е гг. XIX в. — 1918 г.) // Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В. История Словении. СПб.: Алетея, 2011. С. 242.

сберегательный банк — был открыт еще в 1820 г., но вплоть до распада империи он находился в руках немцев. Словенцы с 1860-х гг. предпринимали попытки создания национальных банков. В 1868 г. группа люблянских торговцев основала первое словенское акционерное общество — Люблянский ремесленный банк. Однако он не выдержал конкуренции с филиалом грацкого Штирийского дисконтного банка, открытым в Любляне в 1872 г., и был ликвидирован. В мае 1873 г. из-за обвального падения акций произошел крах сначала Венской фондовой биржи, а через некоторое время — крах бирж в Германии и США. Финансовые учреждения Австро-Венгрии столкнулись с большими проблемами. Начался мировой экономический кризис, длившийся до 1893 г. В словенских землях он также вызвал многолетнюю стагнацию, однако, по мнению П. Водопивеца, имел «более заметные идейные, политические и психологические последствия, чем экономические и социальные». Он на время подкосил зарождающуюся предпринимательскую активность словенцев, не желавших больше подвергать свои деньги риску². В 1876 г. филиал Штирийского дисконтного банка был закрыт. Его дело продолжила Крайнская дисконтная компания, созданная по инициативе словенского предпринимателя Мартина Хочевара и люблянских торговцев, но проработавшая только до 1888 г. Неудачной была и попытка словенских патриотов открыть в 1872 г. первый словенский страховой банк «Словения». Он был популярен и имел более тысячи акционеров, однако из-за неумелого руководства и трудностей работы в условиях экономического кризиса дела шли плохо. Его пришлось закрыть уже в 1876 г. Словенские патриоты тяжело переживали неудачу своего первого финансового предприятия. Крах «Словении» «негативно повлиял на аккумуляцию словенского капитала и развитие словенского банковского дела»³ и усилил недоверие состоятельных словенцев к современным методам организации банков и к финансовому капиталу. И. Грдина полагает, что дальнейшее сосредоточение их деятельности на создании кооперативов являлось следствием этого недоверия⁴.

В результате с 1888 до 1900 г. в Любляне не закрепился ни один словенский акционерный банк, успешно функционировали только филиалы австрийских банков⁵. Крепкие позиции среди них занял чешский банк «Славия», созданный в Праге в 1868 г. и являвшийся одним из важнейших чешских финансовых институтов своего времени. Его наследница — страховая компания «Славия» — работает и в наши дни. Возглавил его адвокат

² *Vodopivec P.* O gospodarskih in socialnih nazorih na Slovenskem v 19. stoletju. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2006. S. 269, 289.

³ *Ibid.* S. 270.

⁴ *Grdina I.* Ivan Hribar. "Jedini resnični radikalec slovenski" // Hribarjev zbornik / ur. I. Grdina. Ljubljana: Založba ZRC, Inštitut za kulturno zgodovino ZRC SAZU, 2010. S. 13.

⁵ *Slana L.* Josip Gorup v Ljubljani // Kronika. Časopis za slovensko krajevno zgodovino. 2010. Letn. 58. Št. 1. S. 182.

Ф. Л. Хлеборад. Название «Славия» олицетворяло идеи славянской взаимности, и одним из основных направлений работы банка стало создание широкой сети филиалов в славянских землях Австро-Венгрии.

В апреле 1870 г. банк «Славия» открыл генеральное представительство в Любляне. По протекции редактора органа либералов газеты «Словенски народ» Л. Томана на место практиканта в него был принят окончивший всего пять классов гимназии 18-летний словенец Иван Хрибар (1851–1941), славянофил и русофил, а в будущем — жупан г. Любляны (1896–1910) и один из лидеров партии либералов. Способности и усердие юноши в люблянском филиале оценили по достоинству и вскоре послали его как перспективного сотрудника в центральное отделение банка в Праге. Далее он работал в Любляне, Праге, Триесте, Брно, Вене. В 1876 г. он был назначен руководителем генерального представительства банка в Любляне и получил статус «свободного предпринимателя». Для того чтобы занять этот высокий пост, ему было необходимо выплатить банку крупную сумму денег, которую ему разрешили отдавать постепенно в течение нескольких лет. Выплата долга сначала была очень тяжелым бременем для молодого банкира, тем более что зарплату своим сотрудникам он должен был выделять из собственных средств, но уже с 1885 г. его финансовое положение улучшилось, полностью же расплатиться с банком ему удалось в 1892 г.⁶ Договор, заключенный банком «Славия» с Хрибаром, накладывал на обе стороны серьезные обязательства: руководство «Славии» не имело права расторгнуть его по собственной инициативе, Хрибар же обязался работать там пожизненно.

Работу генерального представительства «Славии» Хрибару пришлось организовывать заново: искать новых сотрудников и обучать уже имеющих, привлекать вкладчиков. Для этого он совершал поездки по всем словенским и югославянским землям империи. В 1877 г. он познакомился с Йосипом Горьюпом (1834–1912) — богатейшим словенским предпринимателем и меценатом, жившим в Риеке, которого еще в 1864 г., когда ему было всего 30 лет, старейшая и наиболее влиятельная словенская газета «Новице» охарактеризовала как «миллионера и искреннего патриота»⁷. Он был крупнейшим вкладчиком банка «Славия». Их знакомство переросло затем в тесное сотрудничество не только в сфере финансов, но и в национально-просветительской деятельности. В 1884 г. клиентом «Славии» стало Дряковское епископство, возглавлял которое Йосип Юрай Штросмайер, один из главных поборников югославянской идеи и сторонник сближения католической и православной церквей. В 1880 г. по предложению Хрибара было открыто представительство «Славии» в Загребе, и в 1885–1886 гг. он являлся его руководителем. Однако постоянные перемещения из Любляны

⁶ *Hribar I. Moji spomini.* Ljubljana: Tiskarna Merkur, 1928. 1. del: Od 1853. do 1910. leta. S. 68.

⁷ *Slana L. Josip Gorup v Ljubljani.* S. 188. Имеется в виду газета *Kmetijske in rokodeljske novice*.

в Загреб и обратно были очень утомительны, и в 1887 г. он передал свои обязанности в Загребе Й. Ханушу. Особое внимание Хрибар, по его воспоминаниям, уделял Истрии: ратовал за основание там крестьянских кооперативов, чтобы освободить крестьян от давления итальянских ростовщиков, и по просьбе единомышленников, хорватских либералов М. Мандича и В. Спинчича, выхлопотал для них предоставление ипотечных кредитов⁸.

Со временем дела банка «Славия» под руководством Хрибара наладились, вырос его авторитет. Успехи молодого банкира были высоко оценены в Праге. Когда в 1886 г. генерального секретаря банка Ф. Новака отправили на пенсию, Хрибару предложили занять его место. Но, хотя эта должность открывала перед ним прекрасные перспективы карьерного роста, Хрибар решил остаться на родине, чтобы приносить пользу своему народу.

Чехи, показавшие свою способность конкурировать с немцами как в национальном, так и в экономическом плане, стали примером для словенских либералов в том числе и в банковской сфере. Хрибар старался утвердить роль «Славии» как банка, стоявшего на защите славянских, в том числе и словенских, интересов: «Я представлял учреждение строго национальной окраски. Как центральное учреждение в Праге было мощным оплотом в боях чешского народа против немцев, так его филиал в Любляне получил при рождении дар в ценном как золото материнском наказе стать опорой политических стремлений словенского народа»⁹. Он убедил генеральное представительство банка в Праге поддерживать интересы словенцев и каждый год добивался от него выделения денежных средств, предназначенных для осуществления тех или иных их национальных задач. В люблянском представительстве банка дела велись на словенском языке, многие его сотрудники были национально ориентированными словенцами и принимали участие в политической жизни¹⁰. При этом следует отметить, что Хрибар разграничивал свою профессионально-финансовую и национально-политическую деятельность. Он старался избегать проведения каких-либо политических или экономически сомнительных банковских операций, вел дела взвешенно и продуманно. Он последовательно защищал интересы чешского банка, представителем которого являлся, что в последующие годы, когда он стал люблянским жупаном, неоднократно вызывало критику и обвинения со стороны некоторых словенских национальных деятелей. В банке «Славия» Хрибар работал до начала 1920-х гг.

После революции 1848 г. в связи с отменой феодальных повинностей и постепенным введением либерального экономического законодательства экономические условия в словенских областях стали быстро меняться. Ломка старых, традиционных форм хозяйствования неизбежно приве-

⁸ *Hribar I. Moji spomini. 1. del. S. 204.*

⁹ *Ibid. S. 203.*

¹⁰ *Ibid. S. 203-205.*

ла к тому, что уже к середине 1850-х гг. обстановка обострилась, резко ухудшилось положение крестьян и многих ремесленников. Падение цен на сельскохозяйственную продукцию, дробление крестьянских участков, нехватка денежных средств, кризис старых способов дополнительного заработка и ряда ремесел, огромный налоговый гнет и, до 1893 г., выкупные платежи¹¹, а также колоссальная эмиграция словенцев, вызванная экономическим кризисом, — всё это вызывало беспокойство у словенских патриотов и стимулировало поиски ими новых, соответствующих духу времени, путей выхода из кризиса.

Некоторые словенские либералы уже в конце 1860-х — начале 1870-х гг. стали понимать, что, если словенцы не хотят еще больше «отстать от быстрее развивающихся австрийских и западноевропейских народов», они должны пойти по капиталистическому пути и модернизировать словенскую экономику¹². Один из них, Йосип Вошняк (1834–1911), посетил в 1868 г. Прагу и, вернувшись на родину, опубликовал серию статей «Давайте учиться у чехославян!» в газете «Словенски народ», в которых подробно осветил принципы деятельности чешских кооперативов. По его мнению, чешские патриоты, открывая крестьянские кредитные компании, показали словенцам «путь взаимопомощи и таким образом освободили их из жадных рук еврейских и немецких капиталистов»¹³. Вошняк призвал словенцев последовать примеру чехов. В чешских, как и в других австрийских землях, в то время получили распространение кооперативы, организованные по системе немецкого экономиста, одного из основателей кооперативного движения в Германии Франца Германа Шульце-Делича (1808–1883). Решение социального вопроса Шульце-Делич, как и большинство либеральных реформаторов, видел в укреплении среднего сословия и полагал, что экономической независимости от крупной буржуазии мелкие торговцы, ремесленники и рабочие смогут добиться только путем кооперации¹⁴.

Главными инициаторами и организаторами кооперативов по системе Шульце-Делича в словенских землях стали либералы из Штирии Й. Вошняк и его брат Михаил Вошняк (1837–1920), ориентировавшиеся на деятельность соответствующих чешских организаций. Й. Вошняк в 1870-е гг. открыл несколько кредитных учреждений в Штирии и Каринтии. Однако более широкое распространение они получили в 1880-х гг., когда этому

¹¹ *Kresal F. Zgodovina socialne in gospodarske politike v Sloveniji od liberalizma do druge svetovne vojne*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1998. S. 32.

¹² *Vodopivec P. O gospodarskih in socialnih nazorih...* S. 279, 289.

¹³ *Perovšek J. Prilagoditev Schulze-Delitzschevih združnogospodarskih zamisli na Slovenskem v letih 1872–1895 // Perovšek J. Na poti v moderno. Poglavlja iz zgodovine evropskega in slovenskega liberalizma 19. in 20. stoletja*. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2005. S. 35–36.

¹⁴ *Bergant Z. Slovenski klasični liberalizem. Idejno-politilni značaj slovenskega liberalizma v letih 1891–1921*. Ljubljana: Nova revija, 2000. S. 114–115.

делу посвятил себя вышедший на пенсию М. Вошняк¹⁵. Он постарался адаптировать систему Шульце-Делича к словенским условиям, характеризовавшимся преобладанием крестьянского сословия. Штирийские либералы основывали кредитные компании, крестьянские кооперативы (задруги) и рабочие профсоюзные организации. В 1872–1892 гг. в Крайне и Штирии главным образом стараниями М. Вошняка были созданы 36 словенских кредитных компаний, довольно крепких финансовых учреждений, способных конкурировать с аналогичными немецкими компаниями (их в этих областях насчитывалось 34)¹⁶. Эти организации способствовали развитию современных отраслей экономики и аккумулировали капитал, необходимый для развития словенского предпринимательства. Они являлись одной из форм борьбы словенских национальных деятелей против господства немецкого капитала¹⁷. Однако, как справедливо отмечал впоследствии идеолог и организатор словенского христианско-социального течения Янез Евангелист Крек (1863–1917), либеральные кооперативы и сберкассы «в основе своей и по своим целям имели капиталистический характер»¹⁸. «Кроме некоторых кредитных учреждений и кооперативов по системе Шульце-Делича, которые по личной инициативе установили отдельные лица, нигде еще не проводилась какая-либо более целенаправленная работа», — писал исследователь католического движения в словенских землях Ф. Эрьявец¹⁹. Поскольку лейтмотивом деятельности словенских либералов была поддержка представителей мелкой и средней буржуазии, ремесленников, состоятельных крестьян, то кооперативы создавались прежде всего для них. Выраженного социального значения, направленности на помощь беднейшим слоям населения они не имели²⁰. Вступительные взносы в них были достаточно высокими и недоступными для большинства словенских крестьян. Поэтому компании, основанные по образцу учреждений Шульце-Делича, не приобрели такой популярности среди словенцев, как созданные впоследствии христианскими социалистами райффайзеновские кооперативы.

В банковском деле Хрибар разбирался прекрасно, и в будущем его инициативы по развитию словенской экономики касались в основном именно

¹⁵ *Perovšek J. Prilagoditev Schulze-Delitzschevih združnogospodarskih zamisli... S. 37–38.*

¹⁶ *Lazarevič Ž. Kmečki dolgovi na Slovenskem. Socialno-ekonomski vidiki zadolženosti slovenskih kmetov 1848–1948. Ljubljana: Znanstveno in publicistično središče: Zbirka Forum, 1994. S. 28.*

¹⁷ *Чуркина И. В. Модернизация словенской экономики во второй половине XIX в. Завершение формирования словенской нации // Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В. История Словении. С. 201.*

¹⁸ *Krek J. E. Socijalizem. V Ljubljani: Slovenska krščansko-socialna zveza, 1901. S. 559.*

¹⁹ *Erjavec F. Zgodovina katoliškega gibanja na Slovenskem. Ljubljana: Prosvetna zveza, 1928. S. 108–109.*

²⁰ *Perovšek J. Pogled na pojav socialnega liberalizma v evropski in slovenski politični misli in praksi // Perovšek J. Na poti v moderno... S. 46.*

финансовой сферы. Значительно слабее он ориентировался в социально-экономических проблемах, затрагивавших интересы крестьян, мелкой буржуазии, ремесленников, рабочих, то есть тех слоев, которые представляли преобладающее большинство словенского населения. Он признавал это и сам. Когда в 1878 г. наиболее крупный и уважаемый словенский политик Янез Блейвейс (1808–1881) предложил Хрибару, входившему в число его доверенных лиц, стать членом комитета Крайнского крестьянского общества²¹, Хрибар отказался. «Я понимал, что слишком мало знаю о сельском хозяйстве и поэтому не мог бы выполнять свои обязанности в комитете “Крестьянского общества” должным образом», — написал он в воспоминаниях²². Активного участия в решении крестьянских проблем, как и в осуществлении инициатив словенских либералов по созданию кооперативов, Хрибар не принимал. Он хорошо осознал свои возможности и преимущественно посвящал внимание тем вопросам, в которых был компетентен.

В начале 1880-х гг. в трех обширных статьях Хрибар представил программу, которая, по его мнению, позволила бы словенцам свободно и интенсивно развивать национальную экономику и освободиться от господства иностранного капитала. В 1880 г. в статье «Хозяева, основывайте ипотечные компании!», опубликованной в газете «Словенски народ», Хрибар предложил главам провинций просить сбербанки выделять из своих резервных фондов некоторые суммы на основании ипотечных компаний, которые в первую очередь выделяли бы кредиты крестьянам. По его мнению, государство не должно брать на себя все заботы крестьянина, но обязано выработать принципы государственной поддержки, чтобы помочь ему кредитами, если он сам захочет выбраться из трудного положения²³, которое усугубилось в результате начавшегося в 1873 г. в империи кризиса, ведь «крестьянское сословие является столпом нашего государства». Ипотечные компании будут мотивировать крестьян к умному ведению хозяйства, поскольку администрация задруг (общин) будет давать кредиты только крепким крестьянам, которые смогут использовать их выгодно. Ремесленники тоже нуждаются в поддержке, чтобы увеличился спрос на их продукцию²⁴.

Хрибар считал ипотечные компании важнейшим фактором улучшения экономической ситуации в империи и приводил в пример их деятельность в Чехии и Моравии, благодаря которой земледелие в этих регионах разви-

²¹ К тому времени это общество, почти 40 лет находившееся под руководством Блейвейса, приобрело большой авторитет, превратилось в профессиональную крестьянскую всесловенскую организацию и имело уже более тысячи членов. Подробнее см.: *Adamič F. Prizadevanje Janeza Bleiweisa za napredek kranjskega kmetijstva // Zbornik za zgodovino naravoslovja in tehnike / ur. J. Batis, P. Vodopivec. Ljubljana: Slovenska matica, 1983. Zvezek 7: Bleiweisov zbornik. S. 76.*

²² *Hribar I. Moji spomini. 1. del. S. 75–76.*

²³ *Slovenski narod. 1880. 11 VIII.*

²⁴ *Slovenski narod. 1880. 13 VIII.*

лось и чешский крестьянин «стал политически независим». У словенцев же национальная экономика не развита, поэтому некоторые из них «ради материальных выгод» становятся «немшкутарами» (онемеченными словенцами, противниками национальных устремлений своего народа. — Л. К.). В этом плане ипотечные компании тоже могут помочь и стать «оплотами против деморализации» словенских крестьян. По мнению банкира, в словенских землях ипотек мало и управляются они плохо. Чтобы улучшить их работу, нужно привлечь лучших крестьян в администрацию, в которой была представлена каждая крупная община. Хрибар призвал сельских священников и представителей интеллигенции взять на себя инициативу создания новых ипотечных компаний и вовлечь в них крестьян. Он пообещал, что банк «Славия» сразу же даст новым компаниям пятипроцентный кредит для организации их работы, поможет их управляющим комитетам «советом и делом, а также разработает для него необходимые правила. <...> Итак, за работу, патриоты и хозяева, основывайте для себя и своих потомков много таких важных для благосостояния и независимости нашего народа учреждений»²⁵.

Банкир поставил вопрос о создании провинциального ипотечного банка еще в 1883 г. В Любляне тогда прошло совещание по экономическим проблемам, участники которого решили, что ипотечный банк нужен только для амортизации старых крестьянских долгов, но он не должен давать новые кредиты на развитие дела. Хрибар назвал это решение «половинчатым», поскольку оно не предоставляло крестьянам возможностей развития и модернизации²⁶. В 1884 г. он подробнее раскрыл свои замыслы в статье «Провинциальный ипотечный банк», напечатанной в издававшейся им газете «Слован». Упомянув, что словенцев ждет еще долгая и трудная борьба за национальное существование, он подчеркнул, что она не может быть успешной, пока «безнадежно материальное положение» народа. А для его улучшения «прежде всего нужно освободиться от финансовой зависимости от наших национальных противников». И важную роль в этом должны сыграть кредитные кооперативы. Хрибар высоко оценил экономические инициативы штирийских словенцев Й. Вошняка и М. Вошняка, создававших их для крестьян: они «сейчас начали распространяться по нашей родине всё больше и больше, и мы надеемся, что недалеко то время, когда в каждом округе будет работать свой кредитный кооператив». Однако, как полагал банкир, эти учреждения «слишком ограничены в действиях и обычно не имеют большого капитала. Поэтому нам надо позаботиться о том, чтобы создать более крупное предприятие, которое некоторым образом дополнит устройство и деятельность кредитных компаний». Это «мощная крепость, которая была бы для нас крепкой опорой в нашей национальной борьбе».

²⁵ Slovenski narod. 1880. 14 VIII.

²⁶ Slovan. 1884. 4 IX.

И такой крепостью, по его мнению, и должен был стать провинциальный ипотечный банк²⁷.

В 1881 г. в статье «Давайте двигаться!», которая выходила с продолжением в 11 номерах «Словенского народа», Хрибар представил обширную программу преобразования словенской экономики, в которую помимо вопроса о создании ипотечного банка входили и многие другие. Здесь он подробнее обрисовал экономическое положение словенцев и предложил способы его улучшения. «Материальное положение нашего народа отчаянное <...> Каждый, кто действительно любит наш народ и хочет видеть его обеспеченное будущее, знает об этом и хочет всеми силами содействовать уничтожению нездоровых экономических условий». И далее: «Наша национальная жизнь не опирается, как у других счастливых народов, на буржуазию, и поверхностный взгляд на нашу родину учит нас, что в этом отношении вряд ли когда-нибудь всё радикально обернется к лучшему; но если мы хотим, чтобы это произошло, необходимы бесстрашная мысль, негибаемый дух, непрестанные усилия и стальная воля.

Что же нам сделать, чтобы сохранить наш народ для себя и славянства?»²⁸ Главной целью патриотов Хрибар считал сохранение словенского народа, развитие его национального самосознания и осуществление его национальных прав. Задача достижения его экономического процветания (усложнявшаяся из-за его неполной социальной структуры, отсутствия средней и крупной буржуазии) была неразрывно связана с этим основным постулатом и играла вспомогательную роль. Такая позиция была характерна для большинства словенских либералов и либералов других славянских народов Австро-Венгрии.

«Санацию» экономической жизни словенцев Хрибар предложил начать с крестьянства как слоя, из которого выходит «чуть ли не вся <...> [словенская] интеллигенция» и буржуазия. Необходимо «уберечь его от грозящей ему гибели и показать новые источники доходов, которые были бы в состоянии обеспечить ему при постоянно растущих потребностях лучшее будущее»²⁹. Помимо кредитных кооперативов Хрибар предложил создать сеть почтовых банков, чтобы люди могли положить деньги на сберкнижку в любом почтовом отделении, а не ехать для этого в Любляну в единственный в словенских землях Крайнский сбербанк³⁰.

Для роста предприимчивости и экономической успешности словенцев, по мнению Хрибара и других либералов, было необходимо «распространение образования среди простого народа и создание обществ», где крестьяне читали бы газеты и обсуждали экономические и политические вопросы.

²⁷ Slovan. 1884. 4 IX.

²⁸ Slovenski narod. 1881. 13 XI.

²⁹ Ibid.

³⁰ Slovenski narod. 1881. 16 XI.

Хрибар предупредил, что эти общества не должны быть подобны читальням в городах, мероприятия в которых часто требуют внесения денежных средств, что не подходит для сельских жителей. Он представлял их себе как «воскресные» общества, где крестьяне с пользой проводили бы время вместо того, чтобы ходить в трактиры³¹.

Большое внимание уделил Хрибар в статье и развитию торговли, ее он считал «источником всего благосостояния» народа и подчеркивал, что все народы стараются укрепить национальную торговлю и защитить ее от иностранного капитала. Он полагал, что в словенских землях хорошие условия для торговли, главное — там «море и Триест». На Триест как важный словенский центр он возлагал особые надежды и сетовал, что торговля там находится в руках немцев и итальянцев, угнетающих словенское население. В Любляне и Триесте, по его мнению, было очень мало словенских торговцев. Хрибар раскритиковал сложившиеся у словенцев представления, что заниматься торговлей следует лишь тем, кто плохо учился и не смог получить высшее образование. Банкир считал, что мнение это в корне неправильно: «Чтобы словенская торговля смогла развиваться не только в малом, но и в большом, нужно, чтобы ей себя посвятили наши интеллигентные юноши», которым следует обучаться в высших торговых школах. И призвал словенцев взять в свои руки торговлю в Триесте. Многие ждут «помощи от правительства, но не будем обманываться — Триест будет принадлежать тому, чья крупная торговля там будет преобладать», — сделал он вполне резонный вывод³². Словенцам не хватает хороших торговцев с развитым национальным самосознанием, многие, обосновавшись в городах, становятся «немшкутарами». Для того чтобы составить конкуренцию немцам, итальянцам и евреям, словенцам требуются не только знания, но и практические навыки, и понимание нужд своей земли³³.

Описывая положение словенских ремесленников, Хрибар отметил, что им не хватает образования и знаний о мировых достижениях в их ремеслах, ведь в словенских землях еще нет ни одного ремесленного училища. Чтобы не зависеть от крупного капитала, мелкие ремесленники должны объединяться в кооперативы, создавать акционерные общества, развивать торговые связи для успешного сбыта своих товаров³⁴. Неоднозначное отношение было у Хрибара к крупному бизнесу. С одной стороны, он был уверен, что это «могучий фактор благосостояния государств и народов», с другой, не считал его развитие выгодным для словенцев: «...мы не можем принципиально сказать, что мы сторонники любого прогресса крупной торговли на нашей родине», поскольку выгоду от нее получа-

³¹ Slovenski narod. 1881. 19 XI.

³² Slovenski narod. 1881. 22, 23 XI.

³³ Slovenski narod. 1881. 24 XI.

³⁴ Slovenski narod. 1881. 25 XI.

ет не словенский народ, а иностранцы. Фабрики словенцам «часто даже во вред», за крохотную плату они отдают все свои силы, чтобы обогатить иностранцев. Выход он видел в открытии словенских акционерных фабрик и заводов, чтобы рабочие-акционеры могли получать прибыль³⁵. Создавать их следовало бы на основе тех отраслей хозяйства, которые уже успешно функционируют и принесут больше выгоды. Так, например, он предлагал крестьянам, выращивавшим сахарную свеклу, создать сахарный завод, на котором работала бы часть членов крестьянских семей. Эти явно оторванные от реальности идеи развития словенской промышленности не были осуществлены.

Подытоживая свои размышления, Хрибар предложил принять программу улучшения экономических условий, состоящую из четырех пунктов: «1) создание крестьянских кредитных кооперативов; 2) создание крестьянских читальных обществ и библиотек; 3) развитие отечественной торговли и 4) подъем отечественного бизнеса». Предполагалось, что воплощать в жизнь эту программу будут патриоты всех словенских земель с учетом особенностей и потребностей каждой из них. Но для этого нужна «хорошо организованная, централизованная деятельность». Центром ее Хрибар предлагал сделать Люблянину, а организационные вопросы, как он думал, будет решать «собрание патриотов» из всех словенских земель³⁶. Это собрание так и не состоялось.

Как видно, взгляды Хрибара на развитие словенской экономики, нашедшие отражение в этой программе, вполне созвучны заимствованным у Шульце-Делича идеям Вошняка и других словенских либералов, создававших в эти годы кредитные компании и крестьянские кооперативы. Мысль о необходимости сплочения экономически слабых слоев населения (крестьян, ремесленников, рабочих) и их объединения в кооперативы для успешного противостояния крупному иностранному капиталу, а также для воспитания у них чувств солидарности и взаимовыручки, тоже вполне соответствовала схеме Шульце-Делича. Современные финансовые словенские предприятия, которые Хрибар стремился основать, как и кооперативы, предназначались предприимчивым и крепко стоящим на ногах собственникам, но не беднейшим слоям населения. Для Хрибара было важно преодолеть косность восприятия словенцев, опасавшихся нововведений в экономической и финансовой сферах, пробудить в них национальный дух, энергию и предприимчивость. Помимо этого, инициативы Хрибара должны были сплотить словенцев, проживавших в разных провинциях, благодаря установлению тесных экономических связей между ними. Он рассчитывал, что все словенские земли когда-нибудь станут единым национальным экономическим организмом.

³⁵ Slovenski narod. 1881. 26 XI.

³⁶ Slovenski narod. 1881. 27 XI.

В начале 1880-х годов Хрибар вступил на политическое поприще, достигнув необходимого для этого 30-летнего возраста. В 1882 г. он стал членом Совета общины Любляны и немедленно начал продвигать в нем свои финансово-экономические планы. Сразу после избрания он разработал устав словенского люблянского Городского сбербанка, который замышлял как противовес немецкому Крайнскому сбербанку и крупнейшее финансовое учреждение не только в Любляне, но и во всех словенских землях, призванное оказывать поддержку словенским предпринимателям. Условия для его создания сложились благоприятные — министерство Э. Тааффе уже начало проводить реформы, и словенцы жили в ожидании благоприятных для их народа перемен. 31 мая 1882 г. Совет общины одобрил проект открытия Городского сбербанка и послал Хрибара, А. Кляйна и А. Леденика в Штирию для изучения деятельности грацкого Городского сбербанка. Они быстро справились с поручением, однако в магистрате необходимые документы затерялись и дело затянулось. Лишь после многочисленных и многолетних требований Хрибара и его сторонников решить этот вопрос жупан Любляны П. Грасселли нашел их и передал на рассмотрение провинциальных властей³⁷. В 1889 г. Городской сбербанк в Любляне наконец начал работу. Перед Первой мировой войной он почти догнал по количеству вкладчиков Крайнский сбербанк (оба они считались крупнейшими банками в словенских землях), а в межвоенный период стал крупнейшим финансовым учреждением Словении³⁸.

В 1889 г. Хрибар был избран депутатом крайнского провинциального собрания и сразу же стал выдвигать и в нем предложения по ускорению модернизации словенских земель. Так, он поддержал план строительства железной дороги Целье — Камник — Крань и передачи в собственность государства Южной железной дороги (Вена — Любляна — Триест)³⁹, принадлежавшей акционерной компании «Австрийская южная железная дорога». Выдвинул он и предложение о создании провинциального ипотечного банка. И столкнулся с тем, что эта идея не нашла поддержки не только у владельцев и сотрудников уже действовавших в то время аналогичных австрийских учреждений, опасавшихся возможной конкуренции, но и у большинства словенских политиков, еще не осознававших ее выгоды и не понимавших механизмов деятельности подобных учреждений. Его поддержали всего семь депутатов собрания, в их числе Й. Горьюп и писатель и политик Иван Тавчар, друг детства и единомышленник Хрибара. Однако Тавчар вскоре изменил точку зрения и стал выступать против создания провинциального ипотечного банка, полагая, что он станет препятствием для успешной деятельности Городского банка Любляны, и даже заявил, что

³⁷ *Hribar I. Moji spomini. 1. del. S. 98-100.*

³⁸ *Lazarević Ž. Gospodarski vidiki delovanja Ivana Hribarja // Hribarjev zbornik... S. 110.*

³⁹ *Grđina I. Ivan Hribar... S. 24.*

не допустит его установления. Его мнение поддержали большинство депутатов провинциального собрания. И хотя Хрибар, желавший распространить сеть национальных финансовых учреждений на все словенские земли, доказывал, что, напротив, «провинциальный ипотечный банк удовлетворил бы потребности в ипотечных кредитах в Крайне, в то время как Городской банк мог бы распространить ипотечные кредиты на другие земли, где проживают словенцы»⁴⁰, к его аргументам не прислушались.

По всей видимости, Хрибар хотел создать филиалы ипотечного банка также и в хорватских землях и сербской Воеводине. Й. Горьюп, в целом горячо поддерживавший начинание Хрибара, в 1889 г. высказал в письме к нему свои сомнения на этот счет: «Что касается вопроса о создании ипотечного банка, мне кажется, опасно расширять сферу его деятельности и на югославские области в Венгрии, так как я не люблю иметь дела с венгерской юрисдикцией. <...> Идея открытия ипотечного банка Крайны мне кажется более рациональной». Горьюп, также являвшийся депутатом провинциального собрания, так и не смог убедить коллег поддержать инициативу Хрибара. Его чрезвычайно раздражала косность взглядов, некомпетентность и нечистоплотность многих депутатов провинциального собрания, которое он обвинял в спекуляции деньгами провинции, в то время как оно должно было «как опекун малолетних детей хорошо и рачительно распоряжаться провинциальным имуществом»⁴¹. В 1891 г. он отказался от депутатского мандата и в дальнейшем не выставлял свою кандидатуру на выборах в крайнское провинциальное собрание. Хрибару он написал, что слишком стар и негибок, «чтобы кланяться и голосовать — вопреки своему убеждению»⁴².

Хрибар и в дальнейшем не оставлял попыток добиться от крайнского провинциального собрания решения вопроса о создании ипотечного банка⁴³. Он поднимал эту проблему на его заседаниях в 1892, 1896 и 1902 г. Однако все его старания оказались безуспешными, хотя в 1896 г. он уже стал жупаном Любляны и имел большой авторитет и влияние. Как он писал в воспоминаниях, собрание впоследствии признало свою неправоту и приняло решение создать ипотечный банк, однако дело затянулось и это решение так и не было проведено в жизнь. В 1902 г. Хрибар даже попросил чиновника в министерстве внутренних дел в Вене составить устав банка и предоставил его на рассмотрение комитета провинциального собрания⁴⁴.

⁴⁰ Hribar I. *Moji spomini*. 1. del. S. 130.

⁴¹ Й. Горьюп — И. Хрибару, Риека, 29 IX 1889 г. // Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani (далее — RZ NUK). Ms. 1411. Hribar, I. IV.1. Korespondenca.

⁴² Й. Горьюп — И. Хрибару, Риека, 30 I 1891 г. // RZ NUK. Ms. 1411. Hribar, I. IV.1. Korespondenca.

⁴³ Perovšek J. *Duhovni in idejnopolični oris Ivana Hribarja* // Perovšek J. *Na poti v moder-no...* S. 66.

⁴⁴ Hribar I. *Moji spomini*. 1. del. S. 131.

В результате, после того как в 1908 г. власть в Крайне перешла в руки католической Словенской народной партии (СНП), проект Хрибара был наконец осуществлен. Созданный провинциальный ипотечный банк стал результатом экономической политики католиков и приносил выгоду прежде всего им. «Ирония истории заключалась в том, — пишет И. Грдина, — что Хрибар своей идеей помог достичь успеха самому опасному конкуренту. И это была вина не его, а его узкомыслящих и склонных затягивать дела либеральных соратников»⁴⁵.

Хрибар, хоть и не достиг успеха в осуществлении своего замысла на родине, помог реализовать его в Далмации в 1892 г. К тому времени провинциальное собрание Далмации уже приняло решение о создании ипотечного банка и одобрило его устав, однако до реализации проекта дело еще не дошло. На должность его директора Хрибар посоветовал своего бывшего одноклассника и чиновника представительства банка «Славия» в Любляне А. Эндлихера. Тот поехал в Задар и в течение 10 лет успешно руководил там далматинским ипотечным банком⁴⁶.

За время руководства городом И. Хрибару удалось осуществить еще одну важную национальную финансовую инициативу — открыть Люблянский кредитный банк в поддержку словенских предпринимателей с целью дать им альтернативный немецкому источник капитала (прежде они брали кредиты главным образом в немецких кредитных банках Триеста и Граца). Идею эту выдвинул банкир Макс Вршец. В 1900 г. он составил устав для словенского банка, но опасался, что сам не сможет его открыть в связи с нехваткой необходимого акционерного капитала, и попросил жупана о помощи. Хрибар принял его предложение с условием, что сам внесет изменения в устав и сам назначит подходящих людей в его правление. Вршеца он пообещал принять на работу в новый банк.

Потребность в создании словенского кредитного банка, способного удовлетворить финансовые потребности развивающихся более крупных секторов словенской экономики, на переломе веков ощущали уже многие влиятельные словенцы, но далеко не все. Так, в Совете общины Любляны против его открытия выступил нотариус Иван Гогола, опасаясь, что деятельность кредитного банка нанесет удар по Городскому сбербанку. Его поддержал и И. Тавчар. Хрибар, напротив, доказывал, что кредитный банк станет опорой сберегательному, и его позиция в конце концов возобладала.

Хрибар осознал, что для успешной деятельности кредитного банка словенцам недостает ни квалификации, ни капиталов, поэтому, используя свои связи с чехами, обратился с предложением к генеральному директору Живностенского банка в Праге Войтеху Мастному⁴⁷. Живностенский

⁴⁵ *Grdina I. Ivan Hribar...* S. 25.

⁴⁶ *Hribar I. Moji spomini. 1. del.* S. 140–141.

⁴⁷ *Ibid.* S. 328–329, 331.

банк был основан еще в 1868 г. и стал первым банком, финансировавшимся исключительно чешским капиталом. В 1896 г. открылось его отделение в Вене, а в 1899 г. Мастный предложил Хрибару возглавить отделение, которое планировалось создать в Любляне. Но оно так и не было открыто — вместо этого, согласно договору, заключенному в мае 1900 г., Живнostenский банк спонсировал создание Люблянского кредитного банка. Ему принадлежала половина акционерного капитала (500 000 крон), словенцы согласились с решающим влиянием чехов на финансовые дела банка и с тем, что назначения на ряд руководящих должностей производил Живнostenский банк.

Осенью 1900 г. Люблянский кредитный банк был открыт. Его внутренняя структура, тактика и стратегия действий строились по чешской модели. Директором его стал чех Л. Печанка, ранее работавший в отделении Живнostenского банка в Моравской Острове. Хрибар, стремясь подчеркнуть словенский характер банка, упомянул в воспоминаниях, что только три члена его правления из 12 являлись сотрудниками Живнostenского банка, а членов управляющего совета он набирал сам⁴⁸. Характерно, что в памяти словенцев Люблянский кредитный банк остался именно как настоящий словенский банк, функционирование которого поддерживали братья-чехи из симпатии к словенцам, хотя, как подчеркивает исследователь развития банковского дела в словенских землях Ж. Лазаревич, «элемент славянской взаимности <...> был лишь орудием для достижения экономических интересов» (интересов как чехов, так и словенцев). Словенцы, в частности, благодаря Живнostenскому банку помимо финансовой опоры и опыта работы получили еще и доступ к международному финансовому рынку, а чехи воспринимали Люблянский кредитный банк как чешское учреждение в одной из славянских областей монархии⁴⁹. С созданием Люблянского кредитного банка в словенских землях стало развиваться банковское дело «универсального типа». Вскоре банк вышел на югославянский рынок, открыл филиалы в Сплите и Сараеве. Уже в 1905 г. при его поддержке открылся Адриатический банк в Триесте, а в 1909 г. он присоединил в качестве филиала Торгово-ремесленный банк в Любляне⁵⁰.

Хрибар возглавлял банк с 1900 по 1916 г.⁵¹, а в 1920-е гг. оставался членом его Управляющего совета. Рассказывая о нем в первом томе мемуаров, написанном в марте 1913 г., бывший жупан с гордостью отметил, что словенцы стали активно пользоваться услугами Люблянского кредитного банка. В 1913 г. банк располагал уже 8 млн крон акционерного капита-

⁴⁸ Hribar I. Moji spomini. 1. del. S. 330.

⁴⁹ Lazarevič Ž. Gospodarski vidiki delovanja Ivana Hribarja. S. 112–113.

⁵⁰ Slana L. Josip Gorjup v Ljubljani. S. 183.

⁵¹ Lazarevič Ž. Razmah slovenskih finančnih ustanov // Slovenska novejša zgodovina: od programa Zedinjena Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije: 1848–1992 / ur. J. Fischer et al. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005. Knj. 1. S. 85.

ла и 1 млн крон резервных фондов. «Сейчас, конечно, не найти никого, кто не был бы убежден в пользе банка и его большой важности для нашей национальной экономики. Полностью эта важность осознается через пару десятилетий, поскольку наличествуют все предпосылки к тому, чтобы “Люблянский кредитный банк” стал мощнейшей финансовой организацией»⁵². Действительно, этот банк стал в словенских землях «крупнейшим банковским учреждением в первой половине XX столетия», хотя после их вхождения в состав Югославии характер его деятельности претерпел существенные изменения⁵³.

Хрибар, как и другие словенские либералы конца XIX — начала XX в., придерживался общеевропейских либеральных социально-экономических доктрин. При этом, как и другие словенские и славянские либералы Австро-Венгрии, во главу угла он ставил национально-политические чаяния своего народа, развитие словенской экономики и торговли должно было создать материальную базу для их осуществления. Он стремился к созданию крупного словенского капитала и росту его конкурентоспособности по отношению к немецкому и итальянскому, к национально-культурной и политической эмансипации словенских предпринимателей. В развитии банковского дела в словенских землях Хрибар видел возможность улучшить социально-экономическое положение своего народа, пробудить в нем предпринимательскую жилку и инициативность, в конечном счете — модернизировать словенскую экономику, достичь высокого уровня ее развития. Это позволило бы достичь национально-политических целей — развить национальное самосознание словенцев и укрепить их политические позиции в империи. Хрибар из словенских либеральных политиков был, пожалуй, наиболее сведущ в банковском деле, и его инициативы в этом плане были не только прогрессивны для своего времени, но и хорошо обоснованы. Несмотря на это, его замыслы часто встречали сопротивление даже со стороны его политических единомышленников, поскольку они казались им «чересчур смелыми и рискованными, либо неосуществимыми и фантастическими»⁵⁴. Однако Хрибар не опускал рук и годами боролся за их осуществление. Далеко не все его проекты были реализованы, но те банки, которые ему удалось создать, в дальнейшем существенно способствовали подъему и модернизации словенской национальной экономики.

Большинство словенских финансово-экономических инициатив 1870-х — первой половины 1890-х гг. исходило из либеральной среды, затем инициатива перешла к входившим в партию католиков христианским социалистам. Развитие кооперативного движения в словенских землях до Первой мировой войны историки вполне оправданно делят на два периода. Ж. Лазаре-

⁵² *Hribar I. Moji spomini. 1. del. S. 331-332.*

⁵³ *Lazarevič Ž. Gospodarski vidiki delovanja Ivana Hribarja. S. 111.*

⁵⁴ *Melik V. Ivan Hribar in njegovi spomini // Hribar I. Moji spomini. Ljubljana: Slovenska matica, 1984. 2. del. S. 621.*

вич характеризует их как национальную и социальную фазы⁵⁵. Основание кредитных кооперативов либералами с целью финансово-экономического освобождения словенцев от иностранного капитала характеризует первую из них. Социальная фаза началась в середине 1890-х гг., когда словенские христианские социалисты стали основывать свои кооперативы, учитывая потребности беднейших слоев населения. Они проявили большую гибкость и понимание экономической ситуации, чем многие из либералов, и нередко брали на вооружение их наиболее перспективные инициативы — как показывает пример ипотечного банка — и осуществляли их.

Источники

- Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani (RZ NUK). Ms. 1411. Hribar, I. IV.1. Korespondenca. Slovan. 1884. 4 IX. № 37. S. 292.
Slovenski narod. 1880. 11, 13, 14 VIII; 1881. 22–27 XI.
Hribar I. Moji spomini. Ljubljana: Tiskarna Merkur, 1928. 1. del: Od 1853. do 1910. leta.
Krek J. E. Socializem. V Ljubljani: Slovenska krščansko-socialna zveza, 1901.

Литература

- Кирилина Л. А.* Словенские земли накануне и в период Первой мировой войны. (90-е гг. XIX в. — 1918 г.) // *Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В.* История Словении. СПб: Алетейя, 2011. С. 239–289.
Adamič F. Prizadevanje Janeza Bleiweisa za napredek kranjskega kmetijstva // Zbornik za zgodovino naravoslovja in tehnike / ur. J. Batis, P. Vodopivec. Ljubljana: Slovenska matica, 1983. Zvezek 7: Bleiweisov zbornik. S. 49–80.
Bergant Z. Slovenski klasični liberalizem. Idejno-politilni značaj slovenskega liberalizma v letih 1891–1921. Ljubljana: Nova revija, 2000.
Erjavec F. Zgodovina katoliškega gibanja na Slovenskem. Ljubljana: Prosvetna zveza, 1928.
Grdina I. Ivan Hribar. “Jedini resnični radikalec slovenski” // Hribarjev zbornik / ur. I. Grdina. Ljubljana: Založba ZRC, Inštitut za kulturno zgodovino ZRC SAZU, 2010. S. 9–82.
Kresal F. Zgodovina socialne in gospodarske politike v Sloveniji od liberalizma do druge svetovne vojne. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1998.
Lazarevič Ž. Kmečki dolgovi na Slovenskem. Socialno-ekonomski vidiki zadolženosti slovenskih kmetov 1848–1948. Ljubljana: Znanstveno in publicistično središče: Zbirka Forum, 1994.

⁵⁵ *Lazarevič Ž.* Oris razvoja slovenskega bančništva do prve svetovne vojne // Prispевki za novejšo zgodovino. 1999. Letn. 39. Št. 2. S. 80.

- Lazarevič Ž. Oris razvoja slovenskega bančništva do prve svetovne vojne // Prispevki za novejšo zgodovino. 1999. Letn. 39. Št. 2. S. 75–90.
- Lazarevič Ž. Razmah slovenskih finančnih ustanov // Slovenska novejša zgodovina: od programa Zedinjena Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije: 1848–1992 / ur. J. Fischer et al. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005. Knj. 1. S. 83–86.
- Melik V. Ivan Hribar in njegovi spomini // *Hribar I. Moji spomini*. Ljubljana: Slovenska matica, 1984. 2. del. S. 619–661.
- Perovšek J. Na poti v moderno. Poglavlja iz zgodovine evropskega in slovenskega liberalizma 19. in 20. stoletja. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2005.
- Slana L. Josip Gorup v Ljubljani // *Kronika. Časopis za slovensko krajevno zgodovino*. 2010. Letn. 58. Št. 1. S. 175–194.
- Vodopivec P. O gospodarskih in socialnih nazorih na Slovenskem v 19. stoletju. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2006.

References

- Adamič, F., 1983. Prizadevanje Janeza Bleiweisa za napredek kranjskega kmetijstva. In: J. Batis, P. Vodopivec, eds, 1983. *Zbornik za zgodovino naravoslovja in tehnike*. Ljubljana: Slovenska matica. Vol. 7: *Bleiweisov zbornik*, pp. 49–80.
- Bergant, Z., 2000. *Slovenski klasični liberalizem. Idejno-politični značaj slovenskega liberalizma v letih 1891–1921*. Ljubljana: Nova revija.
- Erjavec, F., 1928. *Zgodovina katoliškega gibanja na Slovenskem*. Ljubljana: Prosvetna zveza.
- Grdina, I., 2010. Ivan Hribar. “Jedini resnični radikalec slovenski”. In: Grdina, I., ed., 2010. *Hribarjev zbornik*. Ljubljana: Založba ZRC, Inštitut za kulturno zgodovino ZRC SAZU, pp. 9–82.
- Kirilina, L. A., 2011. Slovenian lands on the eve of and during the First World War. (1890s — 1918). In: Kirilina, L. A., Pilko, N. S., Churkina, I. V., 2011. *History of Slovenia*. Saint Petersburg: Aleteia, pp. 239–289. (In Russian)
- Kresal, F., 1998. *Zgodovina socialne in gospodarske politike v Sloveniji od liberalizma do druge svetovne vojne*. Ljubljana: Cankarjeva založba.
- Lazarevič, Ž., 1994. *Kmečki dolgovi na Slovenskem. Socialno-ekonomski vidiki zadolženosti slovenskih kmetov 1848–1948*. Ljubljana: Znanstveno in publicistično središče; Zbirka Forum.
- Lazarevič, Ž., 1999. Oris razvoja slovenskega bančništva do prve svetovne vojne. *Prispevki za novejšo zgodovino*, XXXIX (2), pp. 75–90.
- Lazarevič, Ž., 2005. Razmah slovenskih finančnih ustanov. In: J. Fischer et al., eds, 2005. *Slovenska novejša zgodovina: od programa Zedinjena Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije: 1848–1992*. Ljubljana: Mladinska knjiga. Vol. 1, pp. 83–86.
- Melik, V., 1984. Ivan Hribar in njegovi spomini. In: I. Hribar, 1984. *Moji spomini*. Ljubljana: Slovenska matica. Vol. II, pp. 619–661.

- Perovšek, J., 2005. *Na poti v moderno. Poglavja iz zgodovine evropskega in slovenskega liberalizma 19. in 20. stoletja*. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino.
- Slana, L., 2010. Josip Gorup v Ljubljani. *Kronika. Časopis za slovensko krajevno zgodovino*, 58 (1), pp. 175–194.
- Vodopivec, P., 2006. *O gospodarskih in socialnih nazorih na Slovenskem v 19. stoletju*. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino.

**ИЗДАНИЕ «ГЛАСНИК: СЛУЖБЕНИ ЛИСТ СРПСКЕ
ПРАВОСЛАВНЕ ПАТРИЈАРШИЈЕ»
(ВЕСТНИК: ОФИЦИАЛЬНАЯ ГАЗЕТА СЕРБСКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ПАТРИАРХИИ)
О КОНКОРДАТЕ КОРОЛЕВСТВА ЮГОСЛАВИЯ
И СВЯТОГО ПРЕСТОЛА, ПОДПИСАННОМ В 1935 Г.**

Душан Р. Баягич

Научный сотрудник,
Институт новейшей истории Сербии,
Белград (Сербия)
Почтовый адрес: пл. Николы Пашича, 11,
Белград, 11000, Сербия
Электронный адрес: bajagicdusan@yahoo.com

Аннотация

В статье анализируются материалы «Гласника: Официальной газеты Сербской православной патриархии» о конкордате, который югославский министр юстиции Людевит Ауэр и представители Святого престола подписали в Риме 25 июля 1935 г. Рассматриваются тексты, публиковавшиеся в «Гласнике» с 23 ноября 1936 г., когда премьер-министр Милан Стоядинович на заседании правительства официально заявил о передаче конкордата для ратификации Народной скупшине — нижней палате Народного представительства. Ратификация должна была состояться до окончания парламентской сессии 24 июля 1937 г. В центре внимания — мнения, позиции и оценки положений конкордата, которые в соответствии с их функциями делятся на организационные, нормативно-правовые, материальные, кадровые и прочие. Изложенная выше процедура должна была определить организационные рамки и характер функционирования на территории Королевства Югославия Римско-католической церкви как организации и института. Авторы «Гласника» выражали опасения, что деятельность церкви приобретет выраженный миссионерский характер, что она станет беспрепятственно и публично осуществлять свою религиозную миссию среди иноконфессионального населения Королевства Югославия, в котором было представлено несколько конфессий и в котором католики не составляли большинства. Это грозило усилением клерикализма как инструмента антиюгославской политики, а также установлением гегемонии Святого престола. Навязываемая им политика могла привести к серьезным политическим столкновениям, поставить под угрозу мир и спокойствие в стране.

Ключевые слова

Королевство Югославия, Святой престол, конкордат, Сербская православная церковь, борьба за и против конкордата, «Гласник: Официальная газета Сербской православной патриархии»

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2024 г.

Статья доработана автором 25 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Баягич Д. Р.* Издание «Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије» (Вестник: Официальная газета Сербской православной патриархии) о конкордате Королевства Югославия и Святого Престола, подписанном в 1935 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 67–95. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.04>

GLASNIK: THE OFFICIAL NEWSPAPER OF THE SERBIAN ORTHODOX PATRIARCHATE ON THE CONCORDAT OF THE KINGDOM OF YUGOSLAVIA AND THE HOLY SEE, SIGNED IN 1935

Dušan R. Bajagić

Researcher,
Institute for Recent History of Serbia,
Belgrade (Serbia)
Postal address: Nikola Pašić Square, 11,
Belgrade, 11000, Serbia
E-mail: bajagicdusan@yahoo.com

Abstract

The materials of the «Glasnik: The Official Newspaper of the Serbian Orthodox Patriarchate» on the Concordat, which the Yugoslav Minister of Justice Ludevít Auer and representatives of the Holy See signed in Rome on July 25, 1935, are analyzed. The article examines the texts that have been published in the «Bulletin» since November 23, 1936, when Prime Minister Milan Stojadinović at a government meeting officially announced the transfer of the Concordat for ratification to the People's Assembly — the lower house of the People's Representation. Ratification was to take place before the end of the parliamentary session on July 24, 1937. The focus is on opinions, positions and assessments of the provisions of the Concordat, which, according to their functions, are divided into organizational, regulatory, material, personnel and others. The steps outlined above was supposed to determine the organizational framework and the nature of the functioning of the Roman Catholic Church as an organization and institution in the territory of the Kingdom of Yugoslavia. The authors of the Bulletin expressed fears that the church's activities would acquire a pronounced missionary character, that it would freely and publicly carry out its religious mission among the non-confessional population of the Kingdom of Yugoslavia, where several denominations were represented and where Catholics did not constitute the majority. This threatened to strengthen clericalism as an instrument of anti-Yugoslav policy, as well as the establishment of the hegemony of the Holy See. The policy could lead to serious political clashes and endanger peace and tranquility in the country.

Keywords

The Kingdom of Yugoslavia, the Holy See, the Concordat, the Serbian Orthodox Church, the struggle for and against the Concordat, Bulletin: The Official Newspaper of the Serbian Orthodox Patriarchate

Received 24 September 2024

Revised 25 November 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Bajagić, D. R., 2024. Glasnik: The Official Newspaper of the Serbian Orthodox Patriarchate on the Concordat of the Kingdom of Yugoslavia and the Holy See, Signed in 1935. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 67–95. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.04>

Акт политического освобождения и объединения югославян — провозглашение Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии), состоявшееся 1 декабря 1918 г., — сопровождался мощными импульсами к церковному объединению и воссозданию Сербской патриархии, инициатором чего служили отдельные части Сербской церкви — организма, на тот момент лишённого внутреннего единства. В основе этих импульсов лежала неизменная воля законных представителей Сербской церкви. Несмотря на их единодушие, реальное церковное объединение и восстановление патриархии заняло целых два года — с декабря 1918 г. по сентябрь 1920 г. После семи лет военных действий (Первой и Второй балканских, а также Первой мировой войны) единая Сербская православная церковь (СПЦ) старалась укрепить религиозные чувства народа, посвятить себя напряженной работе по восстановлению, преобразованию и развитию национальной жизни сербов. В этом отношении она опиралась на активизацию деятельности паломнических движений. Участвовала в законотворчестве, осуществила административно-территориальную реорганизацию, а также прилагала усилия к разработке и реализации системы школьного образования на всех уровнях. Поощряла восстановление института *задужбины*, оставаясь непоколебимо сдержанной в отношении всех нововведений¹.

Наиболее авторитетным из центральных периодических изданий / газет СПЦ являлся «Гласник: Официальная газета Сербского православного патриархата». Как официальное издание «Гласник» имел раздел, в котором публиковались соответствующие акты и документы церкви, а также раздел «неофициальный» — для статей и обсуждения актуальных церковных вопросов, насущных потребностей жизни паствы. Авторы статей стремились способствовать всестороннему духовному преображению читателей, откликаться на их религиозные и нравственные потребности, а также профессионально и научно защищать христианский взгляд на мир и жизнь. Стремилась приблизить духовное достояние церкви к читателям невоцерковленным, предоставить им духовную точку опоры, а также смягчить последствия военных бедствий для сербского народа. Для этого они публиковали выразительные литературные произведения, которые были доступны для понимания широкого круга читателей. Старались принимать участие в благотворительности и священнодействии церкви, а также информировать общественность о событиях во всех областях ее жизни².

¹ Вуковић С. Поговор и кратак преглед потоњих догађаја // Грујић Р. М. Православна српска црква. Крагујевац: Светлост, 1989. С. 224; Слијепчевић Ђ. Историја Српске православне цркве. Књ. 1–3. Београд: Catena mundi, 2018. Књ. 2. С. 545–566; Димић Љ. Срби и Југославија: простор, друштво, политика: (поглед с краја века). Београд: Стубови културе, 1998. С. 85, 86.

² «Гласник» замышлялся как продолжение «Гласника Православне Цркве», выходившего в Королевстве Сербия. Первый номер вышел 14 июля 1920 г. — во время, когда завершался сложный процесс восстановления единства Сербской церкви и воссоздания патриархии. Название издания несколько раз менялось. Первые четыре

С момента объединения, провозглашенного 1 декабря 1918 г., СПЦ выражала последовательную приверженность югославянскому государству и соблюдала его законы. Церковь шла в фарватере политики, которую проводили король Александр вместе с ведущими сербскими и югославскими политическими организациями. Этот курс опирался на идею этнического унитаризма, то есть югославянскую идею, положенную в основание государства. Представление о существовании «трехименного народа сербов-хорватов-словенцев», воспринимавшееся сербами как идеал, обусловило их отношение к проблеме административно-территориального устройства государства. Следствием подобного догматизма стала так называемая национальная демобилизация, выражавшаяся в небрежении к национальной, духовной, экономической и культурной консолидации сербского народа. Что касается этнического унитаризма, сербские политики не видели, что это чистая выдумка и иллюзия, что он опровергнут реальностью национальной жизни в Королевстве СХС³.

В противоположность сербам хорваты со словенцами концепцию трехименного народа и идею этнического унитаризма воспринимали как пропагандистский инструмент, оперативно-политическое предназначение которого во время Первой мировой войны сводилось к разрушению Австро-Венгерской монархии. В политической деятельности они делали упор не на народное единство, а на отличительные особенности своего устного и письменного языка и литературы, навязывая сербам своеобразную языковую войну. Хорваты и словенцы строго следовали национальной идеологии, настаивая на собственной индивидуальности и правах. Этим особенно отличались хорватские политики и общественная элита с присущим ей выраженным национальным сознанием, находившим выражение в постоянных апелляциях к хорватскому историческому и государственному праву. Несмотря на их малочисленность в Народной скупщине, они подвергали обструкции политическую систему, игнорировали демократическое большинство и стремились добиться всего, на что претендовали.

номера вышли под заголовком «Гласник: Службени лист Уједињене Српске Православне Цркве». С пятого номера и до конца межвоенного периода — «Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије». Поначалу владельцем газеты был епископ Горнекарловачкий Иларион Зеремски, а редактором — профессор Атанасие М. Попович. Год спустя издание перешло в собственность Святого архиерейского синода. В межвоенное время в роли редакторов выступали протоиерей Димитрие Руварац, священник Сретен П. Вуичич, профессор Милош Парента и др.

³ Архијереји Уједињене Српске Православне Цркве свему свештенству и народу Српске Православне Цркве у Краљевству Срба, Хрвата и Словенаца и изван граница Краљевства // Гласник: Службени лист Уједињене Српске Православне Цркве. 1920. № 1, I, 1/14. јул. Београд. С. 2-4; Ускршња Посланица Његове Светости Патријарха Господина Варнаве // Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије. 1930. № 9, XI, 1./14. мај. Сремски Карловци. С. 131-132; *Троицки С. Верска политика Краља Ујединитеља* (Прештампано из Летописа Матице Српске). Нови Сад: Штампарија Јовановић и Богданов, 1935. С. 3-20; *Димић Љ.* Срби и Југославија... С. 29-38, 114, 115.

Указанные различия и расхождения между сербами и хорватами, а также социальная неразвитость, межплеменное отчуждение, противоречия католицизма и православия — всё это препятствовало реализации югославянской государственной идеи, новой в политическом отношении и выраженно интегративной по своей сути. Ее цель состояла в том, чтобы, поощряя осознание этнической близости, общности языка, территорий и интересов, преодолеть разобщенность и разделительные барьеры, возникшие в течение предыдущих столетий. В перспективе это должно было привести к формированию единой югославянской нации с присущей ей общенациональной культурой⁴.

Общество Югославии не только столкнулось с идеологиями и политическими концепциями национальной исключительности, архаичными и авторитарными по своей сути, но и стало объектом воздействия клерикализма Римско-католической церкви. Хорватский римско-католический епископат, в период распада Австро-Венгерской монархии преисполнившийся беспокойством, неуверенностью и страхом, поприветствовал и благословил скрепя сердце объединение словенцев, хорватов и сербов в независимом Королевстве СХС, стремясь обеспечить себе наиболее благоприятные условия и преференции для распространения клерикализма. При этом недвусмысленно выражалась надежда, что права Римско-католической церкви будут признаны в югославском государстве и что все значимые вопросы удастся урегулировать путем заключения договоренностей со Святым Престолом.

Клерикализм являлся инструментом политики церкви, суть которой заключалась в отрицании югославского государства. Для созданного сербским народом государства и для сербского этнического организма клерикализм, упорно осуществлявший свою религиозную миссию на Востоке и стремившийся обратить в католичество всех сербов, представлял непосредственную угрозу. Католицизм, исходивший из установки, что верующие имеют двойную самоидентификацию, конфессиональную и национальную, преподносил себя в качестве единственного направления, в рамках которого могло происходить развитие национального сознания. Это подразумевало контроль над всей общественной жизнью паствы и решающее влияние на формирование ее общественного сознания. Стремясь выполнить свою религиозную миссию, Римско-католическая церковь свои неизменные основополагающие принципы ставила выше воли государства и его законов⁵.

⁴ *Петрановић Б.* Југословенско искуство српске националне интеграције. Београд: Службени лист СРЈ, 1993. С. 31–36; *Димић Љ.* Срби и Југославија... С. 36–38, 114, 115.

⁵ Клерикализм в современном государстве, каким была Югославия, имел целью создание католического государства в государстве, которое контролировалось бы священниками и церковью и подчинялось им через систему братств, конгрегаций, католических обществ, религиозных школ и католической прессы. Соответствен-

Посягательство на гражданские институты, общественную жизнь и государственное устройство приводило к разногласиям между Римско-католической церковью и Королевством СХС / Югославия. Эти разногласия касались целого ряда вопросов: школьного законодательства; учебников; преподавания Закона Божия и места священнослужителей в системе школьного образования; закона о сокольской организации; назначения епископов и их отношений со Святым престолом. Кроме того, вызывало вопросы стремление Ватикана получить право создавать и развивать под своей эгидой просветительские, физкультурные, банковские, политические, экономические, социальные и прочие светские учреждения, которые напрямую подчинялись бы и служили интересам той части католической церкви, которая не имела отношения к народу Югославии. В этом случае светские организации, которые бы основал Святой престол, находились бы вне юрисдикции властей королевства. Наибольшую озабоченность у государственных органов вызывали злоупотребления, допускавшиеся следующими хорватскими молодежными объединениями: «Хорватский католический орел», «Крижары» (крестоносцы. — *Прим. переводчика*), «Хорватский герой». За перечисленными организациями стояла церковь, решавшая свои политические задачи и поощрявшая антигосударственную деятельность⁶.

СПЦ не могла мириться с тем, чтобы Святой престол оказывал воздействие на исполнительную власть в области регулирования семейной, образовательной и социальной политики, а также с попытками влиять на жизнь и духовное развитие граждан-католиков посредством религиозных орденов и конгрегаций. С помощью клерикализма и Католической акции Святой престол стремился облегчить католической церкви проникновение в институты гражданского общества, что позволило бы оказывать влияние на всех граждан, весь народ и государство. Сербская православная церковь в этом усмотрела опасность того, что католическая церковь действительно присвоит

но, он призывал католиков к гражданскому неповиновению, выдвинув требование подчиняться только законам Римско-католической церкви, но не государственным законам, не соответствовавшим духу оной. Церковь занимала воинственную позицию, согласно которой человек лишался собственной воли, а долгом церкви было руководить им и направлять его, подчинив себе систему образования, а также вменяя в обязанность пастве чтение религиозной литературы. Помимо влияния на образовательную сферу церковь пыталась внедрить во всю общественную жизнь институты религиозного запрета и контроля. См.: Архив Југославије. Ф. 14 (Министарство унутрашњих послова Краљевине Југославије 1919–1941). Фасц. 3 (Материјали Кабинета и Управног одељења). Архивска јединица 10 (Разни материјали Кабинета и Управног одељења: пропаганда католичке цркве); Наук историје // Гласник: Службени лист Уједињене Српске Православне Цркве. 1920. № 4, I, 16./29. август. Београд. С. 54–59; *Симић С.* Ватикан против Југославије. Београд: Култура, 1990. С. 1–5, 20, 26; *Dimić Lj., Žutić N.* Rimokatolički klerikalizam u Kraljevini Jugoslaviji: 1918–1941: prilozi za istoriju. Beograd: Vojno-izdavački i novinski centar, 1992. S. 13–35, 73–115, 135–170.

⁶ *Лановић М.* Конкордат Југославије с Ватиканом. Београд: Штампарија «Св. Сава», 1925. С. 51–72, 84–93. (Библиотека савремених религиозно–моралних питања; књ. 15–16); *Dimić Lj., Žutić N.* Rimokatolički klerikalizam... S. 182–208.

полномочия светской власти и разрушит сформировавшуюся естественным образом среду, общую для отдельного гражданина и государства в целом, объединявшую представителей всех конфессий, а не только католиков.

Недовольство Сербской церкви, вызванное политикой Святого престола, достигло апогея в связи с проблемой конкордата, также породившей противоречия между СПЦ и правящими кругами. К подписанию конкордата между Королевством СХС / Югославия и Святым престолом стремился король Александр I Карагеоргиевич. Монарх, погибший в 1934 г., рассчитывал, что соглашение послужит внутренней консолидации королевства, которая так и не состоялась при его жизни⁷. Конкордат, ратифицированный Народным представительством в 1937 г., являлся четвертым по счету проектом. Данный проект был в некотором смысле продуктом дипломатиче-

⁷ Переговоры о заключении конкордата начались в 1920 г. и шли поэтапно в течение следующих 15 лет. Первый проект конкордата появился в 1923 г., второй — в 1925 г. Шесть лет спустя, в 1931 г., последовал третий проект конкордата. Однако Народная скупщина не приняла ни один из них. Передавая Скупщине четвертый вариант, подписанный министром юстиции Людевитом Ауэром со Святым престолом в Ватикане 25 июля 1935 г., югославское правительство заявило, что действие всех конкордатов на территории королевства приостановлено в результате заявления Папы Бенедикта XV от 21 ноября 1921 г. Однако с 1918 г. и до принятия конституции в 1921 г., а также позже в большей части страны действовали конкордаты более ранних периодов, унаследованные от прежних государств, территории которых вошли в состав Югославии. Шесть различных правовых систем были представлены в законодательстве католической церкви того времени. В Далмации и Словении действовало австрийское законодательство, соответствовавшее правовой ситуации, создавшейся в результате отмены конкордата 1870 г. и принятия «Майских законов» 1874 г. На территории Хорватии и Славонии действовал конкордат, который Австрийская империя заключила со Святым престолом в 1855 г. Хорватский собор утвердил этот конкордат в качестве государственного закона. Венгерское законодательство применялось на территории Баната, Бачки и Бараньи, а также в Меджумурье. В Боснии и Герцеговине отношения с Римско-католической церковью регулировались в соответствии с соглашением, достигнутым императором Францем Иосифом и папой Львом XIII. На основании этого соглашения 8 июня 1881 г. была издана *bullа circumscriptionis*, которая лишь формально, но не по сути отличалась от конкордата. Собственно, такой акт обычно назывался конкордатом. На территории бывшего Королевства Черногория действовал конкордат, который Княжество Черногория подписало со Святым престолом в 1886–1887 г. Наконец, накануне Первой мировой войны в 1914 г. Королевство Сербия заключило конкордат со Святым престолом. Следовательно, во время создания Королевства СХС большая часть его территории была охвачена конкордатами и правовыми нормами католической церкви предыдущих периодов. Только на территории Словении, Далмации, Меджумурья, Бараньи, Бачки и Баната отношения государства с Римско-католической церковью не регулировались специальными соглашениями. См.: *Парента М.* Конкордат са Светом Столицом // *Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије.* 1925. 10, 15./28. мај. Сремски Карловци. С. 151–153; *Троицки С.* Неуспела заштита конкордата // *Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије.* 1937. № 3 и 4, 2./15. март. Сремски Карловци. С. 66–67; *Рибар И.* Конкордат // *Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије.* 1937. № 1, 2. /15. фебруар. Сремски Карловци. С. 10; Конкордат и критика конкордата. Београд: Штампарија «Привредни Преглед», 1937. С. 6–7, 10; *Троицки С.* Верска политика Краља Ујединитеља... С. 3–20; *Вуковић С.* Поговор и кратак преглед потоњих догађаја... С. 225.

ской работы Боголюбa Евтича, который участвовал в его подготовке сначала в качестве министра двора, затем в качестве министра иностранных дел при правительстве Милана Сршкича и, наконец, в качестве премьер-министра планировал довести эту работу до конца. В дипломатическом порядке было согласовано, что торжественное подписание состоится 25 июля 1935 г. в Ватикане. В это время по итогам прошедших 5 мая 1935 г. выборов правительство Евтича сложило полномочия и вместо него было сформировано новое, главой которого был назначен Милан Стоядинович. Вопрос о подписании конкордата перешел под юрисдикцию правительства Стоядиновича, и в установленную дату со стороны Сербии его официально подписал министр юстиции Людевит Ауэр со Святым престолом в Ватикане.

Включение конкордата в повестку дня Народного представительства Королевства Югославия произошло в обстоятельствах нестабильности международного положения и внутренней политики, которая была характерна для королевства в этот период. Именно принятие конкордата в Народном представительстве имело решающее значение как в деле укрепления международного положения королевства, так и, возможно даже в большей степени, в вопросе стабилизации внутривосточной ситуации, которая воспринималась как ожидаемый результат данного действия. С точки зрения пользы для внешней политики принятие конкордата было важным в контексте отношений с Италией, которая ввиду близости с Ватиканом была очень заинтересована в решении этого вопроса. С точки зрения пользы для внутренней политики королевства, согласно планам правительства Стоядиновича, конкордат был одним из условий решения «хорватского вопроса», так как премьер-министр считал, что заключение договора с Ватиканом поможет его правительству заполучить поддержку среди населения, исповедующего католицизм⁸.

⁸ В сфере международных отношений Италия представляла собой большую угрозу для Королевства СХС / Югославии по причине своих притязаний на восточное побережье Адриатического моря. В этом смысле решение вопроса о конкордате могло бы принести конкретную пользу Югославии, поскольку это повлияло бы на улучшение отношений с Италией, от которой в течение всего межвоенного периода исходило множество угроз. Внутренняя политика королевства была обременена «хорватским вопросом», решение которого ставили во главу угла практически все лидеры хорватских политических направлений: от Владимира Владко Мачека, лидера Хорватской крестьянской партии, до Анте Павелича, основателя и лидера движения усташей, а также римско-католический епископат; они отличались между собой только методами решения этого вопроса. Озабоченность «хорватским вопросом» была до такой степени выраженной, что договор в том виде, в котором представители Ватикана предложили его Королевству Югославия, наткнулся на сопротивление со стороны не только хорватских политиков, но и римско-католического епископата, который также не был заинтересован в отношениях между Югославией и Ватиканом. Это было время скрытой хорватской революции. Кроме того, лидеры хорватской оппозиции часто придерживались антиклерикальных взглядов и вообще считали освобождение от оков католицизма и религии благословением для хорватского народа. После выборов 5 мая среди хорватов начало набирать популяр-

Перед подписанием конкордата премьер-министр Милан Стоядинович передал текст этого договора патриарху и Синоду, а министр юстиции Людевит Ауэр даже лично поговорил с патриархом Варнавой. Ни патриарх, ни Синод поначалу не высказали никаких возражений. Кроме того, правительство в знак доброй воли и готовности пойти на уступки Патриархии дало обещание улучшить Закон о Сербской православной церкви. После того как конкордат был подписан, королевское правительство выжидало наиболее подходящий момент для обсуждения и принятия договора в Народном представительстве. Так, Милан Стоядинович 13 ноября посетил Патриархию, чтобы проинформировать патриарха о планах, связанных с принятием конкордата. Первой реакцией церкви был созыв собора на экстренное заседание, начавшееся 11/24 ноября 1936 г. Наряду с обсуждением вопросов церковной жизни собор занимался конкордатом и вынес решение направить Стоядиновичу письмо, в котором констатировалось, что этот договор существенно и неблагоприятно повлияет на положение Сербской православной церкви в королевстве и нанесет ущерб государственным интересам, и по этой причине СПЦ просит его не ратифицировать.

Стоядинович получил письмо от собора 5 декабря 1936 г., а 11 декабря приехал в Патриархию и в присутствии архиереев опроверг высказанные в письме предположения, а также намекнул, что процесс принятия конкордата будет вскоре завершен. В тот же день на заседании Народной скупщины, то есть нижней палаты Народного представительства, он внес предложение о ратификации конкордата. Тем временем 7 декабря папский нунций в Белграде Пелегринетти выразил Стоядиновичу ноту протеста по причине того, что конкордат не был включен в повестку дня Народной скупщины

ность политическое движение, провозглашавшее стремление к сепаратизму. Основным способом, с помощью которого планировалось достижение желаемого отделения, была федерализация Королевства Югославия. Стоядинович в главе правительства представлял собой главное препятствие для реализации сепаратистских устремлений посредством федерализации, поскольку его политика основывалась на Конституции 1931 г., согласно которой королевство являлось унитарным государством. Владко Мачек в качестве лидера своей партии вместе со своими союзниками в Крестьянско-демократической коалиции бойкотировал Скупщину нового созыва, и уже с лета 1935 г. Хорватская крестьянская партия создала партийное военное формирование — Хорватскую крестьянскую защиту и Хорватскую гражданскую защиту. Принятие конкордата для правительства Стоядиновича являлось способом сокращения числа сторонников Владко Мачека и Хорватской крестьянской партии как наиболее влиятельного игрока на хорватском политическом поле, а также являлось способом нивелирования влияния движения усташей среди представителей низшего духовенства, в основном среди францисканцев. См.: *Слијепчевић Ђ.* Историја Српске православне цркве... Књ. 2. С. 566; *Ђурић Мишина В.* Милан Стојадиновић и конкордат Ватикана и Краљевине Југославије // Милан Стојадиновић: политика у време глобалних ломова / приређивач М. Ђурковић. Београд: ИЛП «Службени гласник»; Центар за конзервативне студије, 2012. С. 214–216; *Тимонина Е. С.* Конкордатский кризис 1937 года в Югославии: апогей противостояния Сербской Православной Церкви и государства // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 236, 237. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2023_4_234.

в рамках временного промежутка, согласованного ранее. В середине декабря широкая общественность была ознакомлена с текстом конкордата, тогда же была издана брошюра «Замечания и возражения против проекта конкордата между нашим государством и Ватиканом, парафированного 25.VII 1935 года». Именно эта публикация была первой в серии подобных текстов против конкордата в печатных изданиях⁹.

Поскольку Народная скупщина 21 декабря 1936 г. сформировала Комитет по изучению Закона о конкордате, премьер-министр Стоядинович начал предпринимать конкретные меры против критики конкордата, исходящей от Сербской церкви. Он запретил публикацию речи патриарха, с которой тот выступил накануне Старого Нового года и в которой косвенно был раскритикован конкордат. Своего близкого соратника Милана Йовановича Стоимировича, директора информационного агентства «Авала», он попросил опубликовать текст, в котором критиковалась бы позиция патриарха и который, среди прочего, был бы опубликован в «Самоуправлении» — издании, подконтрольном Стоядиновичу. Таким образом, органы власти противостояли церкви посредством партийных газет, в то время как в государственной прессе они прибегали к цензуре, когда речь шла о позиции церкви по вопросу о конкордате.

Церковь, со своей стороны, активно выступала против проконкордатской политики правительства. Многочисленные священнослужители в устных проповедях утверждали, что после ратификации конкордата сербы должны будут принять католицизм и отречься от «славы»¹⁰ и других традиций. Под руководством епископа Далматинского Ириней (Джорджевича) в Белграде с целью ведения борьбы против конкордата был основан Православный народный комитет, который открыл свои отделения по всей стране и, таким образом, привлек к этой борьбе широкие народные массы.

⁹ Брошюра «Замечания и возражения против проекта конкордата между нашим государством и Ватиканом, парафированного 25.VII 1935 года» была напечатана в Сремских Карловцах в типографии Патриархии под руководством архимандрита Платона (Йовановича). Она была востребована среди многочисленных противников этого договора как в церковных кругах, так и среди широкой публики — среди всех, кто критиковал его содержание. С этой публикации, за которой последовала серия буклетов и брошюр, а также статей в периодических изданиях, издаваемых под эгидой СПЦ, началась борьба церкви против конкордата в публичном пространстве, что послужило началом Конкордатского кризиса. В типографии Патриархии печатались брошюры, листовки, плакаты и другие материалы, в которых оправдывались действия и отстаивались позиции СПЦ. По вопросу о конкордате высказывались в прессе известные представители высшего духовенства — епископы Жичский Николай (Велимирович) и Далматинский Ириней (Джорджевич), vicарий Платон (Йованович), иеромонах Василий (Костич), а также многочисленные миряне: дипломат и деятель культуры Марко Цемович, профессор юридического факультета Михайло Илич, Сима Симич и другие. См.: *Ђурић Мишина В.* Милан Стојадиновић и конкордат Ватикана... С. 218, 219, 225; *Тимонина Е. С.* Конкордатский кризис 1937 года в Югославии... С. 239.

¹⁰ «Слава» — сербский семейный праздник, отмечаемый в день памяти святого — покровителя рода.

В результате комитет с трудом мог контролировать свою деятельность, поскольку он отклонился от защиты позиции Сербской православной церкви и обратил свои усилия на свержение правительства.

На распространение недовольства проконкордатской политикой правительства, а также на втягивание в борьбу против конкордата людей по личным и партийно-политическим мотивам большое влияние оказали: представители оппозиции в Скупшине, особенно из Демократической и Радикальной партий, которые внесли предложение о том, чтобы конкордат не включался в повестку дня; другие политические партии, такие как запрещенная Коммунистическая партия Югославии, которая поддерживала всё, что шло во вред Ватикану, по причине убеждения, что Святой престол является опорой фашизма; некоторые политики, такие как Димитрий Лётич, который обвинял Милана Стоядиновича в содействии уничтожению Югославии; бывшие премьер-министры, Боголюб Евтич из Парижа и генерал Петар Живкович, которые стремились заручиться поддержкой среди архиереев. Наряду с политическими партиями и движениями к противостоянию с правительством из-за конкордата присоединились некоторые организации ветеранов, такие как «Народная оборона».

Благодаря активному участию в первую очередь политических партий и отдельных политиков борьба против конкордата дополнительно радикализировалась и приняла характер общенародного движения против правительства, что вынудило Сербскую православную церковь на плановом заседании собора 17 мая 1937 г. решительно заявить, что она непоколебимо и единодушно остается на своей неизменной прежней позиции по вопросу упомянутого проекта конкордата и что она самым решительным образом отгораживается от всех действий и могущих произойти событий, которые будут спровоцированы беспринципным, личным, партийным и политическим противостоянием, чему нет места в таком серьезном принципиальном вопросе, как вопрос о конкордате.

Еще во время собора здоровье патриарха Варнавы (Росича) было серьезно подорвано, поэтому его обязанности временно исполнял митрополит Загребский Досифей (Васич). Ситуация вокруг конкордата оставалась весьма напряженной и после собора, поскольку попытка Стоядиновича согласовать позиции с архиереями не увенчалась успехом. В начале июля 1937 г. Конкордатский кризис достиг апогея, состояние здоровья патриарха Варнавы существенно ухудшилось, в Народной скупшине началась процедура обсуждения Закона о конкордате, а церковь была вынуждена провести экстренное заседание собора. Комитет по изучению Закона о конкордате начал обсуждение этого договора 8 июля 1937 г., а 14 июля документ был принят. Днем ранее началось экстренное заседание собора, на котором было принято решение об отлучении от церкви любого депутата, который, являясь членом СПЦ, проголосует за принятие конкордата, а также о лишении духовных лиц, бывших среди депутатов, сана. Обсуждение конкордата

в Скупштине началось 19 июля и в этот же день в Белграде был запланирован молебен о здравии патриарха Варнавы с крестным ходом, который должен был начаться от Кафедрального собора и пройти по главным улицам города. Власти сначала запретили шествие, но, ознакомившись со списком национальных и религиозных ассоциаций, которые должны были участвовать в мероприятии, изменили решение с условием, что крестный ход будет двигаться по неглавным улицам города. Помимо высшего духовенства, епископа Шабацкого Симеона (Станковича), викарного епископа Платона (Йовановича) и прочих священнослужителей и простых верующих, в шествии приняли участие также оппозиционные политики, коммунисты и националистические организации («Сокол», «Народная оборона» и другие). Таким образом, в процессии оказались люди с разными взглядами. Впоследствии произошло вмешательство полиции, которое привело к трагическим событиям, известным как «Кровавый крестный ход», так как среди участников шествия были раненые, в том числе и владыка Симеон, что вызвало большое возмущение в сербском народе и среди верующих СПЦ. В результате вмешательства полиции религиозная процессия была разбита на более мелкие группы, выступление которых вылилось в яростные демонстрации против режима. Несколько дней спустя Скупщина приняла конкордат в ночь с 23 на 24 июля, этой же ночью скончался патриарх Варнава.

При первых новостях о трагических событиях епископ Жичский Николай предпринял попытки связаться со Стоядиновичем и всеми его министрами, которые, как он считал, могли повлиять на прекращение кровопролития и стабилизировать ситуацию. В телеграммах, которые он им отправлял, он не скупился на критические замечания и обвинения в адрес правительства, политика которого по вопросу о конкордате привела к трагическим последствиям. Будучи заинтересованным в стабилизации ситуации и достижении согласия с СПЦ, правительство Стоядиновича решило первым делом отказаться от передачи конкордата в Сенат, а затем и вовсе окончательно исключить его из повестки дня, о чем Синод получил известие 28 января 1938 г.

В событиях Конкордатского кризиса хорватские политические партии не принимали участия, поскольку были полностью сосредоточены на решении хорватского вопроса. Римско-католический епископат Югославии вручил ноту протеста Стоядиновичу по причине реакции сербских архиереев и настаивал на том, что не позволит оспаривать права католической церкви. Ватикан не стал комментировать кризис официально и, судя по всему, пытался реализовать свои планы с помощью югославских министров католического вероисповедания. Югославская армия все время держалась в стороне. Кризис привлек большое внимание прессы — как югославской, так и мировой¹¹.

¹¹ За Конкордатским кризисом особенно внимательно следила британская дипломатия через своих дипломатов в Королевстве Югославия и высшее духовенство

Центральным печатным органом, посредством которого СПЦ пыталась донести до верующих свою позицию по вопросу о конкордате, был «Гласник: официальная газета Сербской православной патриархии». Непосредственно после экстренного заседания собора 11/24 ноября 1936 г., созванного после того, как Стоядинович в правительстве 23 ноября 1936 г. официально заявил, что конкордат был передан Народной скупшине для ратификации, «Гласник» начал публиковать серию текстов о конкордате, которые выходили до середины июля 1937 г., пока велось обсуждение этого договора, сначала в Комитете по изучению Закона о конкордате, а затем в Народной скупшине, которое в итоге завершилось его принятием 24 июля 1937 г.¹² Авторы текстов и статей о конкордате анализировали этот договор и толковали его положения. Они стремились указать на существенное расширение преимуществ организации и функционирования католической церкви, которые она могла бы реализовать согласно этому договору в отношении всех других религиозных общин, в первую очередь СПЦ, а также в отношении самого государства — Королевства Югославия. Стоит отметить, что, согласно результатам нашего исследования, наиболее весомый и значительный вклад в критику конкордата посредством публикаций в «Гласнике» внесли епископ Платон, Сергей Троицкий и Иван Рибар¹³.

Англиканской церкви. Британцы часто контактировали с югославскими официальными лицами и представителями СПЦ. См.: *Ђурић Мишина В.* Милан Стојадиновић и конкордат Ватикана... С. 225–242; *Тимонина Е. С.* Конкордатский кризис 1937 года в Югославии... С. 239–246. Подробнее о борьбе СПЦ против конкордата, «Кровавом крестном ходе», смерти патриарха Варнавы и Конкордатском кризисе см.: *Архив Југославије. Ф. 74* (Двор Краљевине Југославије 1918–1948). Фас. 75 (Канцеларија Краља 1919–1941: Црквљ и одношенија с Црквљом у страни и за границиј: Остали материјали). Архивска јединица 106 (Протести због намере да се закључи Конкордат и догађања с тим у вези (1937)); *Јавно мњење о Конкордату*. Београд: Самоуправа, 1937; *Конкордат пред Народном скупштином*. Београд: Самоуправа, 1937; *Слијепчевић Ђ.* Историја Српске православне цркве... Књ. 2. С. 567–586; *Радић Р.* Живот у временима: патријарх Гаврило Дожић: 1880–1950. Београд: Православни богословски факултет Универзитета у Београду, Институт за теолошка истраживања, 2011. С. 273–345; *Пузовић П.* Последњи дани патријарха Варнаве // *Богословље*. 2013. № 2. С. 241–255; *Јаковљевић С.* Српска Православна Црква у конкордатској борби 1937. године — покушај нове синтезе // *Богословље*. 2014. № 2. С. 272–295; *Он же.* Српска Православна Црква у конкордатској борби 1937. године — покушај нове синтезе (II део) // *Богословље*. 2015. № 1. С. 269–293; *Ђурић Мишина В.* Варнава патријарх српски. Подгорица: Књижевна задруга Српског народног вијећа; Пљевља: Српски културни центар «Патријарх Варнава», 2012; *Мишовић М.* Затамњена историја: тајна тестаментна краља Александра и смрт патријарха Варнаве. Београд: Службени лист СРЈ, 1994.

¹² Там же. С. 26; *Ђурић Мишина В.* Милан Стојадиновић и конкордат Ватикана... С. 222, 223; *Јаковљевић С.* Српска Православна Црква... С. 294 и 295.

¹³ Епископ Банялукски Платон (Їванович), в миру Миливое Їванович, родио се у Белграде 29 септембра 1874 г. Окончио Московскую духовную академию в 1901 г. По возвращении на родину в 1902 г. стал преподавателем религиоведения в Первой белградской гимназии. Был участником Балканских войн и Первой мировой войны. После войны стал директором монастырской школы и настоятелем монастырей Раковица и Крушедол. Был избран викарным епископом Моравским, затем — Охридским и Битольским и в дальнейшем — Банялукским. Он был убит

Наш подход к исследованию текстов и статей о конкордате, опубликованных в «Гласнике», заключается в анализе мнений, взглядов и оценок, высказанных их авторами об определяемых конкордатом нормах. Данные нормы можно разделить на организационные, нормативно-правовые, материальные, кадровые и прочие; эти нормы устанавливали рамки функционирования католической церкви как организации и института в Королевстве Югославия.

* * *

Конкордат, который должен был пройти процедуру ратификации в Народной скупщине Королевства Югославия, содержал 38 статей; некоторые из них были общими для всех подобных договоров, которые Святой престол к этому времени уже заключил с различными государствами. Здесь речь идет о статьях, положения которых касались признания примата Папы Римского, свободного и прямого транспортного сообщения с Римом, юрисдикции епископов согласно каноническому праву, религиозного обучения в начальных и средних школах, проверки епископами уровня преподавания, назначения катехизаторов по предложению епископа, финансовой поддержки епископских семинаров, рукоположения епископов, приобретения, пользования и управления имуществом, предназначенным для нужд церкви. Однако этот договор, согласно другим своим положениям, имел множество принципиальных и кардинальных отличий от конкордатов с другими государствами¹⁴.

вместе с другим священником СПЦ усташами 5 мая 1941 г. на берегу реки Врбани, недалеко от Баниа-Луки, в Независимом государстве Хорватия. Тело владыки было найдено только 23 мая 1941 г. Подробнее: *Дурковић-Јакшић Љ.* Платон Јовановић епископ бањалучки (1874–1941). Еџворт: Српска православна епархија источно-америчка и канадска, 1978.

Сергий Троицкий (26 марта 1878, Томск, Российская империя — 26 ноября 1972 г., Белград, СФРЮ) был русским канонистом, православным богословом и университетским профессором. В 1920 г. он эмигрировал в Королевство СХС, где стал профессором церковного права на только что открытом юридическом факультете в Суботиче и на богословском факультете в Белграде. Подробнее: *Гардашевић Б.* Професор Сергије Викторович Троицки // Богословље. 1973. № 1–2. С. 1–15.

Иван Рибар (21 января 1881 г., Вукманич близ Карловаца, Австро-Венгерская империя — Загреб, 2 февраля 1968 г., СФРЮ) был одним из основателей Хорватской народной демократической партии и депутатом венгерского сабора в Будапеште. В Королевстве СХС он был председателем Главного комитета Демократической партии и депутатом в 1920 г., а затем и председателем Народной скупщины Королевства СХС в 1920–1922 гг. После отмены Конституции 1929 г. он ушел в оппозицию вместе с Демократической партией и работал адвокатом. Участник национально-освободительной борьбы с 1941 г. Был председателем на первой и второй сессиях Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОУ). После окончания Второй мировой войны стал председателем Временной народной скупщины Демократической Федеративной Югославии, с 1945 по 1953 г. был председателем Президиума Народной скупщины Федеративной Народной Республики Югославия. См.: Мала енциклопедија Просвета: општа енциклопедија. (По — III) / ред. одбор О. Бихали-Мерин и др. 4-то изд. Београд: Просвета, 1986. Т. 3. С. 194.

¹⁴ Архив Југославије. Ф. 38 (Централни пресбирио Председништва Министарског савета Краљевине Југославије). Фас. 219 (Информативни билтени). Архивска јединица

Авторы материалов в «Гласнике» сходились во мнении, что конкордат, по замыслу его авторов, должен был заложить прочные основы функционирования Римско-католической церкви как религиозной организации и социального субъекта. Согласно этому соглашению, Папа Римский имел бы исключительное право выбора и назначения епископов. В своих диоцезах те бы имели полную независимость от органов государственной власти по вопросам организации и функционирования церковных приходов. Государство было бы обязано признать монашеские ордена и конгрегации в качестве субъектов права. Кроме того, государству пришлось бы взять на себя обязательство обеспечивать безопасность римско-католических священников при исполнении ими своих функций, а также защищать ношение священнического или любого другого религиозного облачения аналогично тому, как оно служило гарантом безопасности каждого государственного служащего или защищало ношение военной формы.

Через миссионерские епархии Римско-католическая церковь имела бы возможность беспрепятственно и публично осуществлять свою религиозную миссию, приоритет которой проявлялся бы в каждом церковном обряде. В результате вся деятельность церкви приобрела бы выраженный миссионерский характер. При этом не надо забывать, что Югославия как общество и государство представляла собой мультирелигиозную и в значительной степени иноконфессиональную для католиков среду. Таким образом, церковь соблюдала бы каноны своей миссии, навязывая главенство Папы Римского и укрепляя клерикализм в Югославии. Это стало бы прецедентом по отношению к уставам всех прочих конфессий в Королевстве Югославия, а также по отношению ко всем действовавшим конкордатам того времени в Европе и мире. С учетом того, что католики в Королевстве не составляли большинства, право осуществления миссии могло иметь далекоидущие последствия, а именно — поставить под угрозу внутренний мир в государстве и вызвать серьезные политические конфликты на почве межрелигиозных различий и противоречий¹⁵.

На основе конкордата Святой престол пытался укрепить и расширить организационную основу Римско-католической церкви в Королевстве

ца 366 (поверљиви извештај Агенције Авала из Београда од 29. VII 1937); *Троицки С. Неуспела заштита конкордата...* С. 66, 67; *Рибар И. Конкордат // Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије. 1937. № 1 и 2, 2./15. фебруар. Сремски Карловци. С. 10; Конкордат и критика конкордата...* С. 7-9; *Слијепчевић Ђ. Историја Српске православне цркве...* Књ. 2. С. 566-569.

¹⁵ Чл. 63 и 64 Устава Српске Православне Цркве од 16. новембра 1931. године // *Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије. 1931. № 22-24, 15./28. децембар. Сремски Карловци. С. 344-346; Рибар И. Конкордат...* С. 11-12; *Троицки С. Неуспела заштита конкордата...* С. 68, 69; *Неколико објашњења о конкордату // Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије. 1937. № 5 и 6, 30. март/12. април. Сремски Карловци. С. 150; Епископ Платон. И опет о Конкордату: Православно гледиште на ово питање // Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије. 1937. № 13 и 14, 2./15. јул. Сремски Карловци. С. 397, 400; Конкордат и критика конкордата...* С. 11-16, 18, 19, 25-27.

Югославия. Проанализировав положение, согласно которому право назначения епископов принадлежало исключительно Папе Римскому, авторы «Гласника» констатировали, что власти королевства никак не могли бы повлиять на его решение. Святой престол лишь должен был бы задать югославскому правительству вопрос, есть ли у того возражения общеполитического характера против кандидата в епископы. Королевское правительство имело бы 30 дней, чтобы дать свое согласие. После истечения этого срока Святой престол имел бы право произвести назначение даже в отсутствие положительного ответа на запрос. Полномочия правительства в отношении епископов ограничивались обязанностью производить им выплаты из государственного бюджета и предоставлять прочие субсидии. В случае с Королевством Югославия имело большое значение, какого именно священника Папа выбирал для епископской кафедры в Любляне, Загребе или Белграде, учитывая, что все они отличались преданностью Ватикану и последовательно проводили его политику. Следует отметить, что СПЦ не располагала правами назначения епископов, аналогичными тем, которыми пыталась заручиться католическая церковь. Кроме того, в этом отношении рассматриваемый проект соглашения отличался даже от конкордата, который в 1855 г. со Святым престолом заключила Австрийская империя¹⁶.

Положение католических епископов в государстве должна была укрепить статья конкордата, согласно которой им предоставлялись полномочия назначать приходских священников и организовывать приходы. Как писал «Гласник», единственное обязательство епископа перед светскими властями состояло в информировании их о произведенных назначениях и прочих изменениях. В конкордатах, подписанных с другими государствами, права епископов по созданию и обустройству новых приходов ограничивались. Католическим епископам в Югославии предоставлялась крупная привилегия со стороны государства, которая не могла быть реализована в условиях полного и последовательного отделения церкви от государства. В случае, если бы это право было осуществлено на практике, оно нарушило бы устройство и суверенитет институтов верховной власти королевства¹⁷.

¹⁶ Согласно положениям конкордата, заключенного между Святым престолом и Австрийской империей, император назначал епископов и был обязан консультироваться с епископами, то есть с руководством епархий. В соответствии с этим в Австро-Венгрии епископы назначались решением государственной власти и правящего режима. Принцип назначения епископов государственными властями сформулирован в конкордате, заключенном Наполеоном I со Святым престолом, после чего он повторялся во всех более поздних конкордатах. См.: *Проект југославенског конкордата и важећи конкордати, прилог Гласнику Српске Православне Патријаршије*. 1937. № 1-2. Београд. С. 8-9, 58 и 59; *Рибар И. Конкордат...* С. 11; *Троицки С. Неуспела заштита конкордата...* С. 69; *Епископ Платон. И опет о Конкордату...* С. 397; *Конкордат и критика конкордата...* С. 14-16.

¹⁷ *Проект југославенског конкордата и важећи конкордати...* С. 14-15, 61-62; *Рибар И. Конкордат...* С. 11; *Епископ Платон. И опет о Конкордату...* С. 399-400; *Конкордат и критика конкордата...* С. 24-25.

Положение конкордата, согласно которому признавалась правосубъектность монашеских орденов и конгрегаций, выражало намерение Святого престола создать организационную основу Римско-католической церкви в королевстве и в этом сегменте. Авторы «Гласника» указывали, что ордена получили бы право беспрепятственно проникать на территорию королевства. Соответственно, Римско-католическая церковь имела бы возможность свободно приобретать и владеть движимым и недвижимым имуществом. В связи с этим Святой престол согласился на то, чтобы церковные старейшины, чьи кафедры находились за пределами Югославии, не имели полномочий по организации орденов и конгрегаций на ее территории. Однако, что касается ордена иезуитов, на него вышеописанное ограничение фактически не распространялось, так как его верховное руководство в лице генерала находилось за пределами королевства¹⁸.

Особое внимание авторов «Гласника» привлекло отраженное в конкордате стремление Святого престола запретить приходским священникам состоять в политических партиях и участвовать в политической жизни Королевства Югославия. На практике это означало, что священники лишались возможности осуществить свое активное и пассивное право участия в выборах. Еще до того, как это положение было бы реализовано на практике, Святой престол намеревался добиться от правительства аналогичного запрета в отношении священнослужителей иных конфессий. Как справедливо отмечалось на страницах издания, выполнение замысла Римского Папы в отношении политической системы королевства потребовало бы изменения государственного законодательства и придания официального статуса положению о деполитизации, что полностью противоречило конституции, соответствующим законам и демократическим принципам¹⁹.

¹⁸ Пројекат југославенског конкордата и важећи конкордати... С. 17–21, 62 и 63; *Рибар И.* Конкордат... С. 11 и 12; Неколико објашњења о конкордату... С. 150; *Епископ Платон.* И опет о Конкордату... С. 400; Конкордат и критика конкордата... С. 25–27.

¹⁹ С первых дней существования югославянского государства демократические принципы, положенные в его основание, оспаривались клерикальными политическими партиями. Те критиковали якобы имевший место запрет представителям религии использовать свой духовный авторитет в партийных целях, хотя в конституционных актах говорилось, что они имеют право состоять в политических партиях, но им запрещалось лишь злоупотреблять духовным авторитетом в партийных целях. Они настаивали на обозначении этих актов термином «канцелпараграф» (*Kanzelparagraf*); от нем. *Kanzel* — церковная кафедра. Кафедральный параграф, согласно которому духовенство в Германии лишалось права высказываться на политические темы, был внесен имперским законом в Уголовное уложение 10 декабря 1871 г.), хотя эти конституционные акты на практике не применялись. Несмотря на это, они послужили поводом обвинить власти Королевства Югославия в так называемой «Культуркампф», т.е. борьбе за культуру по примеру той, которую канцлер Бисмарк проводил в Германии своего времени. См.: *Рибар И.* Конкордат... С. 11; *Троицки С.* Неуспела заштита конкордата // *Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије.* 1937. № 3 и 4, 2./15. март. Сремски Карловци. С. 69; Неколико објашњења о конкордату... С. 150.

В соответствии с этим положением королевское правительство превратилось бы в своеобразное орудие Святого престола, которое подчинило бы его воле не католические конфессии еще до того, как состоялось бы окончательное утверждение положения конкордата о деполитизации священнослужителей. В случае принятия такого решения католическая церковь не только стала бы оказывать значимое влияние на политическую жизнь, но и воспрепятствовала бы представителям других конфессий, не имевших политической партии, составленной из священников, в организации такой клерикальной партии. А ведь сами католики Югославии такую партию уже имели. С тем, чтобы Папа Римский на основании нормы конкордата стал оказывать влияние на политику, не смирилось бы ни одно государство, включая Королевство Югославия.

Как указывали авторы статей «Гласника», проект конкордата отражал намерение Святого престола укрепить и расширить организационную базу Римско-католической церкви в королевстве путем воздействия на школьное образование. От правительства ожидалось признание легитимности частных католических школ, которые находились под управлением епископов или старейшин орденов и конгрегаций. То есть церковь претендовала на то, чтобы свободно и без ограничений открывать частные религиозные школы, равные по своим правам государственным учебным заведениям. Экзамены на получение аттестата зрелости проходили бы в них при содействии государственных органов просвещения. Это позволило бы, с одной стороны, увеличить число монастырских и конфессиональных школ, а с другой — избавиться от административного надзора и необходимости учащимся сдавать экзамены в государственных школах²⁰.

Стремясь монопольно контролировать подготовку молодых людей к священническому служению, Святой престол отстаивал право Римско-католической церкви основывать семинарии и выдавать наставникам подтверждения, что их преподавательская деятельность соответствует папской конституции. За финансирование богословских факультетов отвечало правительство, по решению которого происходило назначение профессоров. Однако свидетельства о способности кандидатов на профессорские должности заниматься преподаванием выдавались компетентными церковными

²⁰ Планы Святого Престола в отношении католических школ вступали в противоречие со сложившейся в Королевстве СХС / Югославия практикой. Следует отметить, что в силу разных обстоятельств СПЦ не имела школ, только семинарии. Видовданская (1921) и Сентябрьская (1931) конституции предусматривали государственный контроль над частными учебными заведениями, воспитанники которых были обязаны сдавать все основные экзамены в государственных средних школах. Однако это совершенно оправданное положение вещей было изменено в результате принятия Закона о религиозном образовании, разрешавшего сдачу годовых экзаменов и экзаменов на получение аттестата зрелости в частных школах. Это положение не имело органической связи с другими положениями Закона о религиозном образовании, но на его основе были существенно изменены и дополнены положения Закона о средней школе, основанные на конституционных принципах.

органами, действовавшими в соответствии с церковными уставами, то есть епископами²¹.

Святой престол также добивался того, чтобы и в государственных школах, в которых дети-католики составляли большинство, работало соответствующее число учителей-католиков. Что касается представителей иных конфессий, действовавшее законодательство такого права им не предоставляло. Более того, учителя-католики не только должны были быть пропорционально представлены в школах, где учащиеся-католики находились в большинстве, но и в иные, не католические школы могли бы поступать на работу на равных основаниях с коллегами, придерживавшимися другого вероисповедания. Подобные притязания Святого престола противоречили не только югославской конституции, согласно которой все подданные имели одинаковое право доступа к государственным должностям, но и положениям Пакта Лиги Наций и Сен-Жерменского договора. На практике могло бы оказаться так, что в отношении условной школы, где все учащиеся — православные, а все учителя — католики, государство не имело бы никаких полномочий отдавать предпочтение православным учителям при приеме на работу²².

Вышеуказанной цели Святого престола служили следующие положения конкордата: допуск католических священников в больницы, детские дома, тюрьмы и т. д. за государственный счет; увеличение численности священников в составе армии с тем, чтобы военные ординариаты получили право назначать священников на постоянной основе в те области, в которых отсутствовали католические приходы. Как нам удалось установить, таким образом Римско-католическая церковь обзавелась бы пропорционально бóльшим числом священников, чем предполагала доля католиков в населении королевства, а в армии католических капелланов стало бы больше, чем священнослужителей иных конфессий. Устремления Святого престола простирались еще дальше и касались получения права издавать статут о духовной помощи в армии и на флоте, а также освобождать римско-католических священников и монашествующих от военной службы и повинностей даже

²¹ Пројекат југославенског конкордата и важећи конкордати... С. 34–36, 69–70; Поводом конкордата // Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије. 1936. № 32 и 33, 24. децембар 1936 / 6. јануар 1937. Сремски Карловци. С. 742; Конкордат и критика конкордата... С. 51–57.

²² Чл. 19 «Устав Краљевине Југославије од 9. септембра 1931» // Службене новине Краљевине Југославије. 1931. Септембар 9. № 207–LXVI. Београд. С. 1306; The Treaty of Peace between The Principal Allied and Associated Powers and Austria (Signed at St. Germain-en-Laye, 1919, 10 September) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forost.ungarisches-institut.de/pdf/19190910-1.pdf> (дата обращения: 11.12.2024); The Covenant of the League of Nations [Электронный ресурс]. URL: https://libraryresources.unog.ch/ld.php?content_id=32971179 (дата обращения: 11.12.2024); Пројекат југославенског конкордата и важећи конкордати... С. 37–38, 71 и 72; Поводом конкордата... С. 743; Епископ Платон. И опет о Конкордату... С. 409–410; Конкордат и критика конкордата... С. 61–65.

в том случае, если они до рукоположения не урегулировали вопрос своей воинской повинности. Освобождение от воинской повинности прямо противоречило конституции и Закону об организации армии и флота, согласно которому никто не имел на это права²³.

Внеся в конкордат положение о том, что Римско-католическая церковь регулирует все вопросы, касающиеся брака и супружеского права, а также межконфессиональных отношений на основе римско-католического канонического права и в пределах юрисдикции римско-католических церковных судов, Святой престол добивался исключительной юрисдикции канонического права как при заключении браков в церкви, так и в спорах по поводу аннулирования и *ratum et non consummatum*²⁴ этих браков, что значительно сократило бы правовые возможности представителей других конфессий. Следствием этого могли стать конфликты на религиозной почве и нарушения прав не католиков при заключении смешанного брака и при определении религиозной принадлежности детей от такого брака. Более того, церковные суды стали бы выносить приговоры в отношении православных, мусульман и пр., что противоречило Сентябрьской конституции, в которой недвусмысленно говорилось, что никто не может быть судим некомпетентным судом. То есть государство лишалось возможности применять соответствующие положения конституции, касающиеся брака и супружеского права, а также межконфессиональных отношений²⁵.

²³ Чл. 11 «Устава Краљевине Југославије од 9. септембра 1931» // Службене новине Краљевине Југославије. 1931. Септембар 9. № 207-LXVI. Београд. С. 1305-1306; Закон о устројству војске и морнарице од 6. септембра 1929 // Службене новине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. 1929. Септембар 23. № 222-LXXXIX. Београд. С. 1619-1666; Пројекат југославенског конкордата и важећи конкордати... С. 39-45, 72-74; Поводом конкордата... С. 743; *Троици* С. Неупела заштита конкордата... С. 70, 73; *Епископ Платон*. И опет о Конкордату... С. 411-412; Конкордат и критика конкордата... С. 68-77.

²⁴ Имеется в виду оказание исключительной милости — расторжения действующего, заключенного с совершением таинства брака, признаваемого недействительным / неконсумированным. Подробнее см.: *Kohútek M. Ratum et non Consummatum. An Outline of the Procedure // TeKa Komisji Prawniczej PAN Oddział w Lublinie. 2016. T. 9. S. 73-83. [Электронный ресурс]. URL: <https://ojs.academicon.pl/tkppan/article/view/6221/6456> (дата обращения: 11.12.2024).*

²⁵ Стремясь распространить действие положений римско-католического канонического права и юрисдикцию церковных судов на брачные и межконфессиональные отношения, Святой престол добивался того, чтобы римско-католические браки и судебные решения по супружеским спорам признавались гражданским законодательством, т.е. чтобы они имели юридическую силу на всей территории Югославии. В межвоенные годы в Священный Синод, епархиальные суды СПЦ, Министерство юстиции, кассационные суды, Госсовет и другие инстанции поступали многочисленные обращения против практики и решений судов Римско-католической церкви, которые игнорировали государственные законы или аннулировали смешанные браки, заключенные в СПЦ. Именно поэтому Сербская церковь призвала государство взять под защиту права других признанных религий, чтобы не допустить ненужных осложнений в правовой и общественной жизни Королевства Югославия. См.: Устав Краљевине Југославије од 9. септембра 1931 // Службене новине Краљевине Југославије. 1931. Септембар 9. № 207-LXVI. Београд. С. 1305-1314;

Адресованное правительству требование конкордата признать полную свободу действий Римско-католической церкви по созданию и управлению организациями Католической акции указывало на следующую цель Святого престола — поставить под исключительный контроль католических иерархов религиозную и моральную стороны жизни паствы, оградив последнюю от влияния политических партий. Под эгидой Католической акции должны были проводиться увеселительные и литературно-музыкальные мероприятия, на которые записывались учащиеся государственных школ. Студенческие секции организаций могли бы существовать и действовать вне государственных школ.

Римско-католическая церковь смогла бы создавать организации по принципу религиозной и этнической («племенной») принадлежности, что запрещалось 13-й статьей Сентябрьской конституции. В том же ряду стоял религиозный контроль над «государственными обществами физической культуры», который должны были осуществлять католические священники, следящие за тем, чтобы спортивные объединения соответствовали «католической доктрине». В частности, это поставило бы единственное в Югославии государственное физкультурное общество «Сокол» под контроль заклятых врагов славянского сокольского движения, которые подтвердили свою нетерпимость по отношению к нему в многочисленных посланиях²⁶.

Святой престол уделял особое внимание материальной стороне деятельности Римско-католической церкви в Югославии. Согласно конкордату, учреждениями и владениями вакантных церковных бенефициев следовало распоряжаться в соответствии с каноническим правом. Как имущество эти бенефиции должны были остаться в собственности церкви даже в том случае, если население, которое ими пользовалось, перешло в какую-нибудь другую веру. Церковные власти получили бы право удовлетворять материальные нужды посредством «церковных тарифов и сборов», а также «дополнительных сборов в пользу церкви». Кроме того, предписывалось ввести специальные тарифы на церковные нужды, которые государство затем взимало бы в интересах церкви через свои налоговые органы²⁷.

Проекат југославенског конкордата и важећи конкордати... С. 45–47, 75; Поводом конкордата... С. 742–743; *Рибар И.* Конкордат... С. 12; *Троици С.* Неуспела заштита конкордата... С. 70, 73 и 74; *Епископ Платон.* И опет о Конкордату... С. 413; Конкордат и критика конкордата... С. 77–85.

²⁶ Чл. 13 «Устава Краљевине Југославије од 9. септембра 1931» // Службене новине Краљевине Југославије. 1931. Септембар 9. № 207–LXVI. Београд. С. 1306; Проекат југославенског конкордата и важећи конкордати... С. 47–49, 75–76; *Троици С.* Неуспела заштита конкордата... С. 74; Неколико објашњења о конкордату... С. 150; *Епископ Платон.* И опет о Конкордату... С. 415; Конкордат и критика конкордата... С. 85–90.

²⁷ Проекат југославенског конкордата и важећи конкордати... С. 25–29, 64 и 65; Поводом конкордата... С. 742; *Троици С.* Неуспела заштита конкордата... С. 68; Неколико објашњења о конкордату... С. 149–150; *Епископ Платон.* И опет о Конкордату... С. 402; Конкордат и критика конкордата... С. 33–35.

Конкордат предусматривал предоставление государством церкви ежегодной субсидии, размер которой рассчитывался «пропорционально числу верующих» и «действительно подтвержденной потребности». Святой престол требовал, чтобы субсидии Римско-католической церкви определялись пропорционально субсидиям, предоставляемым прочим конфессиям. Вопреки принципу равноправия конфессий и игнорируя «подтвержденную потребность», Римско-католическая церковь как самая богатая в государстве часть средств получала бы в качестве внеочередной финансовой помощи со стороны государства и органов местного самоуправления. Поэтому по размеру дотаций она в несколько раз превосходила бы остальные конфессии, за исключением Старокатолической церкви. Таким образом, принцип «пропорционально числу верующих» не соблюдался бы²⁸.

Попытки Святого престола добиться возврата Королевством Югославия всего секуляризованного имущества Римско-католической церкви являлись бесосновательными. Речь шла об имуществе, некогда принадлежавшем церковным фондам, как, например, Фонд Веры, и оказавшемся на территориях, вошедших в состав Королевства СХС (например, Словения)²⁹. Римско-католическая церковь не располагала никакими правами на это имущество, так как право на возврат уже было просрочено и никогда не предъявлялось королевству. Кроме того, управление имуществом Фонда Веры осуществляло государство, как это предписывали австрийские конкордаты 1855 г. и 1933–1934 гг. Церковь намеревалась использовать имущество фонда исключительно в своих целях, что вынудило бы Королевство Югославия передать его ей в неограниченную собственность. Королевство также было бы обязано компенсировать все средства фонда, собранные с момента его создания. Таким образом, возвращение собственности легло бы бременем на всю страну, вызвав экономические и политические потрясения. При этом государство не освобождалось от обязанности платить священникам жалованье³⁰.

²⁸ Чл. 11 «Устав Краљевине Југославије од 9. септембра 1931» // Службене новине Краљевине Југославије. 1931. Септембар 9. № 207–LXVI. Београд. С. 1305–1306; Пројекат југославенског конкордата и важећи конкордати... С. 30–31, 65–67; Поводом конкордата... С. 743; *Троицки С.* Неуспела заштита конкордата... С. 71, 72; *Епископ Платон.* И опет о Конкордату... С. 402–404; Конкордат и критика конкордата... С. 35–40.

²⁹ «Фонду веры» принадлежали огромные лесные массивы в Словении — 35 000 га, которые в период существования королевства ежегодно приносили более 40 миллионов динар дохода. В основу фонда легли средства, собранные в результате продажи имущества монастырей, состоявшейся во время реформ императора Иосифа II, на территории, которая образовала югославскую область Словению. Пока эти земли входили в состав Австрии, доходы фонда тратились на выплаты священникам в словенских землях. А с появлением Королевства СХС его государственные органы взяли на себя управление имуществом и доходами фонда, а также обязательство производить выплаты священникам. См.: Неколико објашњења о конкордату... С. 149.

³⁰ Пројекат југославенског конкордата и важећи конкордати... С. 32, 67; Поводом конкордата... С. 743; *Рибар И.* Конкордат... С. 12; *Троицки С.* Неуспела заштита конкордата... С. 71–72; Неколико објашњења о конкордату... С. 149; *Епископ Платон.* И опет о Конкордату... С. 404–405; Конкордат и критика конкордата... С. 41–43.

Посредством конкордата Святой престол пытался обязать государство, а также частных лиц компенсировать Римско-католической церкви ущерб, который она понесла в результате процедуры освобождения от патроната. Смешанной комиссии предстояло определить размер компенсации за освобождение от обязательств патроната. Одновременно автономные организации и частные лица должны были бы отказаться от всех прав и привилегий, причитающихся патрону³¹.

В связи с аграрной реформой в Королевстве СХС / Югославия Святой престол внес в конкордат положение о следующих обязательствах государства: компенсировать ущерб Римско-католической церкви за изъятие церковные земли; производить изъятие по согласию с собственником; компенсировать ущерб за изъятую землю в случае дальнейшего проведения аграрной реформы. Так Святой престол пытался защитить земельные владения церкви от посягательств государства. Включение в проект соглашения пунктов о компенсации ущерба отражало стремление Ватикана снова поставить на повестку дня вопрос о выплатах за экспроприированную землю, что противоречило Закону о завершении аграрной реформы. Добившись реализации вышеописанного положения, Святой престол дезавуировал бы конституционные постановления об экспроприации и о равноправии конфессий, потому что никто, кроме католиков, таких привилегий бы не имел³².

Проект конкордата определял нормативно-правовой статус священников, на которых не распространялось бы действие Уголовного кодекса и Закона о защите государства. Практическое действие такого иммунитета могло бы проявиться в случае, если бы поведение римско-католических священников угрожало государственному строю. Иммунитет по своей форме представлял собой привилегию, которая полностью противоречила позитивному праву Королевства Югославия. В первую очередь потому,

³¹ Патронат государства, автономных органов и частных лиц представлял собой реальный патронат, предполагавший право использования земель. Патрон, с одной стороны, брал на себя обязательство поддерживать в надлежащем виде церковные строения и выплачивать приходскому священнику утвержденное жалованье, а с другой, имел право участвовать в его выборе и назначении. Институт реального патроната, осуществлявшегося в отношении крупных землевладений, был упразднен в результате аграрной реформы в Королевстве СХС / Югославия. В соответствии с Законом о завершении аграрной реформы крупному землевладельцу разрешалось сохранить все права и обязательства патрона в отношении земельного владения, остававшегося у него и отдававшегося ему в полное свободное распоряжение. В противном случае крупный землевладелец или любое другое заинтересованное лицо были обязаны вернуть церкви принадлежавший ему земельный участок в качестве компенсации. См.: *Проектат југославенског конкордата и важећи конкордати...* С. 32, 33, 67, 68; *Поводом конкордата...* С. 743; *Рибар И.* Конкордат... С. 12; *Конкордат и критика конкордата...* С. 43–48.

³² *Проектат југославенског конкордата и важећи конкордати...* С. 33, 34, 68, 69; *Поводом конкордата...* С. 743; *Рибар И.* Конкордат... С. 12; *Неколико објашњења о конкордату...* С. 149; *Епископ Платон.* И опет о Конкордату... С. 406–407; *Конкордат и критика конкордата...* С. 48–51.

что в отношении обвиняемых предполагалось особое уголовное судопроизводство, в котором должны были участвовать представители церкви. То есть помимо действующего уголовного судопроизводства властям требовалось разработать и принять отдельное судопроизводство для священнослужителей Римско-католической церкви. Что касается СПЦ, ее устав такой привилегии, разумеется, не предусматривал. В случае возбуждения дела и предъявления обвинения духовному лицу государственные власти были бы обязаны ознакомить церковное начальство с обвинением и держать его в курсе судопроизводства. Кроме того, статус обвиняемого как духовного лица подлежал защите.

Наконец, Римско-католическая церковь и ее институты должны были получить признание правосубъектности и возможность как осуществлять все вытекающие из нее права, так и применять нормы канонического права. То есть Святой престол стремился отменить в Королевстве Югославия все законы, декреты и постановления, положения которых противоречили конкордату как международному договору. Все прочие вопросы, имевшие отношение к духовным лицам и имуществу и не охваченные этим договором, следовало решать в соответствии с каноническим правом, которое, таким образом, приобрело бы обязательную силу для Королевства Югославия. Таким образом, воля Святого престола возвысилась бы над волей государства³³.

* * *

Конкордат, подписанный правительством Королевства Югославия со Святым престолом в Риме 25 июля 1935 г., представлял собой международный договор, благодаря которому Святой престол стремился расширить рамки функционирования католической церкви как организации и социального института в Королевстве Югославия. Согласно результатам нашего исследования, авторы текстов и статей о конкордате в «Гласнике: официальной газете Сербской православной патриархии» критиковали конкордат в целом, однако делали исключение для положений по административным вопросам. Мы установили, что из 38 (100 %) статей конкордата 27 статей были подвергнуты критике в «Гласнике», что составляет 71,05 %.

Можно выделить следующие статьи, подвергшиеся критике. Статья I, в которой постулировалось обязательство заниматься миссионерским служением, считавшееся католической церковью приоритетным в случае Королевства Югославия с его преимущественно иноконфессиональным населением, как отмечал Сергей Троицкий. Таким образом, статья критиковалась

³³ Пројекат југославенског конкордата и важећи конкордати... С. 21–24, 49–51, 63–64, 76; Устав Српске Православне Цркве од 16. новембра 1931. године Бр. 134880 // Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије. 1931. № 22–24, 15./28. децембар. Сремски Карловци. С. 340–365; Поводом конкордата... С. 742; *Рибар И.* Конкордат... С. 12; *Троицки С.* Неуспела заштита конкордата... С. 69 и 70, 74; *Епископ Платон.* И опет о Конкордату... С. 400–401, 416; Конкордат и критика конкордата... С. 27–30, 90–93.

из-за вероятности нарушить мир и спровоцировать серьезные политические конфликты по религиозным причинам, особенно в связи с тем, что католики не были большинством в королевстве, что подчеркивал Иван Рибар. Статья II, которая предписывала, чтобы миссия осуществлялась в каждом церковном таинстве. Статья III, поскольку она предоставляла Папе исключительное право назначать епископов, а это могло привести к тому, что во епископы в самых важных городах королевства были бы рукоположены священники, которых в Риме хорошо знали и в отношении которых не сомневались, что те будут беспрекословно следовать политике Рима; об этом предупреждал Иван Рибар. Статья VIII осуждалась единогласно, поскольку запрещала священникам, которые постоянно или временно занимались пастырским служением, вступать в течение всего периода служения в политические партии и действовать в их пользу, а также требовала от югославских властей одновременно с этим и в отношении не католических вероисповеданий и конфессий ввести идентичный запрет на политическую деятельность и принадлежность к партиям. Оценка всех авторов сводилась к тому, что эта статья конкордата нарушает частное право человека на свободное участие в политике, которое было гарантировано конституцией и законами государства и против которого не выступала даже СПЦ. Статья X, которая позволяла епископам в своих диоцезах самовольно и без какого-либо участия государственных органов устанавливать, менять и делить общины / приходы, а также распоряжаться церковным имуществом и службами. Статья XII, на основании которой монашеские ордена и конгрегации получали право свободного переселения в королевство, а католическая церковь — право приобретать и владеть движимым и недвижимым имуществом. Статья XIII, потому что в случае, если распоряжения католических священнослужителей будут угрожать общественному порядку, как на это указал Сергей Троицкий, статья предоставляла таким священникам иммунитет от судебного преследования по Уголовному кодексу и Закону о защите государства и предусматривала для них специальную процедуру, в которой должны были участвовать и представители католической церкви. Такую же реакцию по вопросу о правах священнослужителей вызвала статья XXX, согласно которой предоставлялось освобождение рукоположенных и посвященных духовных лиц от воинской обязанности, так как, по мнению критиков, она являлась нарушением принципа равноправия в государстве, во всех смыслах. Статья XV, потому что она давала католической церкви в королевстве преимущество в получении административной помощи со стороны государственной власти, а также в получении автономного управления по сравнению с другими религиозными общинами. Иными словами, католическая церковь могла получить такую помощь в исполнении всех актов, принятых в соответствии с конкордатом, в то время как для получения помощи СПЦ от государства до тех пор обязательным условием было то обстоятельство, что ее акты должны соответствовать гражданским зако-

нам. Статья XVIII, которая, вопреки принципу равенства вероисповеданий, гарантировала государственную помощь католической церкви, и так самой богатой в королевстве, в несколько раз большем размере по сравнению с другими вероисповеданиями. Статья XXII, согласно которой католическая церковь должна была получить судебную компенсацию за утраченные земли в результате аграрной реформы, и статья XXIII, которая давала соответствующую компенсацию за все отмененные пошлины. Статья XXVI, которая постановляла, что вероучение должно быть обязательным предметом для католической молодежи в начальных, гражданских, профессиональных школах, государственных и частных. Также и статья XXVII, на основании которой нарушались конституционные положения о религиозной терпимости и равенстве всех граждан перед законом, так как в ней было прописано требование, чтобы количество учителей-католиков соответствовало, всегда в пределах возможностей, количеству учеников этой веры, тем самым дискриминируя не католических учителей в католической среде. Статья XXXII, которая предполагала исключительную юрисдикцию римско-католического канонического права в отношении брака и брачного права, чем ограничивала возможность применения прав других вероисповеданий, что особенно подчеркивал епископ Платон.

Как показало наше исследование, СПЦ вела борьбу против конкордата вопреки воле государства, которое до наступления кризиса во всем поддерживала и с которым до этого никогда не вступала в противостояние. Характер и интенсивность Конкордатского кризиса во многом были связаны с действиями оппозиционных политических партий, прежде всего Демократической и Радикальной партий, которые в первых рядах выступали за решительную борьбу против Милана Стоядиновича и его кабинета и своим вмешательством в вопрос о конкордате превратили все протесты в общенациональное движение против правительства. Таким образом, оппозиция в такой политизированной форме навязала этот вопрос собору СПЦ, который она затем втянула в ежедневные политические конфликты. Исход Конкордатского кризиса с главным итогом в виде прекращения процесса ратификации этого договора поднимает вопрос о его последствиях. Высшее духовенство СПЦ могло бы быть довольно достигнутым результатом, но он не был благоприятным, так как в итоге конкордат как способ решения хорватского вопроса, а также некоторых внешнеполитических задач не выполнил своей функции. Хорватский вопрос еще сильнее сплотил практически всех хорватских политических деятелей и дополнительно связал их с католической церковью, которая была очень недовольна решением вопроса о конкордате.

Перевод с сербского А. А. Силкина

Источники

Архив Југославије:

Ф. 14 (Министарство унутрашњих послова Краљевине Југославије).

Ф. 38 (Централни пресбирос Председништва Министарског савета Краљевине Југославије).

Ф. 74 (Двор Краљевине Југославије).

Гласник: Службени лист Српске Православне Патријаршије. 1920–1941.

Јавно мњење о Конкордату. Београд: Самоуправа, 1937.

Конкордат и критика конкордата. Београд: Штампариа «Привредни Преглед», 1937.

Конкордат пред Народном скупштином. Београд: Самоуправа, 1937.

Лановић М. Конкордат Југославије с Ватиканом. Београд: Штампариа «Св. Сава», 1925. (Библиотека савремених религиозно-моралних питања; књ. 15–16).

Пројекат Југославенског конкордата и важећи конкордати. (Прилог Гласнику Српске Православне Патријаршије). Београд, 1937. №. 1–2.

Службене новине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца/Југославије, 1919–1944.

The Covenant of the League of Nations [Електронни ресурс]. URL: https://libraryresources.unog.ch/ld.php?content_id=32971179 (дата обраћања: 11.12.2024).

The Treaty of Peace between The Principal Allied and Associated Powers and Austria (Signed at St. Germain-en-Laye, 1919, 10 September) [Електронни ресурс]. URL: <http://www.forost.ungarisches-institut.de/pdf/19190910-1.pdf> (дата обраћања: 11.12.2024).

Литература

Вуковић С. Поговор и кратак преглед потоњих догађаја // *Грујић Р. М.* Православна српска црква. Крагујевац: Светлост, 1989. С. 223–231.

Гардашевић Б. Професор Сергије Викторович Троицки // Богословље. 1973. № 1–2. С. 1–15.

Димић Љ. Срби и Југославија: простор, друштво, политика: (поглед с краја века). Београд: Стубови културе, 1998.

Дурковић-Јакшић Љ. Платон Јовановић епископ бањалучки (1874–1941). Едворт: Српска православна епархија источно-америчка и канадска, 1978.

Ђурић Мишина В. Варнава патријарх српски. Подгорица: Књижевна задруга Српског народног вијећа; Пљевља: Српски културни центар «Патријарх Варнава», 2012.

Ђурић Мишина В. Милан Стојадиновић и конкордат Ватикана и Краљевине Југославије // Милан Стојадиновић: политика у време глобалних ломова / приређивач М. Ђурковић. Београд: ИЈП «Службени гласник»: Центар за конзервативне студије, 2012.

Јаковљевић С. Српска Православна Црква у конкордатској борби 1937. године — покушај нове синтезе // Богословље. 2014. № 2. С. 272–295.

- Јаковљевић С.* Српска Православна Црква у конкордатској борби 1937. године — покушај нове синтезе (II део) // *Богословље*. 2015. № 1. С. 269–293.
- Мала енциклопедија Просвета: општа енциклопедија (По — Ш) / ред. одбор О. Бихали-Мерин и др. 4-то изд. Београд: Просвета, 1986. Т. 3.
- Мишовић М.* Затамњена историја: тајна тестамена краља Александра и смрт патријарха Варнаве. Београд: Службени лист СРЈ, 1994.
- Петрановић Б.* Југословенско искуство српске националне интеграције. Београд: Службени лист СРЈ, 1993.
- Пузовић П.* Последњи дани патријарха Варнаве // *Богословље*. 2013. № 2. С. 241–255.
- Радић Р.* Живот у временима: патријарх Гаврило Дожић: 1880–1950. Београд: Православни богословски факултет Универзитета у Београду, Институт за теолошка истраживања, 2011.
- Симић С.* Ватикан против Југославије. Београд: Култура, 1990.
- Слијенчевић Ђ.* Историја Српске православне цркве. Књ. 1–3. Београд: Catena mundi, 2018.
- Тимонина Е.* С. Конкордатски кризис 1937 года в Югославии: апогей противостояния Сербской Православной Церкви и государства // *Христианское чтение*. 2023. № 4. С. 234–246. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2023_4_234
- Троицки С.* Верска политика Краља Ујединитеља. Нови Сад: Штампарија Јовановић и Богданов, 1935. (Прештампано из Летописа Матице Српске).
- Димић Лј., Џутић Н.* Rimokatolički klerikalizam u Kraljevini Jugoslaviji: 1918–1941: prilozi za istoriju. Beograd: Vojno-izdavački i novinski centar, 1992.
- Kohútek M.* Ratum et non Consummatum. An Outline of the Procedure // *TeKa Komisji Prawniczej PAN Oddział w Lublinie*. 2016. Т. 9. S. 73–83. [Електронни ресурс]. URL: <https://ojs.academicon.pl/tkppan/article/view/6221/6456> (дата обращения: 11.12.2024).

References

- Bihalji-Merin, O., et al., eds, 1986. *Small Encyclopedia of Education: General Encyclopedia (Po — Sh). Volume III, Fourth Edition*. Belgrade: Prosveta. (In Serbian)
- Dimić, Lj., 1988. *Serbs and Yugoslavia: space, society, politics: (a view from the end of the century)*. Belgrade: Stubovi kulture. (In Serbian)
- Dimić, Lj., Žutić, N., 1992. *Rimokatolički klerikalizam u Kraljevini Jugoslaviji: 1918–1941: prilozi za istoriju*. Beograd: Vojno-izdavački i novinski centar.
- Đurić Mišina, V., 2012. Milan Stojadinović and the Concordat between the Vatican and the Kingdom of Yugoslavia. In: M. Đurković, ed., 2012. *Milan Stojadinović: Politics in a Time of Global Disruption*. Belgrade: IJP “Službeni glasnik”; Centar za konzervativne studije. (In Serbian)
- Đurić Mišina, V., 2012. *Varnava, Serbian Patriarch*. Podgorica: Književna zadruga Srpskog narodnog vijeća; Pljevlja: Srpski kulturni centar “Patrijarh Varnava”. (In Serbian)
- Đurković-Jakšić, Lj., 1978. *Platon Jovanović, Bishop of Banja Luka (1874–1941)*. Edgeworth: Serbian Orthodox Diocese of Eastern America and Canada. (In Serbian)

- Gardašević, B., 1973. Professor Sergey Viktorovich Troitsky. *Bogoslovlje*, 1–2, pp. 1–15. (In Serbian)
- Jakovljević, S., 2014. The Serbian Orthodox Church in the Concordat Struggle of 1937 — an attempt at a new synthesis. *Bogoslovlje*, 2, pp. 272–295. (In Serbian)
- Jakovljević, S., 2015. The Serbian Orthodox Church in the Concordat Struggle of 1937 — an attempt at a new synthesis (Part II). *Bogoslovlje*, 1, pp. 269–293. (In Serbian)
- Kohútek, M., 2016. Ratum et non Consummatum. An Outline of the Procedure. *Teka Komisji Prawniczej PAN Oddział w Lublinie*. [Internet resource], vol. 9, pp. 73–83. URL: <https://ojs.academicon.pl/tkppan/article/view/6221/6456> (Accessed: 11.12.2024).
- Mišović, M., 1994. *Darkened history: the secret of King Alexander's will and the death of Patriarch Varnava*. Belgrade: Službeni list SRJ. (In Serbian)
- Petranović, B., 1993. *Yugoslav experience of Serbian national integration*. Belgrade: Službeni list SRJ. (In Serbian)
- Puzović, P., 2013. The Last Days of Patriarch Varnava. *Bogoslovlje*, 2, pp. 241–255. (In Serbian)
- Radić, R., 2011. *Life in the times: Patriarch Gavriilo Dožić: 1880–1950*. Belgrade: Pravoslavni bogoslovski fakultet Univerziteta u Beogradu, Institut za teološka istraživanja. (In Serbian)
- Simić, S., 1990. *Vatican against Yugoslavia*. Belgrade: Kultura. (In Serbian)
- Slijepčević, Đ., 2018. *History of the Serbian Orthodox Church. I–III*. Belgrade: Catena mundi. (In Serbian)
- Timonina, E. S., 2023. The Concordat Crisis of 1937 in Yugoslavia: the apogee of the confrontation between the Serbian Orthodox Church and the state. *Khristianskoe chtenie*, 4, pp. 234–246. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2023_4_234 (In Russian)
- Troicki, S., 1935. *The Religious Policy of the Unifier King (Reprinted from the Chronicles of Matica Srpska)*. Novi Sad: Štamparija Jovanović i Bogdanov. (In Serbian)
- Vuković, S., 1989. Afterword and brief overview of subsequent events. In: R. M. Grujić, 1989. *Serbian Orthodox Church*. Kragujevac: Svetlost, pp. 223–231. (In Serbian)

РЕЭМИГРАЦИЯ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ ИЗ ДОБРУДЖИ: «БОЛГАРСКИЙ» ЭТАП 1946 Г. (ПО АРХИВНЫМ ДАННЫМ)

Александр Анатольевич Пригарин

Доктор исторических наук, доцент,
УН Центр социальной антропологии,
Российский государственный гуманитарный
университет

Почтовый адрес: Миусская пл., 6,
Москва, 125993, Россия

Электронный адрес: prigarin.alexand@gmail.com

Аннотация

В статье на основе опубликованных и архивных источников реконструируются малоизвестные события, связанные с возвращением русских старообрядцев из Болгарии в СССР в 1946 г. Базовыми документальными свидетельствами выступили посемейные списки переселенцев, составленные в ходе реэмиграции. Их эвристический потенциал позволяет рассматривать процесс репатриации на уровне отдельных партий, поселков и домохозяйств. В целом болгарская группа диаспорного русского населения Европы является относительно немногочисленной. Она сформировалась задолго до возникновения современного национального государства. Стремясь спасти свою религиозную самобытность, липоване и некрасовцы на протяжении XVIII — первой половины XIX в. освоили ряд османских территорий (Балканы и Анатолию). В это время в Добрудже сформировался десяток поселений, среди которых было и село Татарница возле Силистры. Практически перманентная мобильность на уровне как общин, так и отдельных семей приводила к масштабным перераспределениям человеческих ресурсов между различными регионами Османской империи и смежных территорий. Так, например, в начале XX в. возник поселок Казашко около г. Варна. Когда в Болгарию вошла Красная армия (1944–1945 гг.), среди ее офицеров появилась идея «возвращения» на историческую Родину бывших соотечественников-старообрядцев. В 1946 г. около половины всей численности этноконфессиональной группы русских старообрядцев Болгарии с помощью советской власти реэмигрировала в пределы Украинской ССР. Несмотря на актуальность внимания к подобной оригинальной группе «Русское зарубежье» и к теме реэмиграции, обстоятельства, процесс и результат этого переселения оставались без должного документального описания. Их следует рассматривать в общем контексте репатриации русских старообрядцев из Добруджи (подобные переселения из Румынии прошли в 1945 и 1947 гг.).

Ключевые слова

Болгария, СССР, старообрядцы, реэмиграция, этноконфессиональность, диаспора, липоване, некрасовцы, русские старообрядцы в Болгарии, русские старообрядцы в Румынии, Добруджа, УССР

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01663, <https://rscf.ru/project/24-28-01663/>, проект «“Доместикация советского”: опыт репатриации старообрядцев из Европы и адаптации в СССР».

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2024 г.

Статья доработана автором 25 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: Пригарин А. А. Реэмиграция русских старообрядцев из Добруджи: «болгарский» этап 1946 г. (по архивным данным) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 96–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.05>

THE RE-EMIGRATION OF RUSSIAN OLD BELIEVERS FROM DOBRUDJA: “BULGARIAN” STAGE 1946 (BASED ON ARCHIVAL DATA)

Aleksandr A. Prigarin

D. Sc., associate professor,
ERC of Social Anthropology,
Russian State University for the Humanities
Postal address: Miuskaya sq., 6,
Moscow, 125993, Russia
E-mail: prigarin.alexand@gmail.com

Abstract

The article is based on published and archival sources reconstructs a little-known story of the repatriation of Russian Old Believers from Bulgaria to the USSR in 1946. The basic documentary evidence was the family lists of migrants compiled during the resettlement. Their heuristic potential allows the author to consider the process of repatriation at the level of households, groups and villages. In general, the Bulgarian group of the Russian diaspora population of Europe is relatively small. It was formed long before the emergence of the contemporary national state. In an effort to save their religious identity, the Lipovans and Nekrasovites during the 18th and the first half of the 19th century populated some Ottoman territories (the Balkans and Anatolia). At this time, a dozen settlements were formed in Dobrudja, including Tataritsa near Silistra. At the level of communities and individual families there was almost permanent mobility that led to large-scale redistribution of human resources between different regions of the Ottoman Empire and adjacent areas. For example, at the beginning of the 20th century, the village of Kazashko appeared near Varna. When the Red Army entered Bulgaria (1944–1945), the idea of the return of Old Believers to their historical homeland arose among its officers. In 1946 with the help of the Soviet Union about half members of the ethno-confessional group from Bulgaria re-emigrated to the Ukrainian Soviet Socialist Republic. Despite the attention to such an original group of the Russian Diaspora and to the topic of re-emigration, the circumstances, process and result of this resettlement is still without proper documentary presentation. This story should be considered in the general context of the repatriation of Russian Old Believers from Dobrudja (similar resettlements from Romania took place in 1945 and 1947).

Keywords

Bulgaria, USSR, Old Believers, re-emigration, ethno-confessionality, diaspora, Lipovans, Nekrasovites, Russian Old Believers in Bulgaria, Russian Old Believers in Romania, Dobrudja, Ukrainian Soviet Socialist Republic

Funding

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01663, <https://rscf.ru/project/24-28-01663/>, project “*Domestication of the Soviet: the Experience of Repatriation of Old Believers from Europe and Adaptation to the USSR*”.

Received 11 September 2024

Revised 25 November 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Prigarin, A. A., 2024. The Re-emigration of Russian Old Believers from Dobrudja: “Bulgarian” stage 1946 (Based on Archival data). *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 96–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.05>

«ОСКОЛКИ “РУССКОГО МИРА”»: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Когда наука оперирует категориями «Русский мир», «Русское зарубежье» или «диаспора русского народа», то, как правило, апеллирует к недавнему историческому опыту, не выходя за политологические и хронологические рамки Новейшего времени (наиболее устойчивыми понятиями являются «белая эмиграция» или «советские граждане»). В этом контексте не стоит забывать о старейшей и добротной структурированной этноконфессиональной группе русских — старообрядцах. Именно стараниями этих религиозных диссидентов с конца XVII в. воспроизводится идея «колонизации» как внутренних, так и сопредельных (а иногда — очень даже далеких) пространств. В результате границы проживания многих подобных общностей сформировались намного раньше современных границ государств Европы (стран Балтии, Польши, Украины, Молдовы, Румынии, Болгарии, Турции и т.д.). «Липованя» и/или «Град Некраса» распространились широко, создав мощные анклавные русско-традиционалистской культуры в Буковине, Бессарабии, на Дунае, в Добрудже, Анатолии и др. Старообрядческие людские ресурсы не раз привлекались для освоения различных пространств рядом центральных властей и региональных администраций в широком ареале Евразии начиная с 1730-х гг.

Еще одним актуальным аспектом является тема реэмиграции, или возвращения наших соотечественников в российские пределы. Неоднократные возвращения из-за границы характерны были и для липованско-некрасовского сообщества. Реэмиграция части этого старообрядческого населения в 1946–1947 гг. в СССР вполне укладывается в историческую логику развития группы.

Этот локальный сюжет вполне помогает осмыслить и общие масштабные процессы «репатриации соотечественников» из Европы в СССР¹. По-

¹ Решетников С. В. Репатриация советских граждан и участников движения Сопротивления из Франции в СССР // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13. Вып. 3. С. 745–758. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.313>; Шевяков А. А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // *Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции* / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 197–199; Маркдорф Н. М. Судьбы советских военнопленных — участников европейского движения Сопротивления // *Исторический курьер*. 2021. № 3 (17). С. 164–172. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-3-18>; Земсков В. Н. «Возвращенцы» и «невозвращенцы»: о судьбе советских перемещенных лиц в 1944–1956 гг. // *История и историки: историографический вестник*, 2011–2012 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2013. С. 90–107; *Он же*. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. // *Труды Института российской истории РАН* / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2013. Вып. 11. С. 244–284; Полян П. М. Репатриация советских граждан из Франции и французских оккупационных зон Германии и Австрии // *Трагедия войны — трагедия плена: сб. материалов науч.-практ. конф.*,

мимо непосредственно советских граждан проходило возвращение бывших российских подданных из Франции, Китая, Румынии, Чехословакии и т.д. Из Болгарии было переселено немногим менее 1,4 тыс. человек, что составляло примерно двенадцатую часть всех вернувшихся русских и было приблизительно в два раза меньше их сородичей из Румынии². Эти две последние группы (румынская и болгарская) репатриантов имели свою специфику, в отличие от военнопленных, оstarбайтеров и т.д. Это были потомки тех, кто еще в XVIII — начале XIX в. покинул территорию Российской империи³.

К 1945 г., когда Красная армия взяла под свой контроль Румынию и Болгарию, в последней находилось два специфических анклава русских-старообрядцев, насчитывающих более 3 тыс. жителей. Ими были с. Татарница (позднее вошедшее в состав поселка Айдемир Силистринской округи) и с. Казашко Варненской округи: «...они в полной мере могут быть расценены как две разные модели исторического прошлого и будущего русских староверов Юго-Восточной Европы в целом»⁴. Кроме того, вокруг этих эпицентров древнего православия существовал десяток малодворных поселений, небольшие хозяйственные родовые общности.

В 1946 г. по инициативе офицеров Советской армии состоялась репатриация почти половины этой группы на территорию СССР. Выявленный корпус источников позволяет детально реконструировать этот процесс: причины, обстоятельства и ход переселения, расселение и обустройство на новых местах и т.д. Считаю важным включить рассмотрение непосредственной реэмиграции 1946 г. в контекст общей исторической и социокультурной мобильности представителей данной этноконфессиональной группы. Их одновверцы из румынской части Добруджи также приняли участие в этой репатриации (в 1945 и 1947 гг.), но это отдельные, хотя и смежные исторические сюжеты.

посвящ. 55-летию образования антифашист. орг. военнопленных в СССР и пробл. и перспективам развития музея «Трагедия плена», 1–2 окт. 1998 г. / сост. В. А. Всеволодов. М.; Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1999. С. 174–197.

² Пригарин А. А. Возвращение на Родину: переселения русских в РСФСР в 1946–1949 гг. // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы VIII Международной научной конференции, Москва, 19–20 апреля 2024 г. / ред. М. К. Ясменко, Ю. В. Ерохина, О. В. Пустозерова, Д. И. Ерёмкин, Р. Ш. Шафикова. М.: МХПИ, 2024. С. 520–528.

³ Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX в. Одесса; Измаил; М.: Смил: Археодоксія, 2010.

⁴ Пригарин А. А. Русские старообрядцы в Болгарии: новые материалы по истории потомков неkrасовцев и липован Добруджи // Старообрядчество: история, культура и современность / гл. ред. В. И. Осипов. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2004. Вып. 10. С. 29.

СТАРОВЕРЫ БОЛГАРИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ И ПОТЕНЦИАЛ МИГРАЦИЙ

Библиография трудов, исследующих два названных выше поселения, достаточно обширна, но большинство работ имеют лингвистическую или фольклористическую направленность⁵. Собственно историческим сюжетам, к сожалению, внимания уделялось мало. Возможно, это связано с общей историографической ситуацией в изучении казаков-некрасовцев и липован Добруджи и всего Причерноморья. Исследователи отмечали мобильность группы — масштабные миграции как внутри этих групп, так и за их пределами на протяжении XVIII–XX вв.⁶ В такой ситуации прошлый опыт каждой общины-поселения тесно связан с историей группы в целом.

Именно так — в контексте перманентной мобильности — стоит рассматривать, на наш взгляд, современное старообрядческое население Болгарии. Оно представляет собой оригинальный реликт некрасовских и липованских общностей в Причерноморье. Два существующих анклава столь значительно различались в прошлом, что вполне оправданно было бы назвать

⁵ Анастасова Е. Е. Старообрядците в България: мит — история — идентичност. София: Проф. Марин Дринов, 1998; Кауфман Н. Песни на казаците некрасовци от България // Българска музика. 1963. № 5. С. 35–40; Критска-Иванова Е. Ф. Наблюдения върху сватбения фолклор на руските села Казашко, Варненски окръг, и Татарица, Силистренски окръг // Български фолклор. 1977. № 2. С. 44–51; Она же. Типология и эволюция русского свадебного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарица и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт / отв. ред. М. М. Громыко, Т. А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 198–221; Романска Цв. Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1959. Т. 53. № 2. С. 493–614; Она же. Риболовът на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско (принос към етнографското проучване на черноморския ни риболов) // Там же. 1960. Т. 54. № 1. С. 353–446; Она же. Някои етнографски особености на с. Казашко, Варненско, и на русите-некрасовци, които го населяват // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски / ред. В. Георгиев. София: Българска академия на науките, 1960. С. 563–589; Узенёва Е. С. «А язык у нас липованский...» // Славяноведение. 2016. № 6. С. 45–57; Anastassova E. Nekrasovtsy Old Believers // Communities and identities in Bulgaria / ed. by A. Krasteva. Ravenna: Longo Editore, 1998. P. 209–220; Grek-Pabisowa I. O tendencjach rozwoju gwary starowierców w Bułgarii // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 1972. Т. 12. S. 221–232; Eadem. Религиозная и культовая терминология и ее функции в говоре старообрядцев в Польше и Болгарии // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie: [zbiór oprac.] / red. I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, R. A. Morris. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy przy Inst. sławistyki PAN, 1994. S. 301–312; Steinke K. Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1990.

⁶ Скальковский А. А. Некрасовцы, живущие в Бессарабии // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. № 8. С. 61–82; [Кельсиев В.] Очерк старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник / изд. под наблюдением и с предисл. Н. Страхова. СПб.: Изд. Петерб. отд. Славянского ком., 1875. Т. 1. С. 605–620; Короленко П. П. Некрасовские казаки: исторический очерк, составленный по печатным и архивным данным // Известия Общества любителей изучения Кубанской области / под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1899. Вып. 2. С. 1–74; Бачинский А. Д. Некрасовские поселения на Нижнем Дунае и в Южной Бессарабии (XVIII — начало XIX столетия) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1971. Вып. 7. С. 159–163.

это объединение в рамках одного современного государства условным. Кроме того, во время своих архивных и экспедиционных исследований (2000–2001, 2023–2024 гг.) мы убедились, что на территории современной северо-восточной Болгарии имели место и другие поселения русских старообрядцев, не сохранившиеся до наших дней.

Первые старообрядческие общины проникают на территорию Южной Добруджи не позднее конца XVIII — начала XIX в. Именно в это время русско-турецкие войны и активизация враждебности со стороны соседей (задунайских украинских казаков) заставили часть некрасовцев искать новые места жительства в глубине османских владений. В историографии этого вопроса утвердилось мнение, что в этот период укрепляются поселения некрасовцев Анатолии — на о. Майнос⁷. Однако часть некрасовцев нашли себе пристанище возле крепости Силистры, то есть выше по течению Дуная по отношению к местам предыдущего пребывания.

С этими событиями, по-видимому, связано основание с. Татарица. В исследованиях не существует единой точки зрения на дату основания села. В качестве таковой указывались и 1780-е гг.⁸, и середина XVIII в.⁹ Однако у нас есть все основания полагать, что Татарица была заселена старообрядцами в 1810-е гг. Село с таким именем существовало еще с XVI в., однако с другими жителями¹⁰. Заселение старообрядцами вряд ли произошло ранее 1809 г. В это время рядом с селом состоялось крупное сражение между турецкой и российской армиями за крепость Силистру. Источники не отразили столь примечательное некрасовское население Татарицы, что может означать его отсутствие на тот момент.

С другой стороны, известно, что в 1811 г. «напуганные выступающими русскими подразделениями некрасовцы искали простор в области Дуная»¹¹. Именно в начале 1810-х гг. фиксируется массовый «выход» некрасовцев из северной части Добруджи, расположенной вблизи российских границ. В это время часть некрасовцев переселяется в Анатолию (в частности, из Сарыкея часть некрасовцев ушла на о. Майнос, а часть — в с. Татарицу¹²).

Примечательно, что в исторических преданиях липован Татарицы сохранилась память о скитаниях тех лет. Приведем лишь один пример из тех, что нам удалось зафиксировать:

⁷ Иванов-Желудков В. (Кельсиев В.) Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. Кн. 6. С. 413–451; Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97–107; Волкова Н. Г., Заседателева Л. Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1986. № 4. С. 44–54.

⁸ Критска-Иванова Е. Ф. Типология и эволюция русского свадебного обряда... С. 198–200.

⁹ Steinke K. Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. S. 14–16.

¹⁰ История на Добруджа / под ред. Н. Тодорова и Стр. Димитрова. София: Изд-во на БАН, 1988. Т. 3. С. 11.

¹¹ [Кельсиев В.] Очерк старообрядцев в Добрудже. С. 78–79.

¹² Феноген С. Сарикей: страницы истории. Бухарест: Критеон, 1998. С. 54.

Царь Пётр сказал: «Или бороду́ брите или курите». А они православные христиане, сильно религию исправляли. Надо уезжать, и уехали на лодках с парусами. Оне парусами, парусами, парусами, и перебрались туды, чуть ниже Переславу (г. Мальк Переслявец. — *А. П.*). И когда чума их напала, они — на один остров, называется Гаромуд-остров (Гаргалик, Гарван. — *А. П.*). И переехали трошки сюды, и опять... Тогда был паша, турецкое время нали было. И они приехали, тут называется Калмацури. Железный Яр. Тутатка нали, были пастухи-тагары, а Осман-паша переехал туды и говорит: «Уезжайте отседова». А тут вода была... А наши все рыбалки були, им он говорит: «Даю вам кому сколько хотим земли». Они переехали сюды, а татары испужались и ушли¹³.

В подчинении у силистренского «сираксира» (военного коменданта) находилось несколько общин некрасовцев вплоть до Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В документах того времени названия этих поселений зафиксированы как: Татарница, Кючук Диоли (Кючук-Гьол — тур. «малое озеро»), хутор Силистренский, Некрасовская или Липованская Кугуголь (здесь и далее ойконимы приводятся так, как они отражены в документах. — *А. П.*). Сохранилось краткое описание, сделанное в 1826 г. тайным агентом И. П. Липранди¹⁴. Среди собранных им разведанных указывается, что поселение находилось на Дунае «около 30 верст выше Силистрии близ селения Попе». «Она вся состоит из бывших по несколько лет приписанных и имевших оседлость жителей: Измаильских, Вилковских, Бессарабии и других прибрежных мест; они оставили дома, сады и другие заведения свои, и перебежали в 1822 и 1823 годах на правый берег Дуная, тотчас по появлении сыщиков от поселенных войск — к деревням, коим прежде принадлежали. После краткого пребывания в Тульче, Исакче и Некрасовских деревнях, отправлены были большею частью на подводах к Силистрии для поселения — и даны им те же права, коими пользуются некрасовцы и липованы, в состав коих и поступили»¹⁵. «Промышляют преимущественно рыбной ловлею, разведением садов и виноградников, и весьма мало хлебопашеством». Далее И. П. Липранди указывал на то, что «в прошлом году около Покрова (1825, 14 октября. — *А. П.*) в Кучуголе погибло от Чумы более 250 душ»¹⁶.

Во время войны один из офицеров писал С. А. Тучкову, что «около крепости Силистрия селение Кучук Диоли разрушено, откуда некрасовцы переселились — часть в Бабадаг, где помогали Российской армии, а часть — в Татарницу. Из них 35 душ обоего пола в Россию, в Тучков [Измаил]»¹⁷.

¹³ Полевые материалы автора. Записано от Семена Александровича Каракудова, русского, 1920 г.р., с. Татарница. 02.09.2000 г.

¹⁴ [Липранди И. П.] Некоторые сведения о правом берегу Дуная, собранные в 1826 году. СПб: Тип. Ген. Штаба, 1827. С. 42–43.

¹⁵ Там же. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 43.

¹⁷ Коммунальное учреждение «Измаильский архив» (далее — КУ ИА). Ф. 56. Оп. 1. Д. 19. Л. 9–10.

Примечательно, что в упомянутом селении Кючук-Диоли находился некрасовский старообрядческий монастырь, называвшийся «Кучесом, или Верировкой»¹⁸. Однако во время военных действий он был разрушен турками, а монахи переселились вместе с казаками в Россию (на Кубань, Ставрополь).

О том, что Татарица стала центром проживания всего старообрядческого населения, сохранившегося в округе Силистры после 1828 г. и не пожелавшего переселиться в Россию, свидетельствуют также материалы П. Бахметьева¹⁹. Часть жителей Кючук-Диоли после разрушения села ушли в Северную Добруджу (с. Караорман), а затем вернулись в Татарицу.

В это же время российская военная администрация попыталась склонить некрасовцев к переселению в пределы России. На этот призыв откликнулось восемь семей и два бурлака из числа татарских жителей. В архивных материалах удалось обнаружить список этих переселенцев. Согласно ему, 25 взрослых и 8 малолетних (19 мужского и 14 женского пола) перешли в Новую Некрасовку (Кугурлуй) в конце 1830 г.²⁰

Так сформировался один из современных анклавов русских старообрядцев на территории современной Болгарии.

На протяжении 1829–1940-х гг., несмотря на изменения политических границ в регионе, Татарица оставалась с другими липованскими поселениями Добруджи в составе одного государства (Османской империи, Болгарии, Румынии). Тесные конфессиональные, торгово-хозяйственные, брачные связи, особенно с липованами села Новенького (Гиндерешть), предопределили общность их исторических судеб. Вместе с другими старообрядцами-поповцами они приняли активное участие в учреждении Белокриничской иерархии (1846 г.). В 1850-е гг. в Татарице располагалась одна из станиц Добруджанского казачьего войска под руководством М. Чайковского (Садык-паши)²¹. В 1868 г. после упразднения казацкого положения некрасовцев старожилы Добруджи (в частности, Татарицы) были уравниены в правах с остальными жителями края.

В конце XIX в. за счет естественного прироста и пополнения населения беглецами-староверами из внутренних губерний Российской империи изменяется география расселения липован. Поиск новой земли приводит к освоению новых территорий Добруджи и образованию малодворных поселений (хуторов). Так, в начале XX в. в границах современной Болгарии липованскими анклавами были Татарица (788 староверов), Горна-Мусубей

¹⁸ КУ ИА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

¹⁹ Бахметьев П. Към историята на старите руски поселища в сегашна България // Периодическо списание на Българското книжно дружество в София. 1907. София: Държавна печатница, 1908. Год. 19. Кн. 68. Св. 3/4. С. 294–300.

²⁰ КУ ИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 18. Л. 125.

²¹ Czajkowski M. Kozaczyzna w Turcyi: dzieło w trzech częściach. Paryż: Drukarnia L. Martinet, 1857. S. 74–75.

(119), Екисче (89), Хасерлек (88), Деведжикиой (29)²². К этому же времени относится основание хуторов Стылбище (оно же — Стелбище) (Делики-таш) между Силистрой и Тутраканом, Карапча (беспоповцы из северной Добруджи), Камчия (беспоповцы) и Ресилер на побережье Черного моря.

К началу XX в. для липован Добруджи актуальным стал земельный вопрос, одним из путей решения которого являлась реэмиграция в Россию. Либерализация политики по отношению к старообрядцам совпала с проведением столыпинской аграрной реформы. В этих условиях около трети липован Добруджи согласились на переезд на Дальний Восток. Среди них были и жители Татарицы. Выходцы из этого села совместно с выходцами из Новенького в 1909 г. заселили с. Абайканское Амурской области²³.

Следует также отметить, что на образование малодворных поселений старообрядцев, по-видимому, оказала влияние и конфессиональная дифференциация. Беспоповцы и беглопоповцы (оба направления известны в Добрудже под условным названием «хатники») стремились обособиться от старообрядцев, приемлющих священников.

С началом XX в. связано основание еще одного современного анклава — Казашко (Казашко Махала) на берегу Варненского озера. Сюда первоначально переселились потомки некрасовцев с о. Мада и Майнос (Анатолия). Их предки — радикально настроенные казаки-некрасовцы — ушли вглубь Турции именно из Добруджи в конце XVIII — начале XIX в.²⁴ После эпидемии холеры, в начале XX в., большая часть из них уехала в Российскую империю (на Кубань и в Грузию), а те, кто не хотел возвращаться в российские пределы, вынуждены были искать новые места жительства. В источниках конца XIX в. есть свидетельства о том, что Северо-Западное Причерноморье было хорошо известно казакам Мады и Майноса²⁵. Семьи Русовых, Федосея и Филата, перешли на берег Варненского озера и положили начало селу Казашко. Позднее к ним присоединились несколько семей липован из Добруджи.

Жители с. Казашко в основном были «беспоповцами» (кроме собственно приверженцев этого согласия сюда стремились и беглопоповцы, экзотоним которых в регионе также относил их к «беспоповцам»). Как показали наши экспедиционные исследования, в первой половине XX в. здесь существовало несколько микрообщин: окказиональные беспоповцы — по-

²² *Романски Ст.* Народописна карта на нова ромънска Добруджа // Списание на Българската Академия на науките. 1915. Кн. 11. С. 58–59, 76, 80, 93, 102.

²³ *Мельников В.* Переселение старообрядцев. (Из доклада уполномоченного совета съездов) // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1909. № 49. С. 1368–1370.

²⁴ *Смирнов Я. И.* Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада на Бейшеирском озере, Гамид-абадагского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. № 1. С. 3–31.

²⁵ *Гордлевский В. А.* Уголок России в Турции. Старообрядческая деревня под Ак-шехиром. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1913. С. 8–9.

томки некрасовцев из Анатолии, не принявшие Белокриницкую иерархию, всевозможные «хатники» из северной Добруджи. Наличие приверженцев поповского направления привело уже в Новейшее время к тому, что в 2007 г. община приняла так называемую «Новозыбковскую иерархию» — Русскую древлеправославную церковь.

Эти две старообрядческие общины имели своеобразный характер взаимодействия: в конфессиональном отношении они долгие десятилетия игнорировали друг друга, но при этом нередко были случаи заключения браков между их членами (тогда один из молодых супругов принимал «согласие» второго). Особенно такие случаи участились в условно советский период (1945–1989 гг.), когда внутренние ресурсы брачного рынка были практически исчерпаны. Другим путем преодоления этого «дефицита» стали для Татарицы и, в меньшей степени, для Казашко браки с единоверцами из Румынии (для первого поселения даже на постоянной основе поставляет брачных партнеров с. Новенькое (Гиндерешти)). Именно необходимость создания семей для молодого поколения, когда все уже между собой породнились, заставляла искать радикальные решения и стала одним из факторов, обусловивших репатриацию 1946 г., когда советское руководство в лице офицеров Красной армии предложило старообрядцам переселиться в пределы СССР.

РЕПАТРИАЦИЯ 1946 Г.: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ХОД ПЕРЕСЕЛЕНИЙ

Представители этих двух религиозно-территориальных общин русских старообрядцев Болгарии обратили на себя внимание расквартированных в Силистре и Варне советских офицеров своей «консервативностью» и «выразительностью», и они, в свою очередь, привлекли к ним внимание Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации (подполковника Киселева). В аналогичной же ситуации в Румынии уже к концу 1944 г. отмечалось, что «подано несколько коллективных заявлений семейств, даже целыми деревнями, русских из Констанцкого уезда, предки которых поселились в Румынии еще со времени Русско-турецкой войны, о приеме в советское гражданство и переезде на жительство в СССР...»²⁶.

Судьбу подобных соотечественников решали в ходе переписки между Наркомом иностранных дел с Председателем Совета народных комиссаров, где эту инициативу возглавили, но несколько отложили ее исполнение. 24 ноября 1945 г. в НКВД заведующим отделом Балканских стран была послана докладная: «Посланник СССР в Болгарии т. Кирсанов в телефонном разговоре с нашим представителем в Румынии полковником Богдановым сообщил, что в Болгарии имеются граждане русской национальности, проживающие там с давних времен. Прошу сообщить Ваше мнение о целесообразности командирования в Болгарию представителя от пол-

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-9526. Оп. 6. Д. 62. Л. 7.

ковника Богданова для учета русских граждан, желающих переселиться в СССР»²⁷. В нескором ответе, ссылаясь на разработанное Постановление Совета министров СССР № 1923-811с от 29.08.1946 г.²⁸ и Указ Президиума ВС СССР от 14.06.1946 г., писалось, что они «уже приняты в советское гражданство»²⁹. Таким образом, действия местных властей явно опережали действия центральной власти в решении вопросов — списки желающих переселиться были составлены и ждали своего юридического оформления. Как только оно состоялось, процесс пошел: как только вышло постановление СМ СССР, первые партии репатриантов покинули порт Варны и выдвинулись в Одессу.

Причинами и мотивами переселения части русских старообрядцев из Болгарии является совокупность факторов, многие из которых не так очевидны, как это преподносится в бюрократических документах. Во-первых, это было воспроизводство привычной жизненной стратегии старообрядцев — трансформации внешних обстоятельств приводили к переселенческой практике. Подчеркнем, что здесь инициаторами выступили внешние по отношению к липованско-некрасовской среде советские власти. Во-вторых, к подобной же практике прибегали в обстоятельствах кризиса хозяйственно-экономического уклада, который для староверов выражался в нехватке земельных или водных ресурсов. Косвенно это иллюстрирует перманентный процесс создания малодворных поселений вокруг Татарицы и Казашко — исчерпав традиционной моделью рыболовства ресурсы, жители искали новые «ловы» или новые формы заработка. Именно поэтому наряду с «рыбаками» в группе переселенцев оказалось некоторое количество «земледельцев» и жителей городов (наемные работники и ремесленники). В-третьих, сознательно эндогамное общество ревнителей «древлего благочестия» в течение двух-трех поколений испытывало дефицит брачного рынка. Когда привычные межприходские отношения в условиях замкнутости общины переставали удовлетворять потребности в расширении брачного круга, часть молодого поколения вынуждена была совершать переезды, иногда на многие тысячи километров.

Очевидно, что стремление представителей советской власти «вернуть» русских людей на их Родину совпало с этими тремя факторами. Осознавая их, русские старообрядцы Болгарии смотрели на процесс репатриации как на возможность улучшить свое социально-экономическое положение, обеспечить новую эффективную стратегию жизнедеятельности и сохранить свою религиозно-культурную инаковость.

Несмотря на серьезные масштабы задуманной акции, она оказалась не совсем продуманной и подготовленной: чиновники НКВД просили «принять меры к тому, чтобы переселяющиеся граждане, по профессии рыбаки

²⁷ ГАРФ. Ф. А-9526. Оп. 6. Д. 62. Л. 55.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 144.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 379. Л. 165.

<...> запасались максимальным количеством рыболовных снастей, применимых как в морских, так и речных условиях»³⁰; или далее: «Опыт приема переселенцев-рыбаков из Болгарии подтверждает, что Министерство рыбной промышленности УССР не в состоянии обеспечить переселившихся рыболовными снастями, в результате чего Рыбак-Колхозы Украины рыболовецкими снастями обеспечены лишь до 60–70 %». Это сами чиновники относили к «недочетам при приеме переселенцев-рыбаков из Болгарии, не обеспеченных рыболовецкими снастями при выезде в Украинскую ССР»³¹.

Процесс переселения курировался Отделом по делам репатриации при Управлении Одесского военного округа в лице начальника — «гвардии полковника Доможирова» и Уполномоченным Совета министров ССР по делам репатриации подполковником Киселевым³². Так, письмом от 27–28.11.1946 г. сопровождалась посемейные списки «переселенцев, прибывших из Болгарии пароходом “Карл Маркс” и отправленных в Ровенскую, Херсонскую, Николаевскую и Запорожские области»³³. Это была группа в основном из с. Татарица и округи Силистры. Вторая партия людей, вышедших из Казашко и Варны, прибыла в Одессу на том же пароходе спустя две недели, 13 декабря 1946 г.³⁴ Этим переселенцев предполагалось отправить в Ровенскую и Сталинскую (Донецкую) области.

Анализ этих пофамильных списков позволяет реконструировать некоторые исторические обстоятельства развития группы. Так, ровно 100 семей, или 378 чел. (200 мужского и 178 женского пола), планировалось направить в Херсонскую область³⁵. Обращает на себя внимание индекс численности на одну семью (3,78) и коэффициент мужского пола (1,125).

Об исторической географии переселенцев этой группы свидетельствует тот факт, что в ней были как сельские жители (202 человека представляли собственно Татарицу), так и городские (170 человек представляли Силистру, четверо — Бургас и двое — Русук-Русинский). Косвенно на демографическую причину переезда указывает наличие пятерых болгарок в составе этой группы (все они — супруги липован). Наличие иноэтничных брачных партнеров дополняет наши знания о межэтнических связях старообрядцев Добруджи с соседними народами.

Также по трое болгар выявлено в группах, переселявшихся в Ровенскую³⁶ и Николаевскую³⁷ области (во второй был даже один турок). Эти две

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 381. Л. 6.

³¹ Там же.

³² ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 3. Д. 301. Л. 1–182.

³³ Там же. Л. 1, 2–25.

³⁴ Там же. Л. 26, 27–35.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 301. Л. 2–10.

³⁶ Там же. Л. 11–18.

³⁷ Там же. Л. 19–23.

группы состояли из 97 и 67 семей соответственно. В Ровенскую область направлялось 359 чел. (183 мужского и 176 женского пола)³⁸, а в Николаевскую — 190 чел. (99 мужчин и 91 женщина)³⁹. Все они указывались как жители Татарицы. Для них высчитанные индексы и коэффициенты составляли 3,7 и 2,8 чел. на семью, соотношение мужского пола к женскому 1,040 и 1,088 соответственно.

Относительно небольшую общность предусматривалось поселить в г. Мелитополь Запорожской обл.⁴⁰ В ней насчитывалась лишь 21 семья, или 71 чел. (39 мужского и 32 женского пола, 3,38 чел. на семью). Еще более искусственным выглядел в этой группе мужской коэффициент — 1,219. Показательно, что лишь шестеро указали местожительством Татарицу, остальные 65 были жителями с. Стелбище. Видимо, это был небольшой родовой микросоциум старообрядцев.

Следующая, вторая партия переселенцев, прибывшая в одесский порт 02.12.1946 г., представляла собой две группы, которые планировалось поселить в Ровенской⁴¹ и Сталинской⁴² областях УССР. Это были общности в 31 и 43 семьи соответственно, состоящие из 133 (73 мужского и 60 женского пола) и 173 чел. (86 мужчин и 87 женщин). Среди этих переселенцев количество людей в семьях было максимальным: 4,29 и 4,02 лиц на одно домохозяйство. При этом в ровенской группе соотношение полов было 1,217, а в сталинской — 0,989. В первой группе 125 чел. были уроженцами с. Карапча и еще 8 — Казанка-Могила. Во второй 168 чел. происходили из с. Казашко и еще 5 — из Генерал-Тошево (бывш. Касымкёй (Касъмкёй)). Показательно, что в группах репатриантов присутствовали не только русские, но также болгары (2 и 3 соответственно) и армяне (4 чел. в первой группе).

В целом, согласно документальному источнику, переселились 359 семей, или 1 304 чел., из них 680 мужчин и 624 женщин. Усредненный мужской коэффициент — 1,090 — свидетельствовал о достаточно гармоничном соотношении полов. Высоким, практически традиционным следует считать показатель численности семей — 3,63 чел. на одну микросоциальную единицу. Подчеркнем серьезный демографический потенциал репатриантов из Болгарии в УССР.

Наличие графы «место рождения» в этих списках позволяет провести анализ фактического происхождения репатриантов. Формально все они — граждане Болгарии, возвращающиеся на историческую Родину. Проведенные подсчеты вышеуказанного показателя существенно уточняют эту простую схему. Например, в херсонской группе Татарица указана в 277 случаях (73,3 %). 32 человека указали поселки румынской части Добруд-

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 301. Л. 11-18.

³⁹ Там же. Л. 19-23.

⁴⁰ Там же. Л. 24-25.

⁴¹ Там же. Л. 27-30.

⁴² Там же. Л. 31-35.

жи: г. Браилов (6), Тульча (9), Баздарит (1) и Калараш (1); села Гиндерешти (5), Камень (5), Сарыкей (3), Слава (1) и Махмудия (1). 59 переселенцев этой группы обозначили места своего рождения на территории южной, или болгарской, части Добружи: г. Вардим (1), Свищов (1), Силистра (45), Руцук (3); сс. Бордоман, Каракей, Петрай, Сандайка, Сеново, Стелбище, Солнице, Шокаринцы. Еще 8 человек родилось в тогда еще румынской Бессарабии: Килие (2), Кишиневе (1), Измаиле (1); селах Орловке, Старой и Новой Некрасовках, Ташлыке. 3 человека пожилого возраста указали, что родились в Днепропетровске, Николаполе и Черкасах.

Таким образом, получается, что немногим более четверти переселенцев (26,7 %) этой группы по происхождению принадлежали другим территориальным объединениям староверов. При этом каждый четвертый был уроженцем сопредельных «румынских» территорий, а, условно, каждый десятый — СССР (УССР). 6 из 10 были переселенцами в соседние города или хозяйственно-экономические фактории Татарицы по Дунаю, эта цифра отвечала тенденции к урбанизации и мобильности группы в Болгарии.

Среди переселенцев в Ровенскую область наблюдалась большая гомогенность: 345, или 97,2 %, были жителями с. Татарица и лишь по одному человеку — румынской Славы Русы и советского Никополя, по двое — городов и сел Северной Болгарии (Плевена, Силистры; Вербины Дуловского уезда), еще четверо — Бессарабии (Вилкова, Измаила, Николаевки Бендерского уезда).

В Николаевскую область переселилось 157 уроженцев Татарицы (81,3 %), то есть каждый пятый родился вне места выхода. Из них примерно треть — 10 чел. — были из Румынии (Браилова, Журавлевки, Куравея, Нов. Романа, Тульчи, Констанцы); почти половина — 15 чел. — из болгарских Руцука, Силистры, Сеново. Четверть тех, кто был рожден не в Татарице (8 чел.), происходили из Бессарабии: Бендер, Болграда, Некрасовки — и три человека — из советского Никополя.

Еще более сложными по происхождению являются группы, собиравшиеся для отправления на поселение в Запорожскую⁴³ и Ровенскую⁴⁴ области. В первой из них лишь 33 чел. (40,7 %) указали, что родились в Татарице. Остальные 48 чел. распределялись следующим образом: пятая часть их представляла общины румынской Добруджи (Камень, Тульчу и Журиловку); ровно две трети — болгарской (Руцук, Стелбище (24 чел., ровно половина всех, родившихся не в Татарице), Тополю, Тресник); почти каждый десятый — староверов Бессарабии (Некрасовки, Орловки). Напомним, что, согласно нашей гипотезе, в этом случае мы имеем дело с одной расширенной родовой группой, компактно проживавшей на 1946 г. в малодворном поселении Стелбище.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 301. Л. 24–25.

⁴⁴ Там же. Л. 27–30.

В группе, переселявшейся в Ровенскую область, больше половины представляли собой выходцев из Северной (румьинской) Добруджи: 79 чел., или 59,4 % (Сарыкей (67, или почти 9 из 10), Тульча, Пятра, Магмудея, 23-я Миля, Журиловка). 51 чел. (38,3 %) условно можно считать уроженцами болгарской (Южной) Добруджи: примерно пополам поделились Казашко и Карабча, а также Русса. Минимально представлены (3 чел.) лица, рожденные в Бессарабии (Иссерли, Ташлык и Килия).

Пос. Казашко представляли 111 чел., или 65,7 % переселявшихся в Сталинскую область. Еще десяток являлись уроженцами болгарских Татарлицы, Марково, Самокова, Беленьково, Константиновки. Каждый четвертый в приазовской группе являлся уроженцем Румынии (41 чел.: Махмедия, Тульча, Каракей, Гиндерешти, Каркалиу, Констанция, Слава Старая, Сарыкей). Некрасовское историческое своеобразие подчеркивает относительно небольшая общность в 7 чел., которые родились в Хабаровске, на Кубани и в Донской области, а также в Токаре и Хамедии (Турция).

После прибытия в порт Одессы эти партии переселенцев были направлены по железной дороге в области, в которых их планировали поселить. Там эти группы еще больше раздробили и расселили по рыболовецким колхозам вдоль Днепра и Азовского моря. Исключение составили переселенцы в Ровенскую область, которых в результате попробовали поселить в Ивано-Франковской области, в с. Софиевке. Однако они очень быстро попросились в другие местности, ссылаясь на свое неаграрное занятие — профессию рыбаков. В действительности, как вспоминал один из наших информантов, который был подростком в те годы, «как-то ночью к старикам пришли бендеровцы, которые говорят: “Вы люди добрые, видим, но это все наши земли”. До угроз дело не дошло, вот и пришлось уходить». Часть их обустроилась у родни в Херсонской, Запорожской и Сталинской областях, часть ушла в города Бендеры и Килию, к своим одноверцам.

Другой переселенец этого времени вспоминает: «Сели мы на Еланчике, возле моря (Азовского, возле г. Новоазовск. — *А. П.*), рыбу ловили бравенько... Пока я в армию ушёл, тятя всё церковь нашу искал. Рыбаки ему как-то и говорят: “А у нас такие, как вы, есть, бородатые...” Съездил на тот берег моря, а там точно — наши, родня даже оказалась... Вернулся уже туда, всей семьей в Ново-Покровку переехали, чтоб у храм ходить...»⁴⁵ Подобные хутора раскинулись достаточно широко. Для установления точной географии расселения староверов следует искать документы фискально-административного характера.

Наибольший старообрядческий анклав рассредоточился вдоль Днепра. Реконструировать его особенности помогают церковные архивы. Несмотря на пропаганду атеизма и преследование верующих, переселенцы искали священников-старообрядцев, чтобы вести религиозную жизнь. Ближе все-

⁴⁵ Полевой материал автора. Записано от Леонтия Григорьевича Скачкова, русского, 1934 г.р., г. Минусинск. 14.05.2024 г.

го к ним оказался приход в г. Одесса. По всей видимости, в 1952–1953 г. репатрианты наладили общение с вновь назначенным иереем Покровского старообрядческого храма Иваном Яковлевичем Сычевым⁴⁶. Он неоднократно выезжал «для исполнения треб» к ним, проезжая по всем небольшим общинам. Так, например, 23.04.1956 г. он посылал епископу Кишиневскому Иосифу, комментируя их таким образом: «...списки верующих Старообрядцев / переселенцев из Румынии и из Болгарии посещенных мною с Вашего благословения в нижеуказанных селах в Херсонской обл.: 1 — Село Старая Збурьевка, Голопристанский р-н. 2 — Село Кизий-Мыс, Белозерский р-н. 3 — Село Камышани, Белозерский р-н. 4 — Поселок — Херсон-Сухарна»⁴⁷.

Из сопоставления этих списков со списками переселенцев из Болгарии следует, что эти общины состояли из тех, кого в Херсонскую область и планировали поселить. Кроме того, в церковных списках обнаруживается несколько семей, которые переселились в Астраханскую область из Румынии в 1947 г. Естественно, что в эти документы попали лишь пожилые и взрослые люди, дети и молодежь отсутствовали. Также известно, что отдельные переселенцы проживали по соседству в ряде прибрежных поселков (например, в с. Рыбачье Херсонской и с. Мироновка Запорожской обл.). Согласно этому источнику, в Старой Збруевке осело 17 семей, или 37 чел.; в Кизьем-Мысу — 21 семья, или 58 чел.; в Камышанах — 38 и 84 соответственно; в поселке Сухарна — 5 и 10⁴⁸. Отметим, что сохранить свою религиозную принадлежность основной массе переселенцев из Болгарии 1946 г. в условиях дисперсного расселения, небольшими группами семей, было крайне сложно. Лишь отдельным личностям удалось наладить окказиональные связи со священством и приходами. В результате в последующих поколениях потомки репатриантов «растворились» в окружающем населении.

Из Европы в СССР: выводы

Таким образом, привлекая архивные данные, а также историографические источники, можно констатировать некоторые принципиальные моменты.

1. Исторический опыт формирования и развития русского старообрядческого населения Болгарии позволяет характеризовать эту этноконфессиональную общность как один из старейших структурных элементов «Русского мира». Как и их единоверцы в соседних Турции и Румынии, болгарские староверы представляли собой мобильную в социально-территориальном отношении, но устойчивую и даже консервативную — в социально-религиозном отношении группу.

⁴⁶ Пригарин А. А., Федорова А. И. Русские старообрядцы Одессы: этноконфессиональность в условиях поликультурного города. Рига: Меч духовный: Археодоксія, 2022. С. 290–294.

⁴⁷ «Мазаракиевский архив» Покровской общины РПСЦ г. Кишинева. Папка «Г. Одесса. 1.01.1946–31.12.1961 гг.». Л. 227.

⁴⁸ Там же. Л. 229–239.

2. Как показывает анализ мест рождения и мест выхода переселенцев 1946 г., проживание в границах одного государства (в данном случае — Болгарии) никогда не было препятствием для перемещения старообрядцев. На протяжении своего существования и исторического развития «липоване» и «некрасовцы» двух основных общин (Татарницы и Казашко) поддерживали активные хозяйственно-бытовые, брачно-социальные и конфессионально-культурные связи как с соседними сородичами, так и с проживающими в большом отдалении от них.

3. Свою характерную особенность — стремление сохранить «свою веру» при инновационной открытости в отношении внешних вызовов — группа продемонстрировала и в период послевоенной Болгарии. Дав согласие центральным и местным администрациям СССР, около половины староверов Болгарии решились на переселение, «возвращение», «реэмиграцию». Для большинства этих репатриантов «историческая Родина» являлась эфемерным конструктом коллективной памяти: лишь минимальное число людей родились или бывали в Российской империи либо в СССР.

4. Организованное переселение 1946 г. осуществлялось на основе решений, принятых на высшем уровне (Президиум Верховного Совета, Совет министров СССР), силами местных администраций (военной в Болгарии, гражданской в Одесской, Николаевской, Херсонской, Запорожской, Донецкой и Ровенской областях УССР). Перевезенные репатрианты были расселены по рыбколхозам вдоль Днепра и Азовского моря. Хозяйственная адаптация и социальные трансформации прошли достаточно успешно. При этом значительной части переселенцев удалось сохранить свою культурную самобытность — старообрядчество, а для другой части (особенно для тех, кто был расселен дисперсно) этническая солидарность оказалась более востребованной.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

Ф. А-9526. Оп. 6. Д. 62.

Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 144.

Ф. Р-9526. Оп. 3. Д. 301.

Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 379.

Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 381.

Коммунальное учреждение «Измаильский архив» (КУ ИА):

Ф. 51. Оп. 1. Д. 18.

Ф. 56. Оп. 1. Д. 19.

«Мазаракиевский архив» Покровской общины РПСЦ г. Кишинева. Папка «Г. Одесса. 1.01.1946 — 31.12.1961 гг.».

Полевые материалы автора.

Литература

- Анастасова Е. Е.* Старообрядците в България: мит — история — идентичност. София: Проф. Марин Дринов, 1998.
- Анастасова Е. Е.* Староверы Болгарии и Румынии: динамика развития религиозной культуры (1990–2020) // Комплексная археография Московского университета: сборник научных статей / под ред. Е. В. Воронцовой, Д. А. Сундуковой. М.: Архив РАН: Археодоксия, 2023. С. 256–273. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 208. Сер. II: Исторические исследования; 139).
- Бачинский А. Д.* Некрасовские поселения на Нижнем Дунае и в Южной Бессарабии (XVIII — начало XIX столетия) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1971. Вып. 7. С. 159–163.
- Бахметьев П.* Към историята на старите руски поселища в сегашна България // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. 1907. София: Държавна печатница, 1908. Год. 19. Кн. 68. Св. 3/4. С. 294–300.
- Волкова Н. Г., Заседателева Л. Б.* Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1986. № 4. С. 44–54.
- Гордлевский В. А.* Уголок России в Турции. Старообрядческая деревня под Акшехиром. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1913.
- Земсков В. Н.* «Возвращенцы» и «невозвращенцы»: о судьбе советских перемещенных лиц в 1944–1956 гг. // История и историки: историографический вестник, 2011–2012 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2013. С. 90–107.
- Земсков В. Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. // Труды Института российской истории РАН / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2013. Вып. 11. С. 244–284.
- Иванов-Желудков В. (Кельсиев В.)* Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. Кн. 6. С. 413–451.
- История на Добруджа / под ред. Н. Тодорова и Стр. Димитрова. София: Изд-во на БАН, 1988. Т. 3.
- Кауфман Н.* Песни на казаците некрасовци от България // Българска музика. 1963. № 5. С. 35–40.
- [*Кельсиев В.*] Очерк старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник / изд. под наблюдением и с предисл. Н. Страхова. СПб.: Изд. Петерб. отд. Славянского ком., 1875. Т. 1. С. 605–620.
- Короленко П. П.* Некрасовские казаки: исторический очерк, составленный по печатным и архивным данным // Известия Общества любителей изучения Кубанской области / под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1899. Вып. 2. С. 1–74.
- Критска-Иванова Е. Ф.* Наблюдения върху сватбения фолклор на руските села Казашко, Варненски окръг, и Татарица, Силистренски окръг // Български фолклор. 1977. № 2. С. 44–51.
- Критска-Иванова Е. Ф.* Типология и еволюция русского свадебного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарица и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт / отв. ред. М. М. Громыко, Т. А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 198–221.

- [Липранди И. П.] Некоторые сведения о правом берегу Дуная, собранные в 1826 году. СПб: Тип. Ген. Штаба, 1827.
- Маркдорф Н. М. Судьбы советских военнопленных — участников европейского движения Сопротивления // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 164–172. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-3-18>
- Мельников В. Переселение старообрядцев. (Из доклада уполномоченного совета съездов) // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1909. № 49. С. 1368–1370.
- Полян П. М. Репатриация советских граждан из Франции и французских оккупационных зон Германии и Австрии // Трагедия войны — трагедия плена: сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию образования антифашист. орг. военнопленных в СССР и пробл. и перспективам развития музея «Трагедия плена», 1–2 окт. 1998 г. / сост. В. А. Всеволодов. М.; Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1999. С. 174–197.
- Пригарин А. А. Русские старообрядцы в Болгарии: новые материалы по истории потомков некрасовцев и липован Добруджи // Старообрядчество: история, культура и современность / гл. ред. В. И. Осипов. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2004. Вып. 10. С. 29–35.
- Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX в. Одесса; Измаил; М.: Смил: Археодоксія, 2010.
- Пригарин А. А. Возвращение на Родину: переселения русских в РСФСР в 1946–1949 гг. // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы VIII Международной научной конференции, Москва, 19–20 апреля 2024 г. / ред. М. К. Яценко, Ю. В. Ерохина, О. В. Пустозерова, Д. И. Ерёмкин, Р. Ш. Шафикова. М.: МХПИ, 2024. С. 520–528.
- Пригарин А. А., Федорова А. И. Русские старообрядцы Одессы: этноконфессиональность в условиях поликультурного города. Рига: Меч духовный: Археодоксія, 2022.
- Решетников С. В. Репатриация советских граждан и участников движения Сопротивления из Франции в СССР // Новейшая история России. 2023. Т. 13. Вып. 3. С. 745–758. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.313>
- Романска Цв. Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1959. Т. 53. № 2. С. 493–614.
- Романска Цв. Някои етнографски особености на с. Казашко, Варненско, и на русите-некрасовци, които го населяват // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски / ред. В. Георгиев. София: Българска академия на науките, 1960. С. 563–589.
- Романска Цв. Риболовът на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско (принос към етнографското проучване на черноморския ни риболов) // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1960. Т. 54. № 1. С. 353–446.
- Романски Ст. Народописна карта на нова ромънска Добруджа // Списание на Българската Академия на науките. 1915. Кн. 11. С. 7–126.
- Скальковский А. А. Некрасовцы, живущие в Бессарабии // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. № 8. С. 61–82.

- Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97–107.
- Смирнов Я. И. Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада на Бейшеирском озере, Гамид-абадагского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. № 1. С. 3–31.
- Узенёва Е. С. «А язык у нас липованский...» // Славяноведение. 2016. № 6. С. 45–57.
- Феноген С. Сарикёй: страницы истории. Бухарест: Критеон, 1998.
- Шевяков А. А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 195–222.
- Anastassova E. Nekrasovtsy Old Believers // Communities and identities in Bulgaria / ed. by A. Krasteva. Ravenna: Longo Editore, 1998. P. 209–220.
- Czajkowski M. Kozaczyzna w Turcyi: dzieło w trzech częściach. Paryż: Drukarnia L. Martinet, 1857.
- Grek-Pabisowa I. O tendencjach rozwoju gwary starowierców w Bułgarii // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 1972. T. 12. S. 221–232.
- Grek-Pabisowa I. Религиозная и культовая терминология и ее функции в говоре старообрядцев в Польше и Болгарии // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie: [zbiór oprac.] / red. I. GrekPabisowa, I. Maryniakowa, R. A. Morris. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy przy Inst. sławistyki PAN, 1994. S. 301–312.
- Steinke K. Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1990.

References

- Anastasova, E. E., 1998. *Old Believers in Bulgaria: myth — history — identity*. Sofia: Prof. Marin Drinov. (In Bulgarian)
- Anastasova, E. E., 2023. Old Believers of Bulgaria and Roumania: dynamics of development of the religious culture. In: E. V. Vorontsova, D. A. Sundukova, eds, 2023. *Complex archaeography of Moscow University: collection of scientific articles*. Moscow: Arkhiv RAN; Arkheodoksiia, pp. 256–273. (*Works of the Faculty of History of MSU*. Issue 208. Series II: *Historical studies*, 139.) (In Russian)
- Anastassova, E., 1998. Nekrasovtsy Old Believers. In: A. Krasteva, ed., 1998. *Communities and identities in Bulgaria*. Ravenna: Longo Editore, pp. 209–220.
- Bachinskii, A. D., 1971. Settlements of Nekrasovtsy on Lower Danube and in Southern Bessarabia. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia*, 7, pp. 159–163. (In Russian)
- Bakhmet'ev, P., 1908. To the history of the Old Russian settlements on the territory of contemporary Bulgaria. *Periodicheskoe spisanie na Bulgarskoto knizhovno družestvo v Sofiia*, Sofia: Durzhavna pechatnitsa, vol. 68, 3/4, pp. 294–300. (In Bulgarian)
- Czajkowski, M., 1857. *Kozaczyzna w Turcyi: dzieło w trzech częściach*. Paris: Drukarnia L. Martinet.

- Fenogen, S., 1998. *Sarichioi: pages of history*. Bucharest: Kriteon. (In Russian)
- Gordlevskii, V. A., 1913. *Corner of Russia in Turkey. Old Believer village near Ak-shekhir*. Moscow: Tipo-lit. T-va I. N. Kushnerev i K°. (In Russian)
- Grek-Pabisowa, I., 1972. O tendencjach rozwoju gwary starowierców w Bułgarii. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, XII, pp. 221–232.
- Grek-Pabisowa, I., 1994. Religious and hieratic terminology and its functions in the dialect of Old Believers in Poland and Bulgaria. In: I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, R. A. Morris, eds, 1994. *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie: [zbiór oprac.]*. Warsaw: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy przy Inst. sławistyki PAN, pp. 301–312. (In Russian)
- Ivanov-Zheludkov, V., (Kel'siev, V.), 1866. Russian village in Asia Minor. *Russkii vestnik*, 63 (6), pp. 413–451. (In Russian)
- Kaufman, N., 1963. Songs of Nekrasov Cossacks from Bulgaria. *Bulgarska muzika*, 5, pp. 35–40. (In Bulgarian)
- [Kel'siev, V.], 1875. Study on Old Believers in Dobrudja. In: N. Strakhov, ed., 1875. *Slavic bulletin*. Saint Petersburg: Izd. Peterb. otd. Slavianskogo kom. Vol. 1, pp. 605–620. (In Russian)
- Korolenko, P. P., 1900. Nekrasov Cossaks. In: V. Sysoev, A. D'iachkov-Tarasov, eds, 1900. *Proceedings of the society of lovers of studying of the Kuban region*. Yekaterinodar: Tipografia Kubanskogo Oblastnogo Pravleniia. Issue 2, pp. 1–74. (In Russian)
- Kritska-Ivanova, E. F., 1977. Observations about wedding folklore of Russians in villages Kazashko of Varna region and Tataritsa of Silistra region. *Bulgarski folklor*, 2, pp. 44–51. (In Bulgarian)
- Kritska-Ivanova, E. F., 1989. Typology and evolution of Russian wedding ceremony and folklore in Bulgaria (villages Tataritsa and Kazashko). In: M. M. Gromyko, T. A. Listova, eds, 1989. *Russians: family and common life*. Moscow: Nauka, pp. 198–221. (In Russian)
- [Liprandi, I. P.], 1827. *Some materials about the right bank of Danube collected in 1826*. Saint Petersburg: Tip. Gen. Shtaba. (In Russian)
- Markdorf, N. M., 2021. The Fates of Soviet War Prisoners — Members of the European Resistance Movement. *Historical Courier*, 3 (17), pp. 64–172. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-3-18> (In Russian)
- Mel'nikov, V., 1909. Resettlement of Old-Believers. (From report of the representative of the conference of congresses). *Cerkov'. Staroobriadcheskii cerkovno-obshchestvennyi zhurnal*, 49, pp. 1368–1370. (In Russian)
- Polyan, P. M., 1999. Repatriation of Soviet citizens from France and French occupation zones in Germany and Austria. In: V. A. Vsevolodov, ed., 1999. *Tragedy of war — tragedy of captivity: collection of materials of the scientific-practical conference devoted to the 55th anniversary of constitution of the anti-fascist organization of prisoners of war in USSR and to the problems and perspectives of development of the museum "Tragedy of captivity", 1–2 October 1998*. Moscow; Krasnogorsk: Memorial'nyi muzei nemetskikh antifashistov, pp. 174–197. (In Russian)

- Prigarin, A. A., 2004. Russian Old Believers in Bulgaria: new materials on the history of descendants of Nekrasovtsy and Lipovans in Dobrudja. In: V. I. Osipov, ed., 2004. *Old Belief: history, culture and contemporaneity*. Moscow: Muzei istorii i kul'tury staroobriadchestva. Issue 10, pp. 29-35. (In Russian)
- Prigarin, A. A., 2010. *Russian Old Believers on Danube: formation of the ethno-confessional community in the end of XVIII — first half of XIX centuries*. Odessa; Izmail; Moscow: Smil; Arkheodoksiia. (In Russian)
- Prigarin, A. A., 2024. Return to the Homeland: the resettlement of Russians to the RSFSR in 1946–1949. In: M. K. Yasmenko, Yu. V. Erokhina, O. V. Pustozerova, D. I. Eremkin, R. Sh. Shafikova. *The image of the Motherland: content, formation, actualization: Materials of the VIII International Scientific Conference, Moscow, April 19–20, 2024*. Moscow: MHPI, pp. 520–528. (In Russian)
- Prigarin, A. A., Fedorova, A. I., 2022. *Russian Old-Believers of Odessa: ethno-confessionality in the conditions of multicultural city*. Riga: Arkheodoksiia, 2022. (In Russian)
- Reshetnikov, S. V., 2023. Repatriation of Soviet Citizens and Soviet Partisans of the French Resistance from France to the USSR. *Modern History of Russia*, 13 (3), pp. 745–758. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.313> (In Russian)
- Romanska, Cv., 1959. Folklore of Russians-Nekrasovtsy from village Kazashko, Varna region. *Godishnik na Sofiskiia universitet. Filologicheski fakultet*, LIII (2), pp. 493–614. (In Bulgarian)
- Romanska, Cv., 1960. Some ethnographic features of village Kazashko, Varna region and of Russians-Nekrasovtsy who live there. In: V. Georgiev, ed., 1960. *Linguo-ethnographic studies in the memory of academician Stoyan Romanski*. Sofia: Bulgarska akademiia na naukite, pp. 563–589. (In Bulgarian)
- Romanska, Cv., 1960. Fishing of Russians-Nekrasovtsy of village Kazashko, Varna region (contribution to the ethnographic study of our Black Sea fishing. *Godishnik na Sofiskiia universitet. Filologicheski fakultet*, LIV (1), pp. 353–446. (In Bulgarian)
- Romanski, St., 1915. Ethnographic map of new Roumanian Dobrudja. *Spisanie na Bulgarskata Akademiia na naukite*, XI, pp. 7–126 (In Bulgarian)
- Sheviakov, A. A., 1994. Repatriation of the Soviet civilians and prisoners of war, which fell within the occupation zones of the states of anti-Hitler coalition. In: Iu. A. Poliakov, ed., 1994. *Population of Russia in 1920–1950: number, losses, migrations*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 195–222. (In Russian)
- Skal'kovskii, A. A., 1844. Nekrasovtsy, living in Bessarabia. *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del*, 8, pp. 61–82. (In Russian)
- Smirnov, I. V., 1986. Nekrasovtsy. *Voprosy istorii*, 8, pp. 97–107. (In Russian)
- Smirnov, Ya. I., 1896. From the voyage to Asia Minor. With Nekrasovtsy on the island Mada on the Lake Beyşehir of The Sanjak of Hamid-abadag, Vilayet of Konya. *Zhivaia starina*, 1, pp. 3–31. (In Russian)
- Steinke, K., 1990. *Die russischen Sprachinseln in Bulgarien*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Todorova, N., Dimitrova, Str., eds, 1988. *History of Dobrudja*. Sofia: Izd-vo BAN. Vol. 3. (In Bulgarian)

- Uzeneva, E. S., 2016. “By the way we speak Lipovan...”. *Slavic Studies*, 6, pp. 45–57. (In Russian)
- Volkova, N. G., Zasedateleva, L. B., 1986. Nekrasov Cossacks: main stages of the ethnic development. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, 4, pp. 44–54. (In Russian)
- Zemskov, V. N., 2013. “Returnees” and “defectors”: the fate of Soviet displaced persons in 1944–1956. In: A. N. Sakharov, ed., 2013. *History and historians: historiographic bulletin, 2011–2012*. Moscow: Nauka, pp. 90–107. (In Russian)
- Zemskov, V. N., 2013. The returning of Soviet displaced persons to the USSR. 1944–1952. In: Iu. A. Petrov, ed., 2013. *Works of the Institute of Russian History of RAS*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. Issue 11, pp. 244–284. (In Russian)

**Комментарий к статье А. А. Пригарина
«Реэмиграция русских старообрядцев из Добруджи:
“болгарский” этап 1946 г. (по архивным данным)»***

В комментарий включены топонимы, которые трудно идентифицируются, имеют иной фонетический облик по сравнению с указанными в статье и (или) отсылают к иному статусу населенного пункта (село, а не поселок; город, а не село и т. д.). По возможности в комментируемых топонимах проставлены ударения — там, где они установлены.

- С. 99: *поселок Айдемир Силистренской области* — с. Айдемир**, в 1942–1943 гг. Княз Хесенски, Силистренская область Болгарии, община Силистра.
- с. *Татарица* — с. Татарица, с 1955 г. в составе с. Айдемир.
- с. *Казашко Варненской области* — с. Казашко, до 1952 г. Казашка махала (статус поселения хуторского типа), Варненская область Болгарии, община Варна.
- С. 101: *Сарыкей* — с. Сарикей (рум. Sarichioi, тур. Sarıköy) в Северной Добрудже (Румыния), жудец (округ) Тулча, коммуна (община) Сарикей.
- о. *Майнос* — Майнос — до 1962 г. русское старообрядческое поселение на островах оз. Куш (Маньяс, Майнос), Турция, Малая Азия.
- С. 102: *Переслав (г. Малък Переслявец)* — в действительности с. Мálык-Преслáвец (болг. Мálык Преслáвец), до 1942 г. Кадыкей (болг. Кадькóй), в 1942–1956 гг. Малки Преславец, Силистренская область Болгарии, община Главиница.

* Подготовлен О. В. Трефиловой.

** Если написание топонима на русском и болгарском языке совпадает, приводится только одна форма.

Гаромуд-остров (Гаргалик, Гарван) — о. Гáрван (или Гаргалька, болг. Гаргалька), расположен на Дунае в Силистренской области Болгарии, община Ситово.

Калмацури. Железный Яр — топоним не идентифицирован. Село Железный Яр существовало в Харьковской области Украины, ныне упразднено.

Кючук Диоли (Кючук-Гьол — тур. «малое озеро»), хутор Силистренский, Некрасовская или Липованская Кучуголь. Последнее название — явно ошибочное написание или прочтение названия Кучуголь. Кючук Диоли, Кючук-Гьол и Липованская Кучуголь — один и тот же населенный пункт, Кючук-Г'ёл, болг. (из тур.) Кючукгьол. В настоящее время не существует.

Бабадаг — г. Бабада́г (рум. Babadag, ранее Babatag) в Северной Добрудже (Румыния), входит в состав жудеца Тулча.

Тулча — г. Тۇлча, Тۇльча (рум. Tulcea) в Северной Добрудже (Румыния), административный центр одноименного жудеца.

Исакча — г. Исáкча (рум. Isacsea) в Северной Добрудже (Румыния) в жудеце Тулча.

С. 103: с. *Караорман* — в Добрудже существовало как минимум два села Караорман, основанных беженцами после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.: с. Караорма́н, с 1942 г. с. Срацими́р, Силистренская область Болгарии, община Силистра, и с. Караорман (рум. Caraorman), жудец Тулча, община Кришан, Румыния. В румынском селе до сих пор проживает незначительное число липован.

Новая Некрасовка (Кугурлуй) — Но́вая Некра́совка (рум. Cugurlui) — село в Измаильском районе Одесской области Украины: с 1918 по 1940 г., как и весь Измаильский район, находилось на территории Румынии. В настоящее время Кугурлуй — озеро там же.

Новенькое (Гиндэрешть) — с. Гиндэре́шть (Гиндэре́шти), рум. Ghindărești, рус. старообряд. Новенькое, Северная Добруджа (Румыния), жудец Констанца, коммуна Гиндэрешть; населено преимущественно русскими старообрядцами.

Горна Мусубей — с. Изворово; до 1942 г. с. Го́рно Мусубе́й, или Мусубе́й, с 1942 г. Го́рни извор, в 1959 г. объединено с селом Изворово, Добричская область Болгарии, община Генерал-Тошево.

С. 104: *Екисче* — с. Бенко́вски, до 1941 г. Екисче́, в 1941–1947 гг. Мария Луиза, Добричская область Болгарии, община Добрич-селска.

Хасерлек — вероятно, с. Огра́жден в Южной Добрудже, Добричская область Болгарии, община Генерал-Тошево, до 1942 г. Хасырлы́к (болг. Хасърлык). Возможно также, что это с. Преселе́нцы (болг. Преселѐнци), до 1906 г. Баш-Хасырлы́к (болг. Баш Хасърлык, т. е. «Главный Хасырлык»), Добричская область Болгарии, община Генерал-Тошево, находится южнее

- с. Огражден. Еще одно «болгарское» село (до 1940 г. в селе проживало болгарское население) с названием Хасарлык (Хасарлѣк или Асарлѣк) находилось в том же регионе на территории современной Румынии севернее с. Огражден, ныне с. Четáтя (рум. Cetatea) на границе с Болгарией, жудец Констанца, коммуна Добромир. В 1913–1940 гг. все эти села находились на территории Румынии: вся Добруджа в это время контролировалась Румынией.
- Деведжикой* — с. Добрѣн, до 1942 г. Деведжикѣй (болг. Деведжикѣй), Добричская область Болгарии, община Крушари.
- Стѣлбище (оно же — Стелбище) (Деликитаи)* — до 1934 г. махала (хуторское поселение) Дикилитáш (sic!), с 1934 г. махала Стѣлпиште (болг. Стѣлпиште), Русенская область Болгарии. В 1965 г. населенный пункт упразднен.
- Карапча* — с. Крапец, до 1942 г. Карапча (Гарибча), Добричская область Болгарии, община Шабла.
- Ресилер на побережье Черного моря* — с. Ралица, до 1942 г. с. Ресиллер, Добричская область Болгарии. Село упразднено в 1976 г.
- С. 107: *Руцук-Русинский* — г. Русе в Северной Болгарии, областной центр. В статье упоминается также как Руцук и Русса.
- Казанка-Могила* — село не идентифицировано. Село Казанка находится в Старозагорской области Болгарии (подбалканская часть страны), община Стара-Загора, там же расположены сѣла Могила, Остра Могила и Плоска Могила.
- Генерал-Тошево (бывш. Касымкѣй (Касъмкѣй))* — до 1942 г. с. Касымкѣй (болг. Касъмкѣй или Касъм), с 1942 г. с. Генерáл-Тóшево, с 1960 г. город, Добричская область Болгарии.
- С. 109: *Браилов* — устаревшее русское название г. Брэѣла (Браила, рум. Brăila), Северная Добруджа (Румыния), административный центр жудеца Брэѣла.
- Баздарит* — топоним на карте Румынии и Болгарии не идентифицируется. Возможно, один из населенных пунктов с похожими названиями, при написании которых могла появиться ошибка: с. Баждари (Баждарите), Великотырновская область Болгарии, община Елена, — населенный пункт без постоянного населения; с. Базаурт, бывшее составное село Добричской области Болгарии, включавшее сѣла Горско, Житница и Тянево.
- Калараш* — г. Кэлэрáш (или Кэлэрáши, рум. Călărași), административный центр одноименного придунайского жудеца в румынской Добрудже.
- Камень* — с. Каркалиу (рум. Carcaliu, рус. старообряд. Камень, Каменка), составляет одноименную коммуну в жудеце Тулча, Румыния, с преимущественно русским старообрядческим населением.

Слава — одно из двух румынских сел Добруджи с русским старообрядческим населением, находящихся в коммуне Слава Черкезэ в жудеце Тулча: либо Сла́ва Ру́сэ (рум. Slava Rusă, рус. старообряд. Русская Слава), либо Сла́ва Черке́зэ (рум. Slava Cercheză, рус. старообряд. Черкесская Слава).

Махмудия — с. Махмудия́ (рум. Mahmudia) в жудеце Тулча, Северная Добруджа (Румыния), с преимущественно русским старообрядческим населением. В статье указывается также как Магмудея и Мехмедия.

г. *Вардим* — с. Варди́м, Великотырновская область Болгарии, община Свиштов.

Свищов — г. Свиштóв (болг. Свищóв), административный центр общины Свиштов, Великотырновская область Болгарии.

Руцук — г. Русе, Северная Болгария.

Бордоман — топоним не идентифицирован.

Каракей — в Южной Добрудже такого села не обнаружено. Возможно, это с. Черноли́к, до 1942 г. Караэсекёй (болг. Караесекёй), Силистренская область Болгарии, община Дулово, или г. Нэводари (рум. Năvodari), до 1927 г. с. Каракёй или Карахёй (рум. Carachioi, Caracoium, тур. Kara Kouum), жудец Констанца, Румыния.

Петрай — возможно, бывш. с. Петре, в настоящее время с. Близна́цы (болг. Близна́ци), образованное в 1959 г. путем объединения сел Го́рен-Близна́к (до 1934 г. Яйла) и Долен-Близнак (до 1934 г. Петре), Варненская область Болгарии, община Аврен.

Сандайка — топоним не идентифицирован. Возможно, это с. Са́ндрово, до 1934 г. Табан, Русенская область Болгарии, община Русе, или с. Цóнево, до 1934 г. Сандыкчии (болг. Сандъкчий), в 1934–1950 гг. Ра́кла, Варненская область Болгарии, община Дылгопол.

Сеново — г. Се́ново, до 1984 г. село, Русенская область Болгарии, община Ветово, или с. Сяново (Се́ново), Силистренская область Болгарии, община Тутракан.

Солнице — топоним не идентифицирован. Возможно, с. Со́лник, до 1934 г. Джафер, Варненская область Болгарии, община Долни-Чифлик.

Шокаринцы — топоним не идентифицирован. Возможно, с. Шко́рпиловцы (болг. Шко́рпиловци), до 1934 г. Фындыкли́и (болг. Фъндъклийи), Варненская область Болгарии, община Долни-Чифлик.

Черкасы — г. Черкасы, Центральная Украина.

Слава Руса — с. Сла́ва Ру́сэ (рум. Slava Rusă, рус. старообряд. Русская Слава), см. комментарий выше к *Слава*.

Вербина Дуловского уезда — с. Вь́рбино (болг. Вь́рбино, до 1942 г. Сукуюд-жук), Силистренская область Болгарии, община Дулово.

Журавлевка — Журавлѣвка — село в Тульчинском районе Винницкой области Украины. Тульчинский район не входил в состав Румынии, но был оккупирован румынскими войсками с 1941 по 1944 г. Возможно, это ошибка в документе и подразумевается Журиловка, а не Журавлѣвка, см. далее.

Куравей — возможно, с. Гура-Вэй (рум. Gura Văii) в жудеце Яломица, коммуна Судици (Юго-Восточная Румыния). В Румынии более десятка сел с названием Гура-Вэй в разных округах (жудецах).

Нов. Роман — в настоящий момент на карте Юго-Восточной Румынии топоним не идентифицируется. Возможно, «Новый Роман» — с. Роман (рум. Romanu) в жудеце Брэила, коммуна Роман, ср. «старый» г. Роман (рум. Romanu) в жудеце Нямц.

Журиловка — Жури́ловка (рум. Jurilovca), село в жудеце Тулча в Румынии, административный центр одноименной коммуны, с преимущественно русским старообрядческим населением.

С. 110: *Тополя* — вероятно, с. Топо́ли, до 1934 г. Инджикѣй, Инджекѣй (болг. Инджикъей, Инджекъой), Варненская область Болгарии, община Варна; соседствует с селом Казашко, или с. Топо́ла, до 1942 г. Тюрк-Суютчук, Добричская область Болгарии, община Каварна.

Тресник — возможно, с. Трыстені́к (болг. Тръстені́к), Русенская область Болгарии, община Иваново.

Пятра — скорее всего, румынское село Пьятра (рум. Piatra) на границе с Болгарией, жудец Телеорман, коммуна Пьятра.

Магмудея — с. Махмудия, см. комментарий к с. 109.

23-я Миля — рум. Mîla 23, старообрядческое село в Северной Добрудже (Румыния), жудец Тулча, коммуна Кришан.

Карабча — с. Карапча, ныне с. Крапец, см. комментарий к с. 104.

Русса — г. Русе, Северная Болгария.

Иссерли — с. Исерлия (рум. Iserlia), Бессарабский район Молдавии (Республики Молдова).

Ташлык — в настоящее время с. Ташлы́к (рум. Taşlic) — центр Ташлыкского сельского совета Григориопольского района непризнанной Приднестровской Молдавской Республики.

Килия — г. Килия́ (рум. Chilia), Измаильский район Одесской области Украины.

Пос. Казашко — с. Каза́шко, см. комментарий к с. 99.

Марково — в 1940-е гг. в Болгарии было несколько сёл с таким названием: 1) Ма́рково, Пловдивская область, община Родопи; 2) Ма́рково (1899–1960), до 1899 г. Эмирле́р (болг. Емирле́р), с 1960 г. Повеляново, в 1969 г. объединено с селами Река Девня и Девня в г. Девня, Варненская область, община Девня; 3) Ма́рково (Марковец, Марковча), Шуменская область,

община Каспичан; 4) Мърково, до 1906 г. Сакарлии, Старозагорская область, община Братя-Даскалови.

Беленьково — неболгарский топоним, точно идентифицировать не представляется возможным: в Болгарии несколько десятков топонимов с корнем *-бел-* (*-бял-*). Возможно, с. Беляново, Русенская область Болгарии, община Ценово.

Константиновка — неболгарский топоним, точно идентифицировать не представляется возможным: в Болгарии в 1940-е гг. было несколько населенных пунктов, образованных от антропонима Константин: 1) Константи́н, до 1878 г. Ахмедлии, Великотырновская область, община Елена; 2) Константи́новец, до 1906 г. Батаканлии, Старозагорская область, община Раднево; 3) Константи́ново, до 1899 г. Татаркёй (болг. Татаркьой), в настоящее время (с 1950 г.) с. Радовец, Хасковская область, община Тополовград; 3) Константи́ново, до 1906 г. Малко-Юренджик, Юренджик, Юренджик — малко, Хасковская область, община Симеонград; 4) Константи́ново, до 1899 г. Дерекёй (болг. Дерекьой), Варненская область, община Варна.

Махмедия — с. Махмудия, см. комментарий к с. 109.

Констанция — г. Констанца (рум. Constanța) в Северной Добрудже (Румыния), административный центр одноименного жудеца.

Слава Старая — с. Русская Слава (Слава Русэ), возникшее ранее с. Черкеская Слава (Слава Черкезэ).

Токар — возможно, с. Токар (тур. Tokar), провинция Адьяман, район Бесни, на юго-востоке Турции.

Хамедия — с. Хамидиё (тур. Hamidiye) — одно из шести существовавших тогда сел на территории Турции (ныне существует пять сел с таким названием в разных провинциях Турции).

с. Софиевка Ивано-Франковской области — В настоящее время села Софиевка в Ивано-Франковской (до 1962 г. Станиславской) области нет. Возможно, подразумевается микрорайон Софиевка г. Ивано-Франковска (до 1939 г. город носил имя Станиславов, до 1962 г. — Станислав) — бывшая деревня, которая вошла в состав города еще в начале XX в.

С. 111: Село Старая-Збурьевка, Голопристанский р-н — с. Старая Збурьевка в Голопристанской городской общине Скадовского района Херсонской области Украины.

Село Кизий-Мыс, Белозерский р-н — с. Кизомыс (укр. Кізомис) в Белозёрской поселковой общине Херсонского района Херсонской области Украины.

Село Камышани, Белозерский р-н — пос. Камышаны (укр. Комишани) в Херсонской городской общине Херсонской области Украины.

Поселок — Херсон-Сухарна — Сухарка (укр. Сухарка; также Сухарное, укр. Сухарне) — район Херсона на западной окраине города.

с. Рыбачье Херсонской обл. — с. Рыбáльче (укр. Рибáльче) в Чулаковской сельской общине Скадовского района Херсонской области Украины. Расположено на берегу Днепровского залива Чёрного моря.

с. Мироновка Запорожской обл. — с. Мирóновка (укр. Миронівка) в Степановском-Первом сельском совете Приазовского района Запорожской области Украины. Находится на берегу Азовского моря.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ХОРВАТСКОЙ РЕКЛАМЫ БАНКОВСКИХ УСЛУГ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Сандра Хаджихалилович

Доктор филологических наук, профессор,
Отдел русистики,
Задарский университет
Почтовый адрес: Набережная короля
Петра Крешимира IV/2,
Задар, 23000, Хорватия
Электронный адрес: shadziha@unizd.hr

Аннотация

В центре внимания статьи — корпус, состоящий из текстов хорватоязычной и в меньшей степени русскоязычной рекламы, анализируемых с точки зрения сопоставления маркеров литературно-художественного стиля и языковой игры. Особое внимание уделено рекламным текстам, созданным для детей и их родителей. Цель настоящей статьи — изучить язык рекламы, конкретные функции языковой игры в рассматриваемых текстах, а также проанализировать особенности литературно-художественного стиля, характерные для них. Актуальность нашей статьи обусловлена недостаточной изученностью банковской рекламы в лингвистическом аспекте как в хорватской, так и в русской лингвистике. Новизна статьи заключается в использовании сопоставительного ракурса при анализе рекламных текстов двух языков (русского и хорватского) и изучении их функциональных особенностей; особое внимание уделяется литературно-художественному стилю. В нескольких примерах мы находим сложное переплетение литературно-художественного и разговорного стилей, наслаивание их друг на друга. Результаты исследования могут быть полезны при подготовке различных научных материалов, посвященных изучению рекламных текстов, языковых стилей. Также они могут помочь в дальнейшем сопоставительном лингвокультурологическом исследовании не только русского и хорватского языков, но и других славянских языков.

Ключевые слова

Языковая игра, банковская реклама, реклама для детей, литературно-художественный стиль

Статья поступила в редакцию 17 октября 2024 г.

Статья доработана автором 30 октября 2024 г.

Статья принята в печать 5 декабря 2024 г.

Цитирование: *Хаджихалилович С.* Языковая игра в текстах современной хорватской рекламы банковских услуг для детей // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 125–141. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.06>

LANGUAGE GAME IN THE TEXTS OF MODERN CROATIAN BANKING ADVERTISEMENTS FOR CHILDREN

Sandra Hadžihalilović

D. Sc., Assistant Professor,
Department of Russian Studies,
University of Zadar
Postal address: Obala kralja
Petra Krešimira IV/2,
Zadar, 23000, Croatia
E-mail: shadziha@unizd.hr

Abstract

This article analyzes a corpus of Croatian and Russian language banking advertisements texts, analyzed from the point of view of comparing elements of literary-fictional functional style and language game. Particular attention is paid to advertisements aimed at children and their parents. The purpose of this article is to analyze the language of advertising, the function of language game in it, and to analyze the features of the literary-fictional functional style of the given advertising texts. The relevance of our article is due to the insufficient study of banking advertising language in Croatian and Russian. The article provides a comparative analyze of Russian and Croatian's advertising texts and the study of their functional features, with special attention to the literary-fictional functional style, as a result of which their similarities and differences are established. In several examples, we find a complex interweaving of literary-artistic and colloquial styles, layering them on top of each other. In addition, the results of the study can be useful in the preparation of various scientific materials devoted to the study of advertising text. Also the results presented in our article will help in long-term research of comparative Linguo-culturology of Russian, Croatian and other Slavic languages.

Keywords

Language game, bank advertisements, advertisements for children, literary-fictional functional style

Received 17 October 2024

Revised 30 October 2024

Accepted 5 December 2024

For citation: Hadžihalilović, S., 2024. Language Game in the Texts of Modern Croatian Banking Advertisements for Children. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 125–141. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.06>

В современной лингвистической литературе существует значительное число работ, исследующих и описывающих язык рекламы. На материале хорватского языка эту тему затрагивали несколько лингвистов: К. Багич писал о фигуративности рекламного дискурса¹; М. Михалевич занималась анализом дискурса рекламы компьютерных технологий²; Д. Столац³ анализировала языковые элементы рекламы; в коллективной монографии А. Франчич, Л. Худечек и М. Михалевич рассматривалась нормативность и многофункциональность в хорватском стандартном языке⁴; языком рекламы в хорватских медиа с XIX по XXI в. занимались В. Ришнер и М. Ижакович⁵; С. Л. Удиер⁶ писала о языке рекламы; Л. Худечек и М. Михалевич являются авторами монографии «Язык СМИ: публицистический функциональный стиль»⁷; К. Льюис и Б. Штеbih-Голуб опубликовали статью о словообразовании в рекламном дискурсе⁸; Д. Столац и А. Властелич — монографию «Язык рекламы»⁹. В англоговорящих странах данной темой занимались многие лингвисты, среди которых выделяются следующие авторы и их монографии и статьи: «Дискурс рекламы»¹⁰; С. Форсвилл писал о креативности в создании изобразительных и мультимодальных рекламных метафор¹¹; монография А. Годдарда посвящена языку рекламы¹²; группа авторов опубликовали исследование «Убеждение и реклама на ан-

¹ *Bagić K.* Figurativnost reklamnoga diskurza. Zagreb: FF press, 2006. S. 81–93.

² *Mihaljević M.* Analiza diskursa reklama za računalnu opremu. Teorija i mogućnosti primjene pragmalinje / ur. L. Badurina, N. Ivanetić, B. Pritchard, D. Stolac. Zagreb; Rijeka: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 1999. S. 513–523; *Eadem.* Kako se na hrvatskome kaže WWW? Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2003.

³ *Stolac D.* Jezični elementi u funkciji (kvazi)znanstvenosti reklama // *Súčasná jazyková komunikácia v interdisciplinárnych súvislostiach* / ur. V. Patráš. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Fakulta humanitných vied, 2004. S. 114–120.

⁴ *Frančić A., Hudeček L., Mihaljević M.* Normativnost i višefunkcionalnost u hrvatskome standardnom jeziku. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2005.

⁵ *Rišner V., Ižaković M.* Jezik reklama u hrvatskom tisku triju stoljeća (19., 20. i 21.) // *Riječki filološki dani 7* / ur. I. Srdoč-Konestra, S. Vranić. Rijeka: Filozofski fakultet Rijeka, 2008. S. 611–629.

⁶ *Udić S. L.* O jeziku reklame // *Jezik i mediji — jedan jezik: više svjetova* / ur. J. Granić. Zagreb; Split: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 2008. S. 711–721.

⁷ *Hudeček L., Mihaljević M.* Jezik medija: publicistički funkcionalni stil. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2009.

⁸ *Lewis K., Štebih Golub B.* Tvorba riječi i reklamni diskurs // *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. 2014. Vol. 40. № 1. S. 133–147.

⁹ *Stolac D., Vlastelić A.* Jezik reklama. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada; Rijeka: Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2014.

¹⁰ *Cook G.* *The Discourse of Advertising*. London; New York: Routledge, 2001.

¹¹ *Forceville C.* Creativity in pictorial and multimodal advertising metaphors // *Discourse and creativity* / ed. R. Jones. New York: Routledge, 2012. S. 113–142.

¹² *Godard A.* *The Language of Advertising*. London; New York: Routledge, 1998.

глийском языке: метадискурс в слоганах и заголовках»¹³; важно отметить три монографии, в которых рассматривается отношение языка и медиа¹⁴, употребление языка в разных стилях речи в рекламе¹⁵ и язык рекламных заявлений¹⁶.

В нашей статье языковую игру мы определим словами Д. И. Руденко и В. В. Прокопенко как «творческое, свободное отношение к форме речи»¹⁷, «неканоническое употребление языка, позволяющее говорящему реализовать способности к языковому творчеству и выделить себя как языковую личность из ряда других говорящих личностей: языковая игра — деканонизированная форма употребления и порождения языковых единиц»¹⁸; «такая форма речевого поведения человека, при которой языковая личность, реализуя свои лингвокреативные способности, демонстрирует свой индивидуальный стиль»¹⁹. По словам Т. А. Гридиной, языковая игра объясняется неканоническим употреблением или комбинацией языковых средств²⁰.

Анализ специальной литературы показал, что реклама изучается с позиций теории коммуникации, делаются попытки определить место рекламы в системе речевых жанров. Кроме того, реклама рассматривается в семиологическом, прагмасемантическом, прагмалингвистическом и психолингвистическом аспектах. Широко представлен в современной лингвистической литературе стилистический подход к изучению рекламы, в рамках которого освещается специфика отбора и функционирования разноуровневых языковых единиц в текстах рекламы, особому рассмотрению подвергается вопрос о стилистическом статусе рекламы²¹. Изучая рекламные тексты с позиции лингвистики и лингвостилистики, мы обращаем большое внимание на их структуру; анализируются форма, характеристики и параметры рекламного текста, принципы его построения.

Литературно-художественная речь сложна и «многостильна»: «В художественных целях могут использоваться не только отдельные элементы, но

¹³ *Fuertes-Olivera P. A., Velasco-Sacristán M., Arribas-Baño A., Samaniego-Fernández E.* Persuasion and advertising English: Metadiscourse in slogans and headlines // *Journal of Pragmatics*. 2001. 33. S. 1291-1307.

¹⁴ *Jones R. H., Jaworska S., Aslan E.* Language and media. London: Routledge, 2020.

¹⁵ *Leetaru K. H.* Language use in Advertising: An Analysis of Linguistic Features Across Readership Domains. May 9th, 2001 // Kalev H. Leetaru [сайт]. URL: https://www.kalevleetaru.com/Publish/Language_Use_In_Advertising_Linguistic_Features_Across_Readership_Domains.pdf (дата обращения: 19.11.2024).

¹⁶ *Schrank J.* The Language of Advertising Claims. New York: St. Martin's Press, 1994.

¹⁷ Руденко Д. И., Прокопенко В. В. Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 87.

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 137.

²⁰ Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи. Явление языковой игры: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.

²¹ Стрельникова Е. С. Реклама как объект изучения в современной лингвистической литературе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 62.

и целые “фрагменты” других стилей <...>. Язык художественной литературы, таким образом, наиболее полно отражает литературный язык со всеми его стилевыми разновидностями и нелитературные ответвления национального языка»²². Литературно-художественный функциональный стиль характеризуется полной индивидуальной свободой, поскольку соответствует языку как системе. Литературно-художественный стиль — самый индивидуальный и неповторимый стиль, и указанная особенность существенно отличает его от других функциональных стилей. К языку художественного стиля нельзя подходить с точки зрения стандартного языка, как подходят к языку других функциональных стилей. Его лексика неограниченна: данному стилю присущи как архаизмы, так и нелитературные языковые средства и индивидуально-авторские новообразования. К характеристикам литературно-художественного стиля относится использование поэтизмов, стилистических средств для достижения экспрессивности и эмоциональности (метафоры, метонимии, парадокса, олицетворения, сравнения, парафразы, антитезы), диалектной лексики, архаизмов и неологизмов. Важная характеристика данного стиля — отклонение от нормы, которое всегда должно быть оправданно и эстетически мотивировано²³.

Наблюдается определенное соответствие особенностей рекламных сообщений указанному стилю, а именно: рекламные сообщения характеризуются, условно говоря, свободой, поскольку они не в полной мере следуют языковым нормам и используют языковые выражения, слова и предложения, не соответствующие правилам, установленным стандартным языком. Свободу языкового выражения рекламных сообщений не следует приравнивать к свободе, присутствующей в литературно-художественном стиле, поскольку последняя возникает из системности языка, а первая может быть результатом слабого и плохого знания самого языка, а также незнания норм и языковых правил.

Из приведенных ниже примеров будет видно, что рекламным сообщениям не чуждо использование средств литературно-художественного стиля. В рекламных сообщениях в значительной степени также используется рифма, которая является одной из основных особенностей литературно-художественного стиля. Однако сходство черт указанного стиля и языка рекламного сообщения является частичным, поэтому нельзя говорить о принадлежности языка рекламного сообщения в полном объеме к литературно-художественному стилю.

Анализ языкового материала показывает, что черты литературно-художественного стиля чаще всего встречаются в рекламных текстах, созданных для детей. Ниже мы увидим, что причиной этого является особый подход к рекламе, которому рекламодатели должны следовать, чтобы со-

²² Романова О. Ю. *Стилистика русского языка*. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 79.

²³ Там же. С. 201-219.

здать для ребенка-реципиента привлекательный материал. В качестве первого примера приведем хорватскую рекламу Райффайзенбанка *RBA dječja štednja — Bubašpara*²⁴:

Nije lako bubašparcu / zum, zum, zum, zum / klinču, klinki i školarcu / zum, zum, zum, zum / Tol'ko želja, a bez para / zum, zum, zum, zum / Sve će sredit' Bubašpara! / zum, zum, zum!

Вышеупомянутая реклама существует в нескольких вариантах. Код языка рекламы, то есть текст стихотворения, меняется, но ритм и мелодия остаются неизменными. Музыкальный фон рекламы — песня на стихи известного хорватского детского поэта Звонимира Балого «Nije lako bubašparcu». Эстетическая функция проявляется именно в музыкальном фоне рекламы, который воздействует на целевую группу потребителей: детей и их родителей. А. М. Казанцева в своей статье «Языковая игра в рекламе для детей» обращает особое внимание на «текст-игру — один из наиболее естественных способов создания интересного для ребенка-реципиента материала»²⁵:

«Современный рекламный текст характеризуется повышенной экспрессивностью. Одно из средств ее достижения — языковая игра. Для детей игра — это способ познать окружающий мир <...> Игра близка сознанию ребенка, особенно дошкольников и младших школьников, так как они воспринимают жизнь через игру. Поэтому очевидно, что в текстах, и в рекламных в том числе, детей привлекает игра языковая, словесная. <...> Ребенку всегда интересно уйти от реальности в сказку, создать свой мир, отличающийся от мира взрослых. В этой иной реальности царит языковая вседозволенность: полное отсутствие норм сочетаемости слов, нарушение стандартизированных моделей словообразования, морфологии и грамматики»²⁶.

Чтобы гарантированно привлечь внимание детей, рекламодатели чаще всего прибегают к конструированию окказионализмов. Так, в данном примере знаменитая божья коровка из стихотворения Балого в рекламном ролике становится *bubašpara(c)* («божья коровка, которая копит деньги»). Окказионализм *bubašpara(c)* образован путем сложения: в качестве первого компонента используется только первая часть существительного *bubamara(c)* («божья коровка»), а в качестве второго компонента — основа глагола *šparati*, разговорного варианта глагола *štedjeti* («копить деньги») с присоединением к новообразованию суффикса *-a(c)*, обозначающего лицо.

Далее в рекламе в качестве экспрессивно-выразительных средств используются оноματοпея и рифма.

²⁴ Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yxYxGQf-NJuw> (дата обращения: 04.01.2024).

²⁵ Казанцева А. М. Языковая игра в рекламе для детей // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. № 9. С. 17.

²⁶ Там же. С. 17, 18.

Также в детском призовом конкурсе от Райффайзенбанка хорватские рекламодатели еще один раз прибегли к языковой игре и создали окказионализм, обладающий яркостью, который, несомненно, привлекает внимание самых маленьких потребителей: *Bubastična avantura u Gardaland te fura!*²⁷ Окказионализм образован путем соединения основы слова *buba* ('жук, букашка') с усеченной финальной частью слова *fantastična* ('фантастическая').

Помимо окказионализмов рекламодатели широко пользуются и другими элементами языковой игры, чтобы достичь определенной близости с малышами. Например, протагонистом российского Сбербанка станет маскот *СберКот*, самый финансово грамотный кот в мире; протагонистом хорватского НРВ-банка – герой по имени *Lav Štedislav*, протагонистом банка Addiko является *Tigar Teo*. Среди услуг банка для детей выделяются *Brzi Teo*, *Snažni Teo*, *Hrabri Teo* — отличающиеся друг от друга видом страховки. Протагонистом банка Erste Хорватии будет астронавт *Medo Štedo*, а главным героем ОТР-банка Хорватии будет космонавт *ОТО*. Протагонистом банка ZABA — *Zagrebačka banka* является пчела *Пчелка*, а все услуги для детей содержат в своих названиях имя *Пчелка*: *Пчелка-счет*, подарочная карта *Пчелка*, карта банка *Пчелка*.

Первый пример — *СберКот* от Сбербанка — окказионализм, в котором соединена усеченная часть слова *сберегательный* и основа слова *кот*. Во втором примере с НРВ-банком придуманный им персонаж в результате игры слов получил имя *Štedislav* ('бережливый лев'). Центральной частью новообразования является глагол *štedjeti* ('копить'), точнее его основа, к которой присоединили типичную славянскую финаль для мужских имен *-slav* ('-слав'), в результате чего образовалась и рифма со словом *lav* 'лев'. Банк Erste, со своей стороны, старается привлечь внимание маленьких потребителей с помощью уменьшительной формы существительного медведь *medo* ('мишка') и новообразования *Štedo*, уменьшительно-ласкательной формы, образованной от основы глагола *štedjeti* ('копить'). В последнем примере имя космонавта *ОТО* образовано с помощью акронима ОТР-банка.

Ср. пример рекламы банка ОТР: *Ja sam ОТО, štednja je moj moto!* [Меня зовут Ото, экономия денег — мой девиз!], здесь использована рифма.

В следующем примере рекламы от ОТР банка рекламодатели решили создать для самых маленьких сказку:

ОТО priča: Upoznajte malog, dobronamjernog i veselog vanzemaljca i sondu koja ga uvijek prati... ОТО je naš mali prijatelj vanzemaljac. Dolazi s udaljenog planeta ŠTEDION i ima 300 svemirskih godina, što prema zemaljskom računanju iznosi svega 13. Ime su mu roditelji dali prema riječi „oto“, što znači bogatstvo — jer je ОТО njihovo najveće bogatstvo. Na Zemlju je stigao tek nedavno i jako mu

²⁷ Tportal.hr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tportal.hr/lifestyle/clanak/prva-hrvatska-multimedijaska-aplikacija-za-djecu-20110511> (дата обращения: 04.01.2024).

se sviđa. Rado će prenijeti svoja znanja, vještine i mudrosti mališanima planeta Zemlje i pokazati im nove i inovativne načine štednje, kako novca tako i prirode, energije i okoliša. Najveća mu je želja da Zemlja ima sigurnu i sretnu budućnost i traži male prijatelje koji će mu pomoći u ostvarenju tog cilja...

[ОТО-сказка: Познакомьтесь с маленьким доброжелательным инопланетянином и зондом, всегда сопровождающим его... ОТО — наш маленький друг-инопланетянин. Приезжает с далекой планеты Штедион <слово, образованное от хорв. *štedjeti, štednja* с семантикой экономии денег> и ему 300 вселенских лет, что по земному вычислению — всего 13. Родители выбрали имя Ото, происходящее от слова *oto*, которое значит ‘богатство’, потому что Ото — их богатство. На Землю он прибыл совсем недавно и ему здесь очень нравится. Он будет рад передать свои знания, навыки и мудрость малышам планеты Земля и показать им новые и инновационные способы экономии денег и энергии природы и окружающей среды. Его самое большое желание — чтобы у Земли было безопасное и счастливое будущее, и он ищет маленьких друзей, которые помогут ему достичь этой цели...].

В рекламе автор пользовался авторским неологизмом *Штедион* (от хорв. *štedjeti, štednja*), а также переносным значением самого имени Ото — ‘богатство’. Как и у всех сказок, у этой сказки дидактический смысл — нужно экономить деньги и сохранять природные ресурсы и окружающую среду, то есть приближать «безопасное и счастливое будущее».

Похожий пример придумали и в банке Erste. Их главный герой *Medo Štedo* рассказывает сказку со слоганом «Деньги стоят больше, когда они сэкономлены!»:

Novac više vrijedi kad se štedi. Zna to i Medo Štedo i zato predlaže da pod njegovom šapom štede i oni najmanji! Medo ih sve čeka nasmijana lica, jer štednja je duga priča — već uplatama od po 10 EUR može se stvoriti veća hrpica! Medo Štedo voli da štediše redovno štede, ali nije odredio niti ritam niti iznos uplata. Sve je na onima koji mogu uplatiti na dječju štednju — od roditelja do ostalih članova obitelji i prijatelja!²⁸

[Деньги стоят больше, когда они сэкономлены. Знает это Медо Штедо, поэтому предлагает, чтобы под его лапой копили деньги и самые маленькие! Медо ждет их с улыбкой, так как накопительный вклад — история долгая, если положишь даже 10 евро, получится большая куча. Медо Штедо любит, чтобы вкладчики регулярно копили деньги независимо от частоты и размера взноса. Все зависит от тех, кто кладет деньги на детский накопительный счет / от родителей, членов семьи и друзей.]

Дальше в банке Erste можно познакомить детей с историей главного героя — рэпера в космической миссии:

²⁸ Youtube [Электронный ресурс]. <https://www.erstebank.hr/hr/gradjanstvo/stednja-i-investicije/stednja/medo-stedo/medo-stedo-djecja-stednja> (дата обращения: 27.10.2024.).

MEDO ŠTEDO U SVEMIRSKOJ MISLI²⁹

*Što je gravitacija i što su kometi / Za planove koje imam na pameti / Ni
zvezdana prašina ni nebeska tijela / Ne mogu se mjeriti sa snagom mojih želja /
Moje želje putuju, moje želje luduju / Svemir mi je granica, kasica je prasica /
Kuna više vrijedi kada se štedi / Javi se Mede kada se štedi! / Lansirajte dječju
štednju u brlogu Mede Štede!*

[МЕДО ШТЕДО В КОСМИЧЕСКОЙ МИССИИ

Что такое гравитация и что такое кометы /
Для планов, которые у меня в голове! /
Ни небесные тела, ни звездная пыль /
Не могут сравниться с силой моих желаний. /
Мои желания путешествуют, /
Мои желания безумствуют. /
Мои границы — это Вселенная, /
Копилка на любые хотелки. /
Куна больше стоит, когда ее накопишь. /
Обратись к Медо, когда копишь деньги! /
Запускайте детский накопительный вклад в берлоге Медо Штедо!]

В этой рекламе автор пользовался популярным жанром — рэп, что-бы привлечь внимание молодежи. Следующая особенность — это рифма (*kometi — pameti; tijela — želja; putuju — luduju; granica — prasica; vrijedi — štedi*).

Автор следующего рекламного текста того же банка пользуется мелодией известной детской песни «*Moja mala djevojčica*», которая была исполнена известным хорватским певцом Ивом Робичем и девочкой Зденкой Вучкович на фестивале в Опатии в 1958 г. (на стихи Алки Рубен). Текст стихотворения изменен, но ритм, так же как и мелодия, оставлен прежним. Слово *Tata* заменено словом *Medo*. Также для этого текста характерны рифма (*romobil — stil; sada — čokolada; kunu — računu*) и повтор (*kupi — kupi, dan za danom, kunu po kunu, štedim — štedim*). В рекламу добавлен рэп-элемент, исполненный Медом:

MEDO ŠTEDO DJEČJA ŠTEDNJA³⁰

*Medo, kupi mi auto, bicikl i romobil / Kupi medu i zeku / šeširić baš za moj
stil / Baš si smiješna mala / Gdje bila si do sada / Što misliš da na drveću raste
čokolada / Štedi dan za danom i kunu po kunu / I skupit će se puno na štednome
računu / Medo, štedim za auto, bicikl i romobil / Štedim za medu i zeku / Šeširić
baš za tvoj stil.*

²⁹ Youtube [Электронный ресурс]. <https://youtu.be/eVug5olgt3M> (дата обращения: 27.10.2024.).

³⁰ Youtube [Электронный ресурс]. <https://youtu.be/gbpNO6FT8w> (дата обращения: 27.10.2024.).

[МЕДО ШТЕДО ДЕТСКИЙ НАКОПИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД

Медо, купи мне машинку, велик и самокат, /
 купи мишку и кролика, /
 шапочку в моем стиле. /
 Ты такая забавная. / Где ты была до сих пор? /
 Как ты думаешь — шоколад на деревьях растет? /
 Копи куну по куне, день за днем, /
 и много накопится на накопительном счете. /
 Медо, я коплю на машинку, велик и самокат, /
 я коплю на мишку и кролика, / на шапочку в твоём стиле.]

В следующем примере рекламы банка Erste снова используются рифма (*hladu — limunadu; love — nove; slama — drama; faca — placa; nešto — vješto; biram — Dinersiram; medu — uredu; prave — glave*) и повтор (*love — lovuu, faca — face*). Кроме них эту рекламу характеризуют окказионализмы (*DINERSiram* — в значении ‘пользоваться картой *Diners*’), жанр рэпа с элементами разговорного стиля, то есть лексикой, характеризующей этот стиль (*love, stari, faca, furam, placa, klince*), жаргонизмы (фразеологизм с калькой из английского языка *biti u bedu* в значении ‘чувствовать себя плохо’).

MEDO ŠTEDO — DJEČJA ŠTEDNJA ERSTE BANKE³¹

Ležim ja u hladu, pijem limunadu / Nemam dosta love za tenisice nove / Srce mi se slama / Stari, koja drama / Iako sam faca, furam tenisice s placa / Rekoh nema šanse, smislit ću već nešto / Lovu ću ušedit i to vrlo vješto / Erste dječju štednju bez dileme biram / Čekam pravo vrijeme pa onda DINERSiram / I nisam ja u bedu, uvijek sam na medu / Kad me netko pita, kažem da je sve uredu / Erste dječja štednja za sve klince prave / Sve velike face i pametne glave / Medo Štedo — dječja štednja Erste banke.

[МЕДО ШТЕДО — ДЕТСКИЙ НАКОПИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД ERSTE БАНКА

Лежу в тени-прохладе, пью лимонадик, /
 Мне не хватает бабосов / на новые кроссы. /
 Сердце мне разбиваете / старина, я в ауте, /
 Хоть я и орел, /
 а кроссы на рынке приобрел. /
 Говорю: «Вариантов нет, не догоняю, но придется, /
 накоплю бабок, и даже очень быстро сумма наберется», /
 Erste — детский накопительный вклад без сомнений выберу я, /
 в подходящий момент его DINERSируя /
 Я не в bad’е, я всегда в шоколаде. /
 Если кто спрашивает, говорю, что всё в порядке /

³¹ Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/FU0xQfF9cXQ> (дата обращения: 27.10.2024.).

Erste — детский накопительный вклад для всех детишек, /
 всех великих и умных голов от нашего мишки. /
 Медо Штедо — детский накопительный вклад Эрсте-банка]

HPB Kockica³² (рус. ‘кубик’; кубик является частью графического дизайна / кода банка), реклама хорватского банка HPB с 2015 г., также несет черты художественного стиля речи:

*Kockica, kockica, sa mnom štede djeca sva,
 Kockica, kockica, sve što želiš stvorim ja.
 Samo smisli neki plan, ispunjavam svaki san.
 Bicikl, put il' fakultet, štedi, štedi, baš za pet.
 Put do želja sad je lak, štedjet sa mnom može svak
 Kockica, kockica tvoja štednja to sam ja.*

[Кубик, кубик, со мной все дети копят деньги,
 Кубик, кубик, всё, что желаешь, я выполняю.
 Просто придумай план, и я исполню любое желание.
 Велик, путешествие или университет,
 копи, накопишь — и будет пять.
 Путь к желаниям теперь легкий,
 каждый может копить вместе со мной.
 Кубик, кубик, твой накопительный вклад — это я.]

По словам Крешимира Багича, хорватского лингвиста, изучающего стилистику, «яркость и витиеватость языка рекламных сообщений и слоганов основываются в значительной степени на образности <...>, а чрезвычайно продуктивной стилистической фигурой, которая является основой рекламной риторики, является повтор»³³.

На основании вышеуказанного заметим, что в данной рекламе появляется несколько видов повторов. Во-первых, звуковой повтор, то есть рифма: *sva — ja; plan — san; fakultet — pet; lak — svak; štednja — ja*. Работа со звуковым сопровождением, утверждает Багич, «делает сообщение привлекательным, влияет на эмоции реципиента и на его чувство гармонии»³⁴. Интересно выделить пару *lak — svak*, при создании которой с целью рифмовки были сознательно нарушены нормы орфографии. На данном примере хорошо видно, что сознательные нарушения языковых норм допускаются в художественном стиле речи, если они оправданы, то есть эстетически мотивированы. Во-вторых, выделяются лексический и синтаксический повторы, с помощью которых рекламное сообщение «ритмически орга-

³² Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0JnwNV-kBy-Q> (дата обращения: 05.01.2024).

³³ *Spektakularnost i ceremonijalnost jezika reklamnih poruka i slogana dobrim se dijelom zasniva na figurativnosti <...>. Iznimno produktivno uporište reklamne retorike je ponavljanje. См.: Bagić K. Figurativnost reklamnoga diskurza. S. 2-3.*

³⁴ *Ibid.* S. 3.

низуется, подчеркиваются его основные элементы»³⁵. Самой главной стилистической фигурой, связанной с повтором, является анафора. В данной рекламе мы имеем дело с лексической анафорой, состоящей в повторении одних и тех же слов, цель которой — придать динамичность рекламному тексту: *Kockica, kockica, sa mnom štede djeca sva, / Kockica, kockica, sve što želiš stvorim ja*. В том же ряду обратим внимание на повтор, возникающий в четвертом стихе рекламного сообщения (*Bicikl, put il' fakultet, štedi, štedi, baš za pet*), к которому авторы рекламы прибегли, чтобы не нарушать ритм. Реклама заканчивается перифразой широко известного детского стихотворения «Kad se male ruke slože». В первоисточнике *Kad se male ruke slože, sve se može, sve se može!*, в рекламе же — *Sve se može, kad se kockice slože!*. Стихотворение, в котором говорится о дружбе и согласии, написано хорватским поэтом Драгом Бритвичем, а музыка принадлежит известному хорватскому композитору и писателю Арсену Дедичу. Песню учат в хорватских школах, по всей вероятности, еще с 1976 года, когда она стала звуковой дорожкой самого популярного детского фильма «Vlak u snijegu». Выбрав такой слоган, авторы рекламы, несомненно, смогли привлечь внимание самых маленьких потребителей.

Очевидно то, что почти весь материал для анализа составили хорватские рекламные тексты. Кажется, что хорватская реклама банковских услуг достаточно часто фокусируется на самых маленьких потребителях; такой вид банковской рекламы пока не принят в России.

Элементы художественного стиля речи прослеживаются и в следующем рекламном объявлении банка Erste с 2017 г. *Erste stambeni kredit — kredit s kojim se da živjeti*³⁶, о чем свидетельствует сама структура текста:

*Na devetom katu / Andrijin je dom / Ima Erste stambeni / Pa živi po svom. /
On vam noću spava / U krevetu od sira, / Za ljubimca ima / Brazilskog tapira. /
Zube pere nogom, / Jede samo čvarke, / A za stolnjak ima / Negliže od bake. /
Od kore banane / Pulovere štrika, / A kad mu je dosadno / On gol golcat slika /
Nema televizor, / Već bulji u balon, / U njegovom ormaru / Frizerski je salon. /
A što drugi misle / Što nemaju pojma, / Živo mu se fućka. / Kod sebe je doma.*

[На девятом этаже / квартира Андрия — короче, /
у него ипотека от Erste, / он живет как хочет. /
Ночью он спит / на кровати из сыра, /
держит дома бразильского тапира, /
зубы чистит ногой, / ест только шкварки, /
а вместо скатерти / у него пеньюар его бабки. /
Из банановой кожуры / свитера он вяжет, /
заскучает — / рисовать голышом приляжет. /
У него нет телевизора, / он смотрит в воздушный шар. /

³⁵ *Bagić K. Figurativnost reklamnoga diskurza. S. 3.*

³⁶ Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cTaabbMTx-KM> (дата обращения: 10.01.2024).

А в шкафу у него / парикмахерская и бар. /
 А что в головах у других и о чем они думать станут, — /
 он в своем доме, / ему по барабану.]

Данная реклама обладает особой выразительностью, а своей структурой, ритмом и рифмой намекает на известное стихотворение хорватского писателя Григора Витеза «*Kako živi Antuntun*». В этом заключается и ее эстетическая функция, задача которой — выделить рекламу среди множества других.

В сценарии рекламного ролика «Альфа-банка» с 2016 г. «*С каждым клиентом мы находим общий язык. Питерские интеллигенты*³⁷» — семья питерских интеллигентов (молодая семейная пара и двое детей 6–7 лет, девочка и мальчик), пришедшая в банк за деньгами, чтобы съездить на море. Языковой код рекламы реализуется как диалог между петербургской семьей и консультантом банка, а оба участника диалога общаются в стихотворной форме:

Жена: – *Мечтами о морях мы сладко упивались, / О бренности житейской (sic!) все грёзы разбивались. / Немедля нужен кэш, / То есть металл презренный. / Мы с ним покинем плен, / Встречая берег пенный.*

Консультант банка: – *Душа болит как рана, когда семья страдает, / Вот карта на 100 дней — она всегда спасает. / Еще есть Альфа-клик, чтоб мыслить без метаний, / И о расходах вестник, блюститель притязаний.*

Альфа-банк! С каждым клиентом мы находим общий язык уже 25 лет!

Мальчик (уходя из банка с родителями и вместе с отцом оглядываясь на красивую девушку): – *А не удочерить ли нам это прелестное создание?*

Если мы обратимся к структуре стихотворения, то заметим, что оно ритмически организовано и имеет рифму в конце строк. На лексическом уровне выделяются поэтизмы, очень характерные для стихотворной речи: *Мечтами о морях мы сладко упивались*. Остановимся подробнее на синонимах *кэш / металл презренный*. Слово *кэш* — заимствование из английского языка, принадлежит разговорному стилю речи, а *презренный металл* — крылатое выражение, обозначающее ‘золото, деньги вообще’ в шутливо-ироничном употреблении. Добавим, что, выражение стало популярным благодаря И. А. Гончарову, который использовал его в своем романе «Обыкновенная история» в 1847 г.³⁸ Интересно, что, несмотря на синонимию, слова в то же время противопоставлены друг другу: с одной стороны — иноязычное, «новое» слово, с другой стороны — словосочетание, которое используется в художественной литературе. В качестве стилистических фигур в тексте использована инверсия: *бренность житейская, берег пенный, металл презренный*, метафора: *покинуть плен* и сравнение: *душа болит как рана*.

³⁷ Youtube [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=CopA-j9ai_g (дата обращения: 29.11.2023).

³⁸ Academic.ru [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_win-words/2230/ (дата обращения: 05.01.2024).

В заключение следует подчеркнуть, что анализ русского и хорватского языкового материала показывает, что в банковских рекламных текстах обоих языков часто используются элементы литературно-художественного стиля речи. Для обоих языков характерно использование самой разнообразной лексики и выразительно-изобразительных средств, а особое внимание привлекает стихотворная форма проанализированных нами рекламных сообщений как на русском, так и на хорватском языке. Особенно интересен тот факт, что элементы художественного стиля чаще всего встречаются в рекламе, созданной для детей. Причиной этого является особый подход к рекламе, к которому рекламодатели должны прибегать, чтобы гарантированно привлечь внимание детей, достичь определенной близости с ними. Средством достижения данной цели является языковая игра, а в исследованном нами материале активно использовались практически все ее приемы, среди которых можно выделить стихотворную речь, нарушение орфографических норм, лексический и синтаксический повторы, а также звуковые, используемые с целью рифмовки. В некоторых примерах замечено употребление разговорной лексики и элементов английских фразеологизмов, авторских неологизмов и окказионализмов. Все эти особенности характерны для художественного стиля, возможности которого практически не ограничены. Однако следует отметить, что почти весь материал для анализа составили хорватские рекламные тексты, поскольку пока такой вид банковской рекламы, кажется, не получил распространения на русской почве.

Источники

- Academic.ru [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2230/ (дата обращения: 05.01.2024).
- Тportal.hr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tportal.hr/lifestyle/clanak/prva-hrvatska-multimedijaska-aplikacija-za-djecu-20110511> (дата обращения: 04.01.2024).
- Youtube [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=CopA-j9ai_g (дата обращения: 29.11.2023).
- Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yxYx-GQfNJyw> (дата обращения: 04.01.2024).
- Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0JnwN-VkBy-Q> (дата обращения: 05.01.2024).
- Youtube [Электронный ресурс]. <https://www.erstebank.hr/hr/gradjanstvo/stednja-i-investicije/stednja/medo-stedo/medo-stedo-djecja-stednja> (дата обращения: 27.10.2024).
- Youtube [Электронный ресурс]. <https://youtu.be/eVug5olgt3M> (дата обращения: 27.10.2024).
- Youtube [Электронный ресурс]. <https://youtu.be/gbpNO6FT8w> (дата обращения: 27.10.2024).

Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/FU0xQfF9cXQ> (дата обращения: 27.10.2024).

Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cТаabb-МТхКМ> (дата обращения: 10.01.2024).

Литература

- Гридина Т. А.* Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи. Явление языковой игры: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.
- Казанцева А. М.* Языковая игра в рекламе для детей // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. № 9. С. 17–21.
- Романова О. Ю.* Стилистика русского языка. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008.
- Руденко Д. И., Прокопенко В. В.* Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995.
- Стрельникова Е. С.* Реклама как объект изучения в современной лингвистической литературе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 62–68.
- Bagić K.* Figurativnost reklamnoga diskurza. Zagreb: FF press, 2006.
- Cook G.* The Discourse of Advertising. London; New York: Routledge, 2001.
- Forceville C.* Creativity in pictorial and multimodal advertising metaphors // Discourse and creativity / Ed. R. Jones. New York: Routledge, 2012. P. 113–142.
- Frančić A., Hudeček L., Mihaljević M.* Normativnost i višefunkcionalnost u hrvatskome standardnom jeziku. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2005.
- Fuertes-Olivera P. A., Velasco-Sacristán M., Arribas-Baño A., Samaniego-Fernández E.* Persuasion and advertising English: Metadiscourse in slogans and headlines // Journal of Pragmatics. 2001. Vol. 33. Issue 8. P. 1291–1307.
- Goddard A.* The Language of Advertising. London; New York: Routledge, 1998.
- Hudeček L., Mihaljević M.* Jezik medija: publicistički funkcionalni stil. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2009.
- Jones R. H., Jaworska S., Aslan E.* Language and media. London: Routledge, 2020.
- Leetaru K. H.* 2001. Language use in Advertising: An Analysis of Linguistic Features Across Readership Domains. May 9th, 2001 // Kalev H. Leetaru [сайт]. URL: https://www.kalevleetaru.com/Publish/Language_Use_In_Advertising_Linguistic_Features_Across_Readership_Domains.pdf (дата обращения: 19.11.2024).
- Lewis K., Štebih Golub B.* 2014. Tvorba riječi i reklamni diskurs // Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Vol. 40. № 1. P. 133–147.
- Mihaljević M.* Analiza diskursa reklama za računalnu opremu // Teorija i mogućnosti primjene pragmalingvistike / ur. L. Badurina, N. Ivanetić, B. Pritchard, D. Stolac. Zagreb; Rijeka: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 1999. S. 513–523.
- Mihaljević M.* Kako se na hrvatskome kaže WWW? Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2003.
- Rišner V., Ižaković M.* Jezik reklama u hrvatskom tisku triju stoljeća (19., 20. i 21.) // Riječki filološki dani 7 / ur. I. Srdoč-Konestra, S. Vranić. Rijeka: Filozofski fakultet Rijeka, 2008. S. 611–629.

- Schrank J.* The Language of Advertising Claims. New York: St. Martin's Press, 1994.
- Stolac D.* Jezični elementi u funkciji (kvazi)znanstvenosti reklama // Súčasná jazyková komunikácia v interdisciplinárnych súvislostiach / ur. V. Patráš. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela — Fakulta humanitných vied, 2004. S. 114–120.
- Stolac D., Vlastelić A.* Jezik reklama. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada; Rijeka: Filozofski fakultet u Rijeci, 2014.
- Udier S. L.* O jeziku reklame // Jezik i mediji — jedan jezik: više svjetova / ur. J. Granić. Zagreb; Split: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 2008. S. 711–721.

References

- Bagić, K., 2006. *Figurativnost reklamnoga diskurza*. Zagreb: FF press.
- Cook, G., 2001. *The Discourse of Advertising*. London; New York: Routledge.
- Forceville, C., 2012. Creativity in pictorial and multimodal advertising metaphors. In: R. Jones, ed., 2012. *Discourse and creativity*. New York: Routledge, pp. 113–142.
- Frančić, A., Hudeček, L., Mihaljević, M., 2005. *Normativnost i višefunkcionalnost u hrvatskome standardnom jeziku*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.
- Fuertes-Olivera, P. A., Velasco-Sacristán, M., Arribas-Baño, A., Samaniego-Fernández, E., 2001. Persuasion and advertising English: Metadiscourse in slogans and headlines. *Journal of Pragmatics*, 33, pp. 1291–1307.
- Goddard, A., 1998. *The Language of Advertising*. London; New York: Routledge.
- Gridina, T. A., 1996. *Associative potential of the world and its realization in the speech. An occurrence of the language game*. Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow State Pedagogical University. (In Russian)
- Hudeček, L., Mihaljević, M., 2009. *Jezik medija: publicistički funkcionalni stil*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.
- Jones, R. H., Jaworska, S., Aslan, E., 2020. *Language and media*. London: Routledge.
- Kazantseva, A. M., 2013. Language game in advertisement for children. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 9, pp. 17–21. (In Russian)
- Leetaru, K. H., 2001. Language use in Advertising: An Analysis of Linguistic Features Across Readership Domains. *Kalev H. Leetaru*. Available at: https://www.kalevleetaru.com/Publish/Language_Use_In_Advertising_Linguistic_Features_Across_Readership_Domains.pdf (Accessed: 19.11.2024).
- Lewis, K., Štebih Golub, B., 2014. Tvorba riječi i reklamni diskurs. *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 40 (1), pp. 133–147.
- Mihaljević, M., 1999. Analiza diskursa reklama za računalnu opremu. In: L. Badurina, N. Ivanetić, B. Pritchard, D. Stolac, eds, 1999. *Teorija i mogućnosti primjene pragmalingvistike*. Zagreb; Rijeka: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, pp. 513–523.
- Mihaljević, M., 2003. *Kako se na hrvatskome kaže WWW?* Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.
- Rišner, V., Ižaković, M., 2008. Jezik reklama u hrvatskom tisku triju stoljeća (19., 20. i 21.). In: I. Srdoč-Konestra, S. Vranić, eds, 2008. *Riječki filološki dani 7*. Rijeka: Filozofski fakultet Rijeka, pp. 611–629.

- Romanova, O. Iu., 2008. *Stylistics of Russian language*. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta. (In Russian)
- Rudenko, D. I., Prokopenko, V. V., 1995. *Language and science in the end of XXth century*. Moscow: RGGU. (In Russian)
- Schrank, J., 1994. *The Language of Advertising Claims*. New York: St. Martin's Press.
- Stolac, D., 2004. Jezični elementi u funkciji (kvazi)znanstvenosti reklama. In: V. Patráš, ed., 2004. *Súčasná jazyková komunikácia v interdisciplinárnych súvislostiach*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela — Fakulta humanitných vied, pp. 114–120.
- Stolac, D., Vlastelić, A., 2014. *Jezik reklama*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada; Rijeka: Filozofski fakultet u Rijeci.
- Strel'nikova, E. S., 2006. Advertisement as the object of study in the contemporary linguistic literature. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 5, pp. 62–68. (In Russian)
- Udier, S. L., 2008. O jeziku reklame. In: J. Granić, ed., 2008. *Jezik i mediji — jedan jezik: više svjetova*. Zagreb; Split: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, pp. 711–721.

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

DOI: 10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.07

Е. Ф. Шмурло (1854–1934 гг.) — УЧЕНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В РИМЕ (1903–1924 гг.): НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ. ЧАСТЬ II

Сергей Георгиевич Яковенко

Кандидат исторических наук,
независимый исследователь
Почтовый адрес: Москва, Россия
Электронный адрес: syakovenko@mail.ru

Аннотация

Предпринятые в 1895 г. усилия по организации в Риме постоянного представительства Российской академии наук завершились учреждением в 1903 г. должности ученого корреспондента, на которую был избран профессор русской истории Юрьевского университета Е. Ф. Шмурло (1854–1934). Его задача заключалась в том, чтобы максимально полно выявлять материалы римских, итальянских и европейских архивов и библиотек по русской истории. Собранные документы предполагалось публиковать в серии тематических сборников и тематических изданий. В первой серии в неполном объеме был опубликован сборник документов за 1578–1581 гг., во второй — 4 тома тематических публикаций (три из них — в двух выпусках). В ведении ученого корреспондента находилась большая специальная библиотека, которая была призвана обслуживать его нужды и нужды тех российских исследователей, которые придут проводить свои исследования в Риме. С целью облегчить будущую архивную работу ему было поручено также составление палеографической коллекции. Благодаря своей настойчивости и некоторым дополнительным усилиям ученый корреспондент получил разрешение на работу в Архиве Конгрегации пропаганды веры, закрытом для широкого круга исследователей, и собрал в нем большой объем новых материалов.

К сожалению, широко задуманное научное начинание не удалось реализовать в полном объеме. В Риме не был создан русский институт наподобие тех национальных научных учреждений, которые появились там в конце XIX в. после открытия для исследователей Ватиканского архива. Проект такого института Е. Ф. Шмурло предложил Академии наук в 1917 г. В связи с началом Первой мировой войны деятельность ученого корреспондента существенно изменилась — в 1915–1916 гг. ему было поручено наблюдать за охраной «исторических памятников и научных коллекций в районе военных действий». Затем в 1918–1919 гг. после октябрьского переворота в России он на некоторое время активно включился в работу антибольшевистской организации «Союз возрождения России в единении с союзниками». Оказавшись вынужденным эмигрантом и практически потеряв связи с Академией наук, по мере возможности он продолжал исполнять свои обязанности и вести научные исследования. В конце 1924 г. стало понятно, что эту работу уже сложно вести в Риме, тем более что в декабре 1924 г. Академией наук было принято решение об упразднении должности ученого корреспондента. Получив ее согласие на передачу во временное пользование сроком на 10 лет библиотеки ученого корреспондента в Риме Институту Восточной Европы (Istituto per l'Europa Orientale), продав свою личную библиотеку и получив пенсию чехословацкого правительства, Е. Ф. Шмурло в конце 1924 г. переехал в Прагу, где возглавил организованное им в 1925 г. Русское историческое общество. В 1935 г. его архив был передан в РЗИА в Праге, откуда в 1945 г. перевезен в Москву (в настоящее время — в ГАРФ).

Ключевые слова

Е. Ф. Шмурло, Российская академия наук, ученый корреспондент в Риме, «Союз возрождения России», С. Ф. Ольденбург, С. Ф. Платонов

Финансирование

Материал для написания статьи был собран благодаря финансовой поддержке со стороны Фонда Макса Вебера (Германия) и Германского исторического института в Москве

Статья поступила в редакцию 24 мая 2024 г.

Статья доработана автором 10 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Яковенко С. Г.* Е. Ф. Шмурло (1854–1934 гг.) — ученый корреспондент Российской академии наук в Риме (1903–1924 гг.): незавершенный проект. Часть II // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 142–171. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.07>

E. F. SCHMOURLO (1854–1934) — SCIENTIFIC CORRESPONDENT OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN ROME (1903–1924): NON-ACCOMPLISHED PROJECT. PART II

Sergey G. Yakovenko

Ph.D., independent researcher

Postal address: Russia, Moscow

E-mail: syakovenko@mail.ru

Abstract

The efforts undertaken in 1895 to organize a permanent mission of the Russian Academy of Sciences in Rome culminated in the establishment in 1903 of the position of scientific correspondent, to which Professor of Russian History at Yuryev University E. F. Schmourlo (1854–1934) was elected. His task was to identify as fully as possible the materials of Roman, Italian and European archives and libraries on Russian history. The collected documents were supposed to be published in a series of thematic collections and collection of materials. In the first series, an incomplete collection of documents for 1578–1581 was published, and in the second, four volumes of thematic publications (three of them in two issues). The scientific correspondent formed a large special library, which was intended to serve his needs and the needs of those Russian researchers who would come to conduct their research in Rome. To facilitate future archival work, he was also entrusted with the compilation of a paleographic collection. Thanks to his persistence and some additional efforts, the scientific correspondent received permission to work in the Archives of the Congregation for the Propaganda of the Faith, closed to a wide circle of researchers, and collected many new materials there. Unfortunately, the broadly conceived scientific undertaking could not be fully realized. A Russian institute like those national scientific institutions that appeared there at the end of the 19th century after the opening of the Vatican Archives to researchers was not created in Rome. E. F. Schmourlo proposed a project for such an Institute to the Academy of Sciences in 1917. In connection with the outbreak of World War I, the activities of the scientific correspondent changed significantly — in 1915–1916 he was assigned to oversee the protection of “historical monuments and scientific collections in the area of military operations”. Then in 1918–1919, after the “October Revolution” in Russia, he actively joined the work of the anti-Bolshevik organization “Union for the Revival of Russia in Unity with the Allies” for some time. Having found himself a forced emigrant and having practically lost contact with the Academy of Sciences, he

continued to fulfill his duties and conduct scientific research as much as possible. At the end of 1924, it became clear that this work was already difficult to do in Rome, especially since in December 1924 the Academy of Sciences decided to abolish the position of scientific correspondent. Having received its consent to transfer the library of the scientific correspondent in Rome to the Institute of Eastern Europe (Istituto per l'Europa Orientale) for temporary use for 10 years, having sold his personal library and received a pension from the Czechoslovak government, E. F. Schmourlo moved to Prague at the end of 1924, where he headed the Russian Historical Society, which he had organized in 1925. In 1935, his archive was transferred to the RZIA in Prague, from where it was transported to Moscow in 1945 (currently — GARF).

Keywords

E.F. Schmourlo, Russian Academy of Sciences, corresponding researcher of the Academy of Sciences in Rome, S. F. Oldenburg, S. F. Platonov, the “Union of Revival of Russia”, Sacred Congregation for the Propagation of the Faith (Sacra Congregatio de Propaganda Fide)

Funding

The material for the article was gathered thanks to financial support from Max Weber Foundation (Germany) and German Historical Institute in Moscow

Received 24 May 2024

Revised 10 November 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Yakovenko, S. G., 2024. E. F. Schmourlo (1854–1934) — Scientific Correspondent of the Russian Academy of Sciences in Rome (1903–1924): Non-accomplished Project. Part II. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 142–171. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.07>

ЭТАПЫ РАБОТЫ УЧЕНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА (1903–1924)

До определенного времени деятельность ученого корреспондента хорошо прослеживается на основании ежегодных отчетов, которые он отправлял в адрес Постоянной исторической комиссии Историко-филологического отделения Академии наук¹.

Его основные усилия были сосредоточены на исполнении тех задач, которые были сформулированы в *Предварительной инструкции* и *Положении* об обязанностях ученого корреспондента².

¹ Ежегодные отчеты ученого корреспондента за 1903–1912 гг. публиковались в сборниках «Россия и Италия». См.: Извлечения из отчетов за 1903–1905 гг. // Россия и Италия. Сб. ист. материалов и исслед., касающихся сношений России с Италией: Описи итал. архивов, документы, отчеты учен. кор. Акад. наук. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1907. Т. I. Вып. 1. С. 1–14 (далее — Россия и Италия); Отчеты за 1905–1908 гг. // Россия и Италия. СПб., 1911. Т. 3. Вып. 1. С. 1–15; Отчет за 1908–1909 гг. // Там же. С. 42–51; Отчет за 1909–1910 гг. // Там же. С. 179–181; Отчет за 1910–1911 гг. // Там же., Пг., 1915. Т. 3. Вып. 2. С. 183–185; Отчет за 1911–1912 гг. // Там же. С. 186–193. Отчет сопровождался большими приложениями с описанием Симанского архива (С. 193–269), Библиотеки кафедрального собора в Толедо (С. 270–301) и подборкой документов об отношениях России и Испании в последней четверти XVI в. (С. 301–387). Отчет за 1912–1913 гг. // Протоколы ИФО ИАН. 1913. 09.11. § 457.

² См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5965. Оп. 1. Д. 615.

Деятельность Е. Ф. Шмурло в качестве ученого корреспондента можно разделить на несколько этапов.

В течение 1903–1907 гг. он активно собирал материалы и разрабатывал план предстоящих изданий. Важным достижением стало разрешение, полученное им осенью 1905 г., на разыскания в архиве Конгрегации пропаганды веры³.

В 1907–1913 гг. наряду с продолжающейся исследовательской работой в архивах и библиотеках началась публикация собранных документов и материалов⁴.

С целью наведения справок в отечественных архивах и библиотеках, сбора дополнительных материалов и подготовки к публикации уже начатых ранее изданий с 1 ноября 1914 г. по 1 марта 1915 г. в соответствии с принятым Академией наук решением Е. Ф. Шмурло перенес свою деятельность в пределы России. Однако в связи с началом Первой мировой войны характер деятельности ученого корреспондента пришлось изменить — 20 декабря 1914 г. на Экстраординарном Общем собрании АН была рассмотрена «инструкция, выработанная Комиссией по вопросу об охране исторических памятников и научных коллекций в районе военных действий», и в качестве уполномоченного АН была предложена кандидатура Е. Ф. Шмурло, который в это время находился в Петрограде⁵. В результате голосования он был избран на должность «для охраны памятников Галиции, Буковины и Западной Польши, находящихся в районе военных действий», и в течение первой половины 1915 г. находился с этой целью во Львове, откуда выезжал для осмотра близлежащих городков и замков. Отчеты о результатах этих осмотров он направлял на адрес Академии наук⁶. Одним из важных

³ См.: Отчет ученого корреспондента в Риме ... с 1-го ноября 1905 года по 1-е ноября 1906 года: Россия и Италия. СПб., 1911. Т. 3. Вып. 1. С. 1–4.

⁴ Основные моменты, характеризующие деятельность ученого корреспондента в Риме за период 1903–1913 гг., были изложены Е. Ф. Шмурло в статье (без подписи), опубликованной в 1917 г.: Ученый корреспондент в Риме при Историко-филологическом отделении Академии // Императорская академия наук. 1889–1914. Ч. II: Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг.: Тип. Российской акад. наук, 1917. Ч. 1. С. 623–631. Ср.: ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 234.

⁵ ЭОС ИАН. X заседание, 20 декабря 1914 года. § 222. С. 164.

⁶ «Сегодня вернулся с первого объезда, отчет посылаю на днях. Шмурло». Телеграмма от 6 февраля 1915 г. // Протоколы заседаний ОС ИАН. Печатано как рукопись. 1915. § 27. С. 48; ЭОС ИАН. 1915. Заседание 23 февраля 1915 года. § 43. С. 27: Сообщено о поступивших от уполномоченного Академии Е. Ф. Шмурло двух Отчетах о результатах осмотра во Львове и Галиции архивов и библиотек. В Отчете № 6 от 11 февраля Е. Ф. Шмурло предлагал в район, где действует уполномоченный, «включить славянские области Венгрии» (Там же. § 57. С. 34). В связи с чем в ответ на запрос Академии наук 26 марта был получен ответ военного командования, в котором говорилось: «...расширение района, подлежащего объезду профессора Шмурло, включением в него указанных Вами областей на австрийском фронте не встречает с моей стороны каких-либо возражений» (ОС ИАН. 1915. IV. § 66). Последний Отчет был отправлен 1 июля 1915 г. (Там же. § 145. С. 123). Один из Отчетов сохранился в Центральном государственном историческом архиве Украины во Львове (фонд Грекокатоли-

результатов его деятельности стало то, что он привез в Петроград митру Перемышльского епископа, которая, согласно преданию, была переделана из короны Галицко-Волынского князя Даниила Романовича, присланной в 1253 г. папой Иннокентием IV⁷.

Деятельность в качестве уполномоченного Е. Ф. Шмурло должен был первоначально приостановить в конце апреля 1915 г., но был отвлечен «от прямых своих обязанностей <...> с половины января до половины июня»⁸, а в октябре 1915 г. ему было предложено «вновь взять на себя обязанности уполномоченного по охране памятников в районе военных действий» сроком на три месяца⁹.

Несмотря на это Е. Ф. Шмурло продолжал активно заниматься научной деятельностью, о чем он сообщал в письме¹⁰ на имя А. С. Лаппо-Данилевского от 21 сентября 1916 г., которое было написано с целью более убедительно мотивировать необходимость очередной поездки в Рим. Е. Ф. Шмурло писал, что наряду с выполнением поручения по охране памятников культуры в районе военных действий «все остальное время своего пребывания в России (июнь 1915 — сентябрь 1916 г.) он посвятил печатанию “Архива Пропаганды”, “Памятников 1578–1587 гг.” и тем обширным подготовительным работам библиографического характера, которые должны послужить введением к собранным им бумагам о Лжедмитрии I»¹¹. Таким образом, речь шла о трех больших публикациях, подготовка

ческой митрополичьей консистории). См.: Центральный державний історичний архів України. Ф. 408. Оп. 1. Д. 569. Л. 1–10. О характере работы Е. Ф. Шмурло в качестве представителя Академии наук можно подробно судить на основании документов из его «чемодана» (или «корзины»), который он оставил в Петрограде, когда уезжал оттуда в октябре 1916 г. в Рим, не предполагая, что уже больше не вернется в Россию. Опись его содержимого была составлена в ноябре 1925 г. Среди прочего в «чемодане» находились: 10. Дневники Е. Ф. Шмурло за время пребывания его на фронте в январе — мае 1915 г. в качестве уполномочен. Акад[емии] Наук, в четырех книгах. 11. То же в переписанном на машинке виде, с рукоп[исными] вставками, в 2-х скреплен[ных] булавкой тетрадах. 12. Разные официальные бумаги, относящ[иеся] ко времени пребывания Е. Ф. Шмурло в должности Уполномоченного (4 листа). См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Л. 173.

⁷ «26 мая Е. Ф. Шмурло была привезена и сдана под расписку казначея Академии для хранения в кассе Правления митра с драгоценными камнями». См.: ОС ИАН. 1915. Заседание VIII. § 145. С. 123.

⁸ ИФО ИАН. X заседание, 21 сентября 1916 года. II-е приложение к протоколу (к § 239) = СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 163. Л. 448.

⁹ ИАН. Протокол заседания Комиссии по охране памятников в районе военных действий 8 октября 1915 года. II-е приложение к протоколу X заседания ОС 7 ноября 1915 года (к § 209).

¹⁰ Отчет о деятельности Императорской Академии Наук по Физико-математическому и Историко-филологическому Отделениям за 1915 год. Пг.: Тип. Императорской Академии наук, 1915. С. 277; Отчет за 1915–1916 гг.; Отчет за 1916 г. Пг.: Тип. Имп. АН, 1916. С. 300; Отчет за 1916–1917 гг. См.: Приложение к протоколу I заседания ИФО РАН 17 января 1918 г. С. 1–3. О работе ученого корреспондента в Риме в 1914–1915 гг. См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 163. Л. 436, 448–448 об.

¹¹ Протоколы ИФО ИАН, X-е заседание, 1916. 21.09. § 239; ИФО ИАН. С. 155–156 печ. изд.

которых входила в круг непосредственных обязанностей ученого корреспондента.

Для исполнения этих обязанностей Академия наук выделяла ему соответствующие средства¹².

В 1915 г. он опубликовал статью о Лжедмитрии¹³ и собрал о нем большое количество документов, но завершить эту работу Е. Ф. Шмурло не удалось — значительную часть материалов при отъезде в Рим он оставил в Петрограде (октябрь 1916 г.) и впоследствии безуспешно пытался получить их¹⁴.

В октябре 1916 г. Е. Ф. Шмурло ехал в Рим для продолжения своих исследований¹⁵, но совершенно не предполагал, что уже не вернется на родину, станет эмигрантом, «невозвращенцем» и последние годы жизни проведет за границей — сначала в Италии (до 1924 г.), а затем в Чехословакии (до 1934 г.).

Отъезд из Петрограда был связан с необходимостью позаботиться о корреспондентской академической библиотеке, которую в 1914 г. пришлось сложить в амбар, а также завершить работу над сборником документов, связанных с дипломатической миссией в Московию А. Поссевино (1581–1582)¹⁶. В дороге Е. Ф. Шмурло заболел, ему пришлось делать операцию, но он продолжал поддерживать контакты с Академией наук, находился в переписке с коллегами, которые курировали его работу¹⁷.

¹² В феврале 1916 г., то есть когда его деятельность в Восточной Галиции завершилась, Вице-президент Академии наук П. В. Никитин на заседании ИФО предложил сумму «в 2203 руб. 74 коп., оставшуюся от ассигнованной в прошлом году для уполномоченного от Академии для западного района военных действий Е. Ф. Шмурло, передать в распоряжение академика Н. Я. Марра для регистрации и охраны памятников в Кавказском районе». См.: ИФО ИАН. 1915. Ос. Заседание IV. С. 40 (печ. изд.).

¹³ Шмурло Е. Ф. Заметки по истории Лжедмитрия I // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1915. Ч. 58. Отд. II. С. 1–26.

¹⁴ См. СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 297–302 — письмо предположительно на имя французского слависта А. Мазона [адресат в письме не указан] от 25 августа 1925 г., который отправлялся на юбилейные торжества Академии наук в Ленинград с просьбой обратиться к С. Ф. Ольденбургу и просить его передать оставленные документы для завершения двух начатых больших работ — о Петре Великом и Лжедмитрии. Материалы получить не удалось. В Отчете Академии наук за 1925 г. говорилось о том, что Постоянная историческая комиссия располагает в настоящее время «регистами документов времени Лжедмитрия I, №№ 1–1338 и копиями ненапечатанных документов той же эпохи, в количестве 338 №№, заимствованными, главным образом, из итальянских архивов и представляющими ценнейшее собрание, подлежащее изданию даже в том незаконченном виде, в каком оно поступило в АН». См.: Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. С. 262.

¹⁵ «В октябре месяце Е. Ф. Шмурло вернулся обратно в Рим». См.: Отчет о деятельности ИАН за 1916 год. Пг.: Тип. ИАН, 1916. С. 300.

¹⁶ В 1925 г. в Ленинграде был опубликован первый выпуск сборника (№ 1–351 — без участия Е. Ф. Шмурло) без окончания и обширных примечаний. См.: Яковенко С. Г. Е. Ф. Шмурло и его незавершенный проект: «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией» // *Ars historica*. Сборник в честь О. Ф. Кудрявцева / сост. и отв. ред. А. К. Гладков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 530–551.

¹⁷ Он направил очередной ежегодный отчет о своей работе в 1916–1917 гг. См.: Приложение к протоколу I заседания ИФО РАН 17 января 1918 г. С. 1–3. См. выше: письма М. А. Дьяконову, А. С. Лаппо-Данилевскому.

Ситуация, в которой оказался Е. Ф. Шмурло (впрочем, как и многочисленные граждане России, либо не принявшие события 1917 г., либо в силу самых разных причин оказавшиеся в тот момент за границей), была в это время достаточно типичной. Для него были неприемлемы те перемены, которые произошли на родине после «октябрьского переворота», особенно после подписания большевиками Брестского мира (1918 г.). Именно поэтому в 1918–1919 гг. он активно включился в работу одной из антибольшевистских эмигрантских организаций — «Союза возрождения России в единении с союзниками» в качестве товарища Председателя¹⁸.

Инициатива создания «Союза» принадлежала С. И. Демидовой и генералу М. Н. Леонтьеву. Организация ставила перед собой задачу борьбы с большевиками, захватившими власть в России в 1917 г., и с германской оккупацией страны.

Цели «Союза» были изложены в его программном документе. В нем говорилось, что общество призвано в условиях разрухи содействовать возрождению единого и сильного государства, а для достижения этой цели считает необходимым всемерно способствовать возобновлению отношений с союзниками и всячески бороться с германским влиянием. Достигнуть этих целей предполагалось путем устного и печатного слова, поддержки тех, кто борется против большевиков и «немецкого засилья»¹⁹.

В одном из писем Е. Ф. Шмурло летом 1918 г. (23 июня) писал Е. К. Миллеру «о пользе еженедельно выпускать статейки, где были бы собраны газетные сведения о деятельности большевиков, но не под титулом “Работа больш[евико]в”, а “Результаты больш[евистск]ой деятельности”, “К чему ведут нас большевики”, “Возможно ли действовать сообща с большевиками?” и т. п.»²⁰ Он активно участвовал в подготовке различных документов, редактировал «Бюллетени», которые выпускал «Союз»²¹, в августе 1918 г. написал предисловие к изданной в Болонье на итальянском языке книге

¹⁸ «23-го [1918 г. — С. Я.] апреля Общее собрание членов Союза, состоявшееся под председательством С. И. Демидовой, избрало Организационное бюро, которое тут же распределило между своими 5-ю членами функции следующим образом: председатель — генерал Е. К. Миллер, товарищ Председателя — Е. Ф. Шмурло, казначей — В. Т. Рафальский, секретари — Н. И. Дубяцкий и Б. С. Серафимов». (ГАРФ. Ф. 5806. Оп. 1. Д. 4. Л. 3). Материалы о деятельности этой организации см.: ГАРФ. Ф. 5806. Переписка с ее Председателем — генералом Е. К. Миллером — сохранилась в фонде Е. Ф. Шмурло в Славянской библиотеке в Праре. См.: Slovanská Knihovna. Pozust. Prof. Smurla. T-A 935/4111-4122.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5806. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-5.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5806. Оп. 1. Д. 25. Л. 7. «На это мне могут возразить: да правительственные круги, печать и без того знает это и понимает, что за штука эти большевики. — Да, но кроме правит. кругов и печати (вернее, журналистов, отдельных лиц, известной сотни-другой человек) есть еще широкая публика, которая далеко не все у нас знает и не все понимает. Ее-то надо просветить и убедить» (Там же. Л. 8).

²¹ Отдельные выпуски Бюллетеней см.: Slovanská Knihovna. Pozust. Prof. Smurla. T-A 2150-2179.

М. К. Первухина (1870–1928) «Большевики» (ит. *I Bolsceviki*)²². Ее автор занимал антикоммунистическую позицию, симпатизировал раннему итальянскому фашизму, в котором видел идеологию национального возрождения, альтернативу большевизму, способ противостоять ему как в России, так и в Италии.

М. К. Первухин был знаком с А. М. Горьким — он познакомился с ним на Капри — и основу книги, содержащей ряд разоблачительных портретов вождей Октябрьской революции — Л. Д. Троцкого, В. И. Ленина, А. В. Луначарского и др., — составили его каприйские воспоминания.

Е. Ф. Шмурло не очень высоко оценивал художественные достоинства этой книги, о чем писал Е. К. Миллеру. Тем не менее он считал ее полезной для борьбы с большевиками.

Е. Ф. Шмурло участвовал в привлечении новых членов, составлении программных документов, вел активную переписку со сторонниками «Союза»²³.

Однако его работа в организации продолжалась лишь до весны 1919 г. 23 мая он обратился к секретарю Организационного Бюро Н. И. Дубягскому с письмом, в котором сообщал, что на продолжительное время уезжает из Рима, не знает точно, когда вернется, и не уверен, что по возвращении примет деятельное участие в работах Организационного Бюро, а тем более, что будет руководить его работами²⁴. Он объяснял это тем, что в силу сложившихся обстоятельств давно «стал пассивным членом Бюро»²⁵. Коллеги пытались уговорить его остаться на этом посту²⁶, но в ответ на их просьбы Е. Ф. Шмурло подробно изложил мотивы своего решения в письме на имя князя В. Ю. Голицына²⁷. В связи с изложенными обстоятельствами он просил найти ему замену²⁸.

²² *Perwoukhine M. I Bolsceviki / con prefazione del Prof. E. Schmurlo; Dell' Accademia delle scienze di Pietrogrado. Bologna: N. Zanichelli, 1918. P. 7-11.* На титульной странице книги Е. Ф. Шмурло указан как профессор Академии наук в Петрограде.

²³ См. *Slovanská knihovna. Pozust. Prof. Smurla. T-A 935/4111-4122.*

²⁴ В связи с этим он писал, что «вынужден сложить с себя обязанности товарища Председателя и связанные с ними — при налич//ных условиях — обязанности председательствующего» (ГАРФ. Ф. 5806. Оп. 1. Д. 25. Л. 27-27 об.).

²⁵ Там же. Л. 28.

²⁶ Письмо от 5 июня 1919 г.: «Нам всем с очевидностью ясно, что оставление Вами Председательского поста, на который мы, говоря совершенно серьезно и искренне, не видим никакого другого достойного кандидата, неизбежно вызовет развал с таким трудом налаженного здесь дела. А подобный развал не только грозит печальными последствиями для русского дела в Риме, но и пагубно отразится на целостности Парижского блока, уже ослабленного разладом с Республиканской Лигой» (Там же. Л. 30).

²⁷ Князь Василий Юрьевич Голицын (1879–1923), в 1917 г. был назначен агентом Министерства торговли и промышленности при Российском посольстве в Риме. См.: Письмо от 9 июня 1919 г. См.: там же. Л. 31-37 об.

²⁸ См.: там же. Л. 27-27 об. — 23.05.1919 г.; Л. 36 — 19.06.1919 г.

В течение всей своей долгой жизни Е. Ф. Шмурло был и оставался ученым-исследователем²⁹. Лишь катастрофические события общественной жизни буквально вынудили его на некоторое время активно включиться в политическую жизнь русской эмиграции³⁰. Именно поэтому около двух лет он активно участвовал в работе «Союза».

Важной проблемой оставалось содержание римской академической библиотеки. В письмах князю Львову (май 1920 г.)³¹, а затем П. Б. Струве (октябрь 1920 г.)³² Е. Ф. Шмурло пишет о ее составе и значении. Организация в 1921 г. Института Восточной Европы (ит. *Istituto per l'Europa Orientale, IpEO*) помогла решить проблему размещения академической и личной библиотек Е. Ф. Шмурло — книги были перенесены из амбара, где они хранились с 1914 г., в помещение Института³³.

Несмотря на перерыв в контактах с Академией наук (1918–1920 г.)³⁴, в связи с завершением очередного пятилетнего срока, на который избирался ученый корреспондент, голосованием членов Постоянной исторической комиссии он был избран на следующие пять лет³⁵. Таким образом, официально его полномочия в этом качестве были продлены до осени 1923 г. Од-

²⁹ Это подчеркивали все его коллеги. Ср. И. Лаппо в очерке, посвященном Е. Ф. Шмурло: «Он был ученым историком в истинном смысле этого понятия...» (Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская — Нарва: Печатано в типографии наследн. А. Григорьева, 1938. С. 22–23).

³⁰ Материалы о деятельности «Союза...» см.: ГАРФ. Ф. 5806. Оп. 1. 42 ед. хр. Здесь собраны материалы, которые в 1924 г. поступили в РЗИА от С. П. Мельгунова, в 1928 г. от Г. И. Шрейдера. О передаче документов от Е. Ф. Шмурло в 1930 г. указано: «Лига возрождения России, архивное собрание, передача в РЗИА. Е. Ф. Шмурло. Заявление» См.: Русский заграничный исторический архив в Праге — документация. Каталог собранных документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / сост. Л. Бабка, А. Копршилова, Л. Петрушева. Прага, б. и., 2011. С. 93 (Т-РЗИА-2-3); в составе РЗИА они были переданы в Москву (ЦГАОР, в настоящее время — ГАРФ); переписка с ее Председателем — генералом Е. К. Миллером — сохранилась в фонде Е. Ф. Шмурло в Славянской библиотеке в Праге. См.: *Slovanská Knihovna. Pozust. Prof. Smurla. T-A 935/4111-4122*. См. там же Т-А 2150-2179.

³¹ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 625. Л. 1–2. Оpubл. в.: Яковенко С. Г. — Е. Ф. Шмурло и Русское историческое общество в Праге // Европейский альманах. 1993 / ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1993. С. 77–78.

³² См. *Mazzitelli G. Le pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa orientale. Catalogo storico (1921-1944)*. Firenze: Firenze University Press, 2016. P. 48.

³³ См. *Lo Gatto Maver A. Le lettere di Ettore Lo Gatto a Giovanni Maver (1920-1931)* // *Europa Orientalis*. 1996. Vol. 15. № 2. P. 313.

³⁴ В Отчете Академии наук за 1919 г. кратко указывалось: «Никаких сведений о деятельности ученого корреспондента, ввиду полного отсутствия сношений с заграницею, получено не было». См.: Отчет о деятельности РАН по Отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1919 год. Пг.: б. и., 1920. С. 160.

³⁵ «Произведенной баллотировкой Е. Ф. Шмурло оказался переизбранным на должность ученого корреспондента в Риме. Положено сообщить в Правление для зависящих распоряжений и уведомить Е. Ф. Шмурло». См.: ИФО РАН. Протокол XVI-го заседания от 29-го ноября 1917 г. § 411.

нако, судя по Отчету Е. Ф. Шмурло за 1922–1923 гг., до него эти сведения не дошли, связи с Академией наук были почти утрачены³⁶.

Работа ученого корреспондента, тесные контакты с Академией наук существенно затруднились после ухода из жизни двух друзей и коллег Е. Ф. Шмурло — А. С. Лаппо-Данилевского³⁷ и М. А. Дьяконова³⁸, которые в качестве членов Постоянной исторической комиссии наблюдали за подготовкой к публикации его работ³⁹, были в курсе тех вопросов, которые рассматривались на заседаниях Отделения исторических наук и филологии

³⁶ «Месяц тому назад исполнилось двадцать лет с тех пор, как я вступил в должность ученого корреспондента и начал из года в год, с перерывом лишь в 1918–1921 гг., посылать в Постоянную Историческую Комиссию свои отчеты. Таким образом настоящий отчет, по счету, будет семнадцатым. <...> Особенно тягостна полная разобщенность с Академией наук: не знаешь ничего ни о ее работах ни ее отношения к себе самому. И в этом отношении мне приходится повторить сказанное в прошлогоднем отчете: “Мне и до сего дня неизвестно, как угодно было поступить Академии со мной в виду закончившегося в 1918 г. срока избрания меня на третье пятилетие: и если я теперь по прежнему продолжаю нести обязанности ученого корреспондента, то единственно на положении того часового, который, хотя и отбыл свой срок, но не имеет права сойти с занимаемого им поста, пока его не сменят другим”» (СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 205). Ср.: Е. Ф. Шмурло «формально 15 лет занимал должность ученого корреспондента, дважды переизбираясь на нее Академией (третий раз переизбрание должно было происходить 1918 году, когда связи с Академией не было)» (Саханев В. В. Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк // Записки РИО в Праге. Вып. 3. Прага Чешская — Нарва: Тип. наследн. А. Г. Григорьева, 1938. Кн. 3. С. 54).

³⁷ Переписку с ним, в которой детально обсуждались различные вопросы, связанные с работой Е. Ф. Шмурло в качестве ученого корреспондента, см.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 338.

³⁸ М. А. Дьяконов (1855–1919), историк права, академик, друг и коллега Е. Ф. Шмурло по работе в Юрьевском университете. Переписку с ним Е. Ф. Шмурло см.: АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 445. Значительная часть их переписки была опубликована. См.: «Приятно услышать здесь на чужбине родимые голоса». Письма Е. Ф. Шмурло из Рима к М. А. Дьяконову. 1893–1917 гг. / публ. подготовил В. Г. Бухерт // Исторический архив. 2012. № 1. С. 126–154. В 1915 г. наблюдение за подготовкой к публикации сборника документов «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией» в качестве члена Постоянной исторической комиссии перешло к М. А. Дьяконову. В нем предполагалось опубликовать документы, связанные с деятельностью А. Поссевино — члена Общества Иисуса, выполнявшего важные дипломатические поручения папского престола на Востоке Европы. Именно поэтому Е. Ф. Шмурло обращался к нему телеграммой из Рима от 19.01.1917 г. с просьбой выслать «все 256 с. поссевиновского сборника» (“priere envoyer rue veneto hotel flora monuments posseviens. toutes 256 pages imprimes. Schmourlo”) (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Л. 144). Сразу же — 21.01.1917 — ему был отправлен пакет (там же. Л. 145). Вслед за этим — 02.02.1917 г. — Е. Ф. Шмурло отправил ему письмо (АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 445. Л. 80–80 об.) и то окончание сборника, которое осталось в Риме: «Делаю попытку возобновить работу, возвращая 17-й корректурный лист и несколько новых номеров документов, без которых лист оставался не заполненным». 23.02.1917 г. он повторил свою просьбу (там же. Л. 147). Отпечатанные документы Е. Ф. Шмурло получил — на очередной телеграмме от 13.05.1917 г. было помечено: «Давно получено» (там же. Л. 148).

³⁹ В 1914–1915 гг. под наблюдением А. С. Лаппо-Данилевского печатались 3-й и 4-й тома сборника «Россия и Италия»; в 1914 г. — также сборник документов «Памятники...» (См. выше прим. 38). См.: ИФО ИАН. ПИК. 1914. Протоколы заседаний. Печатано как рукопись. С. 377. Он был опубликован в 1925 г. не в полном объеме в связи с перерывом в отношениях Академии наук с ее ученым корреспондентом в Риме.

Академии наук, сами участвовали в них⁴⁰, представляли эти вопросы на рассмотрение коллег⁴¹.

В начале 1921 г. были приняты меры к тому, чтобы возобновить более активную деятельность Комиссии — Непременный секретарь в своем докладе сообщил о необходимости озаботиться этой организацией, потерявшей за последние годы своих наиболее деятельных членов⁴². Председателем был избран С. Ф. Платонов — также коллега Е. Ф. Шмурло.

В речи на очередном традиционном Общем собрании Российской академии наук (29 декабря 1920 г.) ее Непременный секретарь С. Ф. Ольденбург отмечал: «С двумя своими учреждениями, от которых Академия в силу внешних условий была оторвана эти годы, удастся, по-видимому, опять соединиться, это Севастопольская биологическая станция и Ученый корреспондент в Риме; на Станцию командирован один из зоологов Академии, а от Ученого корреспондента в Риме получено письмо о том, что он все время продолжал работу, но страдает от недостатка средств, при чем оказалось необходимым временно заключить всю историческую библиотеку, главное подсобное орудие Ученого корреспондента, в ящики и держать ее из-за соображений экономии в этих ящиках»⁴³.

В 1922 г. С. Ф. Ольденбург в речи на ежегодном торжественном заседании Академии вновь кратко упоминает о том, что «после значительного перерыва» удалось «получить сведения о работах Севастопольской биологической станции, Кавказского историко-археологического института и ученого корреспондента в Риме»⁴⁴. Он говорит о том, что «все эти учреждения жестоко страдали и отчасти еще страдают от оторванности от Академии и от недостатка в кредитах». При этом он добавляет, что «их подробные отчеты будут напечатаны»⁴⁵.

⁴⁰ См., например: ИФО РАН. XIII заседание, 18 октября 1917 года. § 333–353. С. 243. Присутствовали: За Непременного Секретаря академик М. А. Дьяконов. <...> Академик Лаппо-Данилевский.

⁴¹ См., например: ИФО ИАН. X-е заседание, 21 сентября 1916 года. § 204–256. С. 117; [§] 239. С. 131. Академик А. С. Лаппо-Данилевский читал: «Для наблюдения за Русской Исторической Библиотекой в Риме и продолжения своих научных работ по изданию “Памятников культурных и дипломатических сношений России с Италией” (том I, бумаги А. Поссевина 1578–1587) и Материалов, касающихся Лжедмитрия I, ученый корреспондент Отделения в Риме Е. Ф. Шмурло предполагает вернуться в Италию».

⁴² Выписка из Протокола от 12 января 1921 г. ИФ. 1921. I. §. 15 января 1921 г. Петроград. № 69 (СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 31. Академику С. Ф. Платонову).

⁴³ РАН в 1920 г. Отделения физико-математических наук и исторических наук и филологии. Речь Непременного секретаря академика С. Ф. Ольденбурга, читанная в торжественном заседании 29 декабря 1920 года. Пг.: б. и. С. 8. Ср. выше — письма на имя князя Львова (май 1920 г.) и П. Б. Струве (октябрь 1920 г.).

⁴⁴ Имеется в виду Отчет ученого корреспондента за 1921–1922 гг., о котором Е. Ф. Шмурло упоминает в Отчете за 1922–1923 гг. См.: СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 205. Отчет за 1921–1922 гг. найти не удалось.

⁴⁵ РАН в 1922 г. Речь Непременного секретаря академика С. Ф. Ольденбурга, читанная в торжественном заседании 29 декабря 1922 г. Пг.: Напечатано по распоряжению РАН. Пг., 1922. С. 21. Вероятно, имелся в виду Отчет Е. Ф. Шмурло за 1921–1922 гг.

В свою очередь и сам Е. Ф. Шмурло активизировал свою научную деятельность. В 1921 г. он организовал и возглавил «Русскую академическую группу» в Италии⁴⁶, в 1922–1923 гг. принимал участие в деятельности Института Восточной Европы (ит. *Istituto per l'Europa Orientale, IpEO*), организованного итальянским славистом Этторе Ло Гатто (Ettore Lo Gatto). По инициативе итальянского ученого российские историки и философы прочитали несколько лекций⁴⁷. В этом начинании принял участие и Е. Ф. Шмурло⁴⁸. В журнале «Россия» (ит. *Russia*), который издавал Э. Ло Гатто, он публиковал свои материалы⁴⁹.

Разумеется, это не могло обеспечить сколько-нибудь устойчивое положение, столь необходимое для исследовательской работы. Очевидно, именно этим можно объяснить публикацию в 1922 г. в Мюнхене его книги «История России. 862–1917», которая предназначалась в качестве учебного пособия для эмигрантской молодежи⁵⁰ и не соответствовала непосредственно тем задачам, которые должен был выполнять ученый корреспондент⁵¹.

В начале 20-х годов и со стороны Академии наук, и со стороны ее ученого корреспондента в Риме предпринимались попытки восстановить более тесные и регулярные научные контакты, о чем в своих выступлениях на ее Общих собраниях в 1920–1922 гг. говорил Непременный секретарь С. Ф. Ольденбург. Несмотря на перерыв в отношениях с Академией, должность ученого корреспондента в Риме не предполагалось упразднить. Отсутствие постоянных связей рассматривалось в том числе как неизбежное следствие войны и революции.

После долгого перерыва и сам Е. Ф. Шмурло прервал длившееся молчание. В конце 1923 г. (по истечении срока его четвертой каденции

⁴⁶ Письмо Е. Ф. Шмурло в Правление Русской Академической Группы в Чехословакии: «В 1921 году мною была организована в Риме “Русская Академическая Группа в Италии”, председателем коей я состоял вплоть до переезда своего в Прагу (в конце 1924 г.). Прага. 22 мая 1926. Е. Ф. Шмурло». См.: ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 630. Л. 2.

⁴⁷ В рамках деятельности Института Восточной Европы и Итальянского комитета помощи русским интеллектуалам в июне 1923 г. были организованы лекции, прочитать которые среди прочих пригласили Н. Бердяева, С. Франка, В. Вышеславцева, П. Муратова, Л. Карсавина, Б. Зайцева и М. Осоргина. См.: *Lo Gatto Maver A. Le lettere di Ettore Lo Gatto a Giovanni Maver (1920–1931) // Europa Orientalis. 1996. Vol. 15. № 2. P. 332.*

⁴⁸ См. *Šmurlo E. Mosca — la terza Roma (una pagina della storia nazionale russa) // Russia. 1924. № 2. P. 97–113.* Оригинал русского текста лекции см.: ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–21. Опубл.: Славяноведение. 1997. № 5. С. 55–66 (публ. М. А. Робинсона и М. Ю. Досталь).

⁴⁹ См.: *Šmurlo E. Jurij Križanić (1618–1683), panslavista o missionario? // Russia. 1926. № 3–4. P. 121–152.*

⁵⁰ Книга была переиздана в 1997 г.: *Шмурло Е. История России. 862–1917.* М.: Аграф, 1997.

⁵¹ Возможно, с подготовкой и публикацией этой книги было связано то, что несколько месяцев 1922 и 1923 гг. он провел в Германии. См.: ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 294. Перечень картин Мюнхенской картинной галереи. Рукопись. 4 фев. 1923. Об этом Е. Ф. Шмурло упоминает и в своем Отчете за 1922–1923 гг. См.: СЛБФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 205.

в должности римского ученого корреспондента) он отправил в Петроград, в Постоянную историческую комиссию большой отчет о своей работе в 1922–1923 гг.⁵² Отчет был рассмотрен и одобрен на ее заседании 19 февраля 1924 г.⁵³ Затем в Протоколе Постоянной исторической комиссии от 13 апреля 1924 г. сообщалось, что «с 1 октября 1923 г. по 1 апреля 1924 г. состоялось два общих заседания», на которых были заслушаны и обсуждены два доклада: проф. Пархоменко, члена-корреспондента Академии Наук проф. А. Н. Филиппова и отчет Ученого Корреспондента в Риме Е. Ф. Шмурло за 1923 г.»⁵⁴. При этом было указано на «несомненную желательность сохранения его в штате Академии»⁵⁵.

В 1923 г. Е. Ф. Шмурло принял участие в V Международном конгрессе исторических наук с докладом, посвященным материалам по русской истории Архива Конгрегации пропаганды веры — в этом случае в качестве ученого корреспондента. Материал заслуживал несомненного внимания международного исторического сообщества, поскольку был основан на многолетних исследованиях документов этого архива⁵⁶.

Е. Ф. Шмурло оставался членом Российской академии наук, на его попечении находилась большая академическая библиотека, которая являлась собственностью Академии наук и формировалась в течение нескольких лет на ее средства. За время своей деятельности в качестве ученого корреспондента он собрал большой архивный материал, лишь частично опубликованный к тому времени, когда он уезжал из России в октябре 1916 г.

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 205–207. 2 декабря 1923 г.

⁵³ ИФО РАН. Выписка из протокола заседания 16 января 1924 г. I. (29 января 1924 г. № 139. ИФ. 1924), на котором Академик секретарь И. Крачковский доложил о поступлении отчета ученого корреспондента в Риме Е. Ф. Шмурло за 1923 год, и было принято решение о том, чтобы передать его на заключение ПИК. См.: СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 213. 19 февраля 1924 г. ПИК на своем заседании заслушала отчет Е. Ф. Шмурло и приняла решение «возбудить <...> ходатайство 1) о возврате Е. Ф. Шмурло 6000 р., израсходованных им в прошлые годы на научные работы, связанные с должностью Ученого Корреспондента, 2) о выяснении служебного положения Ученого Корреспондента, указав на несомненную желательность сохранения его в штате Академии, 3) просить Книжный Склад о возобновлении высылки в Рим академических изданий. См.: там же. Л. 252. Тем не менее, судя по письмам Е. Ф. Шмурло от 4 апреля 1924 г. на имя С. Ф. Ольденбурга (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Л. 164) и С. Ф. Платонова (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4662. Л. 29), Академией наук было принято решение об исключении из нового штатного расписания Академии наук должности ученого корреспондента в Риме. Вскоре после этого — 9 мая — С. Ф. Ольденбург сообщил Е. Ф. Шмурло, что было принято решение предоставить «Академическую библиотеку <...> в пользование Istituto per l'Europa Orientale на десять лет» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Л. 164).

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 252, 260.

⁵⁵ Там же. Л. 252.

⁵⁶ Шмурло Е. Ф. Архив Конгрегации пропаганды Фидэ и его значение для русской истории. Доклад на V Международном конгрессе исторических наук в Брюсселе. 1923 г. (ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–20). Оpubл.: Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 193–207 (публ. подготовила С. И. Горелова).

Значительная его часть находилась в Риме, часть он оставил в Петрограде⁵⁷. К этому времени был почти готов очередной том сборника «Россия и Италия»⁵⁸, а том документов о миссии А. Поссевино был готов полностью⁵⁹. Таким образом, предстояло завершить их типографский набор и готовить к публикации другие собранные материалы. Однако неопределенность всей ситуации (отсутствие денежных выплат от Академии наук), сложности, связанные с тем, что значительная часть материалов двух больших работ — о Лжедмитрии I и Петре Великом — осталась в Петрограде, крайне затрудняли его работу.

Завершение срока очередной пятилетней каденции и возобновление деятельности Постоянной исторической комиссии побудили Е. Ф. Шмурло написать очередной Отчет о своей работе в 1922–1923 гг.⁶⁰ В нем он сообщал о той сложной ситуации, в которой оказался, и о трудностях исполнять обязанности ученого корреспондента в связи с тем, что уже с 1918 г. он перестал получать от Академии наук ежегодные выплаты⁶¹. Этот Отчет являлся семнадцатым по счету, отчеты он составлял ежегодно, хотя и с перерывом в 1918–1921 гг.⁶² Здесь же он пишет о том, что уже сообщал о сложных условиях своей работы в Отчете за 1921–1922 г.⁶³, о том,

⁵⁷ Е. Ф. Шмурло безуспешно пытался получить его в 1925 г. для продолжения своих работ. См. выше прим. 14. Он писал французскому коллеге: «Когда в последний раз уезжал из России в Италию — в ноябре 1916 г. — то рассматривал вернуться не позже, как через полгода, чтобы продолжать печатание своих трудов, которые тогда издавала наша Академия Наук. Для большей сохранности я оставил в Академии, на руках ее неперменного секретаря, академика С. Ф. Ольденбурга, большую корзину с моими рукописями, печатными научными работами и т. п., рассчитывая взять их обратно по возвращении. Революция все изменила // (л. 298) в Россию я не вернулся; а моя корзина осталась в Академии. Вы поймете, какой это был для меня удар, если я скажу, что в ней хранятся работы мои за целый десятилетний период (1906–1916) и что два наиболее крупных сочинения — о Петре Великом и о Лжедмитрии I — оказались разрозненными: одни главы — в этой корзине, другие — у меня на руках, в Праге, — вследствие чего я не могу опубликовать пока ни того, ни другого» (там же. Л. 297 об. — 298). По вопросу о возвращении своих бумаг Е. Ф. Шмурло обращался также к С. Ф. Платонову. См.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4662.

⁵⁸ Он был опубликован лишь в 1927 г. в Ленинграде.

⁵⁹ Е. Ф. Шмурло — А. С. Лаппо-Данилевскому 03.08.1917 г.: «1-й том Поссевиновских бумаг (I.XI.1578–18.II.1582) вполне приготовлен к печати: 600 документов и что-то около 240 примечаний, больших и малых. Остается только предисловие» (СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 338. Л. 67).

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 205–207. В Отчете он пишет, что «самым главным пожеланием моим остается — пересылка мне сюда, в Рим, той корзины с моими научными работами, что хранится в канцелярии Непременного Секретаря Академии и ждет лучших для себя дней: там части моих главнейших работ — о Лжедмитрии I и о Петре Великом — без них я не могу использовать и те части, которые находятся у меня здесь в руках». См.: там же. Л. 207.

⁶¹ Там же. Л. 205 об.

⁶² Там же. Л. 205.

⁶³ Там же.

что провел в Германии несколько месяцев 1922 г. и затем — июль-октябрь 1923 г.⁶⁴.

Вопрос о дальнейшей судьбе должности ученого корреспондента в Риме и о судьбе библиотеки рассматривался в течение 1924 г. В ответ на его запрос Конференция Академии наук 23 апреля 1924 г. приняла решение, что большую академическую библиотеку следует передать на хранение сроком на 10 лет Институту Восточной Европы в Риме⁶⁵.

Таким образом, решался очень важный вопрос об имуществе ученого корреспондента.

Осенью — 17 ноября 1924 г. в связи с запросом Непременного секретаря Академии наук о составлении плана издательских работ на ближайший год от имени Постоянной исторической комиссии последовал ответ за подписью ее Председателя академика С. Ф. Платонова и Ученого секретаря А. И. Андреева. В нем сообщалось, что «издание “Памятников историко-культурных отношений России и Италии” отвечает не только потребности исторической науки, но и широкому общественному интересу к данной теме; для осуществления этого предположения потребуется до 10 листов»⁶⁶.

В этот же день в ответе на запрос научного отдела Главнауки Наркомпроса об отношениях Е. Ф. Шмурло с Академией наук за подписью ее Непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга и Управляющего делами А. Моласа было указано: «Р[оссийская] А[кадемия] Наук считает необходимым уведомить Главнауку, что Е. Ф. Шмурло никогда академиком Рос[ийской] Академии Наук не состоял, а числился лишь в составе членов-корреспондентов Акад[емии] Наук, будучи избран в члены-корреспонденты в 1911 году. Занимавшаяся им ранее должность Ученого Корреспондента Акад[емии] Наук в Риме в настоящее время уже не существует⁶⁷, как не предусмотрена таковая должность и в проекте нового Устава Рос[сийской] Акад[емии] Наук. Находящееся в Риме и принадлежащее Академии Наук собрание книг, бывшее в распоряжении Ученого Корреспондента, передано Академией Наук во временное пользование Институту Восточной Европы, о чем было уведомлено Академией Наук <...> Гл[авное] Упр[авление] Н[аучных] Учрежд[ений]. Таким образом, Академия Наук фактически

⁶⁴ СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 205.

⁶⁵ «Член-корр. Е. Ф. Шмурло представил объяснения о дальнейшей судьбе Библиотеки РАН в Риме и ее передаче Istituto per l'Europa Orientale. Положено сообщить члену-корреспонденту Е. Ф. Шмурло, что по постановлению Конференции библиотека в Риме передается названному Институту на 10 лет» (Машинопись. ИФО РАН. VII заседание 23 апреля 1924 г. § 150 = текст протокола по: СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 342. Л. 34: архивная выписка от 07.02.1939 г.).

⁶⁶ СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 308 об.

⁶⁷ В данном документе эта формулировка выглядит не совсем корректно, поскольку официально должность была упразднена 6 декабря 1924 г.

ни в каких отношениях с Е. Ф. Шмурло не состоит и никаких сведений о нем не имеет»⁶⁸.

Эта записка похожа скорее на отписку и нежелание иметь дело со своим коллегой-эмигрантом.

Неудивительно поэтому, что, несмотря на различные усилия и со стороны ученого корреспондента, и со стороны академических коллег, 6 декабря 1924 г. Общее собрание Академии наук приняло решение об упразднении должности ученого корреспондента в Риме⁶⁹. К этому времени научные и политические различия приобрели слишком серьезный характер.

Таким образом, созданное в 1903 г. академическое научное учреждение в 1924 г. прекратило свое официальное существование.

Понятно, что еще весной Е. Ф. Шмурло пытался решить вопросы своей дальнейшей деятельности — сначала был решен вопрос с библиотекой, а затем с пенсией от чехословацкого правительства.

Должность ученого корреспондента в Риме, которую Е. Ф. Шмурло занимал в течение 20 лет, упраздняясь. Об этом было сообщено, как уже было упомянуто, на Общем собрании Академии наук 6 декабря 1924 г.⁷⁰

После этого Е. Ф. Шмурло предпринимал попытки получить свои бумаги из Петрограда⁷¹. Несмотря на то что они не приносили результата, его письмо (август 1925 г.) с просьбой, обращенной к С. Ф. Ольденбургу, у которого Е. Ф. Шмурло оставил их, всё же возымело действие. С. Ф. Платонов обратился к Непременному секретарю, «корзину» с документами

⁶⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Л. 166. Рукопись, черновик, б/д (Дело ученого корреспондента).

⁶⁹ «В отчетном году, по постановлению ОС 6 декабря 1924 года // (л. 168) упразднена должность Ученого Корреспондента в Риме, работы которого происходили под руководством ПИК <...> // (л. 169) К сожалению, АН до сих пор не получила от своего бывшего Уч[еного] Корр[еспондента] продолжения (№№ 375–600)». Имелись в виду документы сборника «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией» (Отчет ПИК за 1924–1925 г. // СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 167, 168, 169).

⁷⁰ РАН ОС. XII заседание, 6 декабря 1924 года. С. 62–63. §§ 221–236: «Н[епременный] С[екретарь] доложил, что некоторые из академических учреждений за последнее время прекратили свою деятельность или в силу присоединения их к другим учреждениям, или по иным причинам, почему представлялось бы необходимым, в дополнение к постановлению о закрытии Музея Славяно-Русской Книжности (ОС XI 24 г.) и Бюро Международной Библиографии (ОС X 24 г.), вынести соответствующее постановление и в отношении Нумизматического кабинета, ученого корреспондента в Риме, Комиссии по истории знания, Комиссии по Северо-Двинским раскопкам и Комитета Ученых Учреждений. Положено: 1) признать Комиссию по Северо-Двинским раскопкам прекратившей самостоятельное существование в виду присоединения ее к Северо-Двинской Галерее ГММ, 2) Комиссию по истории знания, Комитет Ученых Учреждений и Нумизматический Кабинет считать закрытыми, причем просить ОИФ образовать особую Комиссию для ликвидации собраний и имущества Нумизматического Кабинета, 3) Должность ученого корреспондента в Риме считать упраздненной и 4) об изложенном сообщить выписками Правлению и заинтересованным учреждениям».

⁷¹ СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 297–302. Письмо от 25.08.1925 г.

передали в Постоянную историческую комиссию⁷², бумаги были описаны⁷³, но было принято решение, что Е. Ф. Шмурло может получить только те документы, которые не относятся к его деятельности в качестве ученого корреспондента⁷⁴. В его распоряжение предлагалось передать только личные бумаги⁷⁵. Именно поэтому в Отчете Академии наук за 1925 г. было указано, что в ее распоряжении находятся документы о Лжедмитрии, которые представляют большую ценность и подлежат изданию⁷⁶.

Вероятно, ответ на вопрос о том, почему бумаги ученого корреспондента остались в России, содержится в письме Заместителя Наркома Иностраных дел М. М. Литвинова на имя С. Ф. Ольденбурга (31 декабря 1925 г.). В ответ на письмо от 30 сентября в нем сообщалось, что «Е. Ф. Шмурло действительно проживает в настоящее время в Праге и что вследствие занятой им позиции в отношении Советской власти НКВД не находит возможным вступать с ним в непосредственные деловые сношения»⁷⁷.

Таким образом, ситуация в отношениях с Академией наук в значительной степени изменилась в связи с переменами, которые произошли в Советской России. Сложность заключалась не только в восстановлении научных контактов. Некоторые из давних коллег уже в условиях новой власти продолжали работать и возглавляли важные подразделения Академии наук. С. Ф. Ольденбург, с которым Е. Ф. Шмурло был достаточно хорошо знаком, продолжал занимать должность Непременного секретаря, С. Ф. Платонов был избран Председателем Постоянной исторической (1921 г.) и Археологической комиссий, а затем стал академиком-секретарем Отделения гу-

⁷² 09.11.1925. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Л. 171.

⁷³ 30.11.1925. Там же. Л. 173–173 об.

⁷⁴ 21.12.1925. Там же. Л. 172.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Отчет АН СССР за 1925 г. С. 262. Документы не были изданы.

⁷⁷ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Л. 174. Очевидно, письмо Е. Ф. Шмурло (25 августа 1925 г.) с просьбой вернуть его бумаги дошло до адресата, но просьба не могла быть исполнена в силу и научных, и политических причин. В Отчете Академии наук за 1925 г. говорилось о том, что Постоянная историческая комиссия предприняла издание тома «Памятников...», предполагает издать 4-й том «России и Италии», опубликовать регесты документов о Лжедмитрии I и копии документов того же времени. Все эти материалы составляли важную часть «чемодана Е. Ф. Шмурло». Стоит отметить, что вопрос о нем опять поднимался в 1928 г. 22 сентября С. Ф. Платонов писал С. Ф. Ольденбургу, что 1 августа постановлением Президиума ему было поручено «образовать Комиссию по рассмотрению хранящихся в АН материалов и рукописей Е. Ф. Шмурло и определению их дальнейшего использования Академией». Далее он пишет: «Между тем уже 17 декабря 1925 г., за № 44, мною, как председателем б. Постоянной Исторической Комиссии, представлен Вам акт вскрытия чемодана с бумагами и вещами Е. Ф. Шмурло, с описью их, и высказаны предположения о распределении бумаг и вещей между АН и Е. Ф. Шмурло, которые, по моему мнению, остаются в силе до настоящего времени» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Л. 175).

манитарных наук. Правда, давние коллеги оказались не только по разные стороны границы, которая разделяла государства, их разделяли теперь и господствующие в этих государствах идеологические, мировоззренческие принципы. В силу занимаемых официальных должностей они не имели возможности действовать совершенно свободно.

АРХИВ УЧЕНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА: МЕСТОНаХОЖДЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ (СУНДУКИ, КОРЗИНА, ЧЕМОДАН)

На основании целого ряда официальных документов и личной переписки у нас есть возможность составить достаточно полное представление о том, как происходило формирование идеи об учреждении постоянного научного представительства Академии наук в Риме и затем о характере деятельности римского ученого корреспондента. Это протоколы заседаний Отделения исторических наук и филологии и Постоянной исторической комиссии, ежегодные отчеты, личное дело ученого корреспондента, книги входящей и исходящей документации, личная и деловая переписка с теми, кто наблюдал за его работой.

Наряду с этим большое количество материалов сохранилось в личном архиве Е. Ф. Шмурло, который в настоящее время находится в составе трех больших собраний — в Москве⁷⁸, Санкт-Петербурге⁷⁹ и Праге⁸⁰. Важно отметить, что в Москве (ГАРФ) находится самая большая часть документов, которые были переданы в 1935 г. (после смерти Е. Ф. Шмурло) в РЗИА. Затем в составе этого большого архивного собрания их в 1945 г.⁸¹ перевезли

⁷⁸ См.: ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Материалы архива Е. Ф. Шмурло были перевезены сюда из Праги в составе РЗИА. Документы Е. Ф. Шмурло представлены также в некоторых других фондах — этого архивного собрания, например, в Ф. 5806 «Союз возрождения России в единении с союзниками». Е. Ф. Шмурло был членом этой эмигрантской организации в 1918–1919 гг. Материалы фонда были пополнены за счет документов, переданных им в РЗИА в 1930 г.

⁷⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Об учреждении в Риме ученой архивной комиссии и должности ученого корреспондента при историко-филологическом отделении Академии наук; «Корзина» = «чемодан» с документами Е. Ф. Шмурло (Архив Института истории РАН в СПб); «Опись бумаг Е. Ф. Шмурло, оказавшихся в его чемодане». См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Л. 173–173 об.

⁸⁰ По соглашению Е. Ф. Шмурло с МИД ЧСР от 8 октября 1924 г. за № 150.155/ II-2/24 его научно-исторические материалы и научно-исторический архив (в том числе три сундука ученого корреспондента в Риме) 28 июня 1935 г. были переданы РЗИА как имущество, принадлежащее Министерству Иностранных Дел ЧСР (Т-RZIA 3 — 2505. Л. 1), а после 1945 г. в составе этого архива были перевезены в Москву. Об этом же пишет в своей статье В. В. Саханев и приводит записку Е. Ф. Шмурло с описанием материалов, находящихся в этих сундуках. См.: *Саханев В.В.* Евгений Францевич Шмурло... С. 55–56. В фонде Славянской библиотеки в Праге среди прочего находятся подготовительные материалы для сборника документов, который Е. Ф. Шмурло в течение долгого времени готовил к печати. См.: *Slovanská knihovna. Pozust. Prof. Smurla. T-A 2098/832* (Поссевино).

⁸¹ Акты и описи документальных материалов Русского заграничного исторического архива в Праге, переданные правительством Чехословацкой республики в дар

в Москву (в ЦГАОР: 1941–1961, в 1992 переименован в ГАРФ). В Санкт-Петербурге в Архиве Института истории РАН находятся также документы, которые Е. Ф. Шмурло оставил там в октябре 1916 г. перед очередным (как оказалось, последним) отъездом в Рим⁸².

В Праге, где он провел последние годы жизни, часть бумаг осталась в Архиве Славянской библиотеки⁸³. Сюда же попала и личная библиотека Е. Ф. Шмурло.

В целом указанные материалы дают возможность составить представление о работе ученого корреспондента в Риме в течение почти всего периода существования этой должности.

Конечно, досадным пробелом в работе Е. Ф. Шмурло на этом посту можно считать 1918–1923 годы, когда он не имел возможности в полном объеме выполнять свои обязанности, хотя Академия наук, во всяком случае формально, продолжала считать его своим представителем в Риме⁸⁴.

Тревожные события 1917 г., проблемы со здоровьем (болезнь и операция) побудили Е. Ф. Шмурло заняться тем, чтобы упорядочить свой архив. Он заказал три сундука⁸⁵, в которые сложил собранные им за многие годы архивной работы документы. Затем к этим архивным сундукам были куплены веревки, висячие замки, и их перенесли в амбар⁸⁶.

Возможно, именно в июне 1917 г., когда были заказаны сундуки, Е. Ф. Шмурло составил опись их содержимого⁸⁷. Первоначально архив находился в этих трех сундуках и по соглашению с правительством Чехословацкой республики, подписанному в мае 1924 г., по завещанию они передавались архиву МИД.

Очевидно, при переезде в Прагу в октябре 1924 г. Е. Ф. Шмурло составил еще одну опись содержимого этих трех сундуков, чтобы понимать, где что лежит, как писал об этом позднее В. В. Саханев⁸⁸.

Затем архив ученого увеличился в размерах, появился еще один сундук (зеленый), не упомянутый в первоначальной описи и соглашении 1924 г.

Академии наук СССР. 50 л. Прага, декабрь 1945 г. Ящик № 261. Архив Шмурло. Инв. № 9150 (л. 24) (ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 2024).

⁸² См. выше.

⁸³ Slovanská knihovna. Pozust. Prof. Smurla.

⁸⁴ Об этом он писал в своем очередном годовом отчете за 1922–1923 гг. См.: СПбФ АРАН. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 205–207.

⁸⁵ «Июня 16/29 магазину Old England за 3 дерев. сундука под архив уч. кор[респондент] та — 159 [лир] 20 [чент]. см. оправд. док. № 17». См.: Приходо-расходная книга ученого корреспондента Российской Академии наук в Риме 1 ноября 1903 — 26 декабря 1921 (ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 611. Л. 58).

⁸⁶ «Июня 18/июля 1 — веревки (2 л. 50 ч.) и 3 висячих замка к 3 архивным сундукам (8 л. 40 ч.); перевозка этих сундуков в амбар (12 лир) — 22 л. 90 ч.». См.: там же. Л. 58 об.

⁸⁷ Очевидно, именно это описание архива Е. Ф. Шмурло приводит в своем письме от 01.12.1936 А. В. Флоровскому В. В. Саханев. См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 400. Л. 34–34 об. Он пишет об этом также в биографическом очерке о Е. Ф. Шмурло.

⁸⁸ См.: Саханев В. В. Евгений Францевич Шмурло... С. 55–56.

Поэтому в недатированной записке о своем архиве Е. Ф. Шмурло пишет о содержимом не трех, но четырех сундуков и называет их⁸⁹. В соответствии с указанным соглашением (май 1924 г.) сын Е. Ф. Шмурло С. Е. Шмурло после смерти отца (7 апреля 1935 г.) 28 июня 1935 г. передал в РЗИА в Праге три сундука с документами⁹⁰ и оставил у себя лишь некоторые материалы личного характера⁹¹.

Немецкий историк Э. Винтер в своей большой работе по истории отношений между Россией и папством⁹² пишет, что пользовался материалами архива Е. Ф. Шмурло. В немецком оригинале идет речь о *drei grosse Kisten*⁹³, т. е. о «трех больших сундуках», а в русском переводе они неверно указаны как «три больших папки»⁹⁴.

Академией наук была предпринята попытка вернуть архив ученого корреспондента. В 1938 г. для Народного комиссариата по Иностранным делам был составлен проект документа, в котором шла речь о библиотеке и архиве. В нем говорилось, что, поскольку переданные Институту восточной Европы книги имеются в библиотеках Академии наук, она дает согласие на то, чтобы они остались там, а взамен желает «получать отсутствующие в ее фондах издания итальянских научных и правительственных учреждений»⁹⁵.

При этом указывалось, что «такого рода операция обмена не может распространиться на архив б[ывшего] ученого корреспондента, в котором должны находиться копии документов, найденных им в различных архивах и касающихся по содержанию своему истории сношений России с Италией. Имея в системе своих учреждений Институт книги, письма и документа, Археографический Институт и Историческую Комиссию, Академия Наук // весьма заинтересована в том, чтобы в ближайшее время получить указанный архив полностью»⁹⁶. Вероятно, имелось в виду, что документы находятся в Риме, но в это время они были в Праге.

⁸⁹ «Мой Архив в 4 сундуках. Что где лежит». Возможно, эта опись была сделана позднее — уже в Праге. Наряду с упоминавшимися им ранее тремя сундуками: Большой сундук, Сундук № 1, Сундук № 2 в этой описи появляется четвертый — Зеленый сундук. См.: ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 341. Л. 1а–6.

⁹⁰ «Научно-исторические материалы и научно-исторический архив (в том числе три сундука Ученого корреспондента в Риме), передача коих обусловлена п. 5 соглашения проф. Шмурло с Министерством Иностранных Дел от 8 октября 1924 г. за № 150.155/II-2/24, Др. Шмурло передал Р. З. И. Архиву, как имущество, принадлежащее Министерству Иностранных Дел ЧСР». См.: Т-РЗИА 3 — 2505. Л. 1-1 об.

⁹¹ «3. Четыре пакета, содержащие в себе личные документы, письма и дневники проф. Шмурло — Др. Шмурло оставляет у себя, как личный архив его покойного отца». См.: там же.

⁹² Winter E. *Russland und das Papsttum*. Berlin: Akademie-Verlag, 1960. Bd. 1.

⁹³ Ibid. S. 14.

⁹⁴ Винтер Э. Папство и царизм. М.: Прогресс, 1964. С. 31.

⁹⁵ СПБФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 293. Л. 54 об.

⁹⁶ Там же. Л. 54–54 об.

Архив ученого чуть было не погиб. В «Акте о проверке документальных фондов Русского Исторического Архива при Архиве Министерства Внутренних Дел РСФСР», составленном в декабре 1945 г., указывалось, что «часть архива Ученого корреспондента Академии Наук в Риме проф. Е. Шмурло была передана в Институт Гейдриха⁹⁷ и после его ликвидации вместе с остатками книг и разных документов была выброшена на чердак здания Французского посольства, где во время Протектората помещался указанный институт. Эти документы удалось разыскать и, по-видимому, только незначительная часть их должна считаться утраченной»⁹⁸.

В августе 1925 г. Е. Ф. Шмурло предпринял безуспешную попытку получить свои бумаги, оставленные в Петрограде осенью 1916 г., в этом же году был опубликован в неполном виде сборник документов, в 1927 г. — еще одна работа (4-й том «России и Италии»).

ПЕРЕЕЗД, ЖИЗНЬ И РАБОТА В ПРАГЕ (1924–1934 гг.)

Е. Ф. Шмурло было сложно оставаться в состоянии неопределенности, и он принял решение о переезде в Прагу.

В начале 20-х годов в нескольких европейских государствах возникли эмигрантские «Русские академические организации», которым удалось наладить связи между собой. В октябре 1921 г. в Праге прошел первый съезд их представителей, который установил прочные единообразные основы отдельных организаций и объединил их в «Союз Русских Академических Организаций за границей» с местопребыванием руководящего органа — Правления Союза — в Праге. При этом правительство Чехословацкой Республики дало свое согласие на проведение Съезда, на пребывание здесь Правления Союза и предоставило для этого необходимые материальные средства⁹⁹.

Русская академическая группа в Риме, которую создал Е. Ф. Шмурло, являлась частью этого общего процесса.

В речи на закрытии Второго Съезда Русских Академических Организаций за границей Е. В. Спекторский отметил, что он «протекал под знаком двоякого настроения: грустного сознания, что, быть может, не скоро суждено будет возвратиться в потерянное отечество, и доброй уверенности, что есть реальная возможность хотя частичного осуществления вытекающей из этого благодарной, но и трудной задачи сохранения и организации беженских интеллигентных сил»¹⁰⁰.

⁹⁷ Институт был основан в Праге в 1939 г. после создания протектората Чехии и Моравии.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 2024. Л. 3 (Акт о проверке документальных фондов Русского Исторического Архива при Архиве Министерства Внутренних Дел РСФСР). Этот документ проливает свет на то, почему не удается найти документы, подготовленные Е. Ф. Шмурло для сборника об А. Поссевино.

⁹⁹ Речь А. С. Ломшакова при открытии съезда // Съезды Русских Академических Организаций Заграницей. 1-й Съезд. 10–17 октября 1921 года. 2-й Съезд. 9–16 октября 1922 года. Прага: Правл. Союза рус. акад. организаций заграницей, 1923. С. 106.

¹⁰⁰ Там же. С. 110. «Съезд окончательно признал Прагу организационным средоточием нашей зарубежной умственной жизни, и отныне она становится Меккой для рус-

Для переезда в Прагу Е. Ф. Шмурло необходимо было решить вопрос о библиотеке ученого корреспондента, которая являлась собственностью Академии наук. Поскольку перевезти ее в Россию не представлялось возможным, было принято решение о том, что она остается на хранение сроком на 10 лет в Институте Восточной Европы (ит. *Istituto per l'Europa Orientale*)¹⁰¹.

Вопрос о переезде был положительно решен к концу 1924 г. Е. Ф. Шмурло получил чехословацкий паспорт¹⁰² и уехал в Прагу, где продолжил свою научную деятельность. Выбор в пользу Чехословакии был сделан в связи с так называемой «Акцией русской помощи». Правительство Чехословацкой республики предоставило русским эмигрантам денежную и организационную поддержку, а Прага начала превращаться в один из самых крупных, наряду с Парижем, Берлином, Белградом, Софией, центров русской эмиграции.

По договоренности с чехословацкими властями Е. Ф. Шмурло получал право на постоянное проживание в этой стране, ему гарантировалось денежное содержание (пенсия) при условии, что его личная библиотека будет передана в распоряжение Министерства иностранных дел¹⁰³.

ской интеллигенции, не приемлющей большевизма. Сообразно с этим приобретает особенное значение Правление Союза Русских Академических Организаций за границей. Съезд тщательно рассмотрел его деятельность за истекший год и дал указания для исправления ошибок прошлого избранному им на будущий год Правлению в расширенном составе» (там же. С. 111).

¹⁰¹ См. выше. В ответ на письмо Е. Ф. Шмурло (04.04.1924 г.) из Отделения Исторических наук и филологии 08.05.1924 г. ему был отправлен ответ, в котором говорилось, что «было решено предоставить названную библиотеку в пользование Istituto per l'Europa Orientale (Институту Восточной Европы) на десять лет, так как сама Академия в настоящее время не имеет возможности охранить эту библиотеку» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Л. 164). Личная и академическая библиотеки Е. Ф. Шмурло имели важное значение для работы организованного в 1921 г. Института, который испытывал недостаток в книгах по истории России. В письме Э. Ло Гатто, адресованном Дж. Маверу, он писал: «Pensa che ho procurato all'Istituto (gratis) una biblioteca di 8000 volumi russi (storia e letteratura) e bisogna metterla a posto» [Представьте себе, что я предоставил институту (бесплатно) библиотеку в 8000 русских томов (история и литература) и нам нужно ее привести в порядок] (16.11.1921) (*Lo Gatto Maver A. Le lettere di Ettore Lo Gatto a Giovanni Maver (1920-1931) // Europa Orientalis. 1996. Т. 15. № 2. Р. 313*); «Ho procurato dei magnifici locali e una biblioteca di circa 10.000 volumi» [Я предоставил великолепные помещения и библиотеку в количестве около 10000 томов] (20.11.1921) (*Ibid.*). В журнале «Russia» (1923. Т. 2. № 1. Р. 145), который издавался Институтом, указывалось, что он предоставляет в пользование своим членам большую библиотеку проф. Е. Ф. Шмурло. Таким образом, фактически помещение для нее было найдено еще до 1924 г. Некоторые важные сведения о библиотеке Института Восточной Европы дает статья Габриэле Маццителли. См.: *Mazzitelli G. Il Fondo I.p.E.O. nella biblioteca dell'Istituto di Filologia Slava dell'Università "La Sapienza" di Roma // Slavia [Roma]. 1994. Т. 3. № 4. Р. 181-213.*

¹⁰² Бланк паспорта см.: ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 1.

¹⁰³ Эта библиотека в количестве примерно 8000 томов, которую Е. Ф. Шмурло продал Чехословацкому министерству иностранных дел, стала одним из краеугольных камней нынешней Славянской Библиотеки в Праге. См.: *Саханев В. В. Евге-*

Важным этапом научной жизни Е. Ф. Шмурло в Праге (1924–1934 гг.) стало участие в деятельности созданного им Русского исторического общества¹⁰⁴.

Своего рода печальным завершающим аккордом российской академической карьеры Е. Ф. Шмурло стало принятое в 1928 г. решение об исключении его из состава Академии наук, в члены-корреспонденты которой он был избран в 1911 г.¹⁰⁵

После переезда в Прагу у Е. Ф. Шмурло уже не было возможности систематически заниматься в итальянских архивах и библиотеках, он не имел доступа к русским библиотечным собраниям, хотя и не прекратил подготовку к изданию некоторых документов и материалов, которые он собирал на протяжении почти тридцати лет¹⁰⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, открытие для исследователей Ватиканского архива (1881) и создание в Риме ряда постоянно действующих научных учреждений побудило Российское Министерство иностранных дел выступить с инициативой создания здесь соответствующего российского представительства. Это начинание встретило поддержку со стороны Академии наук и ее Историко-филологического отделения. Через некоторое время удалось получить денежные средства и должным образом оформить это начинание на самом высоком государственном уровне. В результате завершения подготовительной исследовательской и организационной работы, которая началась в середине 90-х годов XIX в., в 1902 г. была учреждена должность ученого корреспондента Императорской Академии наук в Риме.

Вопрос о форме организации данного научного учреждения постепенно обрел точные очертания — Академия пришла к выводу о необходимости ограничить деятельность в Риме лишь археографической работой, исключив археологическую составляющую исследований.

Пришлось отказаться от идеи создания постоянно действующего Института или хотя бы Комиссии в составе трех человек. Академия ограничилась учреждением должности ученого корреспондента в надежде на то, что впоследствии это может послужить основой будущего Института. Идеи о его создании высказывались в переписке Е. Ф. Шмурло с представителя-

ний Францевич Шмурло... С. 58. Отметим, что большие библиотечные собрания Е. Ф. Шмурло нашли отражение в каталогах. См.: Библиотека ученого корреспондента в Риме (ГАРФ. Оп. 1. Ф. 5965. Д. 612–613).

¹⁰⁴ См. Яковенко С. Г. Е. Ф. Шмурло и Русское историческое общество в Праге // Европейский альманах / ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1993. С. 65–81.

¹⁰⁵ В 1990 г. его членство в составе Академии наук было восстановлено. См.: Постановление ОС АН СССР № 17 (22 марта 1990 г.) «О восстановлении (посмертно) в членах АН СССР ученых, необоснованно исключенных из АН СССР»: «... в числе членов-корреспондентов <...> Е. Ф. Шмурло».

¹⁰⁶ См. например: *Шмурло Е.* Римская курия на русском православном Востоке в 1609–1654 гг. Прага: Орбис, 1928.

ми Академии наук в Санкт-Петербурге. Особенно примечательным можно считать его обращение к русскому послу в Риме в 1917 г. с проектом создания Института¹⁰⁷. Однако эта идея так и не была реализована.

Систематическая архивная работа, которая проводилась Е. Ф. Шмурло в качестве ученого корреспондента при поддержке Академии наук, к сожалению, не получила серьезного продолжения¹⁰⁸. Огромный документальный материал, собранный ученым главным образом в итальянских архивах и библиотеках, использовался крайне мало¹⁰⁹.

В течение долгого времени личный архив Е. Ф. Шмурло был труднодоступен для исследователей и был недостаточно известен. Лишь в начале 90-х годов XX в. фонд ученого в ГАРФ был переведен из специального хранения в общее пользование. Сразу после этого появился ряд работ, посвященных Е. Ф. Шмурло и основанных на материалах его архива¹¹⁰.

Кроме того, в целом оживился интерес к теме связей России и Италии¹¹¹, России и Папского престола¹¹².

В последнее время работой в этом направлении активно занимается И. В. Дубровский¹¹³. Важным вкладом в изучение данной темы является недавняя большая публикация, в одном из разделов которой помещены документы об отношениях России с Папским престолом и Венецией. Изучением именно этих материалов в течение долгого времени занимался Е. Ф. Шмурло¹¹⁴.

Совершенно справедливым является утверждение В. В. Саханева о том, что «главной заслугой его является открытие итальянских архивов для рус-

¹⁰⁷ СПБФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898. Л. 152-154 (04.10.1917 г. — Проект Русского исторического института в Риме).

¹⁰⁸ Можно говорить лишь об исследованиях, которые велись в соответствии с определенными темами. В качестве примера можно указать работы А. В. Флоровского.

¹⁰⁹ *Кафенгауз Б. Б.* Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // *Международные связи России до XVII в.* Сборник статей / ред. кол.: А. А. Зимин, В. Т. Пашуто. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 533-540.

¹¹⁰ См. работы С. А. Беляева, Я. В. Боже, В. Г. Бухерта, С. И. Гореловой, Л. И. Деминой, Л. В. Дубьевой, И. В. Дубровского, С. Г. Яковенко.

¹¹¹ См. *Альберт Кампенский.* О делах Московии / публ. О. Ф. Кудрявцева и С. Г. Яковенко; комментарии О. Ф. Кудрявцева; вступит. ст. С. Г. Яковенко // *Россия и Италия* / ред. кол.: Н. П. Комолова и др. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996. Вып. 2. С. 180-184, 186-221; *Россия в первой половине XVI века. Взгляд из Европы* / сост. О. Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997; *Яковенко С. Г.* Рим и Москва: Дипломатические и церковные отношения (вторая половина XV — начало XVII в.) // *Русско-итальянский архив.* Салерно: Europa Orientalis, 2005. Т. 4 / составители Д. Рицци, А. Шишкин. С. 95-146.

¹¹² *Яковенко С. Г.* Рим и Москва: Дипломатические и церковные отношения (вторая половина XV — начало XVII в.) // *Русско-итальянский архив.* Т. 4. С. 95-146.

¹¹³ См., например, его работу: *Дубровский И. В.* Исследования о дипломатической переписке Ивана Грозного // *Русский сборник. Исследования по истории России.* Т. 24. Москва в свидетельствах иностранцев / отв. составитель тома И. В. Дубровский. М.: Модест Колеров, 2018. С. 30-98.

¹¹⁴ *Папский престол. Венеция: раздел II* / под ред. С. Г. Яковенко // *Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533-1584)* / под общ. ред. К. Е. Ерусалимского. СПб.: Наука, 2023. Т. 1. Кн. 1. С. 433-636.

ской истории и накопление огромного материала, который еще долго будет осваиваться наукой»¹¹⁵. В то же время их систематическое изучение российскими исследователями пока не получило должного продолжения и соответствующей поддержки.

После упразднения в 1924 г. должности ученого корреспондента Е. Ф. Шмурло уже не имел возможности продолжать свои занятия в архивах Рима и Италии. Большая коллекция собранных документов осталась в его архиве, некоторые начатые публикации не удалось завершить, в течение нескольких десятилетий документы архива были малодоступны, об этом важном проекте редко говорилось в научных публикациях.

Именно поэтому речь может идти не только об отдельных не осуществленных в рамках этого академического проекта публикациях и исследованиях, но и о его незавершенности в целом. Должность ученого корреспондента Академии наук в Риме не удалось сделать постоянной подобно постоянно действующим иностранным историческим институтам, миссиям, станциям. Не удалось создать исторический институт в Риме, как это предполагалось при учреждении должности. Деятельность ученого корреспондента, академическая библиотека, которая собиралась им и находилась на его попечении, составленная им палеографическая коллекция — всё это призвано было стать основой, способствовать созданию более благоприятных условий для дальнейших исследований итальянских, римских архивов и библиотек.

Однако упразднение должности на длительное время сделало невозможным развитие систематических занятий в этой важной области исторического знания.

Статья была принята к публикации 10 декабря 2024 г. — ровно сто лет спустя после того, как 6 декабря 1924 г. решением Общего собрания Российской Академии наук было принято решение об упразднении должности ученого корреспондента в Риме. Это случайное совпадение дает основание лишний раз задуматься о важности сохранения преемственности в развитии исторических институтов, памяти о тех представителях исторического знания, которые продолжали упорно трудиться, отдавая себя служению науке.

Источники

Архив Института истории РАН в СПб.

Архив Российской академии наук — АРАН.

АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 445; Ф. 1609. Оп. 2. Д. 400.

Библиотека Академии наук. Отдел рукописей — БАН СПб. ОР.

Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки — ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4662.

¹¹⁵ Саханев В. В. указ. раб. С. 63.

Императорская Академия Наук — ИАН. Протоколы заседаний. Печатано как рукопись.

Общее собрание — ОС.

ОС. 1914. X заседание, 20 декабря 1914 года. § 222.

ОС. 1915. § 27.

ОС. 1915. Заседание 23 февраля 1915 года. § 43.

ОС. 1915. IV заседание. § 66.

ОС. 1915. VIII заседание. § 145.

ОС. 7 ноября 1915 года (к § 209). Заседание Комиссии по охране памятников в районе военных действий 8 октября 1915 года. II приложение к протоколу X заседания ОС.

Экстраординарное общее собрание — ЭОС.

ЭОС ИАН. X заседание, 20 декабря 1914 года. § 222. С. 164.

ЭОС ИАН. 1915. Заседание 23 февраля 1915 года. § 43. С. 27.

Историко-филологическое отделение Имп. АН. Постоянная историческая комиссия — ИФО ИАН ПИК.

ИФО ИАН ПИК. Отчет 1913. 09.11. § 457.

ИФО ИАН. ПИК. 1914. Протоколы заседаний. Печатано как рукопись. С. 377.

ИФО ИАН. 1915. ОС. Заседание IV. С. 40. (печ. изд.).

ИФО ИАН. X заседание, 21 сентября 1916 года. II приложение к протоколу (к § 239) [С. 155–156 (печ. изд.)] = СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 163.

ИФО РАН. XIII заседание, 18 октября 1917 года. § 333–353.

ИФО РАН. Протокол XVI-го заседания от 29-го ноября 1917 г. § 411.

ИФО РАН. Приложение к протоколу I заседания 17 января 1918 г. С. 1–3.

ИФО РАН. VII заседание 23 апреля 1924 г. § 150 = текст протокола по: СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 342. Л. 34: архивная выписка от 07.02.1939 г.

Отчет ИАН за 1914 г. Пг.: Тип. Имп. АН, 1914. Ученый корреспондент в Риме. С. 343–344.

Отчет ИАН за 1915 г. Пг.: Тип. Имп. АН, 1915. С. 302–303.

Отчет ИАН за 1916 г. Пг.: Тип. Имп. АН, 1916. С. 300.

Отчет РАН за 1917 г. Пг.: б. и., 1917. С. 232.

Отчет РАН за 1918 г. Пг.: б. и., 1919. С. 201.

Отчет РАН за 1919 г. Пг.: б. и., 1920. С. 160.

РАН в 1920 году. Пг.: б. и. (печатное).

РАН в 1922 г. Пг.: Напечатано по распоряжению РАН., 1922 (печатное).

Отчет АН СССР за 1925 г. ... Изд-во АН СССР. Л., 1926.

РАН ОС — РАН ОС XI 24 г.

РАН ОС — РАН ОС. XII заседание, 6 декабря 1924 года. С. 62–63. §§ 221–236.

АН СССР ОС. Постановление № 17 (22 марта 1990 г.).

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук — СПбФ АРАН:

Ф. 1. Оп. 1а. Д. 163. (1914–1915 гг.); Ф. 2. Оп. 1. Д. 27/1898; Ф. 7. Оп. 1. Д. 293; Ф. 113. Оп. 2. Д. 338; Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Выписка из Протокола от 12 января 1921 г. ИФ. 1921. I. §. 15 января 1921 г. Петроград. № 69; Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Центральный державный историчний архів України — ЦДАУ у Львові. Ф. 408. Оп. 1. Д. 569.
Slovanská Knihovna. Pozust. Prof. Smurla. T-A 935/4111-4122, T-A 2098/832, T-A 2150-2179. T-RZIA-2-3.

Литература

- Альберт Кампенский.* О делах Московии / публикация О. Ф. Кудрявцева и С. Г. Яковенко; комментарии О. Ф. Кудрявцева; вступительная статья С. Г. Яковенко // Россия и Италия / ред. кол.: Н. П. Комолова и др. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996. Вып. 2. С. 180–184, 186–224.
- Винтер Э.* Папство и царизм. М.: Прогресс, 1964.
- Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584): в 3 т. / под общ. ред. К. Е. Ерусалимского. Т. 1. Кн. 1: Священная Римская империя и страны Европы. Разд. II: Папский престол. Венеция / под ред. С. Г. Яковенко. С. 433–636. СПб.: Наука, 2023.
- Дубровский И. В.* Исследования о дипломатической переписке Ивана Грозного // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 24. Московия в свидетельствах иноземцев / отв. составитель тома И. В. Дубровский. М.: Модест Колеров, 2018. С. 30–98.
- Кафенгауз Б. Б.* Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // Международные связи России до XVII в.: сборник статей / ред. кол.: А. А. Зимин, В. Т. Пашуто. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 533–540.
- Латто И.* Памяти Б. А. Евреинова, А. А. Кизеветтера и Е. Ф. Шмурло // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская; Нарва: Печатано в типографии наследн. А. Григорьева, 1938 [1937]. С. 17–24.
- Лекция Е. Ф. Шмурло «Москва — Третий Рим» / публ. М. А. Робинсона и М. Ю. Дос-таль // Славяноведение. 1997. № 5. С. 52–66.
- Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Т. 1. Вып. 1. Л.: Тип. Акад. наук. 1925.
- «Приятно услышать здесь на чужбине родимые голоса». Письма Е. Ф. Шмурло из Рима к М. А. Дьяконову. 1893–1917 гг. / публикацию подготовил В. Г. Бухерт // Исторический архив. 2012. № 1. С. 126–154.
- Речь А. С. Ломшакова при открытии съезда // Съезды Русских Академических Организаций Заграницей. 1-й Съезд. 10–17 октября 1921 года. 2-й Съезд. 9–16 октября 1922 года. Прага: Правл. Союза рус. акад. организаций заграницей, 1923. С. 18–19.
- Россия в первой половине XVI века. Взгляд из Европы / сост. О. Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997.
- Россия и Италия: сб. ист. материалов и исслед., касающихся сношений России с Италией: описи итал. архивов, документы, отчеты учен. кор. Акад. наук. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1907. Т. 1. Вып. 1. (Извлечения из отчетов за 1903–1905 гг. С. 1–14).

- Россия и Италия. ... СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1911. Т. 3. Вып. 1. (Отчеты за 1905–1908 гг. С. 1–15; Отчет за 1905–1906 гг. С. 1–4; Отчет за 1908–1909 гг. С. 42–51; Отчет за 1909–1910 гг. С. 179–181).
- Россия и Италия. ... Пг.: тип. Имп. Акад. наук, 1915. Т. 3. Вып. 2. (Отчет за 1910–1911. С. 183–185; Отчет за 1911–1912. С. 186–193; Описание Симанкского архива. С. 193–269; Библиотека кафедрального собора в Толедо. С. 270–301; Подборка документов об отношениях России и Испании в последней четверти XVI в. С. 301–387).
- Русский заграничный исторический архив в Праге — документация: каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / составители Лукаш Бабка, Анастасия Копршилова, Лидия Петрушева. Прага: б. и., 2011.
- Саханев В. В.* Биографический очерк: [Е. Ф. Шмурло] // Записки РИО в Праге. Прага Чешская; Нарва: Тип. наследн. А. Г. Григорьева, 1938 [1937]. Кн. 3. С. 25–161.
- Ученый корреспондент в Риме при Историко-филологическом отделении Академии // Императорская академия наук. 1889–1914. Ч. II: Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг.: Тип. Российской акад. наук, 1917. Ч. 1. С. 621–631 [Е. Ф. Шмурло].
- Шмурло Е. Ф.* Архив Конгрегации пропаганды Фидэ и его значение для русской истории: доклад на V Международном конгрессе исторических наук в Брюсселе. 1923 г. (ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–20). Оpubл.: Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 193–207 (публ. подготовила С. И. Горелова).
- Шмурло Е. Ф.* Заметки по истории Лжедмитрия I // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1915. Ч. 58. Отд. II. С. 1–26.
- Шмурло Е.* История России. 862–1917. М.: Аграф, 1997.
- Шмурло Е.* Римская курия на русском православном Востоке в 1609–1654 гг. Прага: Орбис, 1928.
- Яковенко С. Г.* Е. Ф. Шмурло и его незавершенный проект: «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией» // *Ars historica*. Сборник в честь О. Ф. Кудрявцева / сост. и отв. ред. А. К. Гладков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 530–551.
- Яковенко С. Г.* Е. Ф. Шмурло и Русское историческое общество в Праге // Европейский альманах. 1993 / ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1993. С. 65–81.
- Яковенко С. Г.* Рим и Москва: Дипломатические и церковные отношения (вторая половина XV — начало XVII в.) // Русско-итальянский архив. Салерно: *Europa Orientalis*, 2005. Т. 4 / составители Д. Рицци, А. Шишкин. С. 95–146.
- Lo Gatto Maver A.* Le lettere di Ettore Lo Gatto a Giovanni Maver (1920–1931) // *Europa Orientalis*. 1996. Vol. 15. № 2. P. 289–382.
- Mazzitelli G.* Il Fondo I.p.E.O. nella biblioteca dell'Istituto di Filologia Slava dell'Università "La Sapienza" di Roma // *Slavia* [Roma]. 1994. Т. 3. № 4. P. 181–213.
- Mazzitelli G.* Le pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa orientale. Catalogo storico (1921–1944). Firenze: Firenze University Press, 2016.
- Perwoukhine M.* I Bolsceviki. Con prefazione del Prof. E. Schmurlo. Dell'Accademia delle scienze di Pietrogrado. Bologna: N. Zanichelli, 1918.
- Russia. 1923. Т. 2. № 1.

- Šmurlo E. Jurij Križanić (1618–1683), panslavista o missionario? // *Russia*. 1926. № 3–4. P. 121–152.
- Šmurlo E. Mosca — la terza Roma (una pagina della storia nazionale russa) // *Russia*. 1924. № 2. P. 97–113.
- Winter E. *Russland und das Papsttum*. Berlin: Akademie-Verlag, 1960. Bd. 1–2.

References

- Diplomatic correspondence of Ivan the Terrible. (1533–1584)*. Erusalimski, ed. Vol. I. Book 1 / K. Iu. Erusalimski ed. The Holy Roman Empire and the countries of Europe / P. II. Holy See. Venice. Yakovenko S. G. ed. Saint Petersburg: Nauka, 2023, p. 433–636. (In Russian)
- Dubrovsky, I. V., 2018. Research on the diplomatic correspondence of Ivan the Terrible. Russian collection. Research on the history of Russia. T. XXIV. Muscovy in the testimonies of foreigners. Responsible compiler I. V. Dubrovsky. Moscow: Modest Kolerov. P. 30–98. (In Russian)
- “It’s nice to hear native voices here in a foreign land.” Letters of E. F. Schmourlo from Rome to M. A. Dyakonov. 1893–1917. The publication was prepared by V. G. Buchert // *Historical Archive*. 2012. No. 1. P. 126–154. (In Russian)
- Kafengauz, B. B., 1961. New materials from foreign archives about international relations of Russia. In: A. A. Zimin, V. T. Pashuto, eds, 1961. *International relations of Russia until the 17th century*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR. P. 533–540.
- Kudriavtsev, O. F., ed., 1997. *Russia in the first half of the 16th century. A view from Europe*. Moscow: Russkii mir. (In Russian)
- Kudriavtsev, O. F., Yakovenko, S. G., eds, 1996. Albert Kampenskij. On the Muscovy affairs. Commentaries by O. F. Kudriavtsev. Introductory paper by S. G. Yakovenko. In: N. P. Komolova, et al., eds, 1996. *Russia and Italy*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN. Issue 2. P. 180–224. (In Russian)
- Lecture by E. F. Schmourlo “Moscow — the Third Rome” (published by M. A. Robinson and M. Yu. Dostal) // *Slavic Studies*. 1997. No. 5. P. 52–66. (In Russian)
- Mazzitelli, G., 1994. Il Fondo I.p.E.O. nella biblioteca dell’Istituto di Filologia Slava dell’Università “La Sapienza” di Roma. “*Slavia*” [Roma], 3 (4). P. 181–213.
- Mazzitelli, G., 2016. *Le pubblicazioni dell’Istituto per l’Europa orientale. Catalogo storico (1921–1944)*. Florence: Firenze University Press.
- Monuments of cultural and diplomatic relations between Russia and Italy. Vol. I. Issue 1. L.: Type. Acad. of sciences. 1925. (In Russian)
- Russia*. 1923. II. 1.
- Russia and Italy: Collection of historical materials and research concerning relations between Russia and Italy: Inventories of Italian archives, documents, reports of academic staff of the Academy of Sciences. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1907. Vol. I, Issue 1. (Extracts from reports for 1903–1905. P. 1–14.) (In Russian)
- Russia and Italy. ... St. Petersburg: Type. Imp. Acad. of Sciences, 1911. Vol. III. Issue 1. (Reports for 1905–1908, pp. 1–15; Report for 1905–1906, pp. 1–4; Report for 1908–1909, pp. 42–51; Report for 1909–1910, pp. 179–181.) (In Russian)

- Russia and Italy. ... Pg.: type. Imp. Acad. of sciences, 1915. Vol. III. Issue 2. (Report for 1910–1911. P. 183–185; Report for 1911–1912. P. 186–193; Description of the Simanka archive. P. 193–269; Library of the Cathedral of Toledo. P. 270–301; Collection of documents on relations between Russia and Spain in the last quarter of the 16th century. P. 301–387.) (In Russian)
- Russian Foreign Historical Archive in Prague — documentation. Catalogue of collections of documents stored in the Prague Slavonic Library and in the State Archives of the Russian Federation. Authors: Lukáš Babka, Anastasia Kopřivová, Lidiya Petrusheva. Prague, without publisher, 2011. (In Russian)
- Sakhanev, V. V., 1938. Biographical sketch: [E. F. Schmourlo]. In: Russian Historical Society in Prague, 1937. *Notes of RHS in Prague*. Prague; Narva: Tip. nasledn. A. G. Grigor'eva. Book 3, pp. 25–161. (In Russian)
- Scientific correspondent in Rome at the Historical and Philological Department of the Academy // *Imperial Academy of Sciences*. 1889–1914. Part II. Materials for the history of academic institutions for 1889–1914. Pg.: Type. Russian Academy of Sciences, 1917. Part One. P. 623–631 [E. F. Schmourlo]. (In Russian)
- Schmourlo, E., 1997. History of Russia. 862–1917. Moscow: Agraf. (In Russian)
- Schmourlo, E. F., 1915. Notes on the history of False Dmitry I // *Journal of the Ministry of Public Education*. New series. Part LVIII. Section II. P. 1–26. (In Russian)
- Schmourlo, E. F., 1923. The Archive of the Congregation for the Propagation of the Faith and its Significance for Russian History. Report at the V International Congress of Historical Sciences in Brussels. 1923 (GARF. F. 5965. Op. 1. D. 110. L. 1–20). Published: *Historical Archive*. 1997. No. 5–6, pp. 193–207 (published by S. I. Gorelova). (In Russian)
- Schmourlo, E., 1928. The Roman Curia in the Russian Orthodox East in 1609–1654. Prague: Orbis. (In Russian)
- Šmurlo, E., 1926. Jurij Križanić (1618–1683), panslavista o missionario? // *Russia*. 1926. № 3–4. P. 121–152.
- Šmurlo, E., 1924. Mosca — la terza Roma (una pagina della storia nazionale russa) // *Russia*. 1924. № 2. P. 97–113.
- Winter, E., 1960. *Russland und das Papsttum*. Berlin: Akademie-Verlag. Bd. I–II.
- Winter, E., 1964. *Papacy and Tsarism*. Moscow: Progress. (In Russian)
- Yakovenko, S. G., 1993. E. F. Schmourlo and the Russian Historical Society in Prague. In: A. O. Chubar'ian, ed., 1993. *European Almanac. 1993*. Moscow: Nauka, pp. 65–81. (In Russian)
- Yakovenko, S. G., 2005. Rome and Moscow: Diplomatic and church relations (second half of the 15th — early 17th centuries). In: D. Rizzi, A. Shishkin, eds, 2005. *Russian — Italian archive*. Salerno: Europa Orientalis. Vol. IV., pp. 95–146. (In Russian)
- Yakovenko, S. G., 2015. E. F. Schmourlo and his unfinished project: “Monuments of cultural and diplomatic relations between Russia and Italy”. In: A. K. Gladkov, ed., 2015. *Ars historica. Collection in honor of O. F. Kudriavtsev*. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, pp. 530–551. (In Russian)

БОЛГАРИСТИКА В КИТАЕ (1961–2023): ОБЗОР С АКЦЕНТОМ НА ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИИ

Чжан Яньи

Аспирант, гл. ассистент,
Пекинский университет иностранных языков
Почтовый адрес: б-р Сисанхуанбейлу, № 2,
Пекинский университет иностранных языков,
Пекин, 100089, Китайская Народная республика
Электронный адрес: zhanyanyi@bfsu.edu.cn

Аннотация

В китайских университетах болгаристика преподается более 60 лет. Занятия по истории Болгарии проводятся здесь с 1961 г. и играют важную роль в формировании у студентов понимания этнических и культурных особенностей этой страны. Несколько поколений китайских ученых уже внесли значительный вклад в исследование болгарской истории. В статье представлен исторический обзор преподавания и изучения болгарского языка и особенно истории Болгарии в Китае, так как на протяжении более чем 60 лет среди болгаристических дисциплин центральное место отводилось преподаванию болгарской истории. Для студентов, изучающих болгаристику, помимо обязательных курсов предусмотрены дополнительные циклы лекций, которые читают китайские и зарубежные ученые-болгаристы. Китайские болгаристические исследования рассматриваются в статье в более широком контексте мировой научной традиции; анализируются и характеризуются перспективы этих исследований. Китайские болгаристы вносят посильный вклад в мировую болгаристику, где в настоящее время доминируют ученые из европейских стран. В статье также обсуждается потенциальная возможность интеграции китайских болгаристических исследований в широкий круг работ по славистике, балканистике и изучению истории Центральной и Восточной Европы в связи с тем, что в «Каталоге предметов и специальностей последипломного обучения» (2022), изданном Комитетом академических степеней и Министерством образования Китая, региональные и национальные исследования причислены к междисциплинарным специальностям первого уровня.

Ключевые слова

Болгаристика в Китае, историческая болгаристика, преподавание болгарского языка в Китае, региональные и национальные исследования

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2023 г.

Статья доработана автором 19 октября 2024 г.

Статья принята в печать 16 ноября 2024 г.

Цитирование: Чжан Яньи. Болгаристика в Китае (1961–2023): обзор с акцентом на исследования болгарской истории // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 172–191. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.08>

BULGARIAN STUDIES IN CHINA (1961–2023): REVIEW WITH AN ACCENT ON THE STUDY OF THE BULGARIAN HISTORY

Zhan Yanyi

PhD candidate, lecturer,
Beijing Foreign Studies University
Postal address: Blvd. Xisanhuanbeilu, 2,
Beijing, 100089, People's Republic of China
E-mail: zhanyanyi@bfsu.edu.cn

Abstract

The teaching and study of Bulgarian history at Chinese universities has a history of more than 60-year. Bulgarian history classes have been held in China since 1961 and since then have played an important role in students' understanding of this country, its people and culture. Several generations of Chinese scholars have already made significant contributions to research of Bulgarian history. This article provides an overview of the specifics of teaching the Bulgarian language and Bulgarian studies in general in China, with the main focus on teaching and studying of Bulgarian history. For six decades, the teaching of Bulgarian history has been central in Bulgarian studies in China. In addition to the required courses, the specialty also provides lectures on various topics under the guidance of experts and scholars in the field from China and other countries. Chinese research in the relevant field is considered in the article in the broader context of the global scholarly tradition, while identifying the characteristic prospects of these studies. Chinese Bulgarian studies complement existing Bulgarian studies, which are mainly dominated by scholars from European and Western countries. The issue of the potential integration of these studies into a wide range of works on Slavic studies, Balkan studies and the history of Central and Eastern Europe is also being considered, as well as the fact that in China "regional and national studies" are included in the 14th category of interdisciplinary subjects of the first level.

Keywords

Bulgarian studies in China, Historical Bulgarian studies, Teaching of Bulgarian in China, Regional and National Studies

Received 24 November 2023

Revised 19 October 2024

Accepted 16 November 2024

For citation: Zhan Yanyi, 2024. Bulgarian Studies in China (1961–2023): with an Accent on the Study of the Bulgarian History. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 172–191. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.08>

Однажды в понедельник, в сентябре 1961 г., в учебной аудитории, которая находилась на третьем этаже восточного корпуса Пекинского университета иностранных языков (тогда он назывался Пекинский колледж иностранных языков), молодой преподаватель начал обучать 15 студентов из разных городов Китая болгарской азбуке. Этот день стал днем создания первого курса по болгарскому языку в Китае¹.

Вышеприведенные слова были написаны профессором Ян Яньцзе (*кит.* 杨燕杰, *Yang Yanjie*, 1930–2009), основателем первого направления «болгаристика» в Китае, и опубликованы в 1996 г. в статье в честь 35-летия создания этой специальности.

В настоящее время, спустя более чем шесть десятилетий, болгарский язык преподается в четырех китайских университетах. В трех из них это отдельная специальность — в Пекинском университете иностранных языков (*кит.* 北京外国语大学, *англ.* *Beijing Foreign Studies University*), Пекинском университете международных исследований (*кит.* 北京第二外国语学院, *англ.* *Beijing International Studies University*) и в Университете иностранных языков в Тяньцзине (*кит.* 天津外国语大学, *англ.* *Tianjin Foreign Studies University*). В провинции Хэбэй в Университете международных исследований (*кит.* 河北外国语大学, *англ.* *Hebei International Studies University*) болгарский язык преподается как второй язык на специальности «корейстика» с недельной нагрузкой 8–10 академических часов.

За прошедшие годы почти 300 студентов окончили эти университеты по указанным специальностям. Согласно исследованиям проф. Линь Вэньшуана, с самого начала преподавания болгарского языка в Китае в 1961 г. разрабатывались также курсы, связанные с историей Болгарии². Эти курсы формировали базу, на основе которой студенты могли составить более полное представление о Болгарии. Поколения преподавателей филологов-болгаристов совместно со специалистами Китайской академии социальных наук, информационного агентства «Синьхуа», болгарской редакции китайской медиagrппы (известной также как «Радио Китай») опубликовали множество академических исследований, литературных произведений и учебников по истории болгарского государства и литературы.

¹ 苏欣 [杨燕杰]. 继续前进, 争取更大的成绩—祝贺北京外国语大学东欧语系保加利亚语专业创建 35 周年 [J]. 东欧. 1996. № 03. [Су Синь [Ян Яньцзе]. Продолжайте двигаться вперед и стремитесь к еще большим успехам — поздравления с 35-летием создания специальности «Болгаристика» на факультете восточноевропейских языков Пекинского университета иностранных языков // Восточная Европа. 1996. № 3.]. С. 51–56. Су Синь (苏欣) — псевдоним проф. Ян Яньцзе.

² Линь Уеншунан. Измерения на преподаването на български език в Китай: езикови умения, общи познания и интердисциплинарност // Езиков свят = Orbis Linguarum. 2020. Vol. 18. Issue 3. P. 97.

ПРЕПОДАВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИИ В КИТАЕ

В Пекинском университете иностранных языков в учебную программу бакалавриата входят четыре исторические дисциплины: «История Болгарии», «История болгарской литературы», «Страноведение» и «Болгарская литературная история». В соответствии с текущей учебной программой первые две дисциплины преподаются на втором курсе, а «Болгарская литературная история» — на четвертом курсе. Как уже говорилось выше, эти курсы предлагались уже в 1961 г. самым первым студентам в Китае, изучавшим болгарский язык. Учебники для первых двух дисциплин находятся на стадии подготовки к изданию, а для курса по страноведению используются новые данные, в том числе документы министерств, материалы государственных институтов и официальных инстанций, газетные публикации, видео, интернет-источники, которые лучше всего отражают происходящее в стране.

Программа в Тяньцзине почти идентична — история Болгарии и страноведение преподаются на втором курсе, а история литературы — на третьем. В Пекинском университете международных исследований история Болгарии и история болгарской литературы преподаются на третьем курсе.

В настоящее время магистратура для болгаристов существует только в Пекинском университете иностранных языков, она была организована в 1999 г. Магистерская программа включает обязательный курс по истории Болгарии Нового и Новейшего времени; кроме того, факультативно можно прослушать курс лекций «История Балкан». В отличие от бакалавриата, где курс по истории охватывает временной период от создания Первого болгарского царства до Второй мировой войны, в магистратуре читаются курсы по истории Болгарии времени холодной войны и после нее и по современной истории этой страны начиная с ее вступления в Евросоюз. Основная цель исторических программ — познакомить бакалавров с прошлым Болгарии, с культурой болгарского народа.

Помимо лекций, предусмотренных программой, в Пекинский университет иностранных языков часто приглашают профильных специалистов для чтения спецкурсов. Например, в 2018 г. из Софийского университета был приглашен профессор Нако Стефанов, болгарский историк, доктор философских наук, для чтения лекций «Богомилство от Болгарии до Европы», «История Болгарии после 1944 года», «Ключевые личности болгарской истории» и др. Кроме того, в университете проводится академический семинар, на котором подробно обсуждается историческое развитие дружеских отношений между Китаем и Болгарией, а также современное сотрудничество между двумя странами в различных областях и рассматривается будущее двусторонних отношений.

Еще одной возможностью изучить историю Болгарии стал цикл лекций «Болгария: история и реальность», который в 2022 г. прочитал профессор Ма Сипу (马细谱, *Ma Xipu*).

讲座日程

3月18日周五15点	保加利亚的君主制问题 Монархията в България
3月23日周三10点	转轨后保加利亚的外交政策 Външната политика на България след промените
4月15日周五15点	近30年来保加利亚社会争论最多的几个问题 Най-обсъжданите въпроси в българското общество през последните 30 години
5月13日周五15点	保加利亚社会转型30年 България през последните 30 години – от начало на демократичните промени насам
5月20日周五15点	保加利亚政党体制的演进及其特点 Еволюцията на българската партийна система и нейните характеристики

Рис. 1. Программа цикла лекций проф. Ма Сипу
Lecture series program by Prof. Ma Xipu

Большая часть лекций была подготовлена на основе его статей. Например, лекция «Наиболее острые общественные дискуссии в Болгарии последних 20 лет» базировалась на его статье «Несколько теоретических вопросов, горячо обсуждаемых в болгарской историографии последних 20 лет», опубликованной в 2011 г., которая была вдохновлена круглым столом «Историки и история», организованным Болгарской академией наук в 2005 г., и сборником «Историческая наука в Болгарии: состояние и перспективы» (София: Институт истории БАН, 2006). Статья содержит многочисленные цитаты из работ болгарских историков, таких как «От Стамболова до Живкова — большие споры о новой болгарской истории» (2009) Румена Даскалова, «История Болгарии — с некоторыми замалчиваемыми до сих пор историческими фактами (681–1996)» (2001) и др. В ней рассматриваются основные вопросы болгарской истории XX в.: был ли болгарский режим в 1930-е гг. и позднее самодержавным (авторитарным) или представлял собой монархо-фашистскую диктатуру, существовало ли в Болгарии антифашистское движение Сопротивления во время Второй ми-

ровой войны, каким был характер восстания 9 сентября 1944 г. и являлся ли легитимным Народный суд, действовавший после этого восстания, был ли Советский Союз дважды «освободителем Болгарии» или «оккупантом». Эти вопросы являются одними из самых острых и болезненных в болгарской историографии. По мнению профессора Ма, споры, связанные с этими темами, обусловлены идеологическими и партийными интересами, стоящими за различными позициями³.

Рис. 2. Первая лекция проф. Ма Сипу, 18 марта 2022 г.
First Lecture by Prof. Ma Xipu, March 18, 2022

Профессор Ма Сипу, без сомнения, крупнейший ученый среди китайских историков-болгаристов. Он окончил бакалавриат и магистратуру Исторического факультета Софийского университета и защитил диссертацию по истории Югославии в 1985 г. В настоящее время он проводит исследования в Китайской академии социальных наук, является приглашенным профессором многих университетов и исследовательских центров, а также участвует в проектах Государственного совета Китая (КНР). Также он возглавляет отдел «Восточная Европа» Института социального развития Евразии исследовательского центра развития Государственного совета. Более 40 лет он не перестает писать о болгарской истории. Его интересы затрагивают также историю России и Советского Союза, Балканского полуострова, Югославии и Центральной и Восточной Европы в целом. Общий объем опубликованных им трудов превышает три миллиона иероглифов. Труды профессора Ма составляют основную часть исторической болгаристики в Китае, поэтому презентация исследований в этой области начнется с его достижений.

³ 马细谱. 近 20 年来保加利亚史学界争论激烈的几个理论问题 [J]. 史学理论研究. 2011. № 2. [Ма Сипу. Несколько теоретических вопросов, горячо обсуждаемых в болгарской историографии последних 20 лет // Исследования исторических теорий. 2011. № 2]. С. 116.

□1	诺贝尔在中国媒介话语中的形象:1923~1938年	马细谱	土耳其研究	2024-03-31	期刊	59	↓	👤	👍	👎
□2	东欧马克思主义本土化的历史轨迹	马细谱	中国延安干部学院学报	2023-03-15	期刊	111	↓	👤	👍	👎
□3	“巴尔干与世界历史巨变”笔谈	陈志强;马细谱;梁志军	首都师范大学学报(社会科学版)	2022-08-05	期刊	444	↓	👤	👍	👎
□4	南斯拉夫联邦解体原因再析	马细谱	世界社会主义研究	2022-07-01	期刊	3 1440	↓	👤	👍	👎
□5	伐佐夫笔下的1876年四月起义——重读小说《轭下》	马细谱	欧洲语言文学研究	2022-06-30	期刊	46	↓	👤	👍	👎
□6	保加利亚社会主义的兴衰、抉择与悲剧	马细谱	中国延安干部学院学报	2021-11-30	期刊	1 197	↓	👤	👍	👎
□7	保加利亚社会转型与人口危机	马细谱	国外理论动态	2020-06-20	期刊	3 283	↓	👤	👍	👎
□8	“迷你希腊”，西巴尔干国家在联合国自强？	陈礼;马细谱	世界知识	2020-03-01	期刊	3 165	↓	👤	👍	👎
□9	摩尔多瓦向何处去仍是未知数	马细谱	世界知识	2019-04-01	期刊	2 179	↓	👤	👍	👎
□10	马其顿更改国名,究竟谁更“受益”	马细谱;李建军	世界知识	2018-07-01	期刊	184	↓	👤	👍	👎
□11	保加利亚左翼学者再谈回到马克思	马细谱	国外理论动态	2018-05-04	期刊	160	↓	👤	👍	👎
□12	非政府组织是保加利亚政局不稳的推手	马细谱	世界社会主义研究	2017-07-01	期刊	2 205	↓	👤	👍	👎
□13	新法西斯主义与土耳其的战略布局	马细谱	人民论坛·学术前沿	2016-03-15	期刊	11 600	↓	👤	👍	👎
□14	东欧各国社会主义道路的曲折历程	马细谱	中国延安干部学院学报	2016-01-15	期刊	4 639	↓	👤	👍	👎
□15	中国与东欧关系正常化过程中的苏联因素——以“对华国际”活动为例	马细谱	俄罗斯东欧中亚研究	2015-06-05	期刊	1 254	↓	👤	👍	👎
□16	保加利亚共产党人对马克思主义本土化的理解和贡献	马细谱	中国延安干部学院学报	2015-01-15	期刊	1 287	↓	👤	👍	👎
□17	索维的桥,在何处?——对东欧社会主义政治模式的思考	马细谱	人民论坛·学术前沿	2014-10-15	期刊	4 478	↓	👤	👍	👎
□18	日共失领导下的保加利亚改革及其眼中的尤尔巴约夫	马细谱	俄罗斯东欧中亚研究	2013-08-10	期刊	204	↓	👤	👍	👎
□19	试析南共联盟执政的成功与失误——南斯拉夫解体原因之一	马细谱	马克思主义研究	2013-01-15	期刊	5 805	↓	👤	👍	👎
□20	成也南共联盟 败也南共联盟——南斯拉夫解体原因之一	马细谱	紫光阁	2012-12-01	期刊	68	↓	👤	👍	👎

Рис. 3. Скриншот первой страницы списка публикаций проф. Ма Сипу в CNKI (англ. *China National Knowledge Infrastructure*, кит. 中国知网) — наиболее полной базе академических статей в Китае

Screenshot of the first page of Prof. Ma Xipu's publication list in CNKI (China National Knowledge Infrastructure, Chinese: 中国知网), the most comprehensive database of academic articles in China

К сожалению, в рамках одной статьи возможно осветить только некоторые результаты его работ, что представляет лишь вершину айсберга его знаний и трудов.

Одна из новейших его статей по истории Болгарии — «Апрельское восстание 1876 г. в “Под игом” Вазова: перечитывая роман»⁴. Статья написана по материалам его доклада «Вазов и языки литературы», который был прочитан в 2021 г. на юбилейной конференции, посвященной 60-летию создания специальности «Болгаристика» в Пекинском университете иностранных языков и 100-летию со дня смерти патриарха болгарской литературы Ивана Вазова; ср. выдержки из этой статьи, дающей живое описание

⁴ 马细谱. 伐佐夫笔下的 1876 年四月起义——重读小说《轭下》[J]. 欧洲语言文化研究, 2022, № 1. [Ma Xipu. Апрельское восстание 1876 г. в «Под игом» Вазова: перечитывая роман // Изучение европейских языков и культур. 2022. № 1]. С. 66-73, 156.

исторических событий, литературного произведения и красоты, которую привносит литература в историю:

Знамя с надписью «Свобода или смерть», поднятое Апрельским восстанием, все еще веет над вершинами Балкан. Зажженный Апрельским восстанием революционный факел вот-вот заставит гореть всю Болгарию. Пройдет чуть больше года, и в марте 1878 г. Болгария будет освобождена и возродится, и это неизбежный результат и достижение Апрельского восстания.

Позднее, в 1888 г., будет опубликован роман «Под игом», как блестящая волна в вале литературного вдохновения, поднявшемся после восстания⁵.

Рис. 4. Афиша конференции, посвященной 60-летию создания специальности «Болгаристика» в Пекинском университете иностранных языков и 100-летию со дня смерти патриарха болгарской литературы Ивана Вазова

Poster of the conference dedicated to the 60th anniversary of the creation of the specialty «Bulgarian Studies» at the Beijing Foreign Studies University and the 100th anniversary of the death of the patriarch of Bulgarian literature Ivan Vazov

⁵ *Ма Суну.* Апрельское восстание 1876 г. ... С. 68.

В августе 2020 г. вышла в свет последняя на данный момент монография профессора Ма — «История Югославии» (кит. 南斯拉夫通史)⁶. Это исследование не только систематизирует знания по истории Югославии, но и предлагает анализ существования Югославии в контексте политики и экономики Балкан в целом.

Рис. 5. Обложка монографии проф. Ма Сипу «История Югославии»

Cover of the monograph by Prof. Ma Xipu
“History of Yugoslavia”

В декабре 2018 г. профессора Ма Сипу и Юй Чжихэ (кит. 余志和, *Yu Zhihe*, 1941–2023) — еще один выдающийся ученый, переводчик с болгарского и литературовед, — опубликовали книгу «История Балкан в XX веке» (кит. 巴尔干百年简史)⁷.

В сентябре 2022 г. Комитет академических степеней и Министерство образования Китая издали «Каталог предметов и специальностей последипломного обучения (2022)», подтвердив, что региональные и нацио-

⁶ 马细谱. 南斯拉夫通史. 上海: 上海社会科学院出版社. [Ma Xipu. История Югославии. Шанхай: Издательство Шанхайской академии социальных наук, 2020].

⁷ 马细谱, 余志和. 巴尔干百年简史. 北京: 中国青年出版社. [Ma Xipu, Юй Чжихэ. История Балкан в XX веке. Пекин: Китайская молодежь, 2018].

Рис. 6. Обложка книги Ма Сипу и Юя Чжихе
«История Балкан в XX веке»
Cover of the book by Ma Sipu and Yu Jihi
“History of the Balkans of the 20th Century”

нальные исследования (кит. 区域国别学, англ. *Regional and National Studies*) войдут — благодаря в том числе деятельности проф. Ма Сипу и его коллег — в 14-й разряд междисциплинарных исследований 1-го уровня, а это свидетельствует об их высоком статусе. При этом исследования по болгаристике все чаще поглощаются более общими исследованиями славянских, балканских и центральноевропейских стран.

Занимаясь болгарской и восточноевропейской историей, проф. Ма Сипу уделяет большое внимание периоду социализма и марксизма в этом регионе. Его статья «Маркс вернулся в Болгарию», опубликованная в сборнике «Доклады об исследовании мирового социализма (2015–2016)»⁸, состоит из пяти частей:

⁸ 马细谱. 马克思又回到了保加利亚 // 世界社会主义跟踪研究报告 (2015–2016) (上) / 李慎明. 北京: 社会科学文献出版社, 2016. № 2. [Ma Sipu. Маркс вернулся в Болгарию // Доклады об исследовании мирового социализма / ред. Ли Шинмин. Пекин: Социальная научная литература, 2016. № 2]. С. 283–293.

1. Кратковременное «низложение» Маркса;
2. Маркс и его труды начинают возрождаться;
3. Маркс и левая пресса;
4. Краткое представление книги «Карл Маркс: Человек и будущее» (София: Изток-Запад, 2013);
5. Размышления и переоценка Маркса.

Упомянем здесь еще несколько ярких работ проф. Ма: это его статьи «Следование за мечтой и реальность»⁹, «Реформы в Болгарии Живкова и Горбачев в его глазах»¹⁰, «Несколько теоретических вопросов, горячо обсуждаемых в болгарской историографии последних 20 лет»¹¹, «Эволюция болгарской партийной системы»¹², а также книга «Болгарская история»¹³, которая уже более 10 лет используется в качестве учебного пособия на занятиях по истории Болгарии в Пекинском университете иностранных языков и в других вузах.

Многие другие ученые кафедры болгаристики Пекинского университета иностранных языков также достигли значимых результатов в области исторических исследований, ср., например, статью проф. Ян Яньцзе «Рождение Первого болгарского государства»¹⁴. Как уже говорилось выше, проф. Ян — основатель китайской болгаристики, и эта статья — первое исследование по истории Болгарии, выполненное в Китае.

В 2000 г. проф. Ян опубликовал монографию «Болгарская литература»¹⁵, которая стала первой в Китае книгой по этой тематике.

В академическое издание «История литературных обменов между Китаем и другими странами: Китай — Центральная и Юго-Восточная Европа»¹⁶,

⁹ 马细谱. 追梦与现实: 中东欧转轨 25 年研究文集. 北京: 中国社会科学出版社. 2016. [Ma Cinyu. Следование за мечтой и реальность: Собрание исследований переходного периода в Центральной и Восточной Европе. Пекин: Китайские социальные науки, 2016].

¹⁰ 马细谱. 日夫科夫领导的保加利亚改革及其眼中的戈尔巴乔夫 // 俄罗斯学刊. 2013. № 3 (4). [Ma Cinyu. Реформы Живкова в Болгарии и Горбачев в глазах Живкова // Академический журнал по русистике. 2013. № 3 (4)]. С. 60–68.

¹¹ 马细谱. 近 20 年来保加利亚史学界争论激烈的几个理论问题 [J]. 史学理论研究. 2011. № 2. [Ma Cinyu. Несколько теоретических вопросов, горячо обсуждаемых в болгарской историографии последних 20 лет // Исследования исторических теорий. 2011. № 2]. С. 116–121.

¹² 马细谱. 保加利亚政党体制的演进 // 国外理论动态. 2003. № 7. [Ma Cinyu. Эволюция болгарской партийной системы // Зарубежные тренды теории. 2003. № 7]. С. 30–34.

¹³ 马细谱. 保加利亚史. 北京: 中国社会科学出版社, 2011 [Ma Cinyu. Болгарская история. Пекин: Китайские социальные науки, 2011].

¹⁴ 杨燕杰. 第一个保加利亚国家的诞生 // 国际论坛. 1991. № 3. [Ян Яньцзе. Рождение Первого болгарского государства // Международный форум. 1991. № 3]. С. 2–6.

¹⁵ 杨燕杰. 保加利亚文学. 北京: 外语教学与研究出版社. [Ян Яньцзе. Болгарская литература. Пекин: Издательство для обучения и изучения иностранных языков, 2000].

¹⁶ 中外文学交流史(中国-中东欧卷) / [ред.] 丁超, 宋炳辉. 济南: 山东教育出版社, 2015. [История литературных обменов между Китаем и другими странами: Китай — Центральная и Юго-Восточная Европа / ред. Дин Чао, Сун Бинхуэй. Цзинань: Издательство образования Шаньдун, 2015].

Рис. 7. Обложка монографии проф. Яна Йендзие
«Болгарская литература»
Cover of the monograph by Prof. Jan Yendzie
“Bulgarian Literature”

опубликованное в 2015 г. в рамках одноименного государственного проекта, включены первые опыты обращения китайских писателей к болгарской литературе. Например, китайский писатель Лу Сюнь (鲁迅, *Lu Xun*) — основоположник современной китайской литературы — еще в 1920-е гг. перевел на китайский язык рассказ «Вълко на война» (Вылко на войне) Ивана Вазова — патриарха болгарской литературы.

Главу о Болгарии в этом труде написал проф. Линь Вэньшуан (林温霜, *Lin Wenshuang*), и это важное исследование культурных обменов между двумя странами. Среди работ проф. Линь Вэньшуана можно упомянуть также статьи «Болгария до и после вступления в ЕС»¹⁷ и «Болгарская поэзия в межвоенный период»¹⁸.

¹⁷ 林温霜. 保加利亚踏上欧盟列车的前后 // 北京党史. 2007. № 4. [Линь Вэньшуан. Болгария до и после вступления в ЕС // Партийная история Пекина. 2007. № 4]. С. 63–64.

¹⁸ 林温霜. 两次世界大战之间的保加利亚诗歌 // 东欧. 1998. № 3. [Линь Вэньшуан. Болгарская поэзия в межвоенный период // Восточная Европа. 1998. № 3]. С. 43–47.

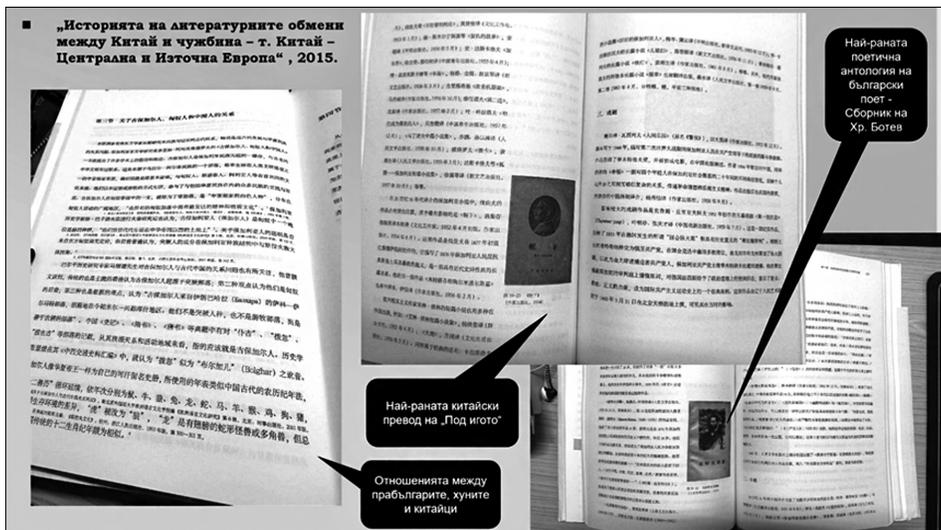

Рис. 8. Страницы издания «История литературных обменов между Китаем и другими странами: Китай — Центральная и Юго-Восточная Европа»

Pages of the publication “History of Literary Exchanges between China and Other Countries: China — Central and South-Eastern Europe”

На семинаре о культурном обмене в честь 70-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Болгарией проф. Чэнь Ин (陈瑛, *Chen Ying*) выступил с докладом «Перевод и публикации литературных произведений: китайско-болгарские связи в последние 100 лет».

Проф. Чэнь Цзюин (陈九瑛, *Chen Jiuying*) является автором раздела, посвященного Болгарии, в фундаментальном труде «История театра в Восточной Европе» (2018)¹⁹.

Болгарской истории уделяют внимание не только специалисты кафедры болгаристики Пекинского университета иностранных языков.

Например, городская администрация Шанхая финансировала проект «Изучение архивов и документов в странах Центральной Европы», в рамках которого были переведены рассекреченные документы Болгарской коммунистической партии (БКП). Вскоре будет издана подготовленная в рамках этого проекта книга. Один из основных участников этого проекта — доктор Ма Ли (马力, *Ma Li*) из Восточнокитайского педагогического университета, который написал статью «Предварительное изучение “зве-

¹⁹ 陈九瑛. 东欧戏剧史: 保加利亚卷 // 东欧戏剧史 / 杨敏. 北京: 北京联合出版公司, 2018. [Чэнь Цзюин. История театра в Восточной Европе: Том «Болгария» // История театра в Восточной Европе / ред. Ян Мин. Пекин: Объединенное издательство, Пекин. 2018].

дения” китайской “народной комунны” (ТКЗС) в Болгарии (1958–1959)»²⁰, а также защитил диссертацию на тему «Политические изменения периода “десталинизации” в Болгарии (1953–1962) — с акцентом на смену высшего руководства и тюремной политики»²¹. Доктор Вэй Цзянь (魏剑, *Wei Jian*) из Университета Миньцзу в Китае в рамках этого проекта написал статью по истории и антропологии: «Стать болгаринном. Построение национального государства и местная социальная трансформация: казус процесса “национализации” помаков в Болгарии»²².

Помимо профессиональных ученых над темами, связанными с Болгарией, работают студенты, которые готовят курсовые и дипломные работы, исследуя важные фрагменты истории этой страны и ее культурного взаимодействия с Китаем. В качестве примера назову дипломную работу «Влияние Коминтерна во главе с Г. Димитровым на Китайскую коммунистическую партию (КПП) во время японо-китайской войны 1937–1945 гг.» одного из наших выпускников 2017 г. — Сюй Пэйчжэ (徐珮哲, *Xu Peizhe*), который в настоящее время работает в болгарской редакции китайской медиатруппы (научный руководитель — проф. Линь Вэньшун). В этой работе путем анализа переписки Коминтерна и КПП исследуются обстоятельства оказания помощи Китаю Коминтерном в последние годы десятилетней гражданской войны и ключевой этап подготовки Китая к сопротивлению Японии в сферах идеологии, военной политики, мобилизации.

КИТАЙСКАЯ БОЛГАРИСТИКА КАК ЧАСТЬ МИРОВОЙ БОЛГАРИСТИКИ

Первые поколения китайских болгаристов оставили многочисленные труды по болгарской истории, что свидетельствует о высокой заинтересованности китайских ученых в изучении истории социалистического периода и региональной истории. Последующие поколения проявляют бóльший интерес к изучению литературной, политической, социальной истории и этнографии. Младшее поколение коллег и студенты уделяют внимание таким «практическим» сферам, как политика, экономика, международные отношения и сотрудничество между Китаем и Болгарией. Однако понимание

²⁰ 马力. 保加利亚“引进”中国“人民公社”初探(1958-1959) // 近现代国际关系史研究. 2016. № 1. [Ма Ли. Предварительное изучение «введения» китайской «народной комунны» (ТКЗС) в Болгарии (1958–1959) // Исследование истории международных отношений. 2016. № 1]. С. 311–321.

²¹ 马力. 保加利亚“非斯大林化”时期的政治变动(1953-1962)——以高层更替和监狱政策为线索 // 华东师范大学. 2017. [Ма Ли. Политические изменения периода «десталинизации» в Болгарии (1953–1962) — с акцентом на смену высшего руководства и тюремной политики / Восточнокитайский педагогический университет. 2017.]

²² 魏剑. 成为保加利亚人: 民族国家构建与地方社会转型——以保加利亚波马克人的民族化进程为例 // 中南民族大学学报(人文社会科学版). 2021. № 4. [Вэй Цзянь. Стать болгаринном: построение национального государства и местная социальная трансформация: казус процесса «национализации» помаков в Болгарии // Вестник Южно-Центрального университета национальностей. 2021. № 4]. С. 101–109.

болгарской истории всегда является основой для изучения болгарской филологии, поскольку история народа представляет собой ключ к пониманию его культуры, литературы, общества, этничности, даже современной политики и логики решений в этой сфере.

Как указано в основных целях Национальной научной программы «Развитие и утверждение болгаристики за рубежом»²³, финансируемой болгарским МОН, само государство стремится создать привлекательный образ Болгарии, усилив интерес к болгаристике за рубежом и обеспечив ее успешное и стабильное развитие, поэтому все чаще организуются конференции и семинары, а также публикуются сборники на соответствующие темы. Благодаря этому китайские болгаристы имеют возможность знакомиться с работами своих коллег в других странах. В 2023 г. в Софии состоялась международная конференция «Историческая болгаристика за пределами Болгарии: состояние и перспективы», в ходе которой мы с радостью обнаружили, что хотя мы географически довольно далеки от этой страны, однако не сильно отстаем от мировых исследований болгарской истории. Несмотря на то что из-за языковой и культурной дистанции нам не хватает более глубокого понимания исторических и культурных деталей, а первоисточники нам доступны в меньшей степени, чем европейским ученым, болгаристика в Китае имеет уникальные перспективы. Так как исследования проф. Ма Сипу играют огромную роль в рассматриваемой сфере, мы снова обратимся к его работам в качестве примера. В своих исследованиях болгарской истории 1944–1989 гг. ему удалось объективно представить и оценить этот период и последующий переходный этап, не ограничиваясь идеологическими дискурсами, которые часто встречаются в западных СМИ и академических кругах, где, как указывает Мария Тодорова, коммунизм часто приравнивается к фашизму и нацизму²⁴. Сам проф. Ма Сипу подчеркивает в своей статье: «Замена исторических исследований политикой и идеологией не является проявлением уважения к историческим фактам и личностям, как не свидетельствует о серьезном отношении к исторической науке»²⁵.

Кроме того, в связи с существованием общего социалистического периода в истории обеих стран, в Китае сохранилось значительное число архивов, связанных с НРБ и БКП, которые являются ценным ресурсом для исторического исследования этого периода. Из-за большого интереса китайских

²³ Национална научна програма «Развитие и утвърждаване на българистиката в чужбина» (ННП българистика) 2022-2025 [OL]. URL: <https://kinnpor.uni-sofia.bg/npp-balg-aristika-info> (дата обращения: 29.10.2024).

²⁴ Todorova M. From Utopia to Propaganda and Back // Post-Communist Nostalgia / ed. by M. Todorova and Zs. Gille. New York; Oxford: Berghahn Books, 2010. P. 1-16.

²⁵ 马细谱. 近 20 年来保加利亚史学界争论激烈的几个理论问题 [J]. 史学理论研究. 2011. № 2. [Ма Сипу. Несколько теоретических вопросов, горячо обсуждаемых в болгарской историографии последних 20 лет // Исследования исторических теорий. 2011. № 2]. С. 121.

историков к отношениям между Китаем, СССР и восточноевропейскими странами в период холодной войны многие болгарские документы того периода были переведены на китайский язык, что создало богатую источниковую базу для китайских историков, а также способствовало академическому и культурному обмену между двумя странами.

После того как «региональные и национальные исследования» стали первостепенными дисциплинами, изучение истории в Китае стало сочетаться с изучением других областей знаний; таким образом формируется междисциплинарная академическая среда. Китайские историки-болгаристы стремятся уделять больше внимания динамике развития всего региона, в котором находится Болгария. Мы считаем, что исследования в такой перспективе будут полезны для Болгарии не только как доказательство того, что болгаристика развивается за рубежом, но и для лучшего понимания позиции государства в регионе. Они представят новые перспективы и идеи для расширения ее сотрудничества с соседними странами и преодоления существующих предрассудков. Болгаристика в Китае может послужить ориентиром для принятия Болгарией внешнеполитических решений.

Рис. 9. Книги по болгаристике на конференции 2021 г. «Вазов и языки литературы», организованной в честь 60-летия открытия специальности «Болгаристика» в Пекинском университете иностранных языков и 100-летия со дня смерти Ивана Вазова

Books on Bulgarian studies at the 2021 conference “Vazov and the Languages of Literature”, organized in honor of the 60th anniversary of the opening of the specialty “Bulgarian studies” at Beijing Foreign Studies University and the 100th anniversary of the death of Ivan Vazov

Источники

Национална научна програма «Развитие и утвърждаване на българистиката в чужбина» (ННП българистика) 2022–2025[OL]. URL: <https://kinnpor.uni-sofia.bg/npp-balgaristika-info> (дата обращения: 29.10.2024).

Литература

Лин Уеншун. Измерения на преподаването на български език в Китай: езикови умения, общи познания и интердисциплинарност // Езиков свят = Orbis Linguarum. 2020. Vol. 18. Issue 3. P. 96–100.

Todorova M. From Utopia to Propaganda and Back // Post-Communist Nostalgia / ed. by M. Todorova and Zs. Gille. New York; Oxford: Berghahn Books, 2010. P. 1–16.

中外文学交流史(中国-中东欧卷) / [ред.] 丁超, 宋炳辉. 济南: 山东教育出版社, 2015. [История литературных обменов между Китаем и другими странами: Китай — Центральная и Юго-Восточная Европа / ред. Дин Чао, Сун Бинхуей. Цзинань: Издательство образования Шаньдун, 2015].

杨燕杰. 保加利亚文学. 北京: 外语教学与研究出版社. [Ян Яньцзе. Болгарская литература. Пекин: Издательство для обучения и изучения иностранных языков, 2000].

杨燕杰. 第一个保加利亚国家的诞生 // 国际论坛. 1991. № 3. [Ян Яньцзе. Рождение Первого болгарского государства // Международный форум. 1991. № 3]. С. 2–6.

林温霜. 两次世界大战之间的保加利亚诗歌 // 东欧. 1998. № 3. [Линь Вэньшун. Болгарская поэзия в межвоенный период // Восточная Европа. 1998. № 3]. С. 43–47.

林温霜. 保加利亚踏上欧盟列车的前后 // 北京党史. 2007. № 4. [Линь Вэньшун. Болгария до и после вступления в ЕС // Партийная история Пекина. 2007. № 4]. С. 63–64.

苏欣[杨燕杰]. 继续前进, 争取更大的成绩——祝贺北京外国语大学东欧语系保加利亚语专业创建 35 周年[J]. 东欧. 1996. № 3. [Су Синь [Ян Яньцзе]. Продолжайте двигаться вперед и стремитесь к еще большим успехам — поздравления с 35-летием создания специальности «Болгаристика» на факультете восточноевропейских языков Пекинского университета иностранных языков // Восточная Европа. 1996. № 3]. С. 51–56.

陈九瑛. 东欧戏剧史: 保加利亚卷 // 东欧戏剧史 / 杨敏. 北京: 北京联合出版公司, 2018. [Чэнь Цзюин. История театра в Восточной Европе: Том «Болгария» // История театра в Восточной Европе / ред. Ян Мин. Пекин: Объединенное издательство, Пекин, 2018].

马力. 保加利亚“引进”中国“人民公社”初探(1958–1959) // 近现代国际关系史研究. 2016. № 1. [Ма Ли. Предварительное изучение «введения» китайской «народной коммуны» (ТКЗС) в Болгарии (1958–1959) // Исследование истории международных отношений. 2016. № 1]. С. 311–321.

马力. 保加利亚“非斯大林化”时期的政治变动(1953–1962)——以高层更替和监狱政策为线索 // 华东师范大学. 2017. [Ма Ли. Политические изменения периода

- «десталинизации» в Болгарии (1953–1962) — с акцентом на смену высшего руководства и тюремной политики // Восточнокитайский педагогический университет. 2017].
- 马细谱, 余志和. 巴尔干百年简史. 北京: 中国青年出版社. [Ma Cinyu, Юй Чжихэ. История Балкан в XX веке. Пекин: Китайская молодежь, 2018].
- 马细谱. 伐佐夫笔下的 1876 年四月起义——重读小说《轭下》[J]. 欧洲语言文化研究. 2022. № 1. [Ma Cinyu. Апрельское восстание 1876 г. в «Под игом» Вазова: перечитывая роман // Изучение европейских языков и культур. 2022. № 1]. С. 66–73, 156.
- 马细谱. 保加利亚史. 北京: 中国社会科学出版社, 2011 [Ma Cinyu. Болгарская история. Пекин: Китайские социальные науки, 2011].
- 马细谱. 保加利亚政党体制的演进 // 国外理论动态. 2003. № 7. [Ma Cinyu. Эволюция болгарской партийной системы // Зарубежный тренды теории. 2003. № 7]. С. 30–34.
- 马细谱. 南斯拉夫通史. 上海: 上海社会科学院出版社 [Ma Cinyu. История Югославии. Шанхай: Издательство Шанхайской академии социальных наук, 2020].
- 马细谱. 日夫科夫领导的保加利亚改革及其眼中的戈尔巴乔夫 // 俄罗斯学刊. 2013. № 3 (4). [Ma Cinyu. Реформы Живкова в Болгарии и Горбачев в глазах Живкова // Академический журнал по русистике. 2013. № 3 (4)]. С. 60–68.
- 马细谱. 近 20 年来保加利亚史学界争论激烈的几个理论问题[J]. 史学理论研究. 2011. № 2. [Ma Cinyu. Несколько теоретических вопросов, горячо обсуждаемых в болгарской историографии последних 20 лет // Исследования исторических теорий. 2011. № 2]. С. 116–121.
- 马细谱. 追梦与现实: 中东欧转轨25年研究文集. 北京: 中国社会科学出版社. 2016. [Ma Cinyu. Следование за мечтой и реальность: Собрание исследований переходного периода в Центральной и Восточной Европе. Пекин: Китайские социальные науки, 2016].
- 马细谱. 马克思又回到了保加利亚 // 世界社会主义跟踪研究报告 (2015~2016) (上) / 李慎明. 北京: 社会科学文献出版社, 2016. № 2. [Ma Cinyu. Маркс вернулся в Болгарию // Доклады об исследовании мирового социализма / ред. Ли Шинмин. Пекин: Социальная научная литература, 2016. № 2]. С. 283–293.
- 魏剑. 成为保加利亚人: 民族国家构建与地方社会转型——以保加利亚波马克人的民族化进程为例 // 中南民族大学学报(人文社会科学版). 2021. № 4. [Wэй Цзянь. Стать болгаринном: построение национального государства и местная социальная трансформация: казус процесса «национализации» помаков в Болгарии // Вестник Южно-Центрального университета национальностей. 2021. № 4]. С. 101–109.

References

- Chen Jiuying, 2018. History of Eastern European Theatre: Vol. “Bulgaria”. In: History of Eastern European Theatre, ed., 2018. *History of the theatre in the Eastern Europe*. Beijing: Beijing United Publishing House. (陈九瑛. 东欧戏剧史: 保加利亚卷. 东欧戏剧史 / 杨敏. 北京: 北京联合出版公司, 2018). (In Chinese)

- Ding Chao, Song Binghui, eds., 2015. *History of the literary interchange among China and other countries: China – Central and South-Eastern Europe*. Jinan: Shandong Education Press. (中外文学交流史(中国-中东欧卷) / ed. by 丁超, 宋炳辉. 济南: 山东教育出版社, 2015). (In Chinese)
- Lin Wenshuang, 1998. Bulgarian poetry in the interwar period. *Eastern Europe*, 3, pp. 43–47. (林温霜. 两次世界大战之间的保加利亚诗歌. 东欧. 1998. № 3). (In Chinese)
- Lin Wenshuang, 2007. Bulgaria before and after entrance in EU. *Party history of Beijing*, 4, pp. 63–64. (林温霜. 保加利亚踏上欧盟列车的前后. 北京党史. 2007. № 4). (In Chinese)
- Lin Wenshuang, 2020. Target dimensions of Bulgarian language teaching in China: language skills, general knowledge and interdisciplinarity. *Orbis Linguarum*, 18 (3), pp. 96–100. (In Bulgarian)
- Ma Li, 2016. Preliminary study of the “introduction” of the Chinese “people’s commune” (TKZS) in Bulgaria (1958–1959). *Study on the history of international relations*, 1, pp. 311–321. (马力. 保加利亚“引进”中国“人民公社”初探(1958–1959). 近现代国际关系史研究. 2016. № 1). (In Chinese)
- Ma Li. Political Changes in Bulgaria During the “De-Stalinization” Period (1953–1962): A Focus on Leadership Transition and Prison Policies. *East China Normal University*. 2017. (马力. 保加利亚“非斯大林化”时期的政治变动(1953–1962)——以高层更替和监狱政策为线索. 华东师范大学. 2017). (In Chinese)
- Ma Xipu, 2003. Evolution of the Bulgarian party system. *Foreign Theoretical Trends*, 7, pp. 30–34. (马细谱. 保加利亚政党体制的演进. 国外理论动态. 2003. № 7). (In Chinese)
- Ma Xipu, 2011. *Bulgarian history*. Beijing: China Social Sciences Press. 2011 (马细谱. 保加利亚史. 北京: 中国社会科学出版社, 2011). (In Chinese)
- Ma Xipu, 2011. Some theoretic questions that are ardently discussed in the Bulgarian historiography of the last 20 years. *Studies of historical theories*, 2, pp. 116–121. (马细谱. 近 20 年来保加利亚史学界争论激烈的几个理论问题[J]. 史学理论研究. 2011. № 2). (In Chinese)
- Ma Xipu, 2013. Zhivkov’s reforms in Bulgaria and Gorbachev in his eyes. *Academic journal on Russian Studies*, 3 (4), pp. 60–68. (马细谱. 日夫科夫领导的保加利亚改革及其眼中的戈尔巴乔夫. 俄罗斯学刊. 2013. № 3 (4)). (In Chinese)
- Ma Xipu, 2016. *Following the dream and the reality: Collection of the researches of the transition period in Central and Eastern Europe*. Beijing: China Social Sciences Press. 2016. (马细谱. 追梦与现实: 中东欧转轨 25 年研究文集. 北京: 中国社会科学出版社. 2016). (In Chinese)
- Ma Xipu, 2020. *History of Yugoslavia*. Shanghai: Shanghai Social Sciences Academy Press. (南斯拉夫通史. 上海: 上海社会科学院出版社, 2020). (In Chinese)
- Ma Xipu, 2022. April Uprising of 1876 in Vazov’s “Under the Yoke”: rereading the novel. *European languages and cultures study*, 1, pp. 66–73, 156. (马细谱. 伐佐夫笔下的 1876 年四月起义——重读小说《轭下》[J]. 欧洲语言文化研究. 2022. № 1). (In Chinese)
- Ma Xipu, 2016. Marx returned in Bulgaria. In: Li Shenming, ed., 2016. *Report on the study of world socialism*. Beijing: Social Sciences Literature Press. 2016.

- № 2, pp. 283–293. (马细谱. 马克思又回到了保加利亚. *世界社会主义跟踪研究报告* (2015~2016) (上) / 李慎明. 北京: 社会科学文献出版社, 2016. № 2). (In Chinese)
- Ma Xipu, Yu Zhihe, 2018. *Balkan History in the 20th century*. Beijing: China Youth Press. 2018. (马细谱, 余志和. *巴尔干百年简史*. 北京: 中国青年出版社. 2018). (In Chinese)
- Su Xin (Yang Yanje), 1996. Keep Moving Forward, Striving for Greater Achievements — Congratulations on the 35th Anniversary of the Establishment of the Bulgarian Department in the Faculty of Eastern European Languages in Beijing Foreign Studies University. *Eastern Europe*. 3, pp. 51–56. (苏欣. 继续前进, 争取更大的成绩——祝贺北京外国语大学东欧语系保加利亚语专业创建 35 周年. *东欧*. 1996. № 3). (In Chinese)
- Todorova, M., 2010. From Utopia to Propaganda and Back. In: M. Todorova, Zs. Gille, eds, 2010. *Post-Communist Nostalgia*. New York; Oxford: Berghahn Books, pp. 1–16.
- Wei Jian, 2021. To become a Bulgarian: composition of the national state and local social transformation: casus of the process of “nationalization” of Pomaks in Bulgaria. *Herald of the Southern Central University of Peoples*, № 4, pp.101–109. (魏剑. 成为保加利亚人: 民族国家构建与地方社会转型——以保加利亚波马克人的民族化进程为例. *中南民族大学学报(人文社会科学版)*. 2021. № 4). (In Chinese)
- Yang Yanje, 1991. The Nascence of the First Bulgarian State. *International forum*, 3, pp. 2–6. (杨燕杰. 第一个保加利亚国家的诞生. *国际论坛*. 1991. № 3). (In Chinese)
- Yang Yanje, 2000. *Bulgarian literature*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. (杨燕杰. *保加利亚文学*. 北京: 外语教学与研究出版社, 2000). (In Chinese)

ТРАДИЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УРОЧЛИВЫХ КАМНЕЙ В КОЛОГРИВСКОМ РАЙОНЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Валерия Станиславовна Кучко

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: kuchko@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-7139-5738

Аннотация

Статья представляет свежие полевые материалы Топонимической экспедиции Уральского университета в Кологривский район Костромской области, собранные в июле-августе 2024 г. и касающиеся практик использования камней небольшого размера или минералоидов типа белемнитов и фульгуритов (квалифицируемых народной традицией как камни) в магических и народномедицинских целях. Помимо картотеки Топонимической экспедиции были использованы лексикографические и этнографические источники, описывающие костромские или иные русские традиционные практики. Рассматриваемые камни, обладающие примечательным внешним видом (имеющие причудливые формы, заметные рисунки, сквозные отверстия и т.п.), носят здесь название *урóчливых / урóшливых* (реже *урóчных*) *камней*. В статье предложен семантический анализ их названия, дана его лингвогеографическая характеристика, представлены параллельные названия подобных камней, бытующие на той же территории (это *урядик, шулец-палец, уродливый камень, чёртов палец*, названия для урочливых камней со сквозным отверстием — *глаз, куриный глаз, куриный камень, кúрий бог*). Описаны функции, в которых они используются: как магическое средство для лечения сильного плача у младенцев, как оберег от глаза (*уроков*) у детей постарше и взрослых, как средство лечения болезней, как оберег домашней птицы, который вешали в курятнике («куриный бог»), наконец, как атрибут детских игр. Статья затрагивает вопросы символики урочливых камней, их функционирования в локальном и общерусском культурном контексте использования или почитания разного рода особых камней, причин природного характера активности этой традиции на костромской территории.

Ключевые слова

Этнолингвистика, Костромская область, полевые материалы, русские народные говоры, русская традиционная культура, урочливые камни

Статья поступила в редакцию 22 октября 2024 г.

Статья доработана автором 23 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: Кучко В. С. Традиция использования урочливых камней в Кологривском районе Костромской области // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 192–205. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.09>

TRADITION OF USING *UROCHLIVYE KAMNI* “JINX STONES” IN THE KOLOGRIVSKY DISTRICT OF THE KOSTROMA REGION

Valeria S. Kuchko

Ph. D., Resercher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: kuchko@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-7139-5738

Abstract

The article presents the latest field materials of the Toponymic expedition of the Ural University to the Kologrivsky district of the Kostroma region, collected in July-August 2024 and concerning the practices of using small stones or mineraloids such as belemnites and fulgurites (qualified by folk tradition as stones) for magical and folk medical purposes. In addition to the Toponymic Expedition's card index, the material was also extracted from lexicographic and ethnographic sources describing Kostroma or other Russian traditional practices. The examined stones, which have a remarkable appearance (bizarre shapes, noticeable patterns, through holes, etc.), are called in this area *urochlivye* or *urochnye kamni*, “jinx stones”. The article offers a semantic analysis of this name, gives its linguistic and geographical characteristics, presents parallel names of similar stones existing in the same territory (these are *uryadik*, *shulets-palets*, *urodlivyi kamen'*, *chortov palets*, names for stones with a through hole — *glaz*, *kurinyi glaz*, *kurinyi kamen'*, *kurii bog*). The functions in which they are used are described: as a magical remedy for the treatment of severe crying in infants, as a talisman against the evil eye in older children and adults, as a remedy for diseases, as a talisman for poultry, which was hung in a chicken coop (“*kurinyi bog*”), finally, as an attribute of children's games. The article touches upon the issues of the symbolism of these stones, their functioning in the local and all-Russian cultural context of the use or veneration of various kinds of stones, the natural reasons for the activity of this tradition in the Kostroma region.

Keywords

Ethnolinguistics, Kostroma region, field materials, Russian folk dialects, Russian traditional culture, *urochlivye kamni* “jinx stones”

Received 22 October 2024

Revised 23 November 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Kuchko, V. S., 2024. Tradition of Using *Urochlivye Kamni* “Jinx Stones” in the Kologrivsky District of the Kostroma Region. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 192–205. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.09>

В полевом сезоне 2024 г. Топонимическая экспедиция (ТЭ) Уральского университета зафиксировала в Кологривском районе Костромской области живую традицию использования в магических и народно-медицинских целях *урóчливых* / *урóшливых* (реже *урóчных*) *камней*. Так называются чаще всего небольшие камни особенного **внешнего вида**: они могут иметь причудливые формы, примечательные рисунки, сквозные отверстия. Нередко это название относится к образованиям, которые в народной традиции осмысляются как «камень», на деле же являясь фульгуритами (минералоидами, образовавшимися от удара молнии в песок или землю), белемнитами или аммонитами (останками раковин древних моллюсков): «Урошливые камни собирали. На ём как будто рисунок по спирали идёт» (Варзенга)¹; «На них <камнях> не то какие-то изображения, или они какой-то формы, расцветки» (Черменино); «У них странная форма, в них вроде моллюски окаменевшие были» (Кологрив); «Это камень, у которого дырка есть внутри. Сквозная дыра в камне» (Копьево); «Вот бывают такие гладкие, красивые, а бывают такие шершавые, как с уродствами, неровной формы, это урошливые камни» (Маракино); «Камень урочливый с наростышами, с выемками — безобразный» (Тодино); «Такие они большие и как гладенькие» (там же); «Урошливый камешек с одной стороны гладкий, даже глянцевоый, а с другой — рифлёный. И с дырочкой камень тоже урошливым считался» (Зеленино). **Добывали** их, как правило, в речках, причем делать это мог любой желающий: «По речке лазали, находили урошливые камни» (Починок); «Урошливы камешки в речках обирали, теперь уж их не найдёшь» (Варзенга); «Урошливые камни на речке можно найти, они светятся, а я и в огороде их нахожу постоянно. У всех дома урошливые камни были» (Овсяниково); «Кто нашёл этот камень, тот просто счастливчик. Его не так-то просто было найти» (Копьево).

Свежие полевые материалы подтвердили данные, собранные ТЭ в Кологривском районе ранее, в 1977 г.: тогда фиксировались формы *урошливые* и *урёшливые камешки* («Урошливые камешки сейчас и на пожнях находят», Вокшево; «Урошливы камешки с рубчиками, круг солнца отблески с одной стороны», Рамешки; «Урёшливые камешки мы в церковь носили, и крупные, и мелкие урёшливые камешки. Говорят, море здесь было и остались», Урма, и др.).

¹ Контексты и данные, записанные сотрудниками ТЭ УрФУ, извлечены из Лексической картотеки Топонимической экспедиции (далее — ЛКТЭ; хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург); здесь и далее они будут приводиться с указанием места записи без дополнительной паспортизации. Записи из Кологривского района маркируются только населенным пунктом; записи, сделанные на других территориях, приводятся с указанием района и населенного пункта.

Рис. 1. Урочливый камень из д. Красный Бор Кологривского р-на.
Фото Я. В. Мальковой

Jinx stone (Krasny Bor, Kologrivsky district).
Photo by Ya. V. Mal'kova

В быту они использовались в магических целях в связи с тем, что им приписывали несколько **функций**:

► главным образом как магическое средство для лечения сильного плача у младенцев, в том числе вызванного сглазом (*уроками*), при этом способ применения камней мог варьировать: «На ребёнка бывают уроки, он рывкает. Бросают в посудину ложки — не глядя, сколь ложек бросили. Бросают урочливый камень. Воду льют свячёную. А с этой воды ребёнка умывают. Уроки-то снимают» (Починок); «Когда ребёнок не спит, плачет, то этими камушками его обмывают. Камушки эти покрошишь, положишь

в воду, и вот стружкой этой ребёнка обмываешь. Потом он успокаивается» (Маракино); «Урошливые камни натирали и детей ими посыпали, которые больно ревели, а ещё водой с урошливого камня поливают, умывают их» (Овсяниково); «Когда беспокойные детки – им и в тазик эти камни ложили, когда мыли» (Варзенга). Иногда для этих практик могли привлекаться знахари (те, кто *знают*, то есть обладают магическим знанием): «Ложили урошливые камешки в воду и наговаривали, молитвы какие-то читали, кто знал дак» (Шаблово);

- ▶ как оберег от сглаза (*уроков*) у детей постарше и взрослых: «Ребятам на шею повесят от сглаза» (Починок); «Эти камни под подушку ложили детям, да хоть и взрослым» (Варзенга); «Был если урошный камень, его с собой носят на тесёмочке. Он как бы просто оберегал» (Копьево);

- ▶ как лечебное средство (иногда как природный антисептик — из-за реальных ранозаживляющих свойств белемнитов): «Говорили, что они как целебные: что-то болит, надо урошливый камешек приложить — всё пройдет» (Маракино); «Урошливый камень негладкий, а так он лекарь, им ранки присыпают» (Ильинское); «Это целебный камень, его к ранам прикладывают» (Маракино);

- ▶ как оберег для домашней птицы, который вешали в курятнике («куриный бог»), — так использовали урочливые камни, имеющие сквозное отверстие: «Урошливые камни такие шершавые, шадровитые, с дырочкой. Где курицы живут, там вешают, чтоб курицы не болели» (Починок); «У курицы на жёрдочке висели такие камушки: дырочки в них, через них пропихнули дратву» (Астафьево);

- ▶ наконец, в силу бросающейся в глаза формы, как атрибут детских игр: «Ну бегали раньше, искали урошливые камешки, играли с ними во всякие игры» (Ильинское).

Определение *урочливый* (*урочный*) в русских, и в частности в костромских, говорах соединяет в себе множество **смыслов**, здесь мы остановимся на тех из них, которые питают и название *урочливые камни*.

1. В первую очередь это связь с диал. широкого распространения *урёк*, *урóк* ‘сглаз, причинение вреда кому-л. недобрым взглядом (дурным глазом)’², которая определяет развитие двух полюсов одной семантической области.

- С одной стороны, это значение костр. *урóчливый* ‘способный сглазить’ («Говорили: двоезубый родился — он урошливый», Межевской р-н, Никола) и ‘обладающий магической силой’ («Были урошливые бабки. К таким людям всегда с опаской относились, даже как-то побаивались их, потому что считалось, что урошливый человек имеет какую-то тёмную силу, может сглазить или ещё что-то нехорошее навести», Межевской р-н,

² Словарь русских народных говоров / гл. ред. С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2014. Вып. 47. С. 330–331.

Никола; «Человек есть урошливый: мог и порчу, что-то колдовское навести», Маракино). В случае с камнями обозначенный семантический спектр сводится к семе «имеющий магическую силу», которая может актуализироваться в контекстах: «Урошливые камни, говорят, заговорённые» (Красный Бор).

■ С другой, это значения костр. *урóчливый*, *урóчистый* ‘легко подверженный сглазу’ («Кто-то побывал у тебя в доме, ушёл — ребёнок в плач. Про такого ребёнка говорили — он урошливый», Астафьево) и далее ‘болезненный’ и даже ‘больной’ («Урошливые детки бывают. У них припадки», Тимово; «Когда болезнь какая-то, то человека урочистым назовут, болен он», Межевской р-н, Авешная). В случае с камнями этот полюс «семантики сглаза» трансформируется в семы «способный избавить от сглаза» и даже, думается, «пригодный для лечения урочливых людей».

Другие объекты, которые могут определяться как *урочные* / *урочливые* с соединением описанного комплекса смыслов — и обладания магической силой, и способности избавления от болезней, вызванных уроками, — это *слова* / *молитвы* (ср.: «Знает лекарка слова урошливые, начитывает она перед больным», перм.³; «На здоровье читали урочную молитву, она защищала», Шарьинский р-н, Заболотье) и *травы* (ср. «Урочная трава беленькая, от урока, кладут под подушку детям, поят, заваривают», Октябрьский р-н, Ильинское, «Урочны травки есь, когда сглазу заболел. Дак урочные травки есь, лечиться», арх.⁴). *Урочная трава*, будучи объектом предметного мира, являет собой типологическую параллель с нашими *урочливыми камнями*, что демонстрирует ономаσιологические связи между народной минералогией и народной ботаникой.

2. Кроме того, в костромских говорах слово *урочливый* вступает в явные контаминационные связи с *уродливым*, ср. костр. кологрив. *урочливый* в значении ‘уродливый’ в контекстах вроде «Урошливая морковь уродилась нынче — много раздвоенных» (Ильинское); «Жил у нас один человек, на лешего был похож, урошливый такой, даже безобразный» (там же); «Урошливый — это просто неприглядный» (там же); «Картошка урочливая бывает, не пойми чегоросло. И человек урочливый — наростыши на лице, на теле» (Тодино). Отсюда понимание урочливых камней лишь как камней неправильной формы: «Урошливый камень похож на кого-нибудь <...>. Природа, видно, уж так сделала его. Посмотрят — урошливый» (Яковлево); «Урошливый — значит уродливый камушек. Он не круглый, не квадратный, а уродливой формы» (Ужуга); «Камень урочливый с наростышами, с выемками, — безобразный» (Тодино). Так как семантика уродства у лексемы *урочливый*, по нашим данным, обнаруживается только

³ Словарь русских народных говоров / гл. ред. С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2015. Вып. 48. С. 12.

⁴ Там же. С. 13–14. Здесь же см. номенклатурные названия ряда растений, которые на разных русских территориях имеют такое название.

в кологривских говорах, она, надо думать, сформировалась именно благодаря активной традиции использования *урочливых камней*, которые чаще всего имеют причудливую форму, а фонетическая близость *урочливого* и *уродливого* вкпе с представлениями об *урочливом* (в значениях, описанных в пункте 1) как ненормальном (в связи с этим, кстати, ср.: «Урочливый — это вроде неполноценный какой, дефектный», Солигаличский р-н, Копосово), сыграли здесь необходимую, но вторичную, вспомогательную, роль.

Урочливые камни имеют на кологривской территории **параллельные названия**, которые, как правило, осмысляются как наименования их определенных разновидностей:

▶ *чёртов палец* — это общерусское⁵ обозначение белемнитов пальцеобразной формы свободно фиксируется и в Кологривском районе, ср., например: «У меня из урошливых камешков был чёртов палец. С чёртова пальца песочку наскыркаешь <наскребешь>, в ранку насыплешь — и кровотечение остановится» (Октябрьский); «Урошливые камни то же самое, что и чёртовы пальцы, продолговатые такие и страшные» (Красный Бор);

▶ *шулец-палец / шульчик-палец* — тоже обозначение пальцеобразных белемнитов: «По-научному это чёртов палец, а мы говорим шулец-палец, или шульчик-палец. Это целебный камень, его к ранам прикладывают. Вот у овец копыта болят — натрут шулец-палец, засыпают им, это как бы лечит» (Маракино); «Урошливый камень похож на кого-нибудь. Шулец-палец вот — это как палец, как железной» (Яковлево); «Урошливые камни длинные, как палец. В Николо-Макарове тоже находили. Могли и шулец-палец назвать. У нас говорили, раны заживляет» (Высоково). Первый компонент названия связан с диалектным обозначением мужского полового органа: ср. *шуло*, *шульно*, *шулы*, *шуля*, *шулятко* ‘*testiculi*’⁶, костр. *шульни*, *шульня*, *шульги* ‘мужские половые органы’⁷. Несмотря на то что этим корнем обозначаются в первую очередь тестикулы, мы явно имеем дело с метонимическим переносом и на половой член, таким образом, как и «палец», этот компонент составного названия тоже отражает форму белемнита;

▶ *уродливые камни* — вследствие описанных прочных контаминационных связей в кологривских говорах между лексемами *урочливый* и *уродливый* последняя могла не просто характеризовать внешний вид камней, но и использоваться как видовое обозначение: «Урошливые камни звали и уродливые камни» (Починок);

▶ *урядики* — название урочливых камней, записанное ТЭ однократно в 1977 г.: «Урядики, носили их в церковь, урошливые камешки зовут» (Вокшево). Можно предположить, что эта номинация связана с *уряд* ‘порядок,

⁵ См.: Словарь современного русского литературного языка / ред. кол. Ф. П. Филин и др. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 9. С. 58.

⁶ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М.: Издание Т-ва М. О. Вольфа, 1909. Т. 4. С. 1482.

⁷ ЛКТЭ.

обиход, законный или обычный ход, устройство⁸ и, относясь к предмету, используемому в лечебных целях, реализует внутреннюю форму вроде «то, что возвращает / обеспечивает порядок», однако для выводов нужна дальнейшая верификация этого факта на месте записи;

► *глаз, куриный глаз, куриный камень, курий бог* — местные варианты *куриного бога*, названия разновидностей урочливых камней со сквозным отверстием, используемых как оберег вообще и специальный оберег кур в частности: «Курий бог на речке найдут. Несли к курицам. Курий бог с дыркой. А самый сильный — если дырка посередине. Тогда глаз звали. Я находила этот глаз, он у меня дом оберегает. Положила на столб на входе» (Головино); «Был специальный камень для оберега — куриный глаз. Глаз, потому что в середине дырочка. Этот куриный глаз надо с собой носить» (Даравка); «Этот куриный камень — он небольшой, среди этого камня дырочка, чтобы просунуть веревочку. В поле или еще где найдешь его и бежишь домой. В курятнике, где наседка, привешивали» (Заборье).

Последний случай параллельных названий, относящихся к тем из урочливых камней с отверстием, которые служат оберегом домашней птицы, — особый известный у русских оберег «куриный бог», см., к примеру, сведения о нем, собранные Д. К. Зелениным⁹, Е. Е. Левкиевской¹⁰, А. Б. Зерновой¹¹. Он вешается обыкновенно в курятник и охраняет птицу от нечистой силы, сглаза, способствует ее благополучию и плодовитости. С этой целью используют далеко не только камни, но также и «черепок с дыркой, горлышко от разбитого кувшина или рукомоЙника, надетый на забор горшок, дырявый лапоть <...>, два лаптя, висящие по краям нашеста, связки старых лаптей, а также лапоть в сочетании с разбитым горшком, лапоть с положенным в него куриным пометом, медвежью лапу, полено с выдолбленным углублением для ладана, печной камень»¹². Одним из значимых атрибутов куриного оберега является отверстие. Благодаря ему он встает в ряд бытовых и природных предметов (сюда можно отнести и дверную скобу, и кусок древесины с выпавшим сучком, и отверстие жернова, и мн. др.), участвующих в магических практиках довольно широкой направленности, объединяемых тем, что отверстие наделяется символикой женских гениталий. Куриный бог в свете означенной символики способствует воду и плодородию кур.

Урочливые камни с отверстиями, используемые вне связи с курами в качестве оберега от сглаза или при лечении младенцев, также наделяются этой

⁸ В. И. Даль. Словарь... Т. 4. С. 1064.

⁹ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. С. 94.

¹⁰ Левкиевская Е. Е. Куриный бог // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 59–60.

¹¹ Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // Советская этнография. 1932. № 3. С. 15–52.

¹² Левкиевская Е. Е. Куриный бог. С. 59.

символикой, но в иных аспектах — «дырявые» предметы воспринимаются как атрибуты материнства, имеющие защитную силу, и как объекты, которые можно использовать в «пронимальной» магии (обрядов, суть которых состоит в проливании воды / молока, пронесении младенца и других объектов, просовывании больного органа и т. п. сквозь отверстие, символизирующее женские гениталии), то есть, например, проливать сквозь них воду перед сбрызгиванием ею больных или подверженных сглазу детей, — см. отдельно о «пронимальной» магии у русских обширную статью Т. Б. Щепанской¹³.

Что касается **географии фиксаций**, отличной от Кологривского района Костромской области, то нам удалось обнаружить следующие данные:

▶ другие (близкие) костромские территории — ТЭ УрФУ записала сочетание *урочные* и *урочливые камни* по одному разу в Кадыйском и Солигаличском районах: «Если у коровы пропадало молоко, говорили, что оно отнято. Тогда брали урочные камешки — камни необычной формы (вьющиеся или крест-накрест), клали их в воду. Этой водой спрыскивали корову и наливали в пойло» (Кадыйский р-н, Митино); «Ребёнок лежит в кровати, поглядит кто, урочливыми камешками спрыснешь — и выздоровеет» (Солигаличский р-н, Мартыново); Т. Б. Щепанская записывала это сочетание в Чухломском районе в д. Чертово по отношению к камням с отверстиями: «Урочные камешки. Два, а должно быть три. Ну, третий сама найди вон у реки...»¹⁴;

▶ данные из Пошехонского уезда Ярославской губернии: «Урош(ч)ные камни. Так называются находимые по большей части в реке жёлтые, фигурчатые с дырочками камни, которые привешивают к нашестви куричьей, чтобы водились куры. Урочные камни особенно необходимы, когда куриц обижает кикимора, выдёргивает им перья и всячески томит их»¹⁵; «От болезни “сглазу” больного опрыскивают водою с “урошных” камней (камни уродливые, с дырочками)»¹⁶;

В Ярославской области записано также сочетание *урошные камни* ‘смесь из камней, угля, стекла, которую засыпали в ямы, чтобы отделить покос одной деревни от другой’ (1991)¹⁷. Однако этот случай можно квалифицировать как омонимичный нашему: *урочным камнем* называется ме-

¹³ Щепанская Т. Б. Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / отв. ред. Т. А. Бернштам. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 149–190.

¹⁴ Там же. С. 163.

¹⁵ Ильинский Я. Свадебные причеты, детские песни и пр., записанные в Щетинской, Хмелевской и Меленковской волостях Пошехонского уезда // Живая старина. 1896. Вып. 2. С. 240.

¹⁶ Балов А. В. Очерки Пошехонья. Верованья // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 110.

¹⁷ Ярославский областной словарь / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1991. Вып. 10. С. 18.

жевой камень, и его именование связано с диал. *урóчитьь* ‘предполагать, предназначать’¹⁸, с общенародным *урочище* ‘местность, отличающаяся по природным условиям от окружающей территории’, ср. *урóчище* ‘всякий природный знак, мера, естественный межевой признак’, *урóчник* ‘межевщик, землемер, приурочивающий межи, грани’, *урóчный* ‘условленный, определенный’¹⁹.

▶ вологодские данные: *урóчный камень* ‘ноздреватый камень, вода с которого считается целительною, когда окудаются <покроются болячками> губы’²⁰; данные, записанные ТЭ УрФУ в Никольском районе Вологодской области (соседствует с севера с Кологривским районом): «Занежится если ребёночек, закричит без остановки, уроки, значит, взяли. Взять надо святой воды (крещенская вода у нас стояла), налить в посудину, а там урочливый камень лежит. Этой водой умывали. Урочливый камень от уроков. Берут только из воды, с поля, из леса нельзя. Идут на переборы, где вода быстрая, находят урочливые камни. Нельзя брать те, из которых дресва. Надо гладкие. Самые лучшие — с дырочкой. Их повесят у икон» (Никольский р-н, Ермаково); «От мамы у меня урочливые камни. Связка вот такая. Надо три камешка найти с дырочкой, повесить на проволочку, на верёвочку <...>. Вешали в сутном углу. А кто повесит во хлеве. Мама говорила, что берут их только от текучей воды. Как заболит голова дико-дико, уроки возьмут, так эти камни в святую воду — и брызгаешь с них» (Никольский р-н, Завражье; см. фото ниже).

Таким образом, сочетание *урочные (урочливые) камни* по отношению к разного рода примечательным камням или минералогическим образованиям небольшого размера зафиксировано, по нашим данным, относительно нешироко, на территориях губерний и областей, граничащих друг с другом. При этом костромская территория обнаруживает явную локальную активность как употребления этого сочетания, так и самой традиции использования в магических и народномедицинских практиках небольших камней с природными особенностями. Последнее косвенно подтверждается иллюстративным материалом, который выбирается исследователями при сборе сведений об оберегах типа «куриный бог»: в заметке П. Казанского 1867 г. речь идет о практике у русских использования горлышек от разбитых кувшинов, при этом данные о камнях с естественным отверстием представлены Кологривским уездом Костромской губернии²¹; статья словаря Брокгауза и Ефрона о курином боге иллюстрирована лишь сведения-

¹⁸ Словарь русских народных говоров. Вып. 48. С. 10.

¹⁹ Даль В. И. Словарь... Т. 4. С. 1062.

²⁰ Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подг. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006. С. 528.

²¹ Казанский П. С. О крестьянских курьих богах // Древности. Вестник Московского Археологического общества. 1867-1868 / под ред. А. А. Котляревского. М.: Тип. Грачева и комп., 1868. Т. 1. С. 186.

Рис. 2. Связка из трех урочливых камней, которая должна висеть около икон. Никольский р-н, д. Завражье. Фото Е. Л. Березович
Three jinx stones should hang near the icons (Zavrazhye, Nikolsky district). Photo by E. L. Berezovich

ми из Костромской губернии²²; высок процент костромских материалов в обобщающей статье о курином боге в словаре «Славянские древности» (см. предложенную там литературу)²³.

Повышенное внимание к необычным минералоидам не может возникнуть без опоры на **природные характеристики местности** (ср. замечание корреспондента Тенишевского бюро из Ярославской губернии: «Во многих

²² Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1896. Т. 17. С. 77.

²³ Левкиевская Е. Е. Куриный бог...

деревнях нашей губернии, расположенных в болотистой местности, трудно найти не только камень с дырочкой, но даже и вообще какой-нибудь камень»²⁴). Верхневолжская территория, в частности Костромское Поволжье, в юрский период представляли собой древнее море; реки бассейна верхней Волги (особенно, как считается, р. Унжа, протекающая через Кологривский, Мантуровский и Макарьевский районы Костромской области) вскрывают залежания юрского периода, среди которых обнаруживаются многочисленные белемниты и аммониты, ср.: «В юрский период море активно заселяют головоногие моллюски — аммоноидеи и беллемноидеи <...>. На территории <Костромской> области раковины белемнитов встречаются повсеместно там, где реки (Волга, Унжа, Ветлуга, Вига, Межа, Вохма и др.) или человек вскрывают пласты, относящиеся к юрскому периоду. Особенно много “чёртовых пальцев” на берегах реки Унжи, размеры их колеблются от нескольких сантиметров до полуметра в длину, но изредка попадаются экземпляры длиной до 80 сантиметров»²⁵. В русле р. Унжа впервые обнаружено некоторое количество новых видов аммонитов²⁶.

Урочливые камни — не единственные представители особых камней, почитаемых на рассматриваемой территории или так или иначе задействованных здесь в магических практиках. В локальном культурном контексте они соседствуют с почитанием камня-следовика, расположенного в Княжой Пустыни (урочище на месте бывшего монастыря, упраздненного еще в XVIII в., в 20 км от Кологрива по прямой), практиками использования любых камней из Княжой Пустыни («Камнями из Пустыни лечили. Говорили, что они все там лечебные. Вот дочка священника нашла какой-то камень на ключике, принесла домой. Не знаю, что за камень, а она лечила им, к больному месту этот камешек прикладывала. Считается, что вот они святые», Маракино; «В Княжой Пустыни там ведь был мужской монастырь, там люди приходят и, чтобы снять свой грех, они берут камень и несут на гору. Камень берут по греху, какой считаешь грех у тебя», Кологрив), практикой предсказания погоды по погодному камню-валуну в д. Яковлево.

Использование особых по внешнему виду небольших камней или минералов (квалифицируемых в народной культуре как камни) в магических и народно-медицинских целях, несмотря на описанные в статье мест-

²⁴ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Навигатор, 2006. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 2. С. 90.

²⁵ Зонтиков Д. Н. Растительный и животный мир Костромского края миллионы и тысячи лет назад. URL: <https://kostromka.ru/kostroma/land/06/zontikov/139.php> (дата обращения: 12.10.2024).

²⁶ Митта В. В. Аммониты и расчленение пограничных отложений Юры и Мела нижнего течения р. Унжа (Костромская область) // Современные проблемы изучения головоногих моллюсков. Морфология, систематика, эволюция, экология и биостратиграфия. Материалы совещания (Москва, 2–4 апреля 2015 г.) / под ред. Т. Б. Леоновой, И. С. Барскова, В. В. Митта. М.: ПИНРАН, 2015. С. 105–108.

ные особенности (природные предпосылки традиции, свои номинативные стратегии, закреплённый за камнями круг функций), имеет типологические параллели со сходными традициями на других территориях, ср., например, описанные И. И. Русиновой виды подобных камней, перечень их названий и способов использования в народно-магических практиках, бытующих у русских Пермского края²⁷.

Источники

- Балов А. В.* Очерки Пошехонья. Верованья // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 81–134.
- Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. 3 изд. СПб., М.: Издание Т-ва М. О. Вольфа, 1909. Т. 4.
- Зонтиков Д. Н.* Растительный и животный мир Костромского края миллионы и тысячи лет назад. URL: <https://kostromka.ru/kostroma/land/06/zontikov/139.php> (дата обращения: 12.10.2024).
- Ильинский Я.* Свадебные причеты, детские песни и пр., записанные в Щетинской, Хмелевской и Меленковской волостях Пошехонского уезда // Живая старина. 1896. Вып. 2. С. 226–241.
- Казанский П. С.* О крестьянских курьих богах // Древности. Вестник Московского Археологического общества. 1867–1868 / под ред. А. А. Котляревского. М.: Тип. Грачева и комп., 1868. Т. 1. С. 186.
- Митта В. В.* Аммониты и расчленение пограничных отложений Юры и Мела нижнего течения р. Унжа (Костромская область) // Современные проблемы изучения головоногих моллюсков. Морфология, систематика, эволюция, экология и биостратиграфия. Материалы совещания (Москва, 2–4 апреля 2015 г.) / под ред. Т. Б. Леоновой, И. С. Барскова, В. В. Митта. М.: ПИИРАН, 2015. С. 105–108.
- Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Навигатор, 2006. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 2.
- Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подг. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006.
- Словарь русских народных говоров / гл. ред. С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2014. Вып. 47.
- Словарь русских народных говоров / гл. ред. С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2015. Вып. 48.

²⁷ *Русинова И. И.* Камни в народной магии и медицине русских Пермского края: виды, названия, способы и правила использования // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 4. С. 27–39. <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.002>

- Словарь современного русского литературного языка / ред. кол. Ф. П. Филин и др. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 9.
- Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1896. Т. 17.
- Ярославский областной словарь / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1991. Вып. 10.

Литература

- Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
- Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // Советская этнография. 1932. № 3. С. 15–52.
- Левкиевская Е. Е. Куриный бог // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 59–60.
- Русинова И. И. Камни в народной магии и медицине русских Пермского края: виды, названия, способы и правила использования // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 4. С. 27–39. <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.002>
- Щепанская Т. Б. Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / отв. ред. Т. А. Бернштам. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 149–190.

References

- Levkievskaja, E. E., 2004. Kurinyi Bog. In: N. I. Tolstoj, ed., 2004. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 3, pp. 59–60. (In Russian)
- Rusinova, I. I., 2021. Stones in the Folk Magic and Medicine of Russians in the Perm Territory: Types, Names, Methods and Rules for Use. *Traditional Culture*, 22 (4), pp. 27–39. <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.002> (In Russian)
- Shchepanskaia, T. B., 1999. Slip Through Symbolism. In: T. A. Bernshtam, ed., 1999. *Woman and the Material World of Culture among the Peoples of Russia and Europe*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, pp. 149–190. (In Russian)
- Zelenin, D. K., 1991. *East Slavic Ethnography*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Zernova, A. B., 1932. Materials on Agricultural Magic in the Dmitrov Region. *Soviet Ethnography*, 3, pp. 15–52. (In Russian)

НАДГРОБИЯ И НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ У ГРЕКОВ РОССИИ: О ЧЁМ КЛАДБИЩЕ МОЖЕТ НАМ РАССКАЗАТЬ

Инна Олеговна Никитина

Аспирантка,
факультет антропологии
Европейского университета в Санкт-Петербурге
Почтовый адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1, А,
Санкт-Петербург, 191187, Россия
Электронный адрес: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Аннотация

В статье рассматриваются надгробия и надгробные надписи на захоронениях греков России, потомков переселенцев из Османской империи. На основе полевых исследований 2022–2024 гг. анализируются данные, собранные в регионах компактного проживания греков на Северном Кавказе. Рассматриваются надгробия разных периодов: досоветские, советские и постсоветские. Для дореволюционных каменных надгробий характерно наличие нескольких типов — плит и «церквей». Все эти разновидности памятников были распространены также у греков в Малой Азии. Надписи в досоветское время выполнялись преимущественно на греческом языке, в статье описаны основные особенности эпитафий этого периода. В социалистическую эпоху греческий язык исчезает с надгробий, что может быть связано как с репрессиями 1937 г., так и с общей тенденцией к советизации кладбищ. В статье описан уникальный тип советского греческого надгробия, выполненный в стиле традиционных памятников. Несмотря на идеологический контроль над местами захоронений, на Северном Кавказе греческие могилы сохраняют православную символику на протяжении всего советского времени. Для постсоветского периода характерно видимое однообразие памятников: все они выполняются в одних мастерских, из одного материала. Но визуальная информация на памятниках, в первую очередь греческий язык, показывает этническую принадлежность умершего. Отмечаются также другие характерные особенности современных греческих захоронений: «домики» для свечей из Греции, античные элементы декора, изображение церквей. В случае греков России кладбища являются важными источниками, которые отражают исторические и культурные процессы, связанные с идентичностью и традициями греков в России.

Ключевые слова

Греки России, полевые исследования, похоронно-поминальный обряд, кладбище, греческие надгробия, некрополистика, надгробные надписи, эпитафии, понтийский диалект

Финансирование

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>, «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении».

Благодарности

Я благодарю своего отца за советы при работе над этим текстом, а также за то, что в свое время он научил меня смотреть на кладбища взглядом исследователя.

Статья поступила в редакцию 9 ноября 2024 г.

Статья доработана автором 19 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Никитина И. О.* Надгробия и надгробные надписи у греков России: о чём кладбище может нам рассказать // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 206–230. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.10>

TOMBSTONES AND TOMBSTONE INSCRIPTIONS AMONG THE GREEKS OF RUSSIA: WHAT A CEMETERY CAN TELL US

Inna O. Nikitina

Ph.D. student,
Department of Anthropology,
European University at St. Petersburg
Postal address: Gagarinskaya str., 6/1, A,
Saint Petersburg, 191187, Russia
E-mail: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Abstract

This paper examines tombstones and tombstone inscriptions among the Greeks of Russia, descendants of immigrants from the Ottoman Empire. Based on field research of 2022–2024, the article analyzes data collected in the regions of compact residence of Greeks in the North Caucasus. Tombstones are divided into three periods: pre-Soviet, Soviet, and post-Soviet. Pre-soviet gravestones are of three types: regular gravestones, flat gravestones and church-shaped stones. All these types of monuments were also common among the Greeks in Asia Minor. Inscriptions in pre-Soviet times were made mainly in Greek; the article describes the main features of the epitaphs of this period. In the socialist era, the Greek language disappears from tombstones, which may be associated with both the repressions of 1937 and the general trend towards Sovietization of cemeteries. The article describes a unique type of Soviet Greek tombstone, made in the style of traditional monuments. Despite the ideological control over burial sites, Greek graves in the North Caucasus retained Orthodox symbolism throughout the Soviet era. The post-Soviet period is characterized by a visible uniformity of monuments: they are all made in the same workshops, from the same material. But the visual information on the monuments, primarily the Greek language, shows the ethnicity of the deceased. Other characteristic features of Greek burials in modern Russia are also noted: “houses” for candles from Greece, decorative elements in antique style, images of churches.

Keywords

Greeks of Russia, field studies, funeral rites, cemetery, graveyard, Greek tombstones, epitaphs, necropolistics, tombstone inscriptions, Pontic dialect

Funding

This work was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>, “Slavic-non-Slavic borderlands: funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage”.

Acknowledgements

I am deeply grateful to my father, who helped me with this paper and taught me to examine the cemetery with a researcher’s eye.

Received 9 November 2024

Revised 19 November 2024

Accepted 10 December 2024

How to cite: Nikitina, I. O., 2024. Tombstones and Tombstone Inscriptions Among the Greeks of Russia: What a Cemetery Can Tell Us. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 206–230. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.10>

ВСТУПЛЕНИЕ

Статья основана на материалах, полученных в ходе полевой работы среди греков России — потомков переселенцев из Османской империи на Кавказ и в Закавказье. Значительная часть данных собрана в этнолингвистических экспедициях, которые были организованы Институтом славяноведения РАН в 2022–2024 гг.¹ Эти экспедиции проводились в регионах компактного проживания греков на территории России: на Кубани, в республике Северная Осетия-Алания, на Кавказских Минеральных Водах, в республике Карачаево-Черкесия и на Черноморском побережье Краснодарского края. Мы записывали как сведения о семейной и календарной обрядности, так и нарративы о переселении греков в Россию, о современном состоянии греческой культуры в регионах.

Греки, среди которых я проводила полевую работу на Северном Кавказе, представлены двумя языковыми группами (в соответствии с языком / идиомом первичной территории проживания, которым они могут владеть в разной степени или не владеть вовсе). Так, можно выделить группу греков-эллинофонов, носителей понтийского диалекта греческого языка (эндолингвоним — *ρωμαίικα (ромéика)*), и группу греков-тюркофонов, которые говорят на историческом северо-восточном диалекте турецкого языка (варианты самоназваний этого идиома: *bizim dilca* ‘наш язык’, *musulmanca* ‘мусульманский язык’, *osman dilca*, *osmanca* ‘османский язык’). На этот вариант турецко-османского идиома часть греков перешла во времена проживания в Османской империи. Греки-тюркофоны на территории современной России — преимущественно переселенцы из Грузии, откуда они уехали в 1990-е гг.² Сейчас эта языковая группа (для номинации которой нередко используется термин *цалкинские греки*³) компактно проживает в регионе Кавказских Минеральных Вод Ставропольского края (г. Ессентуки, ст. Ессентукская, ст. Суворовская, пос. Иноземцево, пос. Санамер, пос. Урожайный и др.). Другая языковая группа — греки-эллинофоны — составляет большую часть греческого населения таких регионов, как Кубань (Крымский, Абинский и Северский р-ны Краснодарского края) и Черноморское побережье Кавказа, а также проживает в селах Спарта и Ха-саут-Греческое Карачаево-Черкесской Республики, в селах Дубовая Балка и Греческое Ставропольского края и в г. Владикавказ.

¹ Экспедиции проводились в рамках гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>. Помимо экспедиций я проводила полевую работу среди греков Кавказских Минеральных Вод в рамках работы над кандидатской диссертацией, посвященной идентичности этнической группы, ритуалам и рецепции традиционных практик.

² Более подробно об истории тюркоязычных греков см.: *Климова К. А., Никитина И. О.* Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // *Славянский альманах*. 2023. № 3-4. С. 302-319. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2023.3-4.15>

³ По месту проживания на территории Грузии — район Цалка.

Предки моих информантов волнами переселялись из Османской империи на российские территории в XIX–XX вв.: после русско-турецких войн (1828–1829 гг.; 1877–1878 гг.), после окончания Кавказской войны (1864 г.), во время геноцида греков в Османской империи (1914–1923 гг.)⁴. Греки переселялись как на территорию Грузии, так и в другие регионы империи — на Кубань и Ставрополье. В первые годы советской власти греческому населению оказывалась поддержка: открывались школы с преподаванием на греческом языке (с упрощенной орфографией), функционировали театры⁵. Однако впоследствии, во времена Большого террора 1937–1938 гг., греки в Краснодарском крае подверглись массовым репрессиям и депортациям в Среднюю Азию⁶. Репрессии в малой степени затронули тюркоговорящих греков Грузии — подавляющее большинство репрессированных греков проживали на Кубани и на Черноморском побережье и были носителями понтийского диалекта. Многие из тех, кого сослали в Центральную Азию, продолжали сохранять родной язык. Те семьи, которые не были сосланы, отмечали, что репрессии привили грекам страх говорить на понтийском, и он стал гораздо хуже передаваться следующим поколениям.

КЛАДБИЩА И МОГИЛЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прогулки по кладбищам стали частью нашей исследовательской повседневности с первой экспедиции. Мы старались ходить на кладбища в каждом населенном пункте, чтобы увидеть (и сфотографировать) как можно больше греческих надгробий. Часто мы просили информантов проводить «экскурсии» по кладбищам, попутно расспрашивая их об особенностях захоронений в регионе, о самых старых памятниках, о специфике похорон и прочих интересующих нас деталях. За несколько лет полевой работы нашей экспедиционной группой были обследованы кладбища в следующих населенных пунктах: пос. Красная Поляна, Лазаревское (Сочи), с. Лесное, ст. Ессентукская, г. Ессентуки, пос. Санамер, ст. Суворовская, с. Спарта, с. Хасаут-Греческое, с. Дубовая Балка, с. Греческое, пос. Витязево, г. Геленджик, пос. Прасковеевка, пос. Кабардинка, х. Новокрымский, с. Мерчанское, г. Абинск, г. Владикавказ, г. Краснодар.

Кладбища занимают важное место в антропологических, социологических и фольклористических исследованиях смерти, и интерес к ним в последнее время только растет. За последние десятилетия в России появлялось множество работ, посвященных исследованиям кладбищ и/или надгробий с точки зрения социологии и антропологии. Так, работы, осно-

⁴ Кокаева А. В. Появление греков на территории Северного Кавказа // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 48.

⁵ Барбанов К. В. Греческие общины в СССР 1920–1940-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 3. С. 24–26.

⁶ Джуха И. Г. Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. М.: Алетейя, 2006.

ванные на «кладбищенских» полевых материалах, нередко появлялись на страницах журнала «Археология русской смерти». Упомяну лишь некоторые из них: о карельском кладбище как объекте сакральной географии⁷, о надгробиях как о знаковых пространствах на примере кладбищ городов Дубна и Кимры⁸, о специфике могил криминальных авторитетов⁹. В социологических работах российское кладбище может рассматриваться как символическое пространство социальной стратификации¹⁰, «зеркало социального»¹¹ или поле социального взаимодействия¹². Кроме того, среди недавних работ, где значительное внимание уделяется кладбищам (в исторической перспективе), можно выделить книги А. Д. Соколовой о похоронной культуре раннего СССР¹³ и С. В. Мохова о развитии похоронной индустрии¹⁴. Пространство советского кладбища анализируется в работах С. Ю. Малышевой¹⁵. В целом тексты о кладбищах появляются достаточно регулярно, и в западной академической традиции внимание им уделяется еще со времен «Человека перед лицом смерти» Ф. Арьеса¹⁶, где большой параграф посвящен кладбищу и его трансформации в Западной Европе. Одним из знаковых появлений кладбища в социальных науках стал текст М. Фуко о «других пространствах»¹⁷, где кладбище приводится им как хрестоматийный пример гетеротопии: места, которое находится в оппозиции

⁷ Конка А. Кладбище в Гридине как выдающийся объект сакральной географии Карельского Поморья // *Археология русской смерти*. 2016. № 3. С. 67–79.

⁸ Шерстобитов К. «Дополнительная информация» на памятниках: анализ оформленной материально-архитектурного знакового пространства на примере городских кладбищ Кимр и Дубны // *Археология русской смерти*. 2015. № 1. С. 168–193.

⁹ Гречко А., Рохлиц М. «Поле чудес»: бандитские могилы и борьба за капитал // *Археология русской смерти*. 2015. №1. С. 194–208.

¹⁰ Филиппова С. В. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2009. Т. 12. № 4. С. 80–96.

¹¹ Бредникова О. Социологические прогулки по кладбищу // *Беспредельная социология: сборник эссе к 60-летию Виктора Воронкова* / под ред. О. Паченкова, М. Соколова, Е. Чикадзе. СПб.: ЦНСИ, 2005. С. 115–130.

¹² Чеснокова Е. Г. «Частная территория»: место захоронения в поле социальных взаимодействий // *Этнографическое обозрение*. 2019. № 1. С. 65–78. <https://doi.org/10.31857/S086954150004180-8>

¹³ Соколова А. Д. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

¹⁴ Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. 4-е изд., испр. и доп. М.: Common place, 2020.

¹⁵ Малышева С. Ю. Врезано в камень, врезано в память: (вос)производство советской идентичности в пространствах смерти // *Диалог со временем*. 2016. № 54. С. 181–206; *Malysheva S. Soviet Death and Hybrid Soviet Subjectivity: Urban Cemetery as a Metatext* // *Ab Imperio*. 2018. № 3. P. 351–383.

¹⁶ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс» — Прогресс-Академия, 1992.

¹⁷ Фуко М. Другие пространства // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.

к «обычным культурным пространствам»¹⁸. Поскольку объем статьи ограничен, не буду приводить подробный обзор западных исследований кладбищ, учитывая также, что в некрополистике крайне важна именно национальная специфика.

В этой статье я обращаюсь к анализу кладбища — места памяти, гетеротопии, символического воплощения социального порядка и палимпсеста истории. Однако текст посвящен не столько кладбищу как пространству, сколько надгробиям и надписям на них. Меня будут интересовать вопросы о том, как греческие надгробия менялись со временем, как на них появлялся и пропадал греческий язык. Я попытаюсь ответить на вопросы о том, как этническая идентичность проявляется в надгробных памятниках и какие другие идентичности греков России могут находить отражение на надгробиях в разные периоды.

АНАЛИЗ ГРЕЧЕСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ РАЗНЫХ ПЕРИОДОВ

Исследованные некрополи — преимущественно смешанные, так как греки в России проживают в соседстве с другими этническими группами. Некоторые из кладбищ можно охарактеризовать как более упорядоченные: например, кладбища Владикавказа с греческими захоронениями (Мещанское, Караван-Сарайное), некоторые кладбища Эссентуков и ст. Эссентукской (кладбище Франчиха в Эссентуках, где есть небольшое количество греческих могил, преимущественно недавних, и новое кладбище «Пикет» в ст. Эссентукской, по большей части греческое), новое кладбище в пос. Витязево. Большинство же посещенных нами кладбищ представляют собой эклектичные сельские кладбища: на них нет упорядоченных рядов, аллей, проход к некоторым памятникам затруднен. Оградки, которые массово появляются на советских захоронениях после войны¹⁹, в исследованных регионах обнаруживаются значительно реже, чем в Центральной России. Даже вокруг новых могил их устанавливают далеко не всегда. Функциональную роль кладбищенских оградок сейчас может выполнять бетонная стяжка или гранитный / бетонный цоколь, которые указывают границы территории, но не препятствуют свободному проходу через нее.

На кладбищах очень четко можно выделить три «слоя»: досоветский, советский и постсоветский. Важно отметить, что надписи на греческом (понтийском) на памятниках можно встретить либо до первой половины 1930-х гг.²⁰, либо на памятниках, установленных уже после распада СССР

¹⁸ Фуко М. Другие пространства... С. 198.

¹⁹ Мохов С. В. Почему ограды кладбищ красят в голубой цвет // Живая старина. 2014. № 2. С. 50–52.

²⁰ Конечно, я осознаю, что захватываю целое десятилетие советской власти и помещаю его в условно «досоветский период». Однако полагаю, что в случае с надгробиями пренебрежение точной хронологией допустимо, особенно учитывая то, что прекращение инскрипций в греческой графике четко коррелирует с таким

в 1990-х гг. Инскрипции на советских надгробных памятниках выполнены на русском языке. Далее я разберу основные характеристики греческих надгробий трех упомянутых периодов.

«ДОСОВЕТСКИЕ» НАДГРОБИЯ: ТРАДИЦИОННЫЕ МАЛОАЗИЙСКИЕ ГРЕЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Греки, переехав в Россию в XIX–XX вв., устанавливали своим умершим такие же каменные надгробия, какие были у них в Малой Азии. Как уже упоминалось, датировка традиционных греческих надгробий на территории России начинается со второй половины XIX в. и условно заканчивается 1937 г. Традиционные памятники удалось обнаружить в следующих населенных пунктах: с. Лесное, с. Дубовая Балка, с. Греческое, ст. Эссентукская (один, перенесенный из другого места), пос. Витязево, г. Геленджик, с. Кабардинка, х. Новокрымский, с. Хасаут-Греческое, с. Спарта, с. Мерчанское, г. Владикавказ. Множество таких надгробий сохранилось в Грузии²¹. В этой статье я ограничусь рассмотрением надгробий, сохранившихся в исследованных регионах России.

Среди традиционных надгробий выделяется три типа. Первый можно охарактеризовать как вертикально расположенные плиты, зачастую сужающиеся кверху (наподобие двускатной крыши) с нишей для свечей, расположенной по центру снизу памятника. Вверху на плите высечен крест. Иногда крест как дополнительная фигура располагается над плитой. Надпись, содержащая год смерти (год рождения не указывается) и имя покойного, располагается вариативно: над крестом, под ним, обтекая крест. Форма плиты варьируется от квадратной до вытянутой, прямоугольной. Такие памятники чаще всего односторонние: вся символика и текст находятся только на передней стороне плиты. Но также встречались плиты, на задней стороне которых были высечены фигуры в форме трех апсид, что делало памятник объемным.

Здесь также стоит обратить внимание на то, что ниши для свечей визуально напоминают портал, вход в храм, что может добавлять памятникам визуальное сходство с церквями. Арки, образующие ниши, могут быть абсолютно разных форм: классические полукруглые, прямоугольные, килевидные, трехлопастные, стрелчатые.

Второй вид памятников — памятники в форме церквей. Сейчас сложно описывать этот вид, так как их сохранилось меньше и целостность многих памятников нарушена. Такой тип надгробий представляет собой объемный, четырехмерный памятник, увенчанный куполом или крестом. Постамент, на котором покоится крест и/или купол, визуально призван напоминать

неприятным «проявлением» советской власти, как репрессии 1937 г. Предполагаю, что в Грузии эта датировка будет немного иной.

²¹ Множество фотографий таких надгробий можно найти в книге: *Καρυπίδου Α. Τα ἑλληνικά χωρία τῆς Γεωργίας. Ιστορικό λεύκωμα* = Греческие села Грузии. Исторический фотоальбом. Салоники: б. и., 2021.

Рис. 1. Два надгробия в форме плит с нишами
(х. Новокрымский). Годы не читаются.
Все фото — автора статьи, если не отмечено иное
Two tombstones in the shape of a slab with niches
(Novokrymsky). Dates are unreadable.
All photos are by the author of the article,
unless otherwise noted

Рис. 2. Надгробие 1895 г., х. Новокрымский.
Передняя часть с нишей и изображением креста,
задняя часть — объемное изображение апсид храма
Tombstone of 1895, Novokrymsky. The front part has a niche and a cross,
the back part is a three-dimensional image of the temple apses

храм, поэтому он может быть украшен сводчатыми арками. Постамент может состоять из двух уровней, второй из которых напоминает барабан (в терминах храмовой архитектуры). В таких памятниках также есть ниша для свечей внизу. Иногда купол или крест, увенчивающий всю эту конструкцию, непропорционально велик по отношению к «телу» памятника. Но встречаются также памятники, которые сохраняют пропорции настоящей церкви в уменьшенном масштабе. Сейчас этот тип надгробий можно встретить на кладбищах в неполном виде: от них сохраняется либо только постамент, либо только крест. Надписи на таких памятниках могут располагаться как на основании, так и на кресте.

Рис. 3. Надгробие в форме церкви, х. Новокрымский
Tombstone in the shape of a church, Novokrymsky

Рис. 4. Надгробие, увенчанное куполом, х. Новокрымский
Tombstone topped with a dome, Novokrymsky

Рис. 5. Греческие надгробия. Конец XIX в., г. Владикавказ,
Мещанское кладбище
Greek tombstones. Late 19th century, Vladikavkaz,
Meshchanskoje cemetery

Такие типы надгробий упоминают авторы статьи о церковных и других постройках XIX в. в Трапезундском вилайете²²: «Преимущественно они [надгробия. — *И. Н.*] были высечены в форме миниатюрной церкви (часто ограничивались только апсидами), но некоторые были более изобретательны по стилю: конусообразные верхушки, цилиндрические своды, стрельчатые дверные проемы, похожие на михрабы»²³. Почему-то авторы считают, что такой тип надгробных камней характерен исключительно для окрестностей поселения Кромни (*Κρώμνη*), а не, скажем, для всего региона Трабзона. Однако можно найти свидетельства тому, что схожие памятники бытовали в других частях Трапезундского вилайета²⁴.

Третий тип памятников — обычные каменные плиты, расположенные на земле горизонтально. Эти плиты превосходят размерами вертикальные, описанные как первый тип, и не содержат ниш для размещения свечей. На них также изображается крест и указывается год смерти вместе с именем умершего. Некоторые из таких старых плит сейчас выкрашивают краской.

Надписи на всех трех видах памятников довольно типовые и лаконичные. Они сделаны заглавными буквами на понтийском греческом с упрощенной, вольной орфографией (например, перекладина в букве Ν может смотреть в разные стороны). Приведу пример типичной надписи со старого надгробия (орфография оригинала): «ΕΔΟ ΑΝΑΠΑΒΕΤΕ Ο ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΙΟΑΝΝΙΣ²⁵» [Здесь покоится раб Божий Иоаннис]. Вместо «ΕΔΟ ΑΝΑΠΑΥΕΤΕ» может применяться аналогичная формула «ΕΝΘΑΔΕ ΚΕΙΤΑΙ» [здесь лежит]. Также часто используется формула «ΑΠΕΘΑΝΕ [умер(ла)] + дата смерти». Слова в эпитафиях часто сокращаются, так, например, пишут не «ΑΠΕΘΑΝΕ», а «ΑΠΕΘ.». Все эти формулы могут вовсе не использоваться, и тогда инскрипция на памятнике сводится лишь к имени покойного и дате его смерти.

Сохранность такого числа дореволюционных греческих надгробий очень ценна, учитывая политику советского государства по разрушению церковных погостов и старых некрополей, а также события Второй мировой войны, когда множество кладбищ было разрушено вместе с на-

²² В этом регионе Османской империи проживало большое количество греков, впоследствии мигрировавших в Россию.

²³ *Ballance S., Bryer A., Winfield D. Nineteenth-century Monuments in the City and Vilayet of Trebizond: Architectural and Historical Notes — Part 1 // Archeion Pontou, [Archives of Pontos]. 1966. Vol. 28. P. 290–291.*

²⁴ См., например, надгробие в форме церкви из Сурмены (Сюрмене) — города в провинции Трабзон Турции. Фото сделано Р. Докинзом в ходе экспедиции по исследованию понтийского диалекта в 1914 г. Pontic tombstones shaped like churches, possibly in Surmena (modern Sürmene) district // British School at Athens. Digital collections. URL: <https://digital.bsa.ac.uk/results.php?locality-irm=4806&irm=141853> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁵ Надписи на старых памятниках, выполненные на греческом, всегда используют только заглавные буквы.

селенными пунктами²⁶. Уникальный случай в этом плане представляет х. Новокрымский в Краснодарском крае, где благодаря местным жителям прекрасно сохранилось греческое кладбище с надгробиями конца XIX — начала XX в.

СОВЕТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

По замечанию С. Малышевой, советское кладбище можно назвать местом компромисса идеологии и религии²⁷. Исследовательница считает, что оно было продуктом гибридной идентичности советского человека, который адаптировал властный идеологический дискурс под свои практики и представления²⁸. Состояние кладбищ и анализ надгробий позволяют предполагать, что в исследованных регионах отсутствовал тот уровень идеологического контроля над кладбищами, который реализовывался на крупных некрополях советских городов. Создатели греческих памятников советского периода редко обращались к советской символике (красная звезда, серп и молот), и превалирующим символом на них остается крест.

Похоронное дело в Советском Союзе входило в ведение коммунальных хозяйств²⁹, а в 1980-е гг. стали возникать и похоронные кооперативы³⁰. Исследователи отмечают, что кладбища и похоронные услуги в СССР были наименее регулируемой и контролируемой со стороны государства сферой³¹. Из-за этого, как отмечает С. Мохов, развились практики «ритуального бриколажа», когда необходимые материальные объекты для похорон изготавливались из подручных средств³². Гуляя по кладбищам, нередко замечаешь причудливые кресты из спаянных обрезков труб или арматуры или же памятники в форме обелисков из железных листов — это наглядные примеры такого похоронного бриколажа, нигде не заказанные и не купленные, а сделанные людьми из того, что удалось найти.

Среди «классических» советских памятников — железных крестов и бетонных плит — нас будет интересовать один специфичный тип надмогильного сооружения, который встретился на четырех кладбищах: в ст. Ессентукской, в с. Дубовая Балка, в с. Греческое и в ст. Суворовской³³. Годы

²⁶ Мохов С. В. Почему ограды кладбищ красят в голубой цвет... С. 50.

²⁷ *Malysheva S. Soviet Death and Hybrid Soviet Subjectivity...* P. 382.

²⁸ *Малышева С. Ю. Врезано в камень, врезано в память...* С. 181, 200.

²⁹ Мохов С. Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2021. С. 109.

³⁰ Там же. С. 127.

³¹ Там же. С. 114–115; *Malysheva S. Soviet Death and Hybrid Soviet Subjectivity...* P. 355.

³² Мохов С. Археология русской смерти... С. 115.

³³ Вполне вероятно, что такие памятники есть и в других местах, но они ускользнули от моего внимания.

смерти, указанные на этих памятниках, находятся во временном промежутке с 1977 по 1987 г. — можно допустить, что и памятники изготовлены примерно в этот же десятилетний период. Описать этот тип можно как трехуровневую тумбу на постаменте, увенчанную куполом и/или крестом. Снизу вверх объем «уровней» уменьшается, а второй уровень обыкновенно выполнен по подобиюobeliska, т. е. он сужается кверху. Памятник сложен так: постамент без надписи, первый уровень с именем умершего и годами жизни, второй уровень с фотографией умершего и завершающий третий уровень с куполом. Здесь также важно отметить, что эти надгробия объемные, в декоре их задействованы все четыре стороны. Как мне кажется, эти памятники призваны визуально отсылать к тем самым малоазийским надгробиям, описанным в предыдущем параграфе. Они достаточно высокие и напоминают церковь, но по сравнению с традиционными надгробиями их форма значительно вытянулась вверх. На памятниках можно заметить углубления, напоминающие окна в световом барабане храма. Важным отличием от традиционных надгробий является отсутствие в памятниках этого типа ниш для свечей. Надгробий описанного типа немного — всего несколько десятков, но их появление на советских кладбищах примечательно. Помимо легко считываемой христианской символики они содержат отсылку к этнической традиции, что в условиях советской «унификации» является крайне ценным.

Однако помимо этих поистине выдающихся надгробий мы можем заметить и другие этнические маркеры на греческих памятниках советского периода. Так, на захоронении 1979 г. в Красной Поляне на бетонной плите имя умершей и годы ее жизни выполнены кириллическим шрифтом «под греческий» (с угловатыми буквами). На том же кладбище Красной Поляны одна из стихотворных эпитафий (на русском языке) начинается так: «О мать моя, яяка наша!» *Яяка* с понтийского переводится как ‘бабуля’, это слово часто употребляется греками России. Также можно обратить внимание на то, что некоторые пожилые женщины на надгробных фотографиях изображены в традиционном головном уборе греков Понта, плоской шапочке с монетами (на понтийском она называется *τάπλα*, на тюркском *godik*), поверх которой может быть надет либо обычный платок, либо черный (знак траура). Изображение пожилых женщин на надгробном фото просто в черном платке характерно как для греков, так и для русских, и встречается на кладбищах повсеместно.

Также советские надгробия предоставляют неисчерпаемый материал для исследований по греческой ономастике. Так, для греков в исследованных регионах было характерно русифицировать фамилию, чтобы избежать лишнего внимания государства в период репрессий. Чаше всего греческие окончания фамилий *-иди*, *-ади*, *-яди*, *-пуло* менялись на «русское» окончание *-ов(а)* (ср. Анастасиади — Анастасова, Димитропуло — Дмитров, Ке-

Рис. 6. Надгробие в форме церкви, ст. Суворовская. Покойная на фото изображена в национальном головном уборе. Фото Демиса Васильева
Tombstone in the shape of a church, Suvorovskaya. The deceased is depicted in a national headdress. Photo by Demis Vasiliev

сиди — Кесов и т. п.)³⁴. По надгробиям можно четко увидеть, как греческая фамилия старшего поколения превращалась в «русскую» у потомков.

Как уже упоминалось, надписи на надгробиях после 1930-х гг. стали выполняться исключительно на русском языке. На всех обследованных кладбищах удалось обнаружить лишь одно исключение, когда советская эпитафия была написана на понтийском диалекте греческого языка. Это надгробие на могиле женщины, умершей в 1975 г., из с. Мерчанское. Я склонна предполагать, что памятник установлен вскоре после смерти, так как для XXI в. он довольно старомоден по форме и материалу, фото на нем — овальное, черно-белое, керамическое. По форме и материалу он также схож с другими памятниками этого временного периода на кладбище. Эпитафия гласит: «ΓΙΑ ΤΗΝ ΑΡΘΘΙΜΙΝ / ΤΗΝ ΑΓΑΠΙΜΕΝΙΝ / ΚΑΛΟΜΑΝΑΝ, ΑΠΟ / ΤΗΝ ΕΓΓΟΝΙΑ ΣΟΥ / ДОРОГОЙ БАБУШКЕ / ОТ ВНУКОВ³⁵». Собственно, перевод уже выполнен самими авторами эпитафии, за исключением начала: *για την αρθθιμιν* — прилагательное, вероятно, образовано от глагола *αρθθιμώ* ‘скучать’, и означает ‘тот, по которому скучают’. Надпись выполнена на понтийском диалекте в упрощенной орфографии — именно такой тип греческого алфавита изучался в греческих школах СССР до 1937 г.

Также я хочу описать две эпитафии, которые не могу точно датировать, и, соответственно, не могу утверждать, к советскому или постсоветскому периоду они относятся. Памятники могут быть крайне обманчивы, и, к сожалению, узнать, когда они были сделаны, сейчас невозможно. В первом случае это также осложняется тем, что бетонный памятник визуально выглядит советским, но табличка, на которой выполнена эпитафия, сделана из другого материала — мрамора, она могла быть прикреплена к надгробной стеле в более позднее время. Памятник установлен на могиле молодого человека, погибшего в 20-летнем возрасте, надпись на понтийском выглядит так: «ΘΛΙΒΕΡΑ ΗΜΕΡΑ 19 του ΑΠΡΙΛΙΟΥ 1966 / ΓΛΗΚΗΤΑΤΟ-ΜΟΥ ΤΕΚΝΟ / ΣΕΠΗΡΕ Ο ΧΑΡΟΣ Ο ΚΑΚΟΣ / Ο ΠΣΗΧΟΚΗΝΗΓΑΡΗΣ ΤΟ ΝΗΚΟΜΟΥ / ΤΟ ΜΟΝΑΚΗΝΒΟ ΤΟΝ ΠΟΛΗ / ΑΓΑΠΗΜΕΝΟ ΑΔΗΚΟΦΟΝΗΜΕΝΟ / ΜΕ ΑΦΗΣΕΣ / ΠΑΝΤΕΡΗΜΗ ΑΛΟ ΔΕΝ ΕΧΟ / ΤΕΚΝΟ ΘΑ ΕΡΧΟΜΕ ΣΟΝ / ΤΑΦΟΣΟΥ / ΘΑ ΧΗΝΟ ΠΗΚΡΑ / ΔΑΚΡΗΝΑ ΘΑ ΜΑΡΕΘΟΥΝ / ΤΑ ΧΟΡΤΑ ΘΑ ΒΓΕΝΟΥΝ / ΝΕΚΡΟΛΟΥΛΟΥΔΑ ΘΑ / ΒΓΕΝΟΥΝ ΝΕΚΡΟ ΧΟΡΤΑ / ΔΥΣΤΥΧΗΣΜΕΝΗ³⁶ ΜΑΝΑ. / Я. М.» [В скорбный день 19 апреля

³⁴ Подробнее о трансформациях греческих фамилий см.: Климova К. А., Никитина И. О. Традиции и трансформации в греческой антропонимии (по данным полевых исследований греков России 2022–2023 гг.) // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21. № 2. С. 90–109. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.018

³⁵ Я использую исключительно заглавные буквы в переводе, чтобы сохранить параллелизм с текстом на памятнике.

³⁶ В этом тексте используется вольная орфография: фонема [i] обозначается буквой «ита» (η), за исключением слова *δυστυχημένη* (орфография оригинала), где в нужных

1966 г., сладкий мой ребенок, тебя забрал злой Харос³⁷, охотник за душами, моего Никоса, драгоценного, самого любимого, несправедливо убитого. Ты оставил меня одну, другого ребенка у меня нет, я буду приходить на твою могилу, лить горькие слезы, и увянут травы, и вырастут мертвые цветы, вырастут мертвые травы. Несчастливая мать. Я. М.]. Если прочитать этот текст вслух, можно понять, что он похож на похоронный плач-причитание понт. *τα μοιρολόγια*). Такие плачи до недавнего времени гречанки могли исполнять на похоронах.

На другом надгробии надпись уже выполнена русскими буквами, что более характерно для носителей понтийского диалекта в России. Памятник установлен в с. Греческое, год смерти покойного — 1970. Надпись гласит: «Пола хроня / эперасан эсас / кянаспалуме и / синкени апо макра / гиа тесас ротуне»³⁸ [Много лет прошло, но мы вас не забываем, родственники издалека спрашивают о вас]. Надпись на этом памятнике выполнена на мраморной табличке, которая прикреплена к основанию памятника. Я склоняюсь к тому, что он установлен в постсоветское время, так как рядом расположен памятник из идентичного материала, в похожем стиле, с годом смерти 1996.

Конечно, многие советские памятники были заменены в последние десятилетия, что должно некоторым образом исказить наблюдаемую картину. Однако часто рядом с новыми памятниками оставляют старые или их части: железные и деревянные кресты, старые каменные плиты, старые фотографии с надгробий, таблички с именами умерших и их годами жизни.

ПОСТСОВЕТСКИЙ КЛАДБИЩЕНСКИЙ РЕНЕССАНС

Современное российское кладбище — царство черного гранита, пространство разноформенных плит, на которых выгравированы портреты умерших. Об этом кажущемся единообразии нынешних могил пишет К. Шерстобитов³⁹. Предметом его анализа становится визуальный текст надгробий (в г. Кимры и Дубна) XXI в., который призван «продемонстрировать социальный статус, профессиональную принадлежность и увлече-

местах появляются два ипсилона (υ), но йоты так и не появляются. Это интересный случай, так как упрощенная орфография, которую преподавали в греческих школах в СССР, предполагала использование исключительно йоты для обозначения звука [i].

³⁷ Харос — персонаж новогреческого фольклора, персонификация смерти. Однако в понтийском диалекте моими информантами лексема *ο χάρος* употребляется практически исключительно в значении 'смерть'. При этом рудиментарные воспоминания о Харосе как о «том, кто забирает души» у некоторых информантов сохранились. В этой эпитафии я перевожу лексему *ο Χάρος* именно как Харос, учитывая специфику текста (схожего с причитанием) и наличие эпитета *ψυχοκυντάρης* 'собиратель душ'.

³⁸ Сохранена авторская разбивка по строчкам, синтаксически довольно хаотичная.

³⁹ Шерстобитов К. «Дополнительная информация» на памятниках... С. 173.

ния умершего»⁴⁰. Исследователь отмечает, что в советское время «дополнительная информация» о покойном выражалась скорее через текст, чем через изображение. С. Малышева также пишет о том, что на советских памятниках профессиональная и социальная идентичность умершего чаще обозначалась вербально (она приводит примеры таких надписей: «орденоносец», «кандидат наук», «ветеран труда») ⁴¹. Сейчас же поистине капиталистический рынок надгробных памятников предлагает клиентам сделать всё, на что у них хватит средств и воображения. В свете этого на кладбищах начинает активнее высвечиваться неравенство, когда рядом со скромным надгробием-плитой может стоять античный храм из мрамора. Греческие захоронения не миновали современных кладбищенских трендов. Фото на памятнике в полный рост, изображения машин и мотоциклов, скульптуры, изображающие погибших, античные колонны, роскошные распятия и плачущие ангелы, голубки и Девы Марии (вдохновенные, видимо, католической традицией) — всё это встречалось мне в пределах захоронений греков в России. Профессиональная идентичность покойного отражается и на греческих памятниках. Так, мне встречались надгробия швеи (со швейной машинкой), сапожника (на рабочем месте), бухгалтера (со счётами), врачей (изображения посоха Асклепия, чаши со змеей). В случае с греческими захоронениями интересно, что на надгробиях музыкантов-лиричистов (понтийская лира — национальный музыкальный инструмент) умершие всегда изображаются с инструментом. На надгробном памятнике знаменитого лиричиста Е. Л. Попандопуло в Витязево музыкант изображен с двумя лирами, а рядом с самой плитой расположено небольшое скульптурное изображение понтийской лиры из гранита. Также интересно отметить, что на задней стороне надгробной плиты выгравировано изображение монастыря Панагия Сумела в Трапезунде — знакового места для греков Понта. На современных надгробиях греков также встречаются и изображения других церквей или религиозных сюжетов, например распятия Христа.

Начиная с 1990-х гг. в оформлении надгробий и мест захоронения проникают «импортные» греческие элементы: надписи на новогреческом языке и специальные гипсовые «домики» для свечей в форме церквей на постаментах, повсеместно встречающиеся в современной Греции. Впервые я обратила внимание на эти домики на Кавказских Минеральных Водах. Они сразу напомнили мне гипсовые церквушки (*προσκυνητάρια, εκκλησάκια*), которые встречаются по всей Греции — там они часто устанавливаются на обочинах как способ мемориализации жертв автокатастроф или как благодарность Богу за спасение в аварии⁴². Я начала расспрашивать информантов об этих «домиках», и мне рассказали, что, вероятно, изна-

⁴⁰ Шерстобитов К. «Дополнительная информация» на памятниках... С. 173.

⁴¹ Малышева С. Ю. Врезано в камень, врезано в память... С. 198-199.

⁴² Panourgia N. Fragments of Death, Fables of Identity. An Athenian Anthropography. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1995. P. 171-173.

чально, в 1990-е гг., их привозили из Греции, а теперь производят и здесь, на Кавказе: такой «домик» можно купить в строительном магазине. Сейчас эти объекты можно обнаружить не только на греческих захоронениях, но также и на армянских, и на русских — примечательно, что, не зная контекста, сложно маркировать «домики» как греческие. Все эти объекты, с одной стороны, служат практической цели — в них зажигают свечи, чтобы те не потухли от ветра. Они продолжают греческую традицию зажигания свечей на могилах — вспомним, что в традиционных памятниках всегда присутствовала ниша именно для этой цели. С другой стороны, «домики» становятся еще одним кладбищенским объектом с ярко выраженной визуальной референцией к православию.

Рис. 7. Домик для свечей в форме церкви. Пос. Витязево
Repository for candles in the shape of a church, Vityazevo

В 1990-е гг. на надгробия возвращаются греческие надписи. Правда, теперь это преимущественно стандартный новогреческий — многие из греков бывшего СССР успели уехать в Грецию или выучить новогреческий язык на курсах. Появляются краткие эпитафии на новогреческом языке: мне встречались, например, формульная *ΑΙΩΝΙΑ ΜΝΗΜΗ* «вечная память» и интересная калька с русского *Θυμόμαστε, αγαπάμε, θρηνούμε* «помним, любим, скорбим». Периодически можно встретить и эпитафии на понтийском, как, например, в случае с уже упомянутым надгробием лиричиста в Витязево. Интересны случаи, когда старое советское надгробие заменяют на новое и выполняют надпись уже на греческом вместо русского. Так, например, на таких новых надгробиях умершим может «возвращаться» их эллинизированная версия фамилии, утерянная в советский период. Это может происходить по инициативе родственников, которые сами при получении греческого гражданства (или при иных обстоятельствах) поменяли фамилию: таким образом, подчеркивается не только этничность умершего, но и связь с потомками (которые носят именно «исконную», эллинизированную версию фамилии)⁴³. На некоторых памятниках можно заметить «дублиеты», когда имя умершего указано одновременно в русской и греческой версии: например, «ЕНГЕНОВ ГЕОРГИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ — ΕΓΓΟΝΙΔΗΣ ΓΕΩΡΓΙΟΣ ΤΟΥ ΓΡΗΓΟΡΙΟΥ». Таким образом, современные греческие захоронения на Северном Кавказе вписываются в общие тенденции оформления надгробий в России, но обладают своей этнической спецификой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях «идеологической свободы» постсоветского времени греки стали чаще оформлять свои надгробия с однозначной референцией к этническому происхождению умершего с помощью надписей на греческом, эллинизации фамилий, инкорпорации в декор элементов античной скульптуры и даже изображений флага Греции. При этом в советское время от «этнического» сохранялся преимущественно религиозный компонент, как было описано в соответствующем параграфе. Помимо железных и деревянных крестов и изображений креста на памятниках существуют уникальные памятники с отсылкой к традиционным малоазийским надгробиям, сделанные на Кавказских Минеральных Водах в 1970–1980-е гг. Сами же традиционные намогильные камни конца XIX — начала XX в., сохранившиеся в разных местах проживания греков на территории России (лучше всего — в х. Новокрымском), представляют собой интересный материал для изучения. Форма и оформление этих камней, очевидно, копировали те надгробия, которые бытовали у греков в Малой Азии в регионе Понта. Сейчас информанты стремятся сохранить старые памятники и оставляют их рядом с новыми.

⁴³ Об одном таком случае см.: *Климова К. А., Никитина И. О. Традиции и трансформации в греческой антропонимии... С. 104–105.*

Кладбище, в случае греческих захоронений, может дать ответы на ряд важных вопросов о сохранении религиозной и этнической идентичности, высветить характерные исторические процессы и даже стать источником фольклорных текстов (эпитафии-причитания). Важным оказывается не только то, что на кладбище удалось обнаружить, но и то, чего на нем обнаружить не удалось, — на надгробных надписях совсем отсутствует исторический диалект турецкого, на котором говорит значительная часть греков на Кавказе. При этом, как было показано, понтийский диалект присутствовал на памятниках во все исторические периоды в греческой или кириллической графике. Я не буду спешить с выводами о вытеснении исторического северо-восточного диалекта турецкого из публичной сферы (коей и является кладбище), так как не посетила все греческие захоронения на территории России и еще могу обнаружить надписи на нем в других местах. Другой вид информации, предоставляемой нам кладбищем, — о постановке надгробных памятников в голову или в ноги покойного — не дает нам абсолютно никакой четкой картины и лишь вторит спорам информантов о том, «как правильно»: на поверку оказывается, что даже в пределах семейного захоронения кресты могут смотреть в разные стороны. Конечно, в статье не удалось охватить все детали, связанные с греческими захоронениями в России, однако я постаралась представить сюжеты, отражающие основные тенденции.

Источники

Καρυπίδου Α. Τα ελληνικά χωριά της Γεωργίας. Ιστορικό λεύκωμα = Греческие села Грузии. Исторический фотоальбом. Салоники: б.и., 2021.

Pontic tombstones shaped like churches, possibly in Surmena (modern Sürmene) district // British School at Athens. Digital collections. URL: <https://digital.bsa.ac.uk/results.php?locality-irn=4806&irn=141853> (дата обращения: 17.12.2024).

Литература

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс» — Прогресс-Академия, 1992.

Барбанов К. В. Греческие общины в СССР 1920–1940-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 3. С. 24–26.

Бредникова О. Социологические прогулки по кладбищу // Беспредельная социология: сборник эссе к 60-летию Виктора Воронкова / под ред. О. Паченкова, М. Соколова, Е. Чикадзе. СПб.: ЦНСИ, 2005. С. 115–130.

Гречко А., Рохлиц М. «Поле чудес»: бандитские могилы и борьба за капитал // Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 194–208.

Джуха И. Г. Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. М.: Алетейя, 2006.

- Климова К. А., Никитина И. О.* Традиции и трансформации в греческой антропонимии (по данным полевых исследований греков России 2022–2023 гг.) // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21. № 2. С. 90–109. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.018
- Климова К. А., Никитина И. О.* Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 302–319. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2023.3-4.15>
- Кокаева А. В.* Появление греков на территории Северного Кавказа // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 46–64.
- Конкка А.* Кладбище в Гридине как выдающийся объект сакральной географии Карельского Поморья // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 67–79.
- Мальшева С. Ю.* Врезано в камень, врезано в память: (вос)производство советской идентичности в пространствах смерти // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 181–206.
- Мохов С.* Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2021.
- Мохов С. В.* Почему ограды кладбищ красят в голубой цвет // Живая старина. 2014. № 2. С. 50–52.
- Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. 4-е изд., испр. и доп. М.: Common place, 2020.
- Соколова А. Д.* Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- Филиппова С. В.* Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 12. № 4. С. 80–96.
- Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
- Чеснокова Е. Г.* «Частная территория»: место захоронения в поле социальных взаимодействий // Этнографическое обозрение. 2019. № 1. С. 65–78. <https://doi.org/10.31857/S086954150004180-8>
- Шерстобитов К.* «Дополнительная информация» на памятниках: анализ оформления материально-архитектурного знакового пространства на примере городских кладбищ Кимр и Дубны // Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 168–193.
- Ballance S., Bryer A., Winfield D.* Nineteenth-century Monuments in the City and Vilayet of Trebizond: Architectural and Historical Notes — Part 1 // Archeion Pontou, [Archives of Pontos]. 1966. Vol. 28. P. 234–305.
- Malysheva S.* Soviet Death and Hybrid Soviet Subjectivity: Urban Cemetery as a Metatext // Ab Imperio. 2018. № 3. P. 351–383.
- Panourgiá N.* Fragments of Death, Fables of Identity. An Athenian Anthropography. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1995.

References

- Aries, P., 1992. *Man Before the Face of Death*. Moscow: “Progress” Publishing Group — Progress-Academy. (In Russian)
- Ballance, S., Bryer, A., Winfield, D., 1966. Nineteenth-century Monuments in the City and Vilayet of Trebizond: Architectural and Historical Notes — Part 1. *Archeion Pontou, [Archives of Pontos]*, 28, pp. 234–305.
- Barabanov, K. V., 2006. Greek communities in the USSR in the 1920s–1940s. *RUDN journal of Russian History*, 3, pp. 24–26. (In Russian)
- Brednikova, O., 2005. Sociological Walks through the Cemetery. In: O. Pachenkov, M. Sokolov, E. Chikadze, eds., 2005. *Unlimited Sociology: A Collection of Essays for the 60th Anniversary of Viktor Voronkov*. Saint Petersburg: TsSNI, pp. 115–130. (In Russian)
- Chesnokova, E. G., 2019. “Private Territory”: Burial Ground in the Field of Social Interaction. *Ethnographic Review*, 1, pp. 65–78. <https://doi.org/10.31857/S086954150004180-8> (In Russian)
- Dzhukha, I. G., 2006. *Greek operation: The History of Repressions against Greeks in the USSR*. Moscow: Aletheia. (In Russian)
- Filippova, S. V., 2012. Cemetery as a Symbolic Space of Social Stratification. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 12 (4), pp. 80–96. (In Russian)
- Foucault, M., 2006. Other Spaces. In: M. Foucault, 2006. *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews*. Moscow: Praxis. Part 3, pp. 191–204. (In Russian)
- Grechko, A., Rokhlits, M., 2015. Field of Miracles: Bandit Graves and the Struggle for Capital. *Archaeology of Russian Death*, 1, pp. 194–208. (In Russian)
- Klimova, K. A., Nikitina, I. O., 2023. Traditional culture of the Romaioi Greeks and Urumlar Greeks (on the materials of the ethnolinguistic expedition to the Greeks of Caucasus Mineral Waters region). *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 302–319. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2023.3-4.15> (In Russian)
- Klimova, K. A., Nikitina, I. O., 2024. Traditions and Transformations in Greek Anthonymy (Based on the Field Studies of Greeks of Russia in 2022–2023). *Problems of Onomastics*, 21 (2), pp. 90–109. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.018 (In Russian)
- Kokaeva, A. V., 2010. The emergence of Greeks in the North Caucasus. *RUDN Journal of World History*, 1, pp. 46–64. (In Russian)
- Konkka, A., 2016. The Cemetery in Gridino as an Outstanding Object of Sacred Geography of the Karelian Pomor’ye. *Archaeology of Russian Death*, 3, pp. 67–79. (In Russian)
- Malysheva, S. Yu., 2016. Set in stone, set in memory: (Re)production of the Soviet identity in the spaces of death. *Dialogue with Time*, 54, pp. 181–206. (In Russian)
- Malysheva, S., 2018. Soviet Death and Hybrid Soviet Subjectivity: Urban Cemetery as a Metatext. *Ab Imperio*, 3, pp. 351–383.
- Mokhov, S. V., 2014. Why are cemetery fences painted blue. *Zhivaia starina*, 2, pp. 50–52. (In Russian)

-
- Mokhov, S., 2020. *Birth and Death of the Funeral Industry. From Medieval Cemeteries to Digital Immortality*. Moscow: Common Place. (In Russian)
- Mokhov, S., 2021. *Archaeology of Russian Death. Ethnography of the Funeral Industry in Modern Russia*. Moscow: Fond podderzhki sotsial'nykh issledovaniï "Khamovniki"; Common Place. (In Russian)
- Panourgiá, N., 1995. *Fragments of Death, Fables of Identity. An Athenian Anthropography*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press.
- Sherstobitov, K., 2015. "Additional Information" on Monuments: Analysis of the Design of Material-Architectural Sign Space on the Example of Urban Cemeteries of Kimry and Dubna. *Archaeology of Russian Death*, 1, pp. 168–193. (In Russian)
- Sokolova, A. D., 2022. *To the New Man — a New Death? Funeral Culture of Early USSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАЛОЖНЫХ ПОКОЙНИКАХ В ПОНТИЙСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Ксения Анатольевна Климова

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра византийской
и новогреческой филологии,
филологический факультет МГУ
имени М. В. Ломоносова;
научный сотрудник,
Центр славистических исследований,
Институт славяноведения РАН
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Аннотация

Статья посвящена описанию народно-мифологических представлений о заложных покойниках в традиционной культуре понтийских греков, она основана преимущественно на полевых данных, собранных в ходе экспедиций 2022–2024 гг. в места компактного проживания понтийских греков — в Краснодарский и Ставропольский края, республики Карачаево-Черкесия, Северная Осетия — Алания и Дагестан, Казахстан, Грузию и Армению, а также на данных письменных источников по традиционной культуре понтийских греков и диалектных словарей. Характеристики понтийского мифологического персонажа «хортлах» («ходячего покойника», вурдалака) рассматриваются по схеме, разработанной коллективом авторов Московской этнолингвистической школы, включающей описание названия и имен персонажа, его ипостасей, характеристик внешнего облика, генезиса, локусов, времени активизации, свойств, характерных занятий, функций и предикатов, объектов воздействия, характерных мотивов и пр. Отличительная особенность понтийского «хортлаха» — его способность к оборотничеству (днем он лежит в виде мертвеца в могиле, а ночью выходит за пределы кладбища и бродит по селу в виде большой черной собаки). Представления о «хортлахе» лучше сохраняются среди туркоговорящих греков-урумов, уроженцев греческих сел Грузии, что соотносится с общей лучшей сохранностью народно-мифологических воззрений и традиционной культуры в этой субгруппе. Нарративы о «хортлахах» распространены во всех обследованных регионах, а сама лексема закреплена в том числе во фразеологизмах типа «бродить, как “хортлах”», «гулять по ночам, как “хортлах”» и в качестве ругательства. Развернутые тексты с описаниями мифологических персонажей или полные тексты классических быличек на обследованных территориях в настоящее время записываются очень редко, а мифологическая лексика постепенно уходит в забвение.

Ключевые слова

Греки России, греческая традиционная культура, этнолингвистика, понтийские греки, понтийский диалект греческого языка, похоронно-поминальный обряд, народная мифология, полевые исследования

Финансирование

Работа осуществлена при поддержке гранта РФФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении».

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2024 г.

Статья доработана автором 3 декабря 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Климова К. А.* Представления о заложных покойниках в понтийской народной культуре // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 231–245. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.11>

REPRESENTATIONS OF THE DEAD IN THE POPULAR CULTURE OF PONTIC GREEKS

Ksenia A. Klimova

Ph. D., Associate Professor,

Department of Byzantine

and Modern Greek Studies,

Faculty of Philology,

Lomonosov Moscow State University;

Researcher,

Center for Slavic Studies,

Institute of Slavic Studies,

Russian Academy of Sciences

Postal address: Leninsky prospect, 32A,

Moscow, 119334, Russia

E-mail: kaklimova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0105-6543

Abstract

This article presents a detailed account of the folk-mythological representations of the deceased in the traditional culture of the Pontic Greeks. It is primarily based on field data collected during expeditions conducted between 2022 and 2024 in the areas where the Pontic Greeks have traditionally lived in concentrated settlements. The data was collected from the Krasnodar and Stavropol regions, the Republics of Karachay-Cherkessia, North Ossetia-Alania and Dagestan, Kazakhstan, Georgia and Armenia, as well as from written sources on the traditional culture of the Pontic Greeks and dialect dictionaries. The characteristics of the Pontic mythological character “hortlach” (“walking dead,” zombie) are considered according to the scheme developed by the team of authors of the Moscow ethnolinguistic school. This includes a description of the character’s names and titles, its hypostases, characteristics of its appearance, genesis, loci, time of activation, properties, characteristic occupations, functions and predicates, objects of influence, characteristic motifs, and other relevant information. A distinctive quality of the Pontic “hortlach” is its capacity to alter its physical form. During the daytime, it assumes the appearance of a deceased individual interred in a grave, at night, it emerges from the cemetery and departs from the burial ground. Another distinctive attribute of the Pontic “hortlach” is its capacity to transform into a werewolf. During the daytime, it lies in the grave in the form of a deceased individual, while at night it emerges from the cemetery and traverses the village in the guise of a massive black canine. The concepts associated with the “Chortlakh” are more enduring among Turkic-speaking Urum Greeks, who are native to Greek villages in Georgia. This observation correlates with the overall more robust preservation of folk-mythological beliefs and traditional culture within this subgroup. Narratives about “chortlakh” are ubiquitous across all surveyed regions, and the lexeme itself is fixed in a multitude of phraseological expressions, including “to wander like a chortlakh,” “to walk at night like a chort-

lakh,” and as a swear word. Extended texts with descriptions of mythological characters or full texts of classical stories are very rarely recorded in the surveyed territories, and mythological vocabulary is gradually fading into oblivion.

Keywords

Traditional Greek culture, ethnolinguistics, Pontic Greeks, Pontic dialect of the Greek language, funeral and memorial rites, folk mythology, field research

Funding

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 22-18-00484 “Slavic-non-Slavic borderlands: funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage”.

Received 26 November 2024

Revised 3 December 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Klimova, K. A., 2024. Representations of the Dead in the Popular Culture of Pontic Greeks. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 231–245. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.11>

Статья основана преимущественно на полевых данных, собранных в ходе экспедиций 2022–2024 гг. в Краснодарский край (г. Сочи и окрестности, Анапа, Геленджик, Новороссийск, Краснодар, Крымский район и пр.), Ставропольский край (г. Ессентуки, г. Минеральные воды, г. Пятигорск и окрестности), Карачаево-Черкесию, Северную Осетию, Дагестан, Грузию, Армению и Казахстан, а также на данных письменных источников по традиционной культуре понтийских греков и диалектных словарей. Помимо собственно мифологических нарративов и лексики во время полевой работы были получены материалы по традиционной культуре понтийских греков, календарной и семейной обрядности (рождение, свадьба, похороны) по этнолингвистическому вопроснику А. А. Плотниковой¹.

Греческое понтийское население появляется в южных регионах России преимущественно во второй половине XIX в. Подробные описания процесса переселения малоазийских греков с южного побережья Черного моря на новые территории отражены не только в исторических источниках², но и передаются через фольклорные нарративы по сей день. По сравнению с данными на начало XX в. численность греков на территории России значительно сократилась (по данным переписи населения 2010 г., в России проживают около 85 000 греков), однако язык (понтийский диалект греческого языка) и элементы традиционной культуры в местах компактно-

¹ Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.

² Подробнее о переселении понтийских греков с малоазийских территорий в Ставропольский и Краснодарский края см.: Χασιώτης Ι. Κ. (επιμέλεια). Οι Έλληνες της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 1997. Σ. 106–118.

го проживания греков сохраняются вплоть до наших дней. Лучше всего языком владеют люди старшего поколения, которые признаются, что понтийский греческий был для них первым языком и они начинали говорить по-русски только в школе, люди среднего возраста могут хорошо понимать язык, но сами говорят уже мало, молодые люди и дети часто используют только расхожие бытовые выражения, однако в некоторых селах степень владения понтийским среди детей и молодежи высока и до сих пор. Многие владеют современным литературным новогреческим языком, поскольку часто ездят в Грецию, в местных культурных объединениях часто проводятся занятия по греческому языку для взрослых и детей, в то время как понтийский диалект преподается крайне редко.

Развернутые тексты с описаниями мифологических персонажей или полные тексты классических быличек на обследованных территориях в настоящее время записываются очень редко, а мифологическая лексика постепенно уходит в забвение, что объясняется рядом исторических факторов: сложный путь переселения российских греков с исторической малоазийской родины через Грузию на российские территории привел к значительным потерям культурного наследия; долгое время, проживая в условиях советской культуры, неблагоприятной для сохранения веры в сверхъестественное, они испытывали сильное воздействие доминантной традиции, способствующее вытеснению мифологических верований; язык и культура постепенно подвергались интерференции, что впоследствии привело к ассимиляции со стороны соседних этносов — прежде всего русских, а также грузин и армян. В современном урбанизированном мире традиционные народно-мифологические представления понтийских греков постепенно утрачиваются, уступая место новым глобализированным культурным ценностям, поэтому сбор и фиксация современной мифологической лексики и нарративов представляют собой актуальную задачу для исследователя.

В настоящей работе мы будем стараться придерживаться схемы описания мифологических персонажей, разработанной коллективом авторов Московской этнолингвистической школы³, включающей описание названий и имен персонажа, его ипостасей, характеристик внешнего облика, генезиса, локусов, времени активизации, свойств, характерных занятий, функций и предикатов, объектов воздействия, характерных мотивов и пр.

Система народно-мифологических воззрений понтийских греков является частью общегреческой, однако обладает рядом уникальных черт на лексическом и фольклорном уровне. Для обозначения многих общегреческих мифологических персонажей, известных на территории современной Греции под определенными именами, понтийские греки используют

³ Виноградова Л. Н., Толстая С. М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1994. С. 16–44.

специфические диалектные варианты лексем⁴. Мифологический персонаж в виде «ходячего» покойника, который по ночам встает из могилы и бродит в мире людей с целью напугать их или нанести какой-либо иной вред, называемый в Греции *βροκόλακας* ‘вурдалак’, у понтийцев именуется *χортλάχ*.

Названия этого мифологического персонажа во всех обследованных регионах сводятся к условно единой лексеме *χортλάχ*, имеющей локальные разновидности *χοτλάχ*, *χортλάχ’ς* (с. Галицино) и *κοτλάχ’ς* или *κοτλάς* (пос. Красная Поляна) и восходящей к турецкому *hortlah* ‘«хортлах», «ходячий» покойник, вурдалак, вампир, привидение’. В «Словаре понтийского диалекта» Д. Николополитидиса, включающем данные с территорий исторической области Понта (современная Турция), помимо зафиксированных нами лексем приводятся варианты *χортλάκος*, *χортλάκης*, *χортλάк’ς*, *χοτλάχ’ς*, а также *βροκόλακας*, *βορδόλακας*, производные от общегреческой лексемы славянского происхождения *βρικόλακας*⁶ (ср. хорв. *vrukolak*, болг. *върколак*, *въркодлак* ‘волколак’ и пр.) и *εξώτερον* (< *έξω* ‘вне, за пределами’, ср. новогреческие названия мифологических персонажей *ο εξάποδώ* ‘черт, дьявол’, *τα ζωτικά* ‘привидения’ с внутренней формой слова «внешний»⁷)⁸, однако

⁴ Имена понтийских мифологических персонажей являются не просто фонетическими диалектными вариантами общегреческой лексемы, они могут иметь совершенно иную этимологию. При этом остальные характеристики мифологических персонажей этого типа (время появления, внешний облик, функции и обереги и пр.) в общегреческой и понтийской традиции будут совпадать. Например, святочные демоны, известные в Греции повсеместно под общим именем *Καλικάντζαροι*, в понтийской традиционной культуре называются *Πιζήλά*, *Πίζουλα*, *Πίζελα*, *Πιζήαλα*. Эти имена восходят к понтийскому прилагательному *πιζήλος* ‘плохой, опасный, подверженный сглазу’, которое, в свою очередь, возводится к среднегреческому прилагательному *επιζήλος* ‘завидный’ (подробнее о персонажах данного типа см.: Климova К. А. Греческие святочные демоны: каликандзары, скалапундары, планитары, пагана, пизилы // Кафедра византийской и новогреческой филологии. Научно-теоретический журнал. 2023. № 14 (1). С. 7–26. https://doi.org/10.52607/26587157_2023_14_7).

⁵ Такой вариант понтийского названия этого мифологического персонажа также фиксирует Г. Эфремидис: *Εφραμίδης Γ. Προλήψεις — δεισιδαιμονίες στον Πόντο* (από το έργο του Αναγία Ν. Νικολαΐδη) // *Ποντιακή Εστία*. 2011. Τεύχος 171. Σ. 301–302.

⁶ Подробнее о вариантах этимологии лексемы *βρικόλακας* см.: Климova К. А. Вурдалак в народной культуре современной Греции // *Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых / отв. ред. Б. В. Носов*. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. Вып. 1. С. 274–275.

⁷ Подобные имена-апотропеи, имплицитно выполнявшие помимо номинативной и апотропейческую, то есть отгонную, функцию, с внутренней формой «внешний», используются для обозначения самых разных мифологических персонажей: *нерид* ((ε)ζωτικός), *привидений* (ζωτικά); также термином *εξωτικά* в новогреческой мифологии обозначается нечистая сила вообще. Подробнее см.: Климova К. А. Дьявол как внесистемный персонаж новогреческой демонологии // Кафедра византийской и новогреческой филологии. Научно-теоретический журнал. 2018. № 1–2 (3). С. 77–78. https://doi.org/10.29003/m690.2658-7157.2018_3_1-2/74-94

⁸ *Νικολοπολίτης Δ. Λεξικό της Ποντιακής Διαλέκτου*. Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός Οίκος Αδελφών Κυριακίδη, 2011. Σ. 189.

в наших полевых исследованиях на территории России, Казахстана, Грузии и Армении подобные лексемы зафиксированы не были.

Помимо собственно названия мифологического персонажа был зафиксирован производный от него глагол *χортλαέω* ‘становиться «хортлахом»’, который чаще всего употребляется в форме аориста третьего лица единственного числа: *εχортλάεψεν* ‘он / она стал(а) «хортлахом»’. В словаре Хадзопулоса-Иоакимиду упоминается глагол *χортλαέω* с тем же значением, который сопоставляется с тур. *hortlamak* ‘становиться «хортлахом»’, приводится пример «Είπαν ότι ο Μεμέτ εφέντης εχортλάεψεν» [Сказали, что Мемет-ефенди стал «хортлахом»], а также указывается производное существительное *χортλάεμαν* ‘превращение в «хортлаха»’⁹. В примерах спонтанной речи наших информантов последняя лексема зафиксирована не была, однако на прямой вопрос о значении слова *χортλάεμαν* носители понтийского диалекта отвечали, что этим словом может обозначаться сам процесс превращения покойника в «хортлаха».

Для рассматриваемых персонажей преобладающей оказывается **антропоморфная ипостась**: в виде покойника, выходящего по ночам из могилы, который может иметь облик, максимально напоминающий того человека¹⁰, который был захоронен в этой могиле и, по поверьям, превратился в «хортлаха»:

*Ну, якобы в гробу перевернулся, с того света он пришёл. Он умер, встал оттуда и плохие вещи делает <...>. Ну, нехороший человек, Бог его не принял якобы, Бог не принял, он творил много плохого. И говорят, он уже хортлаха. Как бы он уже не человек, он переходит в другую стадию. Я не верю в это*¹¹ [КВВ, м., 1948 г.р., род. Велеспири (Грузия), зап. ст. Эссентукская¹²].

⁹ Χατζόπουλος Γ. Κ., Ιωακείμίδου Π. Ζ. Χρηστικό λεξικό. Δάνειες λέξεις στην понτιακή διάλεκτο. Θεσσαλονίκη: Μαλλιάρης Παιδεία, 2022. Σ. 235.

¹⁰ Для современной Греции также характерны представления о «ходячих покойниках», которые, по народным воззрениям, появляются в виде мертвеца с разложившейся плотью, испачканного землей и грязью. См.: Μουζάκης Σ. Α. Οι Βρικόλακες, Δοξασίες, Προλήψεις και Παραδόσεις σε Καταγράφες από τους Αρχαίους — Βυζαντινούς και Μεταβυζαντινούς Χρόνους. Αθήνα: Βιβλιοπώλειο των Βιβλιοφίλων, 1989. Σ. 19–20.

¹¹ Здесь и далее расшифрованные тексты интервью с информантами приводятся на том языке, на котором они были записаны. Во многих случаях в беседе с информантами происходило спонтанное переключение между двумя языковыми кодами — русским и греческим. Все греческие тексты и лексемы дублируются заключенным в скобки переводом на русский язык, выполненным автором статьи.

¹² Здесь и далее после фрагментов с расшифрованными текстами интервью в квадратных скобках даются основные сведения об информантах: инициалы (ФИО), пол, год рождения, место рождения, место записи интервью. В силу сложных миграционных процессов многие информанты, родившиеся в понтийских селах Грузии или Армении, сейчас обосновались в местах компактного проживания греков в Краснодарском или Ставропольском краях на территории РФ, общаются с местным греческим населением, у которого они могут заимствовать некие культурные представления или интересующую нас лексику традиционной культуры. Именно поэтому сведения о месте рождения информанта и месте записи интервью, которое в подавляющем большинстве случаев является местом нынешнего проживания информанта, представляются важными для исследования.

Фиксируются описания аномальных особенностей глаз мифологического персонажа, по которым можно было отличить его от обычных людей: чаще всего это «налитые кровью», то есть красные, или «выпученные» глаза; иногда рассказывают, что глаза у «хортлахов» настолько сильно раздуваются, что лопаются от напряжения:

*Говорили, неправильно его похоронили, как *εχόρτλαυε* [и он стал хортлахом]... (Соб.: *Ντο εν χορτλάχ?* [Что такое хортлах?]) *Это значит, он обидится*¹³, и у него глаза так лопаются [АГК, м., 1958 г.р., род. Мадан, зап. Алаверди, Армения].*

Среди зафиксированных нами **зооморфных ипостасей** «хортлаха» следует отметить образ большой лохматой собаки, преимущественно черного цвета:

Хотлахс — это человек, который, ну, нехороший был, творил всякие гадости, нельзя быть настолько гадом, понимаешь <...> и он вылезал ночью. <...> Анастас, бабушки брат, он явно видел. Он говорит, я же не дурак, говорит, собака <...> такая большая, черная, <...> пришла к нему домой, и он, значит, а там недалеко кладбище было, он, говорит, я пошел за ней, думаю, что «кутя-кутя», туда-сюда, покормить хотел. Ночью это, в час-два, может, к утру. И она прямо пошла в кладбище и потерялась <...> Это хотлахс их называют [МГИ, м., 1946 г.р., род. Лесное, зап. Адлер].

Считалось, что «хортлах» в виде собаки выходит из могилы через отверстие, заметное человеку со стороны, которое можно было заделать, чтобы воспрепятствовать его последующему появлению:

Хортлах, знаешь, кто сам вешается, кто... самоубийство. У нас в селе был <...>. Один мужчина сам повесился, и похоронили. И до сорока дней, там, где кладбище, там прямо через улицу <...> там мальчики играли и смотрят, что там прямо дырка такая, такая большая дырка. <...> Эти мальчики пришли, моему племяннику говорят: «Сашка, знаешь, какая-то дырка есть там». Хотят жене сказать. <...> Она рано утром встала и детям говорит смотреть, которые не боятся <...> Они говорят, там оттуда как будто какая-то собака ушла — ав-ав-ав-ав — из дырки. И начала гавкать два-три раза, и они начали кричать, и всё. На следующий день эта женщина, невестка эта, пошла всё закрыла¹⁴ [ЭР, ж., 1939 г.р., род. Цинц-каро (Грузия), зап. ст. Ессентукская].

Описанная зооморфная ипостась мифологического персонажа коррелирует с его способностью к оборотничеству — в понтийских мифологи-

¹³ Вероятно, информант в этом месте описывает сильное физическое или эмоциональное напряжение («обиду»), в результате которого у человека могут лопнуть сосуды в глазах, что приводит к покраснению.

¹⁴ В приведенном фрагменте рассказывается о том, что женщина закрывает обнаруженную детьми дыру, через которую «хортлах» в виде собаки мог выходить ночью из могилы, чтобы таким образом лишить его возможности приходить в мир живых людей и пугать их. Речь идет о физическом устранении дыры в могиле — она была засыпана или завалена камнем.

ческих нарративах «хортлах» превращается в черную лохматую собаку или других животных и получает возможность перемещаться в таком виде в мире живых людей только в темное время суток, а с первыми лучами солнца он снова принимает облик мертвеца¹⁵. Именно поэтому «хортлах» стремится вернуться до рассвета в свою могилу, чтобы не быть обнаруженным другими людьми. Нередки сюжеты с описанием ситуаций, в которых человек, обнаруживший ночью собаку или других животных, запирает их в сарае, доме или погребе и таким образом случайно, по незнанию, препятствует возвращению ходячего покойника на кладбище:

Хортлах — это вообще было. Бывали люди, из земли поднимались, оживали. То есть он как бы мёртвый, он поднимался, мёртвый, он не жил. Вообще говорят, это очень давно было, кто-то хортлах, и приходил, Бог прости меня, как собачка <...>. Он приходил, даже случай был. Я именно не знаю, в какой деревне, короче, и дома сын, он всё сделал. Эта собака зашла в сарай. Нельзя было закрывать. И он закрыл уже всё хозяйство, накормил. И вот эта собачка там была, вот этот хортлах был, и он закрыл, и он не мог выйти. И утром зашли, и там этот человек, собачка стал этот человек — мертвец лежит. И говорят, он очень сильно испугался, потом ему не помогли. И умер. Говорят, нельзя закрывать. <...> Хортлах — он как человек, но уже не человек [ЭГЭ, м., 1975 г.р., род. Джениси (Грузия), зап. ст. Эссентукская].

В окрестностях Сочи¹⁶ был записан нарратив с превращением «хортлахов» в курицу с цыплятами¹⁷, которые были заперты в сарае и наутро оказались мертвецами:

Хотλάχ 'ς [хортлахи]¹⁸, на кладбище они обычно, они выходят... Это люди, которые... душа не принята на небесах... и ночью они ходят-ходят по кладбищу туда-сюда. Это легенды такие были, и нас пугали таким очень сильно, но вообще-то, может, что-то и было раньше. <...> Выходят хотлахс, они могут превращаться в собаку, они могут превращаться в курицу...

¹⁵ В мифологических нарративах современной Греции также фиксируются представления о способности вурдалака превращаться в разных животных: огромных лягушек, собак, кошек, зайцев, летучих мышей, однако эта характеристика новогреческого вурдалака, в отличие от понтийского «хортлаха», не является его основным свойством. См. Πολίτης Ν. Γ. Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Αθήνα: Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου, 1904. С. 577–578.

¹⁶ Подробнее об этнолингвистической ситуации и особенностях понтийского диалекта окрестностей г. Сочи см.: Климова К. А., Никитина И. О. Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 249–260. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06>.

¹⁷ Подобная зооморфная ипостась мифологического персонажа описывается Д. Камбуроглу в отношении сказочного персонажа Арапа, который обладает способностью превращаться в любых людей, животных и предметы: становится орлом, прекрасным агонь, маленькой птичкой мухоловкой, старым турком, а затем — курицей с цыплятами. См.: Καμπούρογλου Μ. Αθηναϊκά παραμύθια. Αθήνα: Σύγχρονη Εποχή, 1997. С. 76–77.

¹⁸ Хотλάχ'ς 'хортлахи' — форма множественного числа от хорλάχ 'хортлах'.

Я вот сейчас говорю, у меня аж щетина дыбом. Я помню, пацаном был, я бежал... Видел их? Ну, я слышан был, отец рассказывал такие вещи, было такое. На кладбище курица с цыплятами, вот, и, значит, идёт по кладбищу. Женщина не знала, значит, и «кутя-кутя», зовёт, значит, пытается из собрать как-то, туда-сюда, и, вроде бы, домой их принесла, закрыла их в комнате, а утром... ну, по легенде, вроде бы, они говорят, что там мертвецы лежали [МГИ, м., 1946 г.р., род. Лесное, зап. Адлер].

Цветовые характеристики «хортлаха» представлены бинарной черно-белой гаммой: при описании его появления в зооморфной ипостаси рассказывают о черной собаке, а при описании его появления в виде антропоморфного привидения — о белых одеждах, которые могут быть обусловлены **генезисом** этого персонажа, восходящим к покойникам-мусульманам, которых принято было хоронить в белых саванах:

Когда нам было лет девять-десять, нас родители пугали мусульманами. (Соб.: Как пугали, как говорили?) О, сейчас расскажу. У нас дом стоял на высоте, потом там такой уклон, внизу речка течёт, <...> и на этом уклоне было кладбище мусульман <...> И я так боялась вот это кладбище из-за того, что родители так нас пугали, чтобы мы далеко не уходили, ничего не натворили, говорили, эти мусульмане становятся хортлахами. (Соб.: Хортлах — это что такое?) Это турецкое что-то. Я не знаю. Типа они выходят из могилы, идут пугать вас. Это... привидения. И я так боялась этого! И когда я поднималась с первой лестницы до второй, я с такой скоростью поднималась, что не знаю, как оказывалась на второй. Боялась очень этого ночью. (Соб.: А как он выглядел?) В белых одеяниях <...> Именно покойник выходит из гроба <...> Они же в белых простынях хоронили... [ЕЛА, ж., 1958 г.р., род. Дагва (Грузия), зап. пос. Кабардинка].

Когда мусульман хоронили, они оттуда якобы могли подняться, и это хортлах получался [СХК, м., 1942 г.р., род. Еди-Килисе (Грузия), зап. ст. Ессентукская].

Считалось, что «хортлахами» становятся заложные покойники¹⁹, то есть те, кто совершил самоубийство, был убит и оставлен без погребения, или те, кто вел несправедную жизнь:

Ехортлáεψε [стал хортлахом]... который задушился или застрелился, у него душа не уходит, он мается между адом и раем, он мается — хортлáεψε [МАЯ, м., 1959 г.р., род. Спарта, зап. Спарта].

¹⁹ Термин «заложные покойники», вынесенный в заглавие статьи, был введен в научный оборот Д. К. Зелениным, который использовал его в начале XX в. для обозначения славянских мифических существ, происходящих от душ умерших неестественной смертью людей, не получивших успокоения после смерти и продолжающих «бродить» по земле, в мире живых. См.: Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. С. 41. Однако в современной науке термин «заложный покойник» является устоявшимся, так что может применяться в отношении не только славянской, но и других традиций.

Обычно, знаешь, как... хортлах говорят, это человек, который нехороший, в своей жизни он был нехороший очень, проклятый был <...> он хортлах получается. Вроде они должны в образе собаки, в образе чего-то... они приходят и опять же всё черное дело делают, ну... пугают или по окнам бьют, но это всё выдумки. <...> (Соб.: А кому в окна они стучали?) Не скажу, я не видел, к нам не приходили... [СГФ, м., 1947 г.р., род. Бешташени (Грузия), зап. Сенной].

Души умерших, не находящие успокоения после смерти, по выражению Д. К. Зеленина, «те, кои умерли неудовлетворенными, тоскующими»²⁰, согласно понтийской народной традиции, также превращаются в «хортлахов» и бродят по земле, проявляя свою тоску и неудовлетворенность:

Хотлэх — это, получается, человек, он как медведь-шатун. Не спится ему, он весь в своих мыслях, а мысли такие плохие появились у него почему? Потому что у него навязчивая идея появилась, что папа у него был чуть богатый и спрятал где-то золото. И они всё ищут, не могут его найти. И три сестры искали, и брат. Потом одна повесилась, устала искать, все огороды они перекопали, она взяла, наложилась на себя руки. Хорошая, кстати, такая была, Деспина её звали, образованная была, техникум у неё, кажется... <...> Ну, вот так, хотлах — это бродячий шатун, без пользы ходит [ПФА, м., 1959 г.р., род. Сакаровка (Казахстан), зап. Галицино].

Считалось, что покойники, погребенные с нарушением ритуала, или те, чью память осквернили после смерти, также превращались в «хортлахов»:

Пугали, если не то сделаешь, обычаи не будешь соблюдать, покойник может стать хортлах, и он придёт и то-то, то-то сделает <...>. Если неправильно сделал во время похорон, до сорока дней, что-то не соблюл. Или ты оскорбил память этого умершего... [ИВП, м., 1965 г.р., род. Джениси (Грузия), зап. ст. Ессентукская].

Были зафиксированы нарративы о погребенных заживо покойниках, которые могли кричать, плакать или выть по ночам, являться своим близким, после чего те вскрывали могилу и обнаруживали, что мертвец в гробу лежит в другом положении, что он перевернулся.

Говорят «εχортλιάεψε» [стал хортлахом], человек стал такой, εχортλιάεψε <...> Смысл в том, что говорили «εχортλιάεψε», почему я это знаю уверенно? Был случай, меня ещё не было, это рассказывали старики. Хоронили раньше... четыре-пять дней раньше держали покойника дома... Похоронили, и рядом с кладбищем была дорожка маленькая, оттуда скот постоянно на пастбище гоняли. И напротив дом был, жили люди. И он обычно там косил, ухаживал за местом. Και (и)... под вечер всегда же эхо слышно особенно в деревне... και ακούω λέει σα ταφία κάποιος τσαϊζ', ακούω κάποιος τσαϊζ'. Εγώ λέει άφησα, εσπρώξα τα ζά, σην αυλή απες, και ακούω, σαν κάποιος

²⁰ Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. С. 295.

σκούζ' ασ' τα ταφία. Το πρωί η ώρα τέσσερα γλέπ' με τα ζα, ζανακούει, από ζανακούει... Ερθανε... [..и я слышу, как на кладбище кто-то кричит, слышу, кто-то кричит. Я, говорит, оставил, завел скотину, там во двор, и слышу, будто кто-то скулит на кладбище. Утром в четыре часа смотрит с животными, слова слышит, это слова слышит... Пришли...] У нас же раньше колхозы были, собирались люди, шли на работу... πάμε σα ταφία λέει, εν κάποιος και τσαϊζ' λέει [пойдем на кладбище, говорит, там есть кто-то, кто кричит, говорит]. А как проверили, как узнали детали? Они пошли έρεψανε την ταφίν, ανοίζανε το ταφούτ και ...ο νεκρός ήσανε ανάσκελα, εκλώσκεν, έπασε η καρδιά τ', η καρδιά τ' έπασεεν [нашли могилу, открыли гроб и... мертвец был перевернут, он перекрутился, сердце у него разорвалось, сердце его разорвалось] [ППК, м., 1976 г.р., род. Неон Хараба (Грузия), зап. Геленджик].

Место появления мифологических персонажей обусловлено их генезисом — это кладбище и его окрестности или мусульманское кладбище. Однако помимо указаний на этот очевидный локус были записаны свидетельства о том, что излюбленным местом сбора «хортглахов» являются ореховые деревья, поэтому старались соблюдать запрет спать в тени такого дерева, чтобы обезопасить себя от их вредоносного действия:

Под орехами раньше нельзя было спать. Да, вон в деревне орехи. Вот там они и собирались, эти хотлахи. (Соб.: А почему?) Не знаю, какая причина, но под орехами я боялся в детстве ходить [МГИ, м., 1946 г.р., род. Лесное, зап. Адлер].

Время появления или активизации «хортглахов» обычно ограничивается темным временем суток — это ночь, вечер, время сразу после захода солнца. Считалось, что ночью мифические существа могут реализовывать свою способность к оборотничеству, превращаться в «живых» животных, которые двигаются и издают различные звуки, но с первыми лучами солнца они снова становятся мертвецами.

Принадлежащие к классу нечистой силы «хортглахи» совершают **вредоносные действия**, главным из которых является запугивание людей.

Хортлах — это значит, он восстал... хортλάεψε [стал хортглахом]... с могилы поднялся и напугал меня, ну, хортλάεψε... <...> он восстал из мёртвых в живых [СХК, м., 1949 г.р., род. Дубовая Балка, зап. Дубовая Балка].

Одним из характерных вредоносных действий является общая для многих других персонажей греческой народной демонологии **езда верхом на человеке**:

Пастухи, допустим, пасли овец на лошадях... они могли, эти хортлахи, они прыгали на лошадь сзади сверху. Сзади прыгали сверху на наездника. Пугали человека [ВДП, м., 1985 г.р., род. Эссендуки, зап. ст. Эссендукская].

Для **избавления** от «хортлаха» прибегали к помощи священника, приглашали его на кладбище для освящения могилы, заказывали панихиду по покойному в церкви, ставили свечу за упокой:

Обычно свечку ставили, молитву читали, на кладбище ходили, землю крестили <...> священника приглашали. А иногда бывало, что и священник отказывался. (Соб.: Почему отказывался?) Чёрт его знает... он якобы дьяволу отдался... [СГФ, м., 1947 г.р., род. Бешташени (Грузия), зап. Сенной].

В современных условиях лексемы *χортλάχ* «хортлах», «ходячий» покойник», *χортλα(γ)έω* «становиться «хортлахом»» часто используются в **переносном значении**. Глагол *χортλα(γ)έω* получает значение «бродить по ночам, не спать, пугать», а лексема *χортλάχ* закреплена в том числе во фразеологизмах с компонентом сравнения: *αμόν χортλάχ* «как «хортлах»» типа «бродить как “хортлах”», «гулять по ночам как “хортлах”»; в качестве ругательства слово «хортлах» применяется в любой ситуации, когда человек ночью не спит, бродит по селу, пугает прохожих или просто долго не ложится спать, например засиживается допоздна за компьютером:

Говорят, *εχортλάεψες*; если он ночью ко мне пришёл... *Εχортλάεψες*; что не спишь? <...> Говорят, *αμόν χортλάχ*, ты как хортлах [СХК, м., 1949 г.р., род. Дубовая Балка, зап. Дубовая Балка].

Отличительная особенность понтийского «хортлаха» на общегреческом фоне — его способность к оборотничеству (днем он лежит в виде мертвеца в могиле, а ночью в своей зооморфной ипостаси, позволяющей ему перемещаться в пространстве мира людей, выходит за пределы кладбища и бродит по селу), что контрастирует с более привычными разнообразными ипостасями общегреческого «вурдалака»²¹. В ходе полевых исследований нами не были зафиксированы нарративы с упоминанием функции «пить кровь», характерной для общегреческой традиции²².

Представления о «хортлахе» лучше сохраняются среди туркоговорящих греков-урумов, уроженцев греческих сел Грузии, что соотносится с общей лучшей сохранностью народно-мифологических воззрений и традиционной культуры в целом. Русскоговорящим соседям понтийских греков этот персонаж под именем «хортлах» неизвестен, однако он может соотноситься с такими распространенными образами, как *вурдалак*, *упырь* или более современный его вариант — *зомби*. Этими же лексемами пользуется наши греческие информанты в попытках перевести на русский язык лексему «хортлах».

Нарративы о «хортлахах» распространены во всех обследованных регионах России, Казахстана, Грузии и Армении, а сама лексема закреплена в том числе во фразеологизмах типа «бродить как “хортлах”», «гулять по ночам как “хортлах”». К сожалению, образ «хортлаха» в настоящее время

²¹ Подробнее об антропоморфных, зооморфных, предметных и контаминированных ипостасях вурдалака в общегреческой мифологической традиции см.: Климова К. А. Вурдалак в народной культуре современной Греции. С. 274–287.

²² *Διαλεκτός Ν. Νεράιδες — Καλλικάντζαροι — Βρικόλακες στις Λεσβιακές παραδόσεις. Δοξασίες και αφηγήσεις*. Αθήνα: s. n., 1979. Σ. 59.

постепенно забывается — как видно из приведенных данных об информантах, развернутые нарративы об этих мифологических персонажах приводят только люди старшего поколения, в то время как представители среднего и младшего поколения с трудом могут дать даже простое определение этой лексеме, обычно ограничиваясь ответом, что «это что-то плохое, неприятное».

Перспективные направления дальнейшего исследования включают сравнительный анализ понтийской народной мифологии с традициями других греческих диаспор, а также изучение механизмов культурной ассимиляции и адаптации народно-мифологических представлений понтийских греков в среде современного русскоязычного общества. Данный подход позволит сформировать более полное представление об общих процессах складывания понтийской культурной идентичности.

Источники

- Νικολοπολίτης Δ.* Λεξικό της Ποντιακής Διαλέκτου. Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός Οίκος Αδελφών Κυριακίδη, 2011.
- Χατζόπουλος Γ. Κ., Ιωακείμίδου Π. Ζ.* Χρηστικό λεξικό. Δάνειες λέξεις στην ποντιακή διάλεκτο. Θεσσαλονίκη: Μαλλιάρης Παιδεία, 2022.

Литература

- Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1994. С. 16–44.
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995.
- Климова К. А.* Вурдалак в народной культуре современной Греции // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых / отв. ред. Б. В. Носов. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. Вып. 1. С. 274–287.
- Климова К. А.* Дьявол как внесистемный персонаж новогреческой демонологии // Кафедра византийской и новогреческой филологии. Научно-теоретический журнал. 2018. № 1–2 (3). С. 74–94. https://doi.org/10.29003/m690.2658-7157.2018_3_1-2/74-94
- Климова К. А.* Греческие святочные демоны: каликандзары, скалапундары, планитары, пагана, пизилы // Кафедра византийской и новогреческой филологии. Научно-теоретический журнал. 2023. № 14 (1). С. 7–26. https://doi.org/10.52607/26587157_2023_14_7
- Климова К. А., Никитина И. О.* Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 249–260. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06>
- Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.

- Διαλεκτός Ν.* Νεράϊδες — Καλλικάντζαροι — Βρικόλακες στις Λεσβιακές παραδόσεις. Δοξασίες και αφηγήσεις. Αθήνα: s. n., 1979.
- Εφραιμίδης Γ.* Προλήψεις — δεισιδαιμονίες στον Πόντο (από το έργο του Αναγνία Ν. Νικολαΐδη) // Ποντιακή Εστία. 2011. Τεύχος 171. Σ. 301–302.
- Καμπούρογλου Μ.* Αθηναϊκά παραμύθια. Αθήνα: Σύγχρονη Εποχή, 1997.
- Μουζάκης Σ. Α.* Οι Βρικόλακες. Δοξασίες, Προλήψεις και Παραδόσεις σε Καταγραφές από τους Αρχαίους — Βυζαντινούς και Μεταβυζαντινούς Χρόνους. Αθήνα: Βιβλιοπωλείο των Βιβλιοφίλων, 1989.
- Πολίτης Ν. Γ.* Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Αθήνα: Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου, 1904.
- Χασιώτης Ι. Κ.* (επιμέλεια). Οι Έλληνες της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 1997.

References

- Chasiotis, I. K., 1997. Greeks of Russia and Soviet Union. Thessaloniki: University Studio Press. (In Greek)
- Dialektos, N., 1979. Neraiides — Kallikantzaroι — Vrikolakes in Lesbian traditions. Beliefs and narratives. Athens: s. n. (In Greek)
- Efrimidis, G., 2011. Superstitions — prejudices in Pontus (from the work of Ananias N. Nicolaidis). *Pontiaci Estia*, 171, pp. 301–302. (In Greek)
- Kampouroglou, M., 1997. Athenian fairytales. Athens: Synchroni Epochi. (In Greek)
- Klimova, K. A., 2003. Vampire in the popular culture of modern Greece. In: B. V. Nosov, ed., 2003. Problems of Slavic studies in the works of young scholars. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 274–287. (In Russian)
- Klimova, K. A., 2018. The Devil as an out-of-the-system character of modern Greek demonology. *Kathedra of Byzantine and Modern Greek Studies. Scientific journal*, 1–2 (3), pp. 74–94. https://doi.org/10.29003/m690.2658-7157.2018_3_1-2/74-94 (In Russian)
- Klimova, K. A., 2023. Modern Greek Demons of the Twelve Days of Christmas: kalikandzars, skalapundars, planitars, pagans, pizilas. *Kathedra of Byzantine and Modern Greek Studies. Scientific journal*, 14 (1), pp. 7–26. https://doi.org/10.52607/26587157_2023_14_7 (In Russian)
- Klimova, K. A., Nikitina, I. O., 2022. The traditional culture and language of the “Russian Greeks” in Sochi: A review of an ethnolinguistic expedition. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 249–260. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06> (In Russian)
- Mouzakis, S. A., 1989. *Oi Vrikolakes. Doxasies, Prolipseis kai Paradoseis se Katagrafes apo tous Archaious — Vyzantinous kai Metavyzantinous Chronous* [The Vampires. Beliefs, Superstitions and Traditions in Records from the Ancient — Byzantine and Post-Byzantine Times]. Athens: Vivliopoleion ton vivliofilon. (In Greek)
- Plotnikova, A. A., 2009. *Materials for ethnolinguistic investigation of the balkan-slavic area*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. (In Russian)

-
- Politis, N. G., 1904. Studies on the life and language of the Greek people. Traditions. Athens: Typois P. D. Sakellariou. (In Greek)
- Vinogradova, L. N., Tolstaia, S. M., 1994. To the problem of identification and comparison of characters of Slavic mythology. In: N. I. Tolstoi, ed., 1994. *Slavic and Balkan folklore: Beliefs. Texts. Ritual.* Moscow: Nauka, pp. 16–44. (In Russian)
- Zelenin, D. K., 1995. *Selected works. Essays on Russian mythology: People who met a violent death and mermaids.* Moscow: Indrik. (In Russian)

К ЮБИЛЕЮ ЕЛЕНЫ НИКОЛАЕВНЫ КОВТУН

Татьяна Юрьевна Кравченко

Хранитель книжных фондов,
Государственный Музей истории
русской литературы им. В. И. Даля;
Научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Шелапутинский пер., д. 1, стр.1,
Москва, 109004, Россия;
Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: tukravchenko@yandex.ru

Аннотация

Обзор посвящен юбилею ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН, руководителя Отдела истории славянских литератур, д. ф. н. Е. Н. Ковтун. В 1991 г. Е. Н. Ковтун защитила кандидатскую диссертацию на тему «Функции условности в художественной системе Карела Чапека. Традиции Герберта Уэллса». В том же году она начала преподавать на филологическом факультете МГУ. С 2003 г. она профессор кафедры славянской филологии, читала курсы лекций по истории и культуре Чехии, истории чешской литературы, вела спецкурсы для студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантов. В 2000 г. Е. Н. Ковтун защитила докторскую диссертацию на тему «Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века». Опубликовала пять книг, является автором многих статей по вопросам изучения фантастики и других типов художественного вымысла (вторичной художественной условности) в славянских и западноевропейских, а также в отечественной и североамериканской литературе. В 2007 г. Е. Н. Ковтун создала кафедру славистики и центральноевропейских исследований в Российском государственном гуманитарном университете и руководит этой кафедрой по настоящее время. Кроме того, она много занималась проблемами реформирования и модернизации российской высшей школы. С 1991 г. Е. Н. Ковтун была ученым секретарем Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию, в 2015 г. возглавила Учебно-методический совет по филологии Федерального учебно-методического объединения «Языкознание и литературоведение», ею разработаны федеральные государственные образовательные стандарты по филологии. В 2016–2021 гг. она занимала должность директора Института русского языка и культуры МГУ имени М. В. Ломоносова. Е. Н. Ковтун — член Союза писателей России и президент Ассоциации исследователей фантастики, лауреат премии им. И. А. Ефремова (2009). В Институте славяноведения РАН Е. Н. Ковтун с 2022 г. возглавляет Отдел истории славянских литератур, сохраняя и преумножая традиции прежнего руководителя этого отдела Л. Н. Будаговой.

Ключевые слова

Е. Н. Ковтун, фантастика (science fiction и fantasy), художественный вымысел, литературные связи, богемистика, славянские литературы

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2024 г.

Статья доработана автором 5 декабря 2024 г.

Статья принята в печать 11 декабря 2024 г.

Цитирование: *Кравченко Т. Ю.* К юбилею Елены Николаевны Ковтун // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 246–250. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.12>

ON THE JUBILEE OF ELENA N. KOVTUN

Tatyana Ju. Kravchenko

Curator, State Literary Museum;
 Researcher, Institute of Slavic Studies,
 Russian Academy of Sciences
 Postal address: Shelaputinsky lane, 1, Building 1,
 Moscow, 109004, Russia;
 Leninsky Prospect, 32A, Moscow, 119334, Russia
 E-mail: tukravchenko@yandex.ru

Abstract

This congratulatory message refers to the lead researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the History of Slavic Literatures, Doctor of Philology Elena N. Kovtun. Since 1991, after defending her PhD thesis “The functions of convention in the artistic system of Karel Chapek. The traditions of H. G. Wells”, E. N. Kovtun began to work at the Faculty of Philology of Moscow State University. Since 2003, she has been a professor at the Department of Slavic Philology, lectured on the history and culture of the Czech Republic, the history of Czech literature, conducted special courses for bachelors, undergraduates and postgraduates. In 2000, E. N. Kovtun defended her doctoral thesis “Types and functions of artistic conventions in European literature of the first half of the twentieth century”. She has published five books and is the author of many articles on fiction and secondary artistic conventions in Slavic and Western European, as well as in Russian and North American literatures. In 2007, E. N. Kovtun established the Department of Slavic Studies and Central European Studies at the Russian State University for the Humanities and directs this department to this day. In addition, she worked on reforming and modernizing Russian higher education. Since 1991, E. N. Kovtun has been the Academic Secretary of the Council for Philology of the Educational and Methodological Association for Classical University Education. Since 2015, she headed the Educational and Methodological Council for Philology of the Federal Educational and Methodological Association “Linguistics and Literary Studies” and developed the federal state educational standards in philology. In 2016–2021, she served as Director of the Institute of Russian Language and Culture at Lomonosov Moscow State University. E. N. Kovtun is a member of the Union of Writers of Russia and president of the Association of Science Fiction Researchers, winner of the I. A. Efremov Prize (2009). At the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, E. N. Kovtun has been heading the Department of the History of Slavic Literatures since 2022, preserving the traditions of the former head of this department, L. N. Budagova.

Keywords

E. N. Kovtun, science fiction and fantasy, artistic convention, literary connections, Bohemian studies, Slavic literature

Received 28 November 2024

Revised 5 December 2024

Accepted 11 December 2024

For citation: Kravchenko, T. Ju., 2024. On the Jubilee of Elena N. Kovtun. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 246–250. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.12>

11 декабря 2024 г. отмечает юбилей Елена Николаевна Ковтун, доктор филологических наук, профессор, руководитель Отдела истории славянских литератур и ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Елена Николаевна — один из наиболее известных литературоведов, занимающихся фантастической литературой. Круг ее интересов — изучение фантастики и иных типов художественного вымысла в чешской и других славянских литературах в широком сопоставительном контексте, в контактных и типологических связях с русской (и — шире — русскоязычной) и зарубежной (западноевропейской и североамериканской) литературой XIX–XX вв., комплексное изучение художественного вымысла (вторичной художественной условности) как эстетического явления, определение тенденций развития современной фантастики (*science fiction* и *fantasy*), а также социальной роли фантастической литературы в современной жизни. В совокупности работы Елены Николаевны Ковтун создают репрезентативную картину художественной эволюции фантастики в литературах стран Европы, России и Северной Америки в XX — начале XXI в.

Научные интересы Е. Н. Ковтун сформировались еще в студенческие годы, во время обучения на славянском отделении филологического факультета МГУ (специализация «чешский язык и литература»). Свой путь в науку она начинала под руководством Раисы Романовны Кузнецовой, профессора кафедры славянской филологии, внесшей значительный вклад в изучение чешской литературы XX в. Р. Р. Кузнецова была научным руководителем сначала дипломной работы Е. Н. Ковтун, а потом и ее кандидатской диссертации «Функции условности в художественной системе Карела Чапека. Традиции Герберта Уэллса», которую Е. Н. Ковтун защитила в 1991 г. В этой работе был реализован ее интерес к сравнительному литературоведению, к выявлению сходства и различия фантастических приемов и шире — к определению роли фантастической условности в литературах стран Центральной и Западной Европы. Впоследствии Елена Николаевна использовала положения своей кандидатской диссертации в учебном пособии «Карел Чапек и социальная фантастика XX столетия» (М.: МГУ, 1998).

Через год после этой работы вышла монография «Поэтика необычного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX в.)» (М.: МГУ, 1999). Е. Н. Ковтун, реконструируя модели реальности, характерные для утопии, притчи, литературной волшебной сказки, мифа, фантастики на примерах произведений Т. Манна, Г. Гессе, К. Чапека, Ф. Кафки, А. Толстого и других европейских писателей, предложила свою концепцию и классификацию литературных произведений, содержащих фантастическое допущение. Эта классификация и сейчас активно используется многими отечественными исследователями, а монография имеет высокий уровень цитируемости в современных научных работах о фантастике. К сожалению, в 1990-е гг. тиражи научной литературы были мизерными, поэтому

«Поэтика необычайного» быстро стала библиографической редкостью. Но в 2008 г. в издательстве «Высшая школа» вышла книга Е. Н. Ковтун «Художественный вымысел в литературе XX века» — учебное пособие, где рассматриваются те же вопросы, что и в монографии, но материал расширен и дополнен, и где имеется раздел, посвященный проблемам развития новейшей отечественной фантастики.

В 2000 г. в МГУ Е. Н. Ковтун защитила докторскую диссертацию «Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века».

На филологическом факультете МГУ Е. Н. Ковтун проработала тридцать лет, до 2021 г. С 2003 г. она — профессор кафедры славянской филологии, читала курсы лекций по истории и культуре Чехии, истории чешской литературы, вела спецкурсы для студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантов. Разработанные Е. Н. Ковтун межфакультетские курсы «Кросс-культурные коды фантастики», «Вымысел и фантастика в литературе XX–XXI столетий», «Фантастика: проблемный, художественный, социокультурный аспекты» пользовались большой популярностью у студентов, лекции проходили всегда при переполненной аудитории.

В учебном пособии «Современная русская литература конца XX — начала XXI века» (под ред. С. И. Тиминой. М.: Академия, 2011), где рассмотрено развитие отечественной литературы в сложное время смены политических, культурных, идейных, эстетических парадигм, Е. Н. Ковтун принадлежит глава «Фантастика, сменившая столетие».

В 2007 г. Е. Н. Ковтун создала кафедру славистики и центральноевропейских исследований в Российском государственном гуманитарном университете, с тех пор она исполняет обязанности заведующей этой кафедрой.

В 2016–2021 гг. Е. Н. Ковтун занимала должность директора Института русского языка и культуры МГУ имени М. В. Ломоносова.

За прошедшее тридцатилетие наша страна утратила былую литературоцентричность, поэтому сейчас очень важно не только следить за развитием современной литературы, но и поощрять интерес читателей к литературному процессу. Е. Н. Ковтун помимо научной работы широко занимается практической популяризаторской деятельностью. Как член Союза писателей России (с 2004 г.) и президент Ассоциации исследователей фантастики (с 2007 г.) она принимает участие во встречах и фестивалях писателей-фантастов, она — лауреат премии им. И. А. Ефремова 2009 г. (за литературоведческие и критические работы), номинант премий «Бронзовая улитка» и «Интерпресскон».

Кроме собственно научной и популяризаторской деятельности, Е. Н. Ковтун много занималась проблемами реформирования и модернизации российской высшей школы. С 1991 г. она была ученым секретарем Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию, в 2015 г. возглавила Учебно-методи-

ческий совет по филологии Федерального учебно-методического объединения «Языкознание и литературоведение», ею разработаны федеральные государственные образовательные стандарты по филологии.

Возглавив в 2022 г. Отдел истории славянских литератур в Институте славяноведения РАН, Е. Н. Ковтун сохраняет и продолжает традиции, заложенные прежней заведующей отделом, д. ф. н. Л. Н. Будаговой. Под ее руководством сейчас научный коллектив работает над уникальной двуязычной комментированной антологией «Литературные манифесты славянского модернизма и авангарда», задуманной Людмилой Норайровной. В рамках подготовки антологии в 2023 и 2024 гг. были проведены научные мероприятия с международным участием — конференция и круглый стол, по итогам которых в проект вошли и внешние (в том числе два иностранных) участники.

В память об ушедших из жизни крупнейших российских богемистах и славистах, проработавших всю жизнь в Институте славяноведения РАН, Отделом под руководством Е. Н. Ковтун были организованы научные мероприятия — круглый стол с международным участием «Российская богемистика вчера и сегодня. К 100-летию со дня рождения Сергея Васильевича Никольского» (29 марта 2022 г.), по итогам которого был издан одноименный сборник материалов, и всероссийская научная конференция с международным участием «Поэтика как сейсмограф: художественное слово в странах Центральной и Юго-Восточной Европы XX–XXI вв. К 95-летию С. А. Шерлаимовой и 90-летию Л. Н. Будаговой и Ю. В. Богданова» (1 ноября 2022 г., совместно с Отделом современных литератур стран ЦЮВЕ). В 2023 г. была проведена международная конференция «50 лет изучения межславянских литературных и культурных связей. Чтения памяти С. В. Никольского и Л. Н. Будаговой» (25–26 октября 2023 г.), обобщившая научное наследие славистики второй половины XX в. в области межславянских культурных связей, — по ее итогам в данный момент готовится к изданию коллективный труд, одним из ответственных редакторов которого выступает Е. Н. Ковтун.

Совсем недавно, в ноябре 2024 г., в издательстве «Индрик» вышла монография Е. Н. Ковтун «Интертекст мира посмертия в фантастике XX–XXI вв.» — уникальная работа, где на основе анализа 125 художественных произведений российской, зарубежной славянской, западноевропейской и североамериканской литературы Е. Н. Ковтун конструирует инвариантную модель Мира Посмертия, предлагает свою классификацию гипотез о продолжительности и смысле пребывания на том свете, рассматривает хронотоп и основные варианты сюжетно-композиционных схем. Но эта книга написана не только для научного сообщества, она адресована всем любителям фантастики, которые найдут в ней занимательные описания различных типов загробного царства, а также быта и нравов его обитателей.

Мы поздравляем Елену Николаевну с юбилеем и желаем ей дальнейших свершений на благо науки!

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: «ИЛИЯ ГАРАШАНИН (1812–1874) —
ВЕЛИКИЙ СЫН СЕРБСКОЙ ЗЕМЛИ»**

**[РЕЦ.] Илија Гарашанин (1812–1874) — ВЕЛИКАН СРПСКЕ ЗЕМЉЕ /
УР. С. РАЈИЋ. АРАНЂЕЛОВАЦ: НАРОДНИ МУЗЕЈ У АРАНЂЕЛОВЦУ, 2024.
604 с. ISBN 978-86-88927-26-0**

Даниел Радович

Научный сотрудник,
Философский факультет,
Белградский университет
Почтовый адрес: ул. Чика Любина, 18–20,
Белград, 11000, Сербия
Электронный адрес: danijel.radovic89@gmail.com

Аннотация

Данная работа представляет собой рецензию на монографию «Илија Гарашанин (1812–1874) — великий сын сербской земли», которая написана шестью преподавателями Кафедры истории сербского народа в Новое время Философского факультета Белградского университета. Книга приурочена к 150-летию со дня кончины Илији Гарашанина и издана Народным музеем в Аранджеловце. Монография представляет собой наиболее полную биографию одного из важнейших сербских государственных деятелей. Каждый из шести авторов внес свой вклад в описание государственной и политической карьеры Гарашанина, его участие во внутренней, внешней и национальной политике Сербии, а также его личной жизни и семейного наследия. Биография не только суммирует предыдущие научные знания, но и вводит в оборот множество новых, ранее не использовавшихся архивных источников сербского и иностранного происхождения, которые в значительной мере дополняют портрет Илији Гарашанина и картину его государственной деятельности.

Наряду с Йованом Ристичем и Николой Пашичем Илија Гарашанин является одним из важнейших сербских государственных деятелей Нового времени. На протяжении своей многолетней политической карьеры, за время которой он был председателем правительства, министром иностранных дел и министром внутренних дел, он всегда ставил сербские национальные и государственные интересы на первое место. Гарашанин был автором наиболее значительной сербской национальной программы, которая получила название «Начертание» (1844 г.). В 1867 г. он потерял место председателя правительства и последние годы жизни провел в своем имении в Гроцке, оказавшись в долгах, — политика для него была не источником заработка, а возможностью применить свои профессиональные компетенции и государственные ресурсы для общего блага.

Ключевые слова

Илија Гарашанин, Княжество Сербия, история Сербии, дипломатия, Сузана Раич

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2024 г.

Статья доработана автором 15 октября 2024 г.

Статья принята в печать 10 ноября 2024 г.

Цитирование: *Радович Д.* Рецензия на книгу: «Илија Гарашанин (1812–1874) — великий сын сербской земли». [Рец.] Илија Гарашанин (1812–1874) — великан српске земље / ур. С. Рајић. Аранђеловац: Народни музеј у Аранђеловцу, 2024. 604 с. ISBN 978-86-88927-26-0 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 251–257. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.13>

REVIEW ON THE BOOK: “ILIJA GARAŠANIN (1812–1874) — THE GREAT SON OF SERBIAN LAND”

[REV.] LIJA GARAŠANIN (1812–1874) — VELIKAN SRPSKE ZEMLJE / UR. S. RAJIĆ. ARANĐELOVAC: NARODNI MUZEJ U ARANĐELOVCU, 2024. 604 s. ISBN 978-86-88927-26-0

Daniel Radović

Research Associate,
Faculty of Philosophy,
University of Belgrade
Postal address: Ćika Ljubina str., 18–20,
Belgrade, 11000 Serbia
E-mail: danijel.radovic89@gmail.com

Abstract

This work is a review of the monograph “Ilija Garašanin (1812–1874) — the great son of Serbian land” written by six professors from the Department of history of the Serbian people in the Modern period at the Faculty of Philosophy of the University of Belgrade. The book coincides with the 150th anniversary of Garašanin’s death and it was published by the National museum of Aranđelovac. The monograph is the most comprehensive biography of one of the most important Serbian statesmen. Each of the six authors contributed to the description of Garašanin’s public and political career, his domestic and foreign policies, as well as his private life and family heritage. The biography not only summarizes previous scholarly knowledge but also introduces a significant number of new archival materials of Serbian and foreign origin that were not previously utilized, supporting a well-rounded portrait of Ilija Garašanin and his public activities. Ilija Garašanin is considered one of the greatest modern Serbian statesman, alongside Jovan Ristić and Nikola Pašić. Throughout his long political career, during which he served as Prime Minister, Minister of Foreign Affairs, and Minister of Internal Affairs, he consistently prioritized Serbian national interests. He was the creator of the most important Serbian national program, known as “Načertanije,” in 1844. He resigned from the position of Prime Minister in 1867, and spent the last years of his life on his estate in Grocka, in debt, which indicates that politics was not a source of income for him, but rather an opportunity to use his abilities as a statesman for the common good.

Keywords

Ilija Garašanin, Principality of Serbia, history of Serbia, diplomacy, Suzana Rajić

Received 23 September 2024

Revised 15 October 2024

Accepted 10 November 2024

For citation: Radović, D., 2024. Review on the Book: “Ilija Garašanin (1812–1874) — the Great Son of Serbian Land”. [Rev.] Ilija Garašanin (1812–1874) — Velikan Srpske Zemlje / ur. S. Rajić. Aranđelovac: Narodni muzej u Aranđelovcu, 2024. 604 s. ISBN 978-86-88927-26-0. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 251–257. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.13>

В связи с важностью фигуры Илии Гарашанина в развитии сербского государства Нового времени им и его политикой занимались многие историки. Его первую целостную биографию написал Драгослав Странякович в 1949 г., но по идеологическим и политическим причинам она долго оставалась неопубликованной, хранилась в рукописи в Архиве Сербской академии наук и искусств и была издана только в 2005 г. Биографию Гарашанина также написал американский историк Дэвид Маккензи. Однако он в основном опирался на работу Страняковича, и, кроме того, в его книге множество упущений и фактографических неточностей. Только в 2024 г. в связи с 150-летием смерти Гарашанина в издании Народного музея в Аранджеловце была опубликована монография «Илия Гарашанин (1812–1874) — великий сын Сербской земли». Книга представляет собой коллективный научный труд, составленный профессорами Кафедры истории сербского народа в Новое время Философского факультета Белградского университета под редакцией проф. д-ра Сузаны Раич. В монографии авторы представили целостную картину государственной, политической и национальной деятельности Илии Гарашанина. Кроме того, внимание уделено его личной жизни и семье. В связи с тем, что «Начертанию», являющемуся самой значительной государственной и национальной программой Сербии Нового времени, уже посвящена качественная монография Радоша Люшича («Књига о Начертанију», Београд, 2005), в представляемой книге не было необходимости заново публиковать уже известные научные результаты, поэтому авторы приводят для заинтересованных читателей ссылки на эту работу.

В монографии показан жизненный путь Гарашанина с ранних лет до смерти в 1874 г., от начала его служебной карьеры до высоких государственных должностей. Помимо вступительной части, родословной семьи Гарашанин, резюме на английском языке и библиографии книга содержит шесть авторских разделов. Доцент д-р Урош Шешум — автор первого раздела под названием «От Илии Хаджи Милутиновича до Илии Гарашанина — подъем семьи». Он посвящен происхождению, молодости, образованию и началу службы Илии Гарашанина в малых чинах. Показана семейная атмосфера, в которой рос Гарашанин. Особое внимание уделено связям семьи с князем Милошем Обреновичем, которые способствовали ее возвышению. Вторая тематическо-хронологическая часть называется «Уставобранитель и противник иностранного влияния» и написана доцентом д-ром Александром М. Савичем. Эта часть — наиболее объемная в книге, речь в ней идет о периоде становления Илии Гарашанина как политического деятеля. Охватчен период от свержения князя Милоша Обреновича в 1839 г. до Свято-андреивской скупщины 1859 г. Здесь рассмотрена политика семьи Гарашанин в кризисные годы после отречения князя Милоша, вклад Гарашанина во внешнюю, внутреннюю и национальную политику (особое внимание уделено событиям революции 1848–1849 гг.). Внимание уделено также его

политике и амбициям во время Святоандреивской скупщины 1858–1859 гг., в ходе которой был детронизирован князь Александр Карагеоргиевич и возвращен на сербский престол князь Милош Обренович.

Автор следующей главы, «Зенит и закат одной карьеры», — профессор д-р Данко Леовац. В 1860-е гг. Гарашанин был председателем Министерского совета и первым советником князя Михаила Обреновича, поэтому влиял на принятие важнейших государственных решений, происходившее в ответ на вызовы, с которыми тогда сталкивалась Сербия, начиная с проблемы «объединения и освобождения» христианских народов в Османской империи до создания так называемого «Балканского союза». Убийство князя Михаила в 1868 г. стало началом «политической смерти» Илии Гарашанина, поэтому автор особое внимание уделил рассмотрению причин негативного отношения к престарелому сербскому государственному деятелю со стороны «режима наместников» во главе с Миливоем Петровичем Блазнавцем и Йованом Ристичем.

Далее следуют три узкотематических раздела. Профессор д-р Чедомир Антич — автор части под названием «В глазах британской и французской дипломатии», где акцент сделан на отношении западных сил, Великобритании и Франции, к Илии Гарашанину и его политике с 1848 по 1867 г. «Разведывательная работа и подготовка восстания против Турции (1840–1867)» — название пятой главы, автором которой является профессор д-р Милош Ягодич. В ней на основе новых исследований впервые фундаментально и детально рассмотрена разведывательная деятельность тайной организации Гарашанина и подготовка к восстанию против Турции в обозначенном хронологическом периоде. Поскольку одной из главных целей политики Гарашанина, согласно основным положениям «Начертания», было освобождение сербского народа от османского владычества, работа секретной организации занимает особое место в проводимой им политике. Последнюю главу, «В тени великого отца — Милутин Гарашанин и семейное наследие», написала профессор д-р Сузана Раич. Она посвящена младшему сыну Гарашанина Милутину, его школьным годам, военной и политической деятельности до 1880 г., когда он становится министром внутренних дел в правительстве Милана Пирочанаца.

Илия Гарашанин родился 28 января 1812 г. в селе Гараша. Он был пятым и самым младшим ребенком в семье Милутина Савича Гарашанина. Его отец пользовался уважением как выдающийся деятель Второго сербского восстания (1815 г.); в тот период он являлся местным кнезом. Своим сыновьям он смог обеспечить достойное образование. Илия Гарашанин начал свою карьеру сначала в качестве финансового чиновника, а в 1837 г. устроился на работу таможенником в Белграде. Уже тогда обнаружились его серьезные организаторские и интеллектуальные способности, поэтому уже через несколько месяцев он был назначен начальником Военно-полицейской канцелярии.

1839 год стал переломным моментом для семьи Гарашанин. Она тогда в первый раз выступила против князя Милоша Обреновича, но осталась верна его сыну и наследнику Михаилу. Это решение стало судьбоносным для семьи Гарашанин и лично Илии. После «Вучичева бунта» 1842 г. (назван так по имени Томы Вучича-Перишича, одного из вождей уставобранителей) князь Михаил был вынужден эмигрировать, а за поддержку Обреновича головами заплатили отец Илии Милутин и его брат Лука. Семейная трагедия неизбежно должна была оказать сильное влияние на Илию, но он не показывал этого публично, так что уже тогда в обществе сложилось мнение о нем как о стойкой личности с сильным характером, что подтвердилось впоследствии. После прихода к власти Александра Карагеоргиевича Гарашанин стал государственным советником, а в 1843 г. — министром внутренних дел; так начался его политический подъем. В скором времени он стал одним из самых выдающихся политиков режима уставобранителей. На посту министра внутренних дел он оставался до сентября 1852 г. и провел важные реформы полиции, армии и чиновнической службы. По должности он отвечал за сохранение государственного и династического порядка в стране, поэтому предотвращал частые попытки династии Обреновичей вернуться к власти в Сербии. Гарашанин грамотно справлялся со своими задачами и зарекомендовал себя как человека, обладающего экстраординарными государственными способностями.

В те годы он внес важный вклад в сферу национальной политики. Первоочередной задачей было освобождение сербского народа, находящегося под властью Османской империи, и сотрудничество южнославянских народов для достижения этого. Такая политика изложена в самом известном сочинении Гарашанина — «Начертании» 1844 г., которое представляет собой скорректированный План Франтишека Заха. На основании этого документа была создана агентурная сеть в приграничных районах Османской империи. Она функционировала до 1855 г., затем была обновлена в 1862 г. и существовала до 1877 г., пережив своего создателя — Илию Гарашанина. Руководствуясь прежде всего сербскими национальными интересами, он активно помогал сербскому движению в Венгрии во время революционных событий 1848–1849 гг. В этих событиях он видел возможность освободить часть сербского народа от османского владычества, а во Франции и у части тамошней польской эмиграции он нашел поддержку в достижении этой цели. Однако это сделало его неуютным России и Австрии. Позиция Петербурга способствовала его увольнению с поста министра внутренних дел в 1853 г., непосредственно перед Крымской войной. До 1857 г. он не занимал никакой государственной должности.

Как и в 1839 г., Гарашанин снова почувствовал, что приближаются политические перемены. Напряженность в отношениях князя Александра Карагеоргиевича и Государственного совета казалась непреодолимой. Гарашанин активно выступал за созыв Святоандреевской скупщины. Он встал

на сторону оппозиции, которая выступала за возвращение династии Обреновичей. Он понимал, что возвращение этой династии может стоить ему головы, в первую очередь из-за той роли, какую он играл, будучи министром внутренних дел. Однако, несмотря на дестронизацию князя Александра Карагеоргиевича и возвращение князя Милоша, Гарашанин, как и в 1842 г., остался на политической сцене. Хотя он и не пользовался расположением престарелого князя, его способности высоко ценил князь Михаил. Это стало очевидным после прихода князя Михаила к власти в 1860 г. После двух важных дипломатических миссий в Сремски-Карловцы и Константинополь в декабре 1861 г. Гарашанин стал председателем Министерского совета и министром иностранных дел и оставался на этих должностях до ноября 1867 г.

В 1860-е гг. было много проблем в отношениях между Сербией и ее сюзереном — Высокой Портой. В 1862 г. после одного инцидента, когда турецкие низамы (военные) убили сербского мальчика, произошла бомбардировка Белграда турецким гарнизоном. Опасность дальнейшей эскалации конфликта встревожила великие державы, поэтому была созвана конференция в Канлиджи¹. Такое положение дел было знаком для князя Михаила и Илии Гарашанина, что под девизом «освобождения и объединения» сербского и других христианских народов Османской империи нужно работать над усилением внутреннего потенциала страны, а также над формированием «Балканского союза». После долгих переговоров удалось заключить соглашение с Черногорией в 1866 г., а на следующий год — с Грецией. Гарашанин вел активные переговоры с болгарам и хорватами, а также пытался договориться с албанскими вождями. Важной опорой в его внешней политике 1860-х гг. стала Россия, таким образом, в итоге было преодолено недоверие, которое Петербург испытывал к Гарашанину в 1840-е и 1850-е гг. Однако все усилия поднять на борьбу балканские народы не увенчались успехом, и причин тому было несколько.

Отставка Гарашанина 15 ноября 1867 г. стала неожиданностью для современников. Хотя между Гарашанином и князем Михаилом имелись некоторые разногласия, они не были непреодолимыми. На это указывает и стремление князя вернуть Гарашанина на прежние должности, чему, однако, помешало убийство сербского правителя в Топчидере 10 июня 1868 г. Как уже было отмечено, убийство князя Михаила стало началом «политической смерти» Илии Гарашанина. В дни после убийства правителя тогдашний военный министр оказался абсолютным хозяином ситуации в стране, так как он вместе с Йованом Ристичем и Йованом Гавриловичем стал наместником при новом правителе — малолетнем Милане Обреновиче. Для

¹ Канлиджи — предместье Константинополя (Стамбула), где в июле-августе 1862 г. проходили переговоры представителей России, Австрии, Франции и Великобритании с одной стороны и Османской империи — с другой, получившие название «конференция в Канлиджи» (*Прим. переводчика*).

наместников Гарашанин являлся главным политическим конкурентом. Они стремились к тому, чтобы максимально политически маргинализировать его, в чем в конце концов и преуспели. Гарашанин, политически изолированный и часто болеющий, провел последние годы жизни в семейном доме в Гроцке². Он умер 22 июня 1874 г.

Нет сомнений в том, что Илия Гарашанин входит в число наиболее значимых сербских государственных деятелей Нового времени. Он всегда ставил интересы сербского народа и сербского государства на первое место, именно этим были мотивированы все его политические шаги. Он был опытным политиком, которого высоко ценили как современники, так и правители, против которых он периодически боролся, стремясь сохранить государственный порядок и сделать возможным развитие Сербии. Он никогда не пользовался государственными должностями и политическим положением для получения личной выгоды. Лучше всего это показывает тот факт, что после трех десятилетий пребывания в политике он вышел из нее с бременем финансовых долгов.

Рецензируемая монография была написана на основе релевантной научной литературы, опубликованных нарративных и документальных источников, а также неопубликованных архивных материалов сербского, русского и британского происхождения. Помимо уже известных фактов о жизни и деятельности Илии Гарашанина она содержит ряд новых данных, которые позволяют как заинтересованной научной, так и широкой общественности максимально подробно ознакомиться с тем, какую деятельность вел и какое место занимал в истории один из наиболее значимых сербских государственных деятелей Нового времени. Биография является важной книгой не только для профессиональной общественности в Сербии, но и за ее пределами, поскольку через биографию Гарашанина можно взглянуть на отношения великих держав (России, Австрии, Франции и Великобритании), что будет способствовать лучшему пониманию как их балканской политики, так и национальных интересов Сербии в XIX в.

Перевод с сербского А. М. Дронова

² Гроцка — в XIX в. населенный пункт к юго-западу от Белграда на реке Дунай, в настоящее время административно входит в состав города Белград (*прим. переводчика*).

«ИСТОРИЯ — ЭТО КАПКАН, ОТКУДА НЕ ВЫРВЕШЬСЯ». ВОСПОМИНАНИЯ В. И. КОСИКА В ФОРМЕ ИНТЕРВЬЮ

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни и пути в науке рассказывает доктор исторических наук, известный историк-балканист Виктор Иванович Косик (род. в 1944 г.). Выпускник кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, В. И. Косик поначалу специализировался на проблемах новой истории Болгарии. Работа в течение нескольких лет в Доме советской культуры в Белграде в 1970-е гг. принесла новый опыт, способствовала расширению научного кругозора. По окончании аспирантуры Института славяноведения и балканистики АН СССР В. И. Косик, ученик академика Ю. А. Писарева, стал в 1982 г. сотрудником Института и именно с Инславом тесно связана вся его дальнейшая научная деятельность. Первые его крупные работы были посвящены проблемам дипломатической истории Балкан после Берлинского конгресса 1878 г. и прежде всего политике России в отношении Болгарии в 1880–1890-е гг. В начале 1990-х гг., когда расширяются возможности обращения на документальной основе к истории русской послереволюционной эмиграции, Виктор Иванович был среди первых историков, решивших посвятить себя изучению русского зарубежья и устремившихся в архивы, не только российские. Его многочисленные работы по истории русской эмиграции в Югославии и Болгарии показали всесторонний вклад выходцев из России в культуру, науку, общественную жизнь принявших их стран и принесли В. И. Косику заслуженное уважение в профессиональном историческом сообществе. Глубокое знание истории русского зарубежья В. И. Косик сочетает с интересом к отечественной общественной мысли, его перу принадлежит одна из первых в современной российской науке монографий о системе взглядов К. Н. Леонтьева. В ряде работ В. И. Косик обращался и к проблемам церковной истории Балкан в XX в. В книге «Заминированная культура», ставшей итогом многолетних архивных изысканий и раздумий на широком балканском материале о непростых путях истории этого региона, Виктор Иванович пытается выявить истоки национальной нетерпимости, несущей серьезную угрозу взаимопониманию проживающих рядом народов. Своими размышлениями о судьбах Балкан он поделился и с читателями нашего журнала. В. И. Косик, выросший в послевоенной Москве, рассказывает о детстве, юности, студенческих и аспирантских годах, вспоминает учителей и старших коллег, делится впечатлениями о поездках в Болгарию и Югославию, рассказывает о своем общении не только с видными историками (отечественными и зарубежными), но и с выходцами из русского зарубежья в балканских странах.

Ключевые слова

История Болгарии, история Югославии, русская послереволюционная эмиграция на Балканах, культура русского зарубежья, культурные связи России и славянских народов, межнациональные отношения на Балканах, история русской общественной мысли, история межцерковных связей в Новейшее время

Статья поступила в редакцию 9 июля 2024 г.

Статья доработана автором 4 октября 2024 г.

Статья принята в печать 5 декабря 2024 г.

Цитирование: *Косик В. И.* «История — это капкан, откуда не вырвешься». Воспоминания В. И. Косика в форме интервью // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 258–303. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.14>

“HISTORY IS A TRAP THAT IS HARD TO ESCAPE”. MEMOIRS OF V. I. KOSIK IN THE FORM OF AN INTERVIEW

Abstract

A prominent Russian expert in Balkan history Doctor of Historical Sciences Viktor Ivanovich Kosik (born in 1944) talks about his life and career at the request of the editors of the magazine “Slavic World in the Third Millennium”. Graduate of the Department of History of Southern and Western Slavs, Viktor I. Kosik initially specialized in problems of the modern history of Bulgaria. Later, in the 1970s, he worked for several years at the House of Soviet Culture in Belgrade and this experience contributed to the expansion of his horizons as a researcher. After completing his postgraduate studies at the Institute of Slavic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of USSR, Viktor I. Kosik, a disciple of academician Yury A. Pisarev, became an employee of the Institute in 1982, and all his further professional activities are closely connected with Inslav. The subject of his earlier major works were the problems of the diplomatic history of the Balkans after the Berlin Congress of 1878 and, above all, Russian policy towards Bulgaria in the 1880s — 1890s. In the early 1990s, when the possibilities of studying the history of Russian post-revolutionary emigration on a broader documentary basis were expanding, Viktor Kosik was among the first historians who decided to devote themselves this field, not only in Russian archives, but also abroad. His numerous works on the history of Russian emigration in Yugoslavia and Bulgaria show the comprehensive contribution of immigrants from Russia to the culture, science, and social life of the countries that adopted them. These works brought Viktor I. Kosik recognition among the colleagues, historians. His deep knowledge of the history of Russian diaspora at the Balkans combines with interest in Russian social thought; he is the author of one of the first monographs on the system of views of Konstantin Leontyev in modern Russia. Viktor I. Kosik also addressed in a number of works the problems of church history of the Balkans in the 20th century. In the book “Mined Culture,” which was the result of many years of archival research and reflection on broad Balkan material about the difficult paths of the history of this region, Viktor Ivanovich tries to identify the origins of national intolerance, which poses a serious threat to the mutual understanding of neighboring peoples. He shared his thoughts about the fate of the Balkans with our readers. Viktor I. Kosik, who grew up in post-war Moscow, talks about his childhood, youth, student and graduate years, remembers teachers and senior colleagues, shares his impressions of trips to Bulgaria and Yugoslavia, talks about his communication with prominent historians (domestic and foreign), as well as with members of Russian diaspora in the Balkan countries.

Keywords

History of Bulgaria, history of Yugoslavia, Russian post-revolutionary emigration in the Balkans, culture of Russian diaspora, cultural ties between Russia and Slavic peoples, interethnic relations in the Balkans, history of Russian social thought, history of interchurch ties in modern times

Received 9 July 2024

Revised 4 October 2024

Accepted 5 December 2024

How to cite: Kosik, V. I., 2024. “History is a Trap that is Hard to Escape”. *Memoirs of V. I. Kosik in the Form of an Interview. Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 258–303. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.14>

Виктор Иванович, вы родились 24 ноября 1944 года в Москве. Еще не закончилась Великая Отечественная война. Расскажите о ваших родителях, семейных корнях, первых годах жизни.

Да, мое детство выпало еще на сталинские годы. Отец мой Иван Иванович Косык (в Москве канцеляристы быстрее переделали согласно принятой московской традиции твердое «ы» в мягкое «и») был из «справных» крестьян Западной Украины, родом из села с ничего не говорящим названием Слобидка, это недалеко от города Каменец-Подольск¹.

Город с богатой историей. Был и административным центром Подольской губернии. Знаменит своей крепостью.

В свое время был известен роман Владимира Беляева «Старая крепость».

По нему был снят и фильм. Да и не один.

Отец родился в 1906 году. Он был, в общем-то говоря, простой крестьянин, с пяти или шести лет уже работал в поле. Немножко учился в церковно-приходской школе, умел читать, писать. Но не более того. Рано потерял отца, было несколько девочек-сестер моложе него, он должен был всех поднимать. Простой человек, трудился всю жизнь.

Когда пришла новая власть, ему, учившемуся в церковно-приходской школе, то есть обладавшему начатками грамоты, предложили доносить на своих односельчан. Он отказался, ссылаясь на свою «малограмотность», и его сослали на Урал, валил там лес. Сбежал оттуда в начале 1930-х годов в Москву.

На Украине страшный голод был как раз в это время. Возвращаться туда не имело смысла уже поэтому.

Возможно, бежал в Москву, потому что там легче затеряться. А вообще отец в разговорах старался не касаться этой темы, мало рассказывал о своей молодости. О каких-то обстоятельствах его жизни узнал, когда он был уже в преклонном возрасте, а до этого он ничего никогда никому не говорил.

Отец сохранил каким-то чудом военный билет, и это ему помогло устроиться в Москве. Сначала было очень плохо. Денег не было, ничего с собой не было. Ни угла. Не было и знакомых. Ел арбузные корки на улице. Рядом мужик ел арбузы, а он за ним корки доедал. Вот до какой степени доходило у отца. И вот этот документ, военный билет, помог ему устроиться, вы не поверите, на ремонте одного из зданий всеильного ведомства, НКВД. Он был подсобным рабочим, таскал кирпичи на стройке. А потом был призван в Красную армию.

Участник Великой Отечественной войны, конечно.

Воевал на Северном Кавказе. Был ранен, его комиссовали. Вернулся в Москву, где устроился на работу слесарем на плодоовощной комбинат,

¹ Ныне Каменец-Подольский.

что в Ростокино, где и проработал до пенсии. Характера он был твердого: хорошо работать, ничего и ни у кого не просить, довольствоваться тем, что есть. Его уважали — фотография все время на доске почета. «Ты как Сталин», — шутили рабочие. Но членом партии он не был.

Отец украинец. А связи с родными краями поддерживал?

Мы в семье иногда пели украинские песни. Я очень люблю украинские песни. В 1970-х годах отец еще поддерживал связи с родственниками. Пару раз ездил с ним на Украину. Запомнил немножко сам город Каменец-Подольск, а еще больше крепость на обрывистом берегу Днестра. Позже связи как-то сошли на нет.

Отец дожил до перестройки и хорошо воспринял новые порядки. Хотел каких-то перемен в стране.

Хочу рассказать и о маме. Моя мама, Анна Михайловна Ковалёва, родилась в 1909 году в семье кузнеца на Смоленщине. Сама фамилия говорит о том, что в роду были кузнецы. Близ маленького городка Красный есть деревня Дуровичи, что упоминается в «Истории» С. М. Соловьева. В годы Отечественной войны 1812 года через нее проезжал Наполеон. Сохранилась легенда, что он приказал собрать всех крестьян и спросил, пойдут ли они к нему. Никто не согласился.

Советская власть порушила многое на селе. Мать, как и ее сестры и брат, уехали из деревни в Москву, где была надежда на лучшее, нежели прежнее, житие.

Родители, таким образом, познакомились в Москве.

Да. Мама в Москве поступила на ткацкую фабрику близ Сельскохозяйственной улицы, где и проработала до мизерной пенсии. Но никогда не одалживалась. У мамы, можно сказать, тоже было начальное образование. Но при этом она очень любила читать. Как-то мне стажер из Черногории подарил «потайную Библию», то есть карманного формата. Всю прочла и возмущалась несправедливостью поступков, лиц, характеров, положений. Максималистка.

Уже в 5 лет, как сейчас помню, начал что-то читать. Семья простая, но книги были в нашем доме. Хотелось бы вспомнить еще мою сестру Нину. Она была старше меня лет на восемь. Отличница. Получила высшее образование. Уехала на Урал, инженером. Была очень талантлива, уважительна, вызывала симпатию у людей, с ней работавших.

Итак, отец пришел с фронта... Жили около ВДНХ. Детство и юность жил в бараках, так называемых «шанхаях». Их было великое множество по всему СССР. Почему их так называли? Видимо, из-за многообразия самого различного люда с разными судьбами, характерами, обитающими на ограниченной территории в постройках барачного типа. Потом наш «шанхай» снесли и всех расселили в другие, кирпичные дома.

Жизнь в «шанхае» влекла в другой мир... Через книги.

Да, чтение — это просто уход от обыденной жизни. Гораздо интереснее узнавать про пиратов, приключения, путешествия, географические открытия. Вот там жизнь! А здесь всё однообразно... До сих пор люблю книги. В семь лет пошел в школу. Позже записался во все библиотеки: Ленинка, Историчка, Тургеневка, политехническая и районная. Глотал всё. Книжки читал в туалете, даже по ночам, под одеялом, подсвечивая светом от огромного аккумулятора.

Март 1953 года. Умер Сталин. Сохранились ли воспоминания об этом?

Когда-то отец как передовик производства получил именной пропуск на Красную площадь, на какой-то праздник. Я был с ним и издали видел Сталина. Сейчас смутно помню, но пропуск где-то у меня сохранился. И вот Сталин скончался. Помню, плакал. В школе была траурная линейка.

Все вокруг были с красными глазами. Но родители восприняли без особых эмоций.

У них за плечами был свой и весьма богатый жизненный опыт. Были ли среди людей какие-то ожидания, надежды на перемены?

Ну какие ожидания у меня? Я был маленький. 8 лет. Про родных уже трудно что-то сказать. Но главное — жизнь продолжалась. По утрам протяжные гудки заводов, предупреждавшие о начале рабочего дня. Обычные школьные обеды. Родители работали, кормили семью. Единственное, могу сказать, что изредка отец «ловил» вражеские голоса.

Вот это интересно. Уже в 1950-е годы это было возможно?

Очень трудно, глушили беспощадно.

Из мемуаров, других источников личного происхождения известно, что в 1956 году это могли делать очень немногие. Да, это регулярно делал уже в то время академик Л. Д. Ландау, очень критически относившийся к Советской власти. А вот, например, профессор истфака МГУ С. С. Дмитриев, оставивший прекрасный дневник, нигде не упоминает о том, что слушал «западные голоса». Пытался анализировать происходящее, читая между строк советскую прессу. Редко услышишь, что в простой среде кто-то слушал западное радио уже в 1956 году. К началу 1960-х — да, это уже было чаще. И обладателей хороших приемников было больше. Власти знали об этом, и ближе к концу хрущевской эпохи принимается постановление о необходимости принять жесткие меры в целях глушения.

У нас был приемник довольно рано, мы пытались... Слушали, если удавалось, Радио «Свобода», по-моему, «Голос Америки» уже примерно в 1956 году. В 1960-е — «Двадцать писем к другу» слушали. Это мне запомнилось.

«Двадцать писем к другу» Светлана Аллилуева опубликовала впервые в 1967 году, после отъезда из СССР. Но вернемся в 1956 год. Н. С. Хрущев выступил на XX съезде КПСС, в последний день его работы, 25 февраля, со специальным докладом о культуре личности Сталина. Его зачитывали повсеместно на собраниях. На предприятиях, в учреждениях.

Только членам партии. Естественно, у нас в семье были разговоры о культе личности, да, это было, конечно. Все знали о докладе Хрущева.

В том же 1956 году югославский лидер Иосип Броз Тито приезжал в Москву. Первый раз после нормализации отношений с Советским Союзом. Пробыл в СССР 23 дня. В июне. Был торжественно принят. Массовый митинг советско-югославской дружбы на стадионе «Динамо». Примирение с Тито, которого Сталин в 1948 году объявил чуть ли не главным врагом, широко обсуждалось в обществе. Это отразилось и в городском фольклоре тех лет: «Дорогой товарищ Тито! / Ты нам снова друг и брат / Нам сказал Хрущев Никита: / Ты ни в чем не виноват». Позже вы стали профессиональным югославистом. А тот проезд Тито не запомнился?

Мне не было еще и 12 лет. Всё прошло мимо меня. Тогда еще не думал, что я стану историком-балканистом.

А когда у вас пробудился интерес к истории? Еще в школьные годы или позднее?

Я же заядлый книжник и ходил по книжным магазинам со школьных лет. Еще в школьные годы я в букинистическом магазине увидел книжечку в твердом светло-зеленом переплете — Любен Каравелов², «Болгары старого времени»³.

Купил, увлекся, позже диплом писал в университете как раз о событиях, про которые говорилось в этой книге. Думаю, что всё идет оттуда.

Люблю не только литературу; я, вообще-то говоря, люблю искусство. Правда, идти учиться в университете по специальности «искусствоведение» я побоялся, смелости не хватило. Но помню, что со школьных лет любовался репродукциями из «Огонька». Ходил в Третьяковку, в Пушкинский. Там увидел Мону Лизу, когда она проездом была у нас из Японии. Простояли всю ночь с женой, жгли костры, чтобы согреться. И разговоры с соседями по очереди за жизнь, такую офигенную...

В школе у меня не складывались отношения ни с одноклассниками, ни с математичкой. В итоге окончил сначала восьмилетку, а затем пошел в школу рабочей молодежи — ШРМ. Шаромыжник... В 1961 году уже работал учеником фрезеровщика на заводе «Московский металлист»⁴, туда помогла устроиться соседка. Это было где-то около Преображенки. Завод выпускал электробритвы.

² Любен Стойчев Каравелов (1834–1879) — первый болгарский профессиональный писатель, значимая фигура Болгарского национального возрождения.

³ Каравелов Л. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1954. 272 с.

⁴ Ныне московский завод «Микромашина». Был основан в 1923 г. и носил название «Завод металлосито». Предприятие было создано для производства бытовой техники (сита, в дальнейшем — кофемолки, электробритвы, фены, машинки стрижки волос, эпиляторы) под маркой Микма (с 1979 г.). На протяжении своей истории завод носил название «Завод металлосито», с 1956 г. — завод «Московский металлист», с 1964 г. — «Микромашина». В годы советской власти предприятие входило в объединение «Союзэлектробытмаш».

Как складывалась ваша жизнь далее?

Поступил в вечернюю школу, близ завода «Сатурн», работающего на оборону, на котором занимались турбинными двигателями самолетными. Потом была армия, по возвращении из которой вернулся на завод «Сатурн». В 1968 году еще работал там, а потом смог найти себе новую работу, стал секретарем Военного трибунала Московского военного округа⁵, он находился около Добрынинской.

Работу сменил. Я был плохой фрезеровщик.

Что входило в круг ваших обязанностей на новой должности? Имели ли вы какое-либо отношение к политике?

Нет, совершенно никакой политики. Никаких политических дел там не рассматривали: пьянка, самоволка... Делал стенограммы во время судебных заседаний. Очень простая, техническая работа... Штатский члове-к, чистый секретарь, писал ручкой, и всё.

Вступил в партию еще на заводе. На партсобрании, когда меня принимали в «авангард рабочего класса», был смешной случай. Спросили, чем интересуюсь? Я наивно ответил, что религией. Наступила мхатовская пауза. Понял, что ответил не так. Поспешил объяснить, что мой интерес связан с историей религий мира. Ни больше ни меньше. Обошлось.

Я верил в коммунизм. Однозначно. Меня, конечно, интересовала Пражская весна. Не только я, но многие хотели какого-то обновления. Я помню, что был возмущен вводом войск.

В конце 1960-х вы стали студентом МГУ. Когда появилась идея поступления на исторический факультет?

Да, вообще-то и до университета я еще поступал пару раз. В педагогический на историческую специальность, но не прошел по конкурсу. Но в Московский университет экзамены сдал без каких-то проблем на дневное отделение. Однако родителям надо было помогать, поэтому сразу подал заявление о переводе на вечернее отделение.

С удовольствием сейчас вспоминаю о своей курсовой по египетским богам на первом курсе. Очень было интересно! И когда писал, узнал многое. Обращение к богам мне всегда давало возможность для размышлений, прикосновения к тайнам. Из других курсовых помню ту, что написал о «Слове и деле государеве». О политических и иных преступлениях на Руси XVI–XVII столетия.

Почему для специализации вы выбрали кафедру истории южных и западных славян?

А что мне оставалось? История СССР представлялась мне занудной. История партии — скучно... Никаких перспектив. Тоже не пошло. Это просто отдушина была, уход от стандартного, вот и всё.

⁵ Работал секретарем военного трибунала с 1969 по 1972 г.

Кто был вашим научным руководителем?

Мой любимый преподаватель — Людмила Васильевна Горина⁶.

Прекрасный человек. Во время написания диплома мы разговаривали не только о нем, но и о Болгарии, ее рассказы до сих пор звучат в душе... И до сегодняшнего дня мы иногда перезваниваемся, говорим о разном, но больше всего об истории. Для меня она человек-праздник!

Но она специалист по Средневековью, а у вас тема дипломной работы была связана с XIX веком?

Да, газеты «Свобода» и «Независимость», которые издавал Любен Каравелов. Людмила Васильевна взялась быть научным руководителем и по этой теме.

Поскольку учились на вечернем, вы продолжали совмещать учебу с работой...

Да, конечно. Работал в разных местах. Некоторое время в Музее искусств народов Востока, был недолго старшим научно-техническим сотрудником в Институте социологии Академии наук. В 1974 году досрочно окончил исторический факультет. Опять стал искать что-нибудь поинтереснее и чтобы с деньгами было получше — уже была семья. И вот такое место, через месяца три-четыре, нашлось в самом университете. По рекомендации нашего заведующего кафедрой Виктора Георгиевича Карасёва⁷ был принят старшим консультантом в Иностранный отдел ректората МГУ⁸ с окладом в 120 рублей. Неплохие для меня по тем временам деньги, если учесть, что раньше получал рублей 80. Прекрасная столовая «только для белых», сотрудников ректората и профессорско-преподавательского состава...

Я отвечал там за две страны — Болгарию и Югославию. В университете у меня был болгарский язык. Сербохорватский учил сам по себе. Потому что у меня возник интерес и к югославской тематике.

Политикой не интересовался. Занимался чисто бумажной работой. Кстати, время от времени сопровождал балканских ученых в Большой театр. Видел «Жизель» раз пять, а то и больше. Конечно, и в Мавзолей. Там тоже был «замечен» многократно. Был еще город Загорск (так тогда назывался Сергиев Посад), где стояла Троице-Сергиева лавра, в музее которой мне посчастливилось побывать.

⁶ Людмила Васильевна Горина (1933 г.р.) — доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова (далее — МГУ), с 1990 г. — профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. Специалист по истории Болгарии.

⁷ Виктор Георгиевич Карасёв (1922–1991) — доктор исторических наук, профессор МГУ, с 1949 г. — преподаватель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, в 1973–1991 гг. — ее заведующий. Специалист по истории югославянских народов, исследователь русско-сербских связей.

⁸ В 1974–1977 гг.

К этому времени у меня появилось два друга, с которыми познакомился на кафедре. Борис Билунов⁹, мастер спорта по шахматам, автор серьезных штудий по истории Болгарии, русско-болгарских связей. Знал его жену, Римму¹⁰, тоже отличную шахматистку, занимавшуюся с нашими знаменитостями. Бывал у них дома. Гуляли, бывало, за полночь, вваливались, когда все порядочные люди спят, в гости, выпивали, обсуждали политику, спорили на исторические темы...

Володя Тесемников¹¹, сербист, живший в Белграде несколько лет, когда работал в Доме советской культуры¹². Большой любитель книги. Привез из Белграда много чего интересного из эмигрантщины. Читал лекции, как я узнал, с сигареткой в одной руке и с чашкой кофе в другой. С ним мы накоротке сошлись, когда он узнал, что за книжку Бориса Пастернака в «Библиотеке поэта» я заплатил полсотни рублей, почти половину своей тогдашней зарплаты. Дружба наша, с небольшим перерывом по моей вине, продлилась до его кончины. Ходил к ним в высотку, что на Лермонтовской¹³, довольно часто: разговоры и споры обо всем, кофе, кормление гостеприимной Наташей, вино и другие напитки, обсуждение истории, обследование чердаков, рисование портретов друг друга, читка вслух... Володя с Наташей тоже бывали у нас. Его рассказы о Белграде так проникли в душу, что я стал искать пути-дороги туда поехать в Дом советской культуры по линии Союза Советских обществ дружбы с зарубежными странами (в Москве это ведомство занимало великолепный особняк Морозовых, что на тогдашнем проспекте Калинина, ныне улице Воздвиженке, вернувшейся из прошлого).

Вы были в Белграде во второй половине 1970-х годов. Бросались ли в глаза какие-то различия с СССР? Многие коллеги вспоминают, что первый приезд в страну изучения сопровождался неким «культурным шоком».

Итак, после работы с иностранцами в МГУ мою кандидатуру сочли подходящей для отправки в Белград. В феврале 1977 года, после бесе-

⁹ Борис Николаевич Билунов (1946–1992) — кандидат исторических наук, советский и российский шахматист, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. Занимался изучением русско-болгарских общественно-политических связей в середине XIX в. Работал на болгарском направлении и в аппарате ЦК КПСС, а в 1991–1992 гг. был старшим научным сотрудником Института славяноведения и балканистики АН СССР (РАН) (ныне Институт славяноведения РАН, далее — ИСл).

¹⁰ Римма Ивановна Билунова (1940–2015) — российская шахматистка, международный мастер среди женщин, старший тренер женской команды СССР, заслуженный тренер РСФСР.

¹¹ Владимир Алексеевич Тесемников (1938–2012) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. В разные годы являлся начальником курса и заместителем декана по работе с иностранными учащимися, подготовил десятки дипломников и ряд кандидатов наук. Специалист по новейшей истории Югославии.

¹² Ныне Российский центр науки и культуры (РЦНК) «Русский дом».

¹³ Высотное здание на площади Красных ворот в Москве.

дования в здании ЦК КПСС, что на Старой площади, мы уезжали в как бы «капиталистическую» Югославию, избравшую свой путь развития, независимый от Москвы. Мне было 33 года, когда приехал в Белград. Как только мы прибыли, сразу пошел в кафану. Учиться разговаривать на простом сербском языке. Конечно, видел, что по бытовому уровню, по комфорту жизнь там была гораздо лучше, чем тогда у нас в СССР. Там пробыл с 1977 по 1979 год.

Хотя моей первой специализацией была Болгария, но, когда был в Югославии, собирался писать книжку о югославском самоуправлении. Но по возвращении понял, что это не мое.

Чем занимался Дом советской культуры? Был ли интерес к нему у местных жителей? Какая публика приходила?

Если говорить о Доме, то у него была своя История с большой буквы. Построен в 1933 году. Носил название Дом русской культуры, носил имя Николая II, расстрелянного большевиками. Архитектором был Вильгельм Федорович Баумгартен. В довоенное время в нем размещались и гимназии, и библиотека, и музей русской конницы, и Русский научный институт, и театр...

В годы, когда там работал, проводились киновечера. Чаше приходили пожилые русские люди из первой волны эмиграции, а также люди без определенных занятий. Посидеть в тепле, посмотреть кино. Надо иметь в виду, что фильмы показывали бесплатно. Правда, бывала и студенческая молодежь, например на талантливом фильме «Табор уходит в небо»¹⁴. Должно быть, что-то «свободное» привлекало в нем. Вольница. Даже если и цыганская. Восток, одним словом. Ходили и свои, посольские.

Моя «работа», назову ее так, заключалась в чтении перед публикой текстов, связанных с советскими достижениями, жизнью советских граждан, с культурой и производством. Показывался публике перед кинофильмом. Просвещал ее, так сказать. Старался не врать. Основу для текстов брал из советской прессы, в изобилии имевшейся в библиотеке. Каждый раз была новая тема лекции. Говорил об успехах СССР. Тексты всех моих лекций просматривались заранее одним из руководителей Дома советской культуры. Я представлял ему текст на русском, а потом над ним работал переводчик. Читал я лекцию уже на сербском с заготовленного листа. Особого интереса к лекциям не было, вопросов не задавали, ждали, когда начнется кино. Обсуждений после фильмов тоже не припомню. Наверно, примерно то же самое было и в домах советской культуры в других странах. Дом посещали и те, кого принято называть интеллектуальной элитой.

А вот библиотека пользовалась популярностью и у студентов, и у представителей старшего поколения. Библиотека Дома в довоенное время занимала третье место среди библиотек русского зарубежья после Парижа и

¹⁴ 1976 года. Режиссер Э. Лотяну.

Праги. Конечно, после 1944 года она сильно пострадала, часть книг была расхищена советскими солдатами, часть сожжена, часть затоплена, часть спрятана в подвал Дома.

Многие учили русский язык. По всей Югославии были организованы курсы. У нас были методисты, которые разъезжали по стране и передавали свой опыт. Это, по-моему, были тогда, в той структуре, единственные люди, которые сеяли вечное и полезное — русский язык.

Были ли какие-то дискуссии, обсуждения фильмов с участием приезжавших артистов, режиссеров? Ведь в Югославии проводились кинофестивали с участием советских деятелей кино. Случались и театральные гастроли, выступали и советские музыканты. То есть приезд советских деятелей культуры не был редкостью в те годы, культурные связи были довольно интенсивными.

Приезжали. Приходил народ, те же самые студенты или кто-то из интеллигенции, интересовавшейся советской культурой. Да из посольства и из других советских представительств в Белграде.

Пользовались ли вы возможностью смотреть кино, читать книги, которые были недоступны в СССР? А такие возможности в Белграде, несомненно, были. Помню, осенью 1983 года даже в Будапеште, столице страны, чью внешнюю политику никак нельзя было назвать независимой, в городских кинотеатрах или ретроспективы Бергмана, Феллини, Антониони. И без каких-то особых трудностей я получил допуск в спецхран, чтобы читать Солженицына и многое другое. В Москве представить себе что-то подобное в то время было невозможно. А вот в Белграде это было наверняка.

Иногда ходил в кино. Действительно, там показывали те фильмы, которые нельзя было увидеть у нас в СССР, фильмы, где довольно откровенно изображалась, например, война во Вьетнаме, вот там я их посмотрелся.

«Апокалипсис сегодня» Копполы.

Что же касается Солженицына, я читал его еще в Москве, подпольно. А в Белграде мне подарили одну его книгу. Кажется, я привез ее в Союз. Пограничники отбирали журналы, которые содержали нежелательную информацию. А книжек из Югославии перевозили много, большая часть из них была издана чуть ли не в межвоенный период, никто особо не проверял. Да и ездил я поездом.

Удалось ли завязать какие-то знакомства? Каков был ваш круг общения в Белграде?

Неприменно надо подчеркнуть, что у нас бывал Саша Карасёв¹⁵, сын заведующего кафедрой Виктора Георгиевича Карасёва, о котором уже упоминал. В Югославию Саша приехал на многомесячную стажировку для сбора

¹⁵ Александр Викторович Карасёв (1952–2017) — кандидат исторических наук, в 1978–2017 гг. работал в ИСл. Исследователь международных отношений на Балканах, русско-сербских связей во второй половине XIX в., занимался изучением развития сербского национального государства в XIX в.

материала для своей кандидатской диссертации¹⁶. Еще в годы моей работы в Иностранном отделе мы с Сашей старались «устроить» сербов получше, помогали и в решении других вопросов. Стали преданными друзьями. Выручал меня своим советом в трудном деле. Саша много рассказывал нам о себе, своей невесте, ставшей потом ему верной и любящей женой. Сашу отличали основательность, серьезность, доброжелательность, искренность, желание «дойти до самой сути».

Саша брал на себя столько, сколько никто не сдюжит. Никогда не отказывался что-то кому-то сделать: починить ли компьютер, перевести ли текст, навестить больного ли, сходить туда, не знаю куда... И этой безотказностью в Институте славяноведения, в котором он стал позже работать, пользовались всюду, а потом «забыли».

В Белграде я познакомился с русскими эмигрантами, это раз. И второе, с одним замечательным музыкантом, пианистом Владимиром Витасом¹⁷. Его уже нет в живых... Он был приятель хозяина дома, где мы снимали квартиру. Заинтересовался мной, когда узнал, что приобрел пластинку Оскара Питерсона. Был у него дома. Его мама угощала горячей ракией с сармой.

Интерес к изучению русской эмиграции проявился уже тогда?

Дурак я был, честно говоря. Надо было собирать материал, надо было интересоваться, быть любопытным. Мне просто было очень хорошо с ними, и всё. Их было тогда еще, в 1970-е годы, довольно много. Эмигранты первой волны... Вот за это я себя и корю. Тогда это была запретная тема.

Где вы общались с эмигрантами?

Это были мои личные связи, через Володю Тесемникова. Он мне дал адрес своего друга Димы Воронца¹⁸. С ним общался, потом через него еще познакомился с другими людьми.

Удалось ли поехать по стране? Бросались ли в глаза различия между разными республиками Югославии?

Какие-то поездки были, например, в Люблянну. Насчет различий: конечно, были, нельзя было не замечать, скажем, разность культур, к примеру, Македонии и Хорватии...

Культ товарища Тито в глаза бросался? Дело в том, что в разных социалистических странах ситуация сильно различалась. В Румынии культ Чаушеску достиг просто диких размеров, сопоставимых лишь с Северной

¹⁶ Карасев А. В. Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 245 с.

¹⁷ Владимир Витас (1935-2000) — известный югославский пианист и актер.

¹⁸ Дмитрий Константинович Воронец (1936-2017) — родился в Белграде в дворянской семье русских эмигрантов, в 1954 г. окончил гимназию в Белграде, в 1960 г. — машиностроительный факультет, в 1966 г. — аспирантуру на факультете естественных наук Белградского университета. Доктор наук, профессор машиностроительного факультета Белградского университета.

Рис. 1. Белград. В. И. Косик с супругой Ольгой, Д. К. Воронец с супругой Денни
(фото из личного архива В. И. Косика)

Belgrade. V. I. Kosik with his wife Olga, D. K. Voronets with his wife Denny
(photo from the personal archive of V. I. Kosik)

Кореей. А в Венгрии портрет Кадара я увидел только на полке книжного магазина на сборнике интервью с ним, вышедшем к юбилею. А что было в Югославии? Учитывая международный вес Тито как политика, его роль в поддержании единства страны, что-то подобное культу личности можно себе вполне представить. Ведь Тито был цементирующей фигурой в многонациональной стране.

Я бы не сказал, что какой-то культ бросался в глаза. Портретов на каждом углу не было. Но Тито действительно любили. Во всяком случае уважали. На политику страны особого внимания тогда не обращал, но движение неприсоединения, в котором активную роль играла Югославия, мне нравилось.

Незадолго до вашего приезда была принята новая Конституция СФРЮ, которая предоставила республикам большие права, широкую автономию. Шел процесс дезинтеграции, знаем, к чему в конце концов привелший...

Ощущения, что всё развалится, не было. Да, разные республики... Казалось, что каждая идет своим путем, но в русле единой СФРЮ.

Почему пришлось покинуть Белград?

Должно быть, не пришелся ко двору... После двухлетней командировки меня вернули в Москву. Не стали продлевать пребывание. Причин было,

видимо, несколько. Моя разговорчивость не в меру. Не в меру знал. Имел свое мнение, не совпадающее с политикой, которое, как дурак, смело высказывал в кругу сослуживцев. Не был примерного поведения. Так или иначе, Белград остался позади.

Вернувшись, вы решили поступить в аспирантуру в Институт славяноведения. Кто-то посоветовал?

Никто мне не советовал идти в аспирантуру. Идея поступления в аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР возникла спонтанно после того, как я приехал из Югославии. Тогда мне было 35 лет. Мне помогли туда поступить. Думаю, помог Виктор Георгиевич Карасёв, знавший там всех. Сыграла роль его рекомендация. Но было очень трудно. В материальном плане. Верил, что смогу подрабатывать переводами, репетиторством. Жизнь оказалась жестче. Все мои подработки давали мизерные заработки, причем непостоянные.

Кто был вашим научным руководителем? Как шла работа над кандидатской диссертацией?

Моим научным руководителем был Юрий Алексеевич Писарев¹⁹, югославист. Позднее был избран академиком. Он не только добросовестно работал с моими текстами, но направлял меня и в более широком смысле. Хотя это было просто удовольствие заниматься тем, что нравилось. Правда, не всегда. Бывало, что встречалась и нудная работа, оставлявшая впечатление потерянного времени. Но не всё коту масленица. Случалось, что посещал Юрия Алексеевича в домашней обстановке. Что-то делал для него, когда требовалась помощь. Ведь в секторе, наверное, я был именно тот мужчина, к которому он мог смело обратиться и не по научным делам.

Три года шла работа над кандидатской диссертацией об отношениях Болгарии с соседями в 1879–1885 годах²⁰. Много времени проводил в архивах, особенно в АВПРИ²¹. В аспирантские годы состоялась моя первая поездка в Болгарию. На два месяца отправился туда собирать материал.

Какие впечатления от поездки? Что понравилось в Болгарии?

Замечательно! Всё понравилось. Мне интереснее всего найти хороших людей. Всё остальное уже не имеет такого значения. Хотя, когда бывал потом в Болгарии, мне хорошо было гулять по старым местам, посещать старые здания...

Немного поездил по стране. Очень хотел посетить те места, о которых когда-то читал: Плевну, Шипку, Велико-Тырново, Пловдив... Было интерес-

¹⁹ Юрий Алексеевич Писарев (1916–1993) — академик РАН и Черногорской академии наук и искусств, доктор исторических наук, в 1968–1993 гг. работал в Исл. Специалист по истории югославянских народов и международных отношений на Балканах в Новое и Новейшее время.

²⁰ В 1983 г. В. И. Косик защитил в Исл кандидатскую диссертацию «Отношения Болгарского княжества с Османской империей, Сербией и Румынией, 1879–1885 гг.».

²¹ Архив внешней политики Российской империи.

но увидеть, где вершились ключевые моменты не только болгарской, но и нашей, русской истории.

Мне много помогали. Так сложилось, что удалось познакомиться с Еленой Стателовой²². Отзывалась на любую мою просьбу. Общался с Цветаной Тодоровой²³, Страшимиром Димитровым²⁴, Христо Христовым²⁵. И, конечно, Лизбет Любенова! Моя самая лучшая приятельница в Болгарии, которая для меня очень много сделала²⁶. С ней меня связывает не только история, но и живейшая симпатия. До сих пор переписываемся. Моя огромная благодарность Интернету! Встречаемся. Стараюсь выполнить ее просьбы. Она — мои. Редкостной души человек! Пишет прекрасные книги на острые темы, без скидки на модную сейчас «толерантность». Участница международных проектов. Выпускает серьезнейшие публикации архивных материалов, например изумительнейшие «Летописи Болгарской церкви»²⁷. Очень много у нее и великолепных исследований по непростой истории Болгарской церкви. Даже могу сказать, что завидую, и одновременно радуюсь, что я ее друг. Сейчас стала директором архива Болгарской академии наук. Это если сказать о главном. А если сказать больше, то надо вспомнить и ее помощь при публикации моих разнообразных статей (от гастрономических до просветительских) в различных журналах, сборниках в Болгарии, и ее гостеприимство с хлебосольством. Именно Лизбет устроила в болгарской столице первую в моей жизни прекрасную презентацию книжки «Софии русский уголок»²⁸. Кстати, книга написана мною после упрека, высказанного ею, почему у меня нет книжки о русской эмиграции в Софии, а по Белграду есть, и не одна.

Были и позже многократные поездки на конференции. Запомнились имена моих коллег. Назову еще некоторых: Крумка Шарова, Румяна Михнева, Румяна Дамянова, Ганка Рупчева, Пенка Пейковска, Тамара Стоилова, Цветана Кёсева, Димитрина Лесневска, Галина Петкова, Катя и Ксения

²² Елена Боянова Стателова (1940–2009) — болгарский историк, доктор исторических наук. Специалист по истории Болгарии Нового времени.

²³ Цветана Тодорова (1923–2014) — болгарский историк, доктор исторических наук, сотрудница Института истории Болгарской академии наук. Специалист по истории Болгарии Нового времени.

²⁴ Страшимир Димитров (1930–2001) — болгарский историк, профессор, член-корреспондент БАН. Специалист по истории Болгарского государства и Балкан. Один из авторов «Истории Болгарии» в 14 томах.

²⁵ Христо Христов (1915–1992) — болгарский историк, профессор, академик БАН, директор Института истории БАН.

²⁶ См.: Косик В. И. Поздравительни адрес // Юбилеен сборник в чест на 70-годишнината на проф. дин Лизбет Любенова. София: Пре Принт БГ, 2023. С. 19–22.

²⁷ Летопис на Българската православна църква. София: Български бестселър, 2010. Т. 1. История и личности. 579 с.

²⁸ Косик В. И. Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М.: Пробел-2000, 2008. 236 с.

Бендеревы, София Букасова-Богословова, Ася Дертлиева, Йорданка Гешева, Дарина Григорова, Илияна Марчева, Тина Георгиева, Петя Димитрова, Юлия Златкова, Ваня Стоянова, Ваня Рачева, Ивана Радонова, Екатерина Анастасова, Илия Тодев, Иван Стоянов, Иво Жейнов, Пламен Георгиев, Петко Мангачев, Войн Божинов, Иван Даракчиев.

А Югославию до 1990-х годов еще посещали? Остались ли у вас там близкие друзья?

Ездил в качестве переводчика на ярмарку с делегацией. Это было не раз с середины 1980-х. В Загребе ежегодно устраивались международные ярмарки. Был советский павильон. Представляли станкостроение и прочее.

Из друзей могу назвать уже упоминавшегося Диму Воронца, таких исследователей русской эмиграции, как Александр-Саша Кадиевич²⁹, Срджан Маркович³⁰, Милан Просен³¹, Саша Яхонтов³², с которым мы планировали установить мемориальные таблички на дома, строившиеся русскими архитекторами, но работа прервалась по причине ухода его из жизни.

И здесь обязательно назову непревзойденного знатока русской эмиграции Алексея Борисовича Арсеньева³³. Инженер по профессии, он всё свое свободное время отдавал изучению русской эмиграции. И после ухода на пенсию продолжает свою благородную деятельность уже в качестве основной профессии. Мы с ним познакомились, когда я написал на его книжку рецензию, и мы стали переписываться. Он мне очень помогал, отвечая на мои бесконечные вопросы. Конечно, уставал от них жутко, потому что ему писали все, а он отвечал всем. Думаю, что Алексей Борисович почитаем всеми, кому он помогал информацией, какую нигде «не купишь». У него я в неоплатном долгу, очень благодарен судьбе за то, что с ним познакомился и даже могу считать его своим другом. Водил меня по Нови-Саду. Показывал достопримечательности.

²⁹ Александр Кадиевич (1963 г.р.) — доктор наук, профессор истории архитектуры отделения истории искусств философского факультета Белградского университета. Специалист по архитектуре XIX и XX века.

³⁰ Срджан Маркович (1956 г.р.) — доктор наук, доцент факультета искусств Университета Ниша.

³¹ Милан Просен (1974 г.р.) — PhD, доцент факультета прикладных искусств и факультета драматических искусств Университета искусств в Белграде.

³² О встрече В. И. Косика с Александром Александровичем Яхонтовым см.: *Косик В. И. Встречи в прошлом // Столетие двух эмиграций 1919–2019. Сборник статей / отв. ред. А. Ю. Тимофеев. М.: Институт славяноведения РАН; Белград: Информатика, 2019. С. 391–402.*

³³ Алексей Борисович Арсеньев (1946 г.р.) — родился в Югославии в семье русских беженцев, в 1964 г. окончил сербскую гимназию в г. Нови-Сад, в 1969 г. — Машиностроительный институт университета в Нови-Саде по специальности инженер-теплоэнергетик. Автор нескольких монографий и множества статей, научный редактор сборников, посвященных русским эмигрантам в Сербии и Югославии. См., например: *Арсеньев А. Русская эмиграция в Югославии: библиография: 1920–2023 = Арсеньев А. Руска емиграција у Југославији: библиографија: 1920–2023. Београд: Миа принт. 638 с.*

А есть что показать. Сам город настоящая жемчужина. Кстати, Арсеньев — давний друг всего нашего института, участник наших проектов, поддерживает тесные связи и с Домом русского зарубежья имени А. Солженицына. Приезжал, выступал.

Еще хочу сказать об Ире Антанасиевич³⁴. Филолог, литературовед, переводчик. Профессор Белградского университета. Специалист в области русской литературы, комикса, фольклора. Замечательный исследователь русской эмиграции, ее вклада в историю и культуру приютившей ее страны. Достаточно сказать, что ее труды на этом поприще отмечены российской государственной наградой, медалью имени Пушкина «За большой вклад в продвижение русского языка и российской культуры в Сербии». Директор воссозданного Русского научного института в Белграде. А какой у нее словарь балканских слов и выражений в *LiveJournal*?! Никогда такого не читал. Владимир Даль, прошу прощения, отдыхает. Бесцензурный пир сербского языка!

Итак, аспирантура закончилась...

Рис. 2. В. И. Косик. 1982 г.
V. I. Kosik. 1982

³⁴ Ирина Николаевна Антанасиевич (1965 г.р.) — доктор филологических наук, русский и сербский филолог, литературовед, переводчик, профессор филологического факультета Белградского университета.

После аспирантуры начался поиск работы. Хотел попасть в штат Института славяноведения, что было совсем не просто. Была даже реальная возможность опять уехать на работу в Белград. Предлагали в отделе кадров уже, можно сказать, родного Союза обществ дружбы с зарубежными странами. И поехал бы, да пожилые родители не хотели остаться одни. Но итог всё равно был «хорошим». В 1983 году вошел в штат института, еще до защиты диссертации. Стал младшим научным сотрудником в желанном институте, где ранее на меня смотрели с недоумением. Переросток. Взрослый мужик, а «лезет» в аспиранты...

Продолжил работу в отделе Писарева. Очень хорошо помню Ирину Степановну Достянь³⁵, сербистка. Замечательный талант. Держалась независимо. Не держалась за «старое», стремилась к новому. Первая написала критический текст на тему о балканских славянах у классиков (Фридрих Энгельс, прежде всего)³⁶. Благожелательно отнеслась к моей первой статье, велела мне не падать духом, когда я написал не очень качественную работу, подсказала, что нужно поправить. До сих пор ей благодарен. Это было еще в аспирантские годы.

Болгарист Улуян Акоп Арутюнович³⁷, фронтовик, чудесной души, за неуважительное слово о Болгарии мог так отчитать, что мало не покажется. Его все любили в отделе да и в Болгарии тоже.

Что было бы сейчас — трудно представить...

Сербист Грачёв Виктор Петрович³⁸, зная, как непросто жить на аспирантские деньги, помог мне получить столь необходимую подработку в издательстве «Мир».

Позже в отделе начала работать Фролова Марина Михайловна³⁹, болгаристка — пишет на нестандартные темы, например об А. Д. Черткове, о московском дворянстве...⁴⁰ Дружим с давних пор.

Участвовали ли вы в подготовке документальных публикаций?

³⁵ Ирина Степановна Достянь (1920–2012) — доктор исторических наук, в 1948–2009 гг. работала в ИСл. Исследователь средневековой и новой истории южных славян и стран Балканского региона.

³⁶ Речь идет о статье И. С. Достянь: Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса? // Советское славяноведение. 1991. № 2. С. 3–16.

³⁷ Акоп Арутюнович Улуян (1924–2003) — кандидат исторических наук, в 1958–2003 гг. работал в ИСл. Исследователь истории освободительной борьбы болгарского народа против османского ига.

³⁸ Виктор Петрович Грачёв (1926–2010) — доктор исторических наук, в 1963–2009 гг. работал в ИСл. Исследователь Средневековья и Новой истории южных славян.

³⁹ Марина Михайловна Фролова (1959 г.р.) — кандидат исторических наук, с 1987 г. работает в ИСл. Исследователь русско-болгарских связей в XIX в.

⁴⁰ Фролова М. М. Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография»; Издательство Главархива Москвы, 2007. 592 с.; *Она же*. Из истории московского дворянства: «Задумывавая Московскую Академию художеств...» (1833–1843). М.: ВайзМедиа, 2016. 484 с.

Середина, вторая половина 1980-х. Время было непростое. Я стал готовиться к докторской диссертации, продолжая свою тему⁴¹. В институте работала Дина Федоровна Поплыко⁴². Энергична. Входила в положение. Справедлива. Многим ей обязан, ее доброму сердцу. Трудилась в другом секторе. С ней нас соединила работа над фактически трехтомной международной публикацией по истории освобождения Боснии и Герцеговины и о роли России, куда она меня и пригласила⁴³. Это была совместная публикация с югославскими учеными. У нас была свобода в подборе материала, никаких табуированных тем. В Архиве внешней политики Российской империи всё спокойно давали. Сколько же я времени провел там по выявлению документов! Сколько слёз пролил, вдыхая столетнюю пыль! От этой древней пыли слезились глаза, я уходил из архива, у меня красные были от пыли глаза, и я плакал... Почерк иногда... Это ужас. Самый гнусный почерк был у министра иностранных дел Гирса, жуткий почерк⁴⁴. Верхняя часть строчки будет немножко ярче, нижняя светлее, всё очень мелко. А самый загадочный почерк был еще у одного дипломата, Хитрово. Тот писал каким-то немецким шрифтом по-русски⁴⁵.

В процессе подготовки публикации довелось побывать и в Боснии⁴⁶. От Боснии остались самые великолепные впечатления. Но уже тогда наблюдалось намечавшееся или затаенное противостояние между сербами и боснийцами (т. е. мусульманами), уже тогда это происходило.

Какие остались воспоминания о работе в институте в 1980-е годы?

⁴¹ В 1993 г. В. И. Косик защитил докторскую диссертацию «Политика России в Болгарии, 1879–1894 гг.».

⁴² Динаида Федоровна Поплыко (1932 г.р.) — кандидат исторических наук, в 1959–1987 гг. работала в ИСл. Исследователь истории общественных движений балканских народов в XIX в., истории революционного и национально-освободительного движения на Балканах.

⁴³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864 гг.: документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1985. 495 с.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865–1875 гг.: документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1988. 440 с.; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878: документы / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2008. 448 с.

⁴⁴ Николай Карлович Гирс (1820–1895) — министр иностранных дел Российской империи в 1882–1895 гг.

⁴⁵ Речь идет о Михаиле Александровиче Хитрово (1837–1896), который находился на дипломатической службе в Османской империи, Болгарии, Румынии, других странах. Известен также как поэт и переводчик. Был дружен с философом К. Н. Леонтьевым.

⁴⁶ В 1986 г. в Сараеве прошла международная научная конференция «Проблемы истории Боснии и Герцеговины. 1850–1875 гг.», в которой приняла участие делегация из ИСл, включая В. И. Косика. См. материалы конференции: *Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850–1875*. (Sarajevo, 13–15 maja 1986) / gl. ur. M. Ekmečić. Sarajevo, 1987. 170 s.

Ездили на картошку, капусту, морковку. Денег не хватало. Подрабатывал переводами. С болгарамии один раз работал переводчиком, а так в основном с югославами. Был простым экскурсоводом. Сугубо официальная работа, неформального общения с ними не было.

Помню институтские капустники. Скандал был. По-моему, тогда еще в аспирантах ходил. И нам как раз из Молдавии коллега привез очень хорошего вина. На капустнике должен был изображать дикаря. Но так как напробовався вина, очень хорошо изобразил. Кажется, испугался даже директор Марков⁴⁷.

Вообще, вспоминая восьмидесятые годы, могу сказать, что они были одними из самых ярких.

Особенно тяжело стало позже, в 1990-е годы. Нужно было кормить двоих детей... Приходилось совмещать работу в институте с работой в других местах. Был редактором в журнале «Педагогика» одно время.

Давайте поговорим о ветеранах нашего института. С кем вы еще общались?

Из институтских навсегда отложились в памяти несколько человек. Тофика Муслимовича Исламова⁴⁸ знал прекрасно. Был из соседнего сектора. Невероятно образованный человек. Отличный специалист по австрийским славянам.

Далеко не только по славянам. Глава целого направления в изучении истории Австрии, Венгрии, всего пространства Габсбургов. Мой учитель. Традиции Исламова продолжают в нашем институте жить, а его жена и ученица Елена Константиновна Вяземская⁴⁹, хорошо вам известная, поддерживает тесные связи с коллегами и сейчас.

Читал его книжку и поражался, как можно столько знать и уметь, прекрасно писать. Я встречался с ним в коридорах института, иногда болтали, перекидывались фразами. Мне нравилась его открытость. Он, как мне казалось, был человеком, который говорил то, что думал.

Это так, но когда было нужно, он был и дипломатом очень тонким. А дипломат не всегда должен говорить то, что думает. Если же видеть в дипломатии искусство налаживать взаимопонимание народов, Исламов был мастером общественной дипломатии, неофициальной. Его хорошо помнят и в Венгрии, и в Австрии.

⁴⁷ Дмитрий Фёдорович Марков (1913–1990) — член-корреспондент (с 1966 г.) и действительный член (с 1984 г.) АН СССР, доктор филологических наук, в 1956–1990 гг. работал в ИСл, в 1969–1987 гг. — директор ИСл. Исследователь болгарской литературы и болгаро-русских литературных связей.

⁴⁸ Тофик Муслим оглы (Муслимович) Исламов (1927–2004) — доктор исторических наук, в 1968–2004 гг. работал в ИСл. Специалист по проблемам международных и межнациональных отношений в Центральной Европе в Новое и Новейшее время, знаток истории Австрии и Венгрии.

⁴⁹ Елена Константиновна Вяземская (1953 г.р.) — кандидат исторических наук, в 1975–2005 гг. работала в ИСл. Специалист по истории Балкан XIX — начала XX в.

Наталья Владимировна⁵⁰ и Екатерина Мелентьевна⁵¹ — две болгаристки, положившие «живот свой» на издание публикаций. Очень добрые, сердечные женщины. Особо благодарен Наталье Владимировне за ее бесконечную поддержку в первые годы моей работы в секторе.

Саша Акинфиев⁵². Друг. Часто бывал у нас дома, как и я у него. Рано ушел из жизни. Огромная потеря.

Самые замечательные воспоминания у меня о директоре института Владимире Константиновиче Волкове⁵³. Плотного телосложения, с большим лбом, югославист. Умел мыслить нестандартно. Отлично писал и выступал. Любил людей. Ко мне благоволил. Я ездил с ним в Болгарию еще в аспирантские годы. Он бывал у нас в гостях.

В институте и сейчас много прекрасных людей!

Гуськова Елена Юрьевна⁵⁴, исследовательница современных событий времени распада Югославии. Много помогала, давая тексты для перевода. Соответственно, получал неплохие деньги. Более того, однажды по ее рекомендации, лет 15 тому назад, точно не помню, съездил переводчиком с киногруппой в Хорватию и Словению. Вновь увидел знакомые места, часто изуродованные войной... Слушал рассказы простых людей, судьбы которых враз были изменены, даже исковерканы. Очень рад, что когда-то встретил ее и мы подружились.

Серапионова Елена Павловна⁵⁵, автор замечательной книги о Кареле Крамарже⁵⁶. Мы с ней родились в один день, только года разные, иронич-

⁵⁰ Наталья Владимировна Зуева (1926–2013) — в 1950–1987 работала в ИСл. Специалист по Новой истории Болгарии, публикатор документов о национально-освободительной борьбе болгарского народа и об истории российской политики на Балканах во второй половине XIX в.

⁵¹ Шатохина Екатерина Мелентьевна (1924–2003) — в 1957–1962 и 1966–1989 гг. работала в ИСл. Специалист по новой истории Болгарии, публикатор документов о национально-освободительной борьбе болгарского народа и об истории российской политики на Балканах во второй половине XIX в.

⁵² Александр Васильевич Акинфиев (1954–1984) — в 1981–1984 гг. старший лаборант ИСл, работал над кандидатской диссертацией о деятельности болгарского просветителя, политика и публициста XIX в. Т. Бурмова.

⁵³ Владимир Константинович Волков (1930–2005) — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, в 1956–2005 гг. работал в ИСл, с 1987 по 2004 гг. — директор ИСл. Историк международных отношений в Европе Нового и Новейшего времени, в особенности международной политики на Балканах между мировыми войнами и после Второй мировой войны, исследователь новейшей истории югославянских народов.

⁵⁴ Елена Юрьевна Гуськова (1949 г.р.) — доктор исторических наук, с 1993 г. работает в ИСл. Специалист по истории народов Югославии в Новое и Новейшее время.

⁵⁵ Елена Павловна Серапионова (1957 г.р.) — доктор исторических наук, с 1983 г. работает в ИСл. Специалист по истории стран Центральной и Восточной Европы первой половины XX в., в частности по истории Чехии и Словакии.

⁵⁶ *Серапионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.

но добавлю. Встречаемся не только в институте, но и на конференциях на берегах Невы. Любим искусство. Иногда информирую ее об интересных выставках живописи. Помогла мне вместе с Ириной Антанасиевич и Алексеем Тимофеевым⁵⁷ в прошлом году издать в Белграде книжку о русских на Балканах⁵⁸. Огромная благодарность! Никогда не забуду.

Станков Николай Николаевич⁵⁹, занимается европейскими странами в межвоенный период. Сблизились, когда оба были еще аспирантами. Потом вновь встретились, бывал у нас дома. Помогал мне литературой. Добыл интереснейшую книгу воспоминаний одного эмигранта, потом вернувшегося в СССР. Потом я использовал ее много раз для своих текстов. И сейчас непременно с большой теплотой общаемся. Рад, что он мой друг.

Повторюсь, в институте много прекрасных людей, замечательных. Но, увы, к сожалению, самый хороший умер. Это Саша Карасёв. Это был мой лучший друг...

Расскажите о вашем общении с семейством Карасевых.

Очень гостеприимным домом стала семья Виктора Георгиевича и Галины Борисовны Карасёвых, Лены⁶⁰ и Саши. С Сашей и Леной мы дружили семьями, бывали друг у друга и в гостях. Я навсегда запомню мои «забегаловки» к Саше просто поговорить с близким человеком, которому можно доверять. Был зван на все семейные праздники. В общем, я, можно сказать, вошел в их семью.

Немного о Елене, Сашиной жене. Основные черты: порядочность, гостеприимство, честность, умение отыскивать главное — в науке ли, в событии, в семье... Для Саши Лена была верная жена, делавшая для своего любимого всё и больше этого... Души в нем не чаяла. Сейчас, после безвременной кончины Саши, мы стали реже встречаться, увы.

Когда начался процесс распада Югославии, вы внимательно следили за происходящим, вас удивило это?

Сейчас мне трудно ответить на этот вопрос, но постараюсь.

Вообще-то говоря, в то время уже был погружен в основном в «межвоенку».

⁵⁷ Алексей Юрьевич Тимофеев (1977 г.р.) — PhD, научный советник Института Новейшей истории Сербии; ассоциированный профессор Отделения истории философского факультета Белградского университета. Специалист по истории русско-сербских (руско-югославских) отношений, истории военных конфликтов на Балканах в XX в.

⁵⁸ Косик В. И. Из России на Балканы. Жизнь и искусство. Београд: МиА принт, 2023. 455 с.

⁵⁹ Николай Николаевич Станков (1959 г.р.) — доктор исторических наук, в 1984 г. окончил аспирантуру в ИСл, с 2017 г. работает в ИСл. Специалист по внешней политике Чехословакии и Германии, международным отношениям в Центральной Европе в период между мировыми войнами.

⁶⁰ Елена Александровна Карасёва (1953 г.р.) — кандидат исторических наук, почетный профессор Московского государственного университета геодезии и картографии.

*Рис. 3. В. И. Косик с А. В. Карасёвым в Скопье
(фото из личного архива В. И. Косика)
V. I. Kosik with A. V. Karasev in Skopje
(photo from the personal archive of V. I. Kosik)*

Начал заниматься именно проблемами Югославии или той же самой Болгарией.

Понимал, что по моей прежней теме, дипломатической истории Балкан последней четверти XIX века, всё или почти всё уже написано, и увидел новую для себя перспективу.

У меня есть книга — «Порвалась цепь великая»⁶¹. Она стала итогом многолетнего труда. Нашлось много всего интересного по Югославии в ГАРФе⁶² и, конечно, в самих странах изучения.

⁶¹ Косик В. И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX — начало XXI в.). М.: Институт славяноведения РАН, 2014. 272 с.

⁶² Государственный архив Российской Федерации.

А как вы пришли к теме русской эмиграции? Каких героев ваших исследований вы считаете наиболее выдающимися?

Жена⁶³ посоветовала. Она кандидат филологических наук, научный редактор, религиовед и тоже давно и всерьез интересуется культурой русского зарубежья. До начала 1990-х это была еще полузакрытая тема. Поэтому стал собирать материалы по эмиграции в Болгарии и в Югославии.

Хочу подчеркнуть, что это та же самая Россия, только зарубежная. Меня интересует вклад русских в культуру принявшей их страны.

После революции все звезды стремились в Париж, но и на Балканах остались талантливые люди. По-моему, самым успешным деятелем русской культуры в той же Сербии был Степан Колесников⁶⁴, академик живописи. Он никуда не уезжал из Югославии до конца жизни.

Задумывались ли вы над тем, почему так расходились пути у белой эмиграции на Балканах? Почему одни поддерживали Гитлера, а другие Сталина?

Посмотрите, пожалуйста, на нашу эмиграцию, которую выгнали из страны и которая ждет не дождется, когда наконец-то Россию освободят от большевизма. Их логика такова: «Пусть хоть Гитлер поможет освободить, а потом уберем его и будем руководить сами». А другие говорили: «Чтобы Германия победила Россию, Советский Союз? Да никогда! Я за Родину! Я не пораженец, я оборонщик». Логика действительно различалась. Но в основе всего лежал патриотизм.

Известно, что вы горячо спорили с Григорием Львовичем Аршем⁶⁵. Что стало предметом ваших дискуссий?

Мы с ним не здоровались три года из-за того, что я, по его мнению, «идеализировал» младоросса Казем-Бека⁶⁶. Вернувшись в Россию, Казем-Бек много работал в «Журнале Московской патриархии». У меня была книжка на эту тему⁶⁷. До сих пор считаю Казем-Бека замечательным человеком. Конечно, он, бывало, ошибался, не с теми встречался, не то говорил, согласен с этим. Но сама идея, которая им двигала, не была плохой.

⁶³ Ольга Владимировна Косик (1948 г.р.) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской православной церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

⁶⁴ Степан Федорович Колесников (1879–1955) — академик живописи. В 1919 г. эмигрировал из России, с 1920 г. обосновался в Белграде. См. подробнее: *Косик В. И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде: 1920–1950-е годы. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. Ч. 1. С. 180–182.

⁶⁵ Григорий Львович Арш (1925–2017) — доктор исторических наук, в 1968–2017 гг. работал в ИСЛ РАН. Специалист по новой истории Греции, Албании, российско-балканским связям и международным отношениям на Балканах в XVIII–XIX вв.

⁶⁶ Александр Львович Казем-Бек (1902–1977) — лидер движения «младороссов», белоэмигрант, публицист, педагог, церковный журналист, богослов. В 1920 г. вместе с родителями покинул Россию. В 1956 г. вернулся в Москву.

⁶⁷ *Косик В. И.* «Молодая Россия»: Вариации на тему национализма в маршах эпохи. М.: Б.и., 2013. 204 с.

Думается, относительно Казем-Бека возможны разные мнения. В свое время его статья «Америка без прикрас», опубликованная в «Литературке» вскоре после его возвращения на родину, стала манифестом тех, кто уже в годы хрущевской оттепели призывал отгородиться от западной культуры⁶⁸. Особенно остро с ним тогда полемизировал Илья Эренбург⁶⁹. Эта дискуссия комментировалась даже в западной прессе, причем Казем-Бек, человек из белоэмигрантских кругов, как это ни парадоксально, был поддержан наиболее ортодоксальной частью партийных аппаратчиков⁷⁰. Как бы то ни было, Казем-Бек действительно чрезвычайно интересная фигура, заслуживающая внимания историков.

Что касается Г. Л. Ариша, то в будущем году отметим 100 лет со дня рождения и его, и другого выдающегося балканиста, Владилена Николаевича Виноградова⁷¹. Наверно, проведем конференцию, которая уж никак не обойдется без вашего участия. Еще одной темой ваших исследований стала церковь. Как вы пришли к этому?

Это очень просто. Работал в ГАРФе, собирал материалы по эмиграции. Мне довольно часто встречались небольшие, почти хроникальные заметки о церкви. Записывал их на всякий случай. А уж потом, когда подумал, что у меня материала накоплено довольно много, получилось составить словарь⁷². Больше всего я писал о православной церкви в связи с культурой народов Балкан. И конечно, в связи с культурой и историей русского зарубежья.

Вы как-то сказали, что политика вас не особенно интересует, но вместе с тем написали книгу о Константине Леонтьеве⁷³. Одну из первых книг о нем, опубликованных в постсоветское время. А он все-таки реагировал на политику. И подчас довольно жестко. Со всей присущей ему язвительностью. Причем его концепция византизма вовсе не отличается славянолюбием, особенно когда он касается неправославных славян.

Еще работая в Доме советской культуры в Белграде, я «вытащил» из подвального заключения пару книг Константина Николаевича Леонтьева с его критико-публицистическими статьями. Попался мне он не случайно: резкий критик и обличитель пороков и слабостей славянства, от статей ко-

⁶⁸ Литературная газета. 1957. 28 февраля.

⁶⁹ Литературная газета. 1957. 23 марта.

⁷⁰ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 30. Д. 235.

⁷¹ Владилен Николаевич Виноградов (1925–2017) — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. В 1968–2017 гг. работал в ИСЛ, в том числе в 1973–1988 гг. зам. директора. Крупнейший российский специалист по истории международных отношений на Балканах в Новое время.

⁷² Косик В. И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. 408 с.

⁷³ Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) — русский мыслитель религиозно-консервативного направления, писатель, публицист, литературный критик, социолог, дипломат. См.: Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М.: Зерцало, 1997. 235 с.

того «корежило» славянолюбов, открывал мне новые страницы размышлений русского человека о России, ее пути, задачах на Балканах.

Уже в Москве я стал писать о нем книгу. Работал в нескольких архивах, литературном (РГАЛИ)⁷⁴, исторических... Даже нашел в те «лихие» 1990-е годы издателя. Им стал профессор МГУ, историк русского права и издатель Владимир Алексеевич Томсинов. Книга вышла огромным, даже немыслимым по тем временам тиражом в 15 тысяч экземпляров. Значит, в обществе был на нее запрос.

Для меня был интересен необычный взгляд Леонтьева на славянство. В сравнении с коммунистическим официозом это было непохоже на то, как трактовались эти темы и проблемы. Нравилось, как он резко, необычно пишет о славянах. Иногда даже слишком, даже хлестко, даже страшно. Интересны и его взгляды на историю России. Константин Николаевич провоцировал меня, заставлял подумать, поспорить... Он представлял иное направление в русской общественной мысли, иное видение славян, он не писал о братстве народов. А вообще у нас с Леонтьевым есть одно общее чувство. Леонтьев любил красоту, и я люблю красоту.

Из позднейших работ интересны ваши тексты про Ф. М. Достоевского⁷⁵. При всем неоспоримом величии Достоевского вас не смущали некоторые присущие его мировидению ксенофобские установки? Не корбило неприятие им евреев, поляков?

Абсолютно. Я пытался углубиться в его мысль. И понять, почему это писалось. «Дневник писателя» дает здесь большой конкретный материал. И кстати, во взглядах Достоевского и Леонтьева на славян много общего.

Возвращаясь к теме распада Югославии, скажите, вы ожидали, что такая судьба постигнет страну, которая многих людей в СССР (и не в последнюю очередь людей вашего поколения) привлекала каким-то своеобразием своего социализма, во всяком случае вызывала интерес?

Нет, не ожидал, что распадется страна, но видел сербский национализм. По отношению к тем же самым бошнякам.

Одна из самых интересных тем для меня, может быть, — это «заминированная» культура. Так называется одна из моих книг⁷⁶. Мне хотелось разобраться в национализме и патриотизме. И в тех угрозах, которые несет в себе неприятие другого.

Мне запомнилось ваше яркое выступление на одной из конференций, где был приведен пример из сферы музыки. Казалось бы, музыка может только объединять людей. Но вы рассказали о том, как совсем вроде бы безобидное исполнение какой-то балканской мелодии поссорило собравшихся сербов и

⁷⁴ Российский государственный архив литературы и искусства.

⁷⁵ Косик В. И. Достоевский: Восточный вопрос // Славяноведение. 2021. № 1. С. 85–93; Он же. Достоевский. Славянство. Болгария // Ф. М. Достоевский и славянство / отв. ред. А. Ю. Пескова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 25–54.

⁷⁶ Косик В. И. Заминированная культура. М.: Пробел-2000, 2017. 224 с.

болгар. Одни настаивали на том, что эта мелодия сербская, другие на том, что она болгарская. Вот что такое Балканы.

Есть много примеров, когда национализм побеждает культуру. Вот об этом и книга. Хотелось на примере балканских стран увидеть более полную картину, то есть историю с другой стороны. В книге широко представлены когда-то опубликованные материалы. Это прежде всего пресса, и прежде всего того времени, когда шла война и культуру бомбили, в то время в странах распадающейся Югославии печатали о себе и соседях много разного материала, ценнейшего для моего текста.

А сербско-хорватские распри долго не бросались в глаза?

До того, как приступить к работе над этой книгой, на это не обращал особого внимания. Конечно, знал, что это разные страны, разные истории, разные религии, культура разная. Рим и Византия... Всё разное. В 1980-е не хотел углубляться в эту тему, но читал много прессы, особенно боснийской. Чувствовалось напряжение. Великосербский национализм чувствовался.

Вспоминаю конец 1980-х, когда усилились трения между сербами и хорватами. Наиболее прозорливые наши югослависты, посвятившие жизнь изучению страны и региона, с горечью предсказывали: подлинная трагедия произойдет, когда по этническому признаку расколется Босния. В сущности, так и случилось.

А как сложилось, что между православными сербами и болгарами столько противоречий? Насколько это преодолимо?

Одна из основных проблем в истории — это принцип «чего изволите». Он до сих пор господствует в истории. Оттуда можно вывести всё что угодно. Историю Великой Отечественной войны переписывали и переиздавали раз пять... Что, у нас нет такого в славянской истории? Договориться не могут о многом, таков исторический опыт... Занимаюсь эмиграцией, занимаюсь церковью, занимаюсь историей межвоенного периода... Никогда специально не занимался проблематикой сербско-болгарских противоречий. Многое знаю, но я старался не общаться с сербами и болгарами на эти болезненные для них темы.

Скажу сейчас непопулярную вольность: в истории нет абсолютной правды. Она во многом зависит от человека, который ее пишет.

Кто в большей степени виноват в трагических событиях на Балканах?

Ответ мой будет совершенно «нехороший»: виноват тот, кто ставит этот вопрос... Ведь вот эти вопросы и разжигают нетерпимость, они же только ухудшают ситуацию. Однозначного ответа дать нельзя. Балканы — это котел... Здесь было несколько империй, православие, католицизм, ислам... Болгары говорят: «У нас была огромная империя», а сербы отвечают: «И у нас была империя», следом турки: «А мы вас всех захватили»...

Всегда ли на Балканах будет разлад?

Вот я время от времени опять задаю себе проклятый вопрос: неужели славянства нет?! А где оно, это славянство? И я очень боюсь, что европеизация несет не только доброе и хорошее, но и унификацию «всех народов», их культур. Останется один фольклор, памятники и сочинения историков. Да, замедлить этот процесс можно, но остановить?..

Что для вас история? Не жалеете ли вы о выбранном пути?

История очень многогранна. История — это тайна, короче говоря. И все мы пытаемся проникнуть в эту тайну. Что-то мы открываем, какой-то миг. А так, история — это человек, а человек — это тайна.

О том, что я стал заниматься историей, не жалею. Хотя время от времени думаю о том, что это не мужская специальность. Мужик должен работать инженером, быть прикладником, уметь делать руками. Но «поезд ушел», и надо заниматься привычным ремеслом, стараясь не врать и мечтать о путешествиях. Есть у меня такая «детская» мечта — посмотреть Чили, или Аргентину, или Бразилию. Но всё это откладывается: то денег нет, то их совсем нет.

*Рис. 4. В. И. Косик. Скопье, 2022 г.
(фото из личного архива В. И. Косика)*

*V. I. Kosik. Skopje, 2022
(photo from the personal archive of V. I. Kosik)*

*Рис. 5. В. И. Косик. 2021 г. «С улыбкой»
(фото из личного архива В. И. Косика)
V. I. Kosik. 2021. «With a smile».
(photo from the personal archive of V. I. Kosik)*

Может, стоит упомянуть, что не всегда всё шло так, как хотел. У меня был хороший друг, Виктор Иосифович Барановский, замечательный знаток живописи⁷⁷. Однажды он попросил меня поработать над его рукописью о Парижских художественных салонах (XIX–XX вв.). Трудился я много времени. Узнал массу интересного! Но! Издать не получилось. Автор покинул этот мир, а вдова не дала разрешения. Поэтому всё было втуне. Осталась только память.

⁷⁷ См.: *Барановский В. И., Хлебникова И. Б. Антон Ажбе и художники России. М.: Издательство Московского университета, 2001. 253 с.*

Свои сложности и с изданием дневников балерины Ксении Грундт⁷⁸. Нет спонсоров. Придут деньги — сам напечатаю.

А пока наш институт живет. И успешно. Всё во многом благодаря нашему директору Константину Никифорову⁷⁹, успешно решающему кадровый вопрос. Появилось много талантливой молодежи. Установились новые связи.

Проблемы? Самое грустное — то, что уходили постепенно в иной мир коллеги, друзья. Да, есть Google, но мне там трудно находить друзей, общие темы. Виртуальный мир хорош, но он имеет один недостаток — он автоматичен, в нем нельзя чувствовать, можно только переписываться.

В мире давно и часто говорят о толерантности, мире, дружбе. Сама история, выстроенная в таком ключе, по мнению сторонников этой теории и практики, будет вести к нейтрализации насилия. Что же касается моей точки зрения, распространение толерантности — страшная угроза для «разноцветной» истории. Толерантность может служить только маской, под которой скрывается страшное и безличное ничто. Одна надежда на красоту, которая не дает опускаться. Сейчас положение значительно улучшилось. Интереснейшие студии, новизна. Всё это вызывает уважение и признание. Приятно читать. Об «издательской актуальности» промолчу. И всё равно. *Repetitio est mater studiorum*⁸⁰. Это я к тому, что сама история бесконечная цепь повторений, превращений и обновлений.

Сюда добавлю. История переписывается во многих странах примерно каждые пятьдесят лет и даже в меньший промежуток времени. Приходят новые поколения, уходят старые власти — и история пишется «заново».

Здесь должен сказать о своей жене Ольге. Именно ее идеи, особенно в выборе тем и названий, легли в основу моих изысканий. В сущности, Оля стала моей музой. Разумеется, многим благодарен своим коллегам, архивистам, знакомым и совершенно незнакомым людям, приходящим на помощь. И, конечно, упорству в достижении цели. История — это капкан, откуда не вырвешься.

*С В. И. Косиком беседовал
А. С. Стыкалин при участии К. В. Мельчаковой
Москва, 18 июня 2024 года*

Публикацию подготовили А. С. Стыкалин и К. В. Мельчакова

⁷⁸ Ксения Федоровна Грундт-Дюме (1906–1979) — русская балерина, солистка Народного театра в Белграде. См.: *Косик В. И. Ксения Грундт-Дюме и ее коллеги на словенской сцене в начале 1930-х гг. (по неопубликованным мемуарам русской балерины) // SLOVENICA IV. Российско-словенские отношения в XX веке / отв. ред. Л. А. Кирилина. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 292–300.*

⁷⁹ Константин Владимирович Никифоров (1956 г.р.) — доктор исторических наук, в 1986–1992 гг. и с 1999 г. работает в ИСл, с 2004 г. — директор ИСл. Специалист по Новой и Новейшей истории Балкан.

⁸⁰ Повторение — мать учения (лат.).

В. И. Косик

Научное наследие. Работы 1983–2024 годов. Избранное*

Диссертации:

- Отношения Болгарского княжества с Османской империей, Сербией и Румынией, 1879–1885 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
- Политика России в Болгарии 1879–1894 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 1993.

Монографии:

- Русская политика в Болгарии 1879–1894 гг. М.: Б.и., 1991. 179 с.
- Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе 1886–1894. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. 100 с.
- Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М.: Зерцало, 1997. 235 с.
- Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2000. 287 с.
- Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. Ч. 1. 288 с.
- Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы. Эссе. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. 206 с.
- Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М.: Пробел-2000, 2008. 236 с.
- Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. 408 с.
- Русские краски на балканской палитре: Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX — начало XXI века). М.: Институт славяноведения РАН, 2010. 459 с.
- Хорватская Православная Церковь (от организации до ликвидации) (1942–1945). Взгляд из XXI века. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. 192 с.
- «Молодая Россия»: Вариации на тему национализма в маршах эпохи. М.: Б.и., 2013. 204 с.
- Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX — начало XXI вв.). М.: Институт славяноведения РАН, 2014. 272 с.

* С некоторыми трудами В. И. Косика можно ознакомиться на сайте Института славяноведения РАН в разделе «Издания». URL: <https://inslav.ru/resursy> (дата обращения: 03.07.2024). В приводимый ниже список не включены тезисы выступлений на конференциях, некоторые научно-популярные публикации, ряд статей в журнале «Педагогика» по проблемам истории русского зарубежья, ряд публикаций в сербских и болгарских изданиях, некоторые рецензии и обзоры.

- Заминированная культура. М.: Пробел-2000, 2017. 224 с.
- Русские в Баялуке и окрестностях в XX веке Словарь-справочник. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. 136 с. (в соавторстве с З. Мачкичем).
- Русская эмиграция в Сербии XX–XXI вв. М.: Пробел-2000, 2022. 284 с.
- Wozu? Aus Träumen der Erinnerung / aus dem Russischen übersetzt von Erika Beer-
mann; gesetzt, gestaltet und herausgegeben von Bernd E. Scholz. Weimar (Lahn):
Bernd E. Scholz, 2023. 248 s.
- Из России на Балканы. Жизнь и искусство. Београд: МиА принт, 2023. 455 с.
- Вдали от Родины. Россия на балканских берегах. М.: Русский путь, 2024. 456 с.

Переводы монографий на немецкий язык:

- Verminte Kultur: (Notizen zum Nationalismus in der Kultur. Die Zeit des Halbzerfalls.
Die balkanische Variante in sieben Bildern). Weimar (Lahn): Bernd E. Scholz, 2018.
255 s.
- Konstantin N. Leontjew: Ein russischer Denker zwischen Orient und Okzident. Wei-
mar: Bernd E. Scholz, 2022. 459 s.

Избранные статьи и разделы в коллективных трудах:

1987

- Восстановление русско-болгарских официальных отношений в освещении
русской печати 1894–1896 гг. // Общественные и культурные связи народов
СССР и Балкан XVIII–XX вв. (Балканские исследования. Вып. 10) / ред.
Г. Л. Арш, В. Н. Виноградов, Е. П. Львова, Е. П. Наумов, О. В. Соколовская,
И. В. Чуркина. М.: Наука, 1987. С. 85–99.
- Деятельность рагузского консула К. Д. Петковича во время восстаний южной и
юго-восточной Герцеговины конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. // Problemi
istorije Bosne i Hercegovine 1850–1875. (Sarajevo, 13–15 maja 1986) / gl. ur.
M. Ekmečić. Sarajevo, 1987. S. 145–154.

1988

- Още за държавния преврат в княжество България през 1881 г. // Исторически
преглед. 1988. № 7. С. 38–49.

1990

- Русская дипломатия и генералы в Болгарском княжестве, 1881–1883 годы // Со-
ветское славяноведение. 1990. № 6. С. 18–28.

1991

- Константин Николаевич Леонтьев: реакционер, пророк? // Советское славяно-
ведение. 1991. № 3. С. 3–12.
- Проблемы славянства в Албании на страницах русской прессы в конце XIX на-
чале XX в. // Становништво словенског поријекла у Албанији / ур. Ј. Р. Бојо-
вић и др. Титоград: Стручна књига, 1991. С. 755–766.

Судьба России и славянства в трудах Константина Леонтьева // *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в.: сборник статей / отв. ред. Т. М. Исламов. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1991. С. 142–153.*

1992

Из истории начала российской эмиграции // *Славяноведение. 1992. № 4. С. 3–6.*
 Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // *Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–33.*

1994

Вклад русской эмиграции в культуру Югославии // *Педагогика. 1994. № 5. С. 84–89 (в соавторстве с В. А. Тесемниковым).*

1995

Россия далекая и близкая // *Педагогика. 1995. № 6. С. 101–106.*

1996

Проблема Македонии и балканские государства в конце XIX — начале XX в. (Константинополь, Проливы и Македония) // *Македонско-руските врски во XIX и почетокот на XX век. Скопје: Сојуз на друштвата на историчарите на Република Македонија, 1996. С. 86–91.*

Русская церковь в Югославии. 1921–1939 годы // *Славяноведение. 1996. № 6. С. 66–76.*

Югославянство/славянство в русской эмигрантской периодике // *Русская эмиграция в Югославии / ред. А. Арсеньев, Л. А. Кирилина, М. Сибинович. М.: Индрик, 1996. С. 100–108.*

1997

К истории деятельности православных братств // *Церковь в истории славянских народов. (Балканские исследования. Вып. 17) / отв. ред. И. В. Чуркина. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. С. 234–246.*

Тревоги и заботы национальной школы // *Педагогика. 1997. № 3. С. 64–68.*

1998

К. Н. Леонтьев: болгарская тема — pro et contra // *Славянский альманах 1997 / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 1998. С. 120–140.*

Македония — споры, соглашения, войны // *На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. (Серия «Библиотека Института славяноведения и балканистики»; кн. 9) / отв. ред. И. В. Чуркина. М.: Индрик, 1997. С. 318–340.*

Политика и Православие (из истории русско-болгарских отношений) // *Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. Материалы. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1998. С. 142–158.*

1999

- Гордиев узел Балкан // Македония: проблемы истории и культуры / отв. ред. Р. П. Гришина. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 59–71.
- Забывтая страница (из послевоенной истории русской церкви в Югославии) // Славяноведение. 1999. № 5. С. 101–105.
- «И камнем веры утверди мя» (из истории русско-сербских связей) // Славянский альманах 1998 / отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Индрик, 1999. С. 41–57.
- Украинский вопрос и проблема «балканизации» России в среде русских эмигрантов в 1930-е годы: в связи с выходом в свет сборника документов «Чему свидетели мы были» // Славяноведение. 1999. № 4. С. 64–70.
- Education and the Orthodox Church: an Interview with Archpriest Vladimir Vorob'ev // Russian Social Science Review. 1999. Т. 40. № 3. Р. 82–91.

2000

- К проблеме исторической памяти // Славянский альманах 1999 / отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Индрик, 2000. С. 204–210.
- Молодая Россия в эмиграции // Славяноведение. 2000. № 4. С. 3–16.
- Организация Александра Казем Бека // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института, 20–22 янв. 2000 г.: Материалы. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института. С. 209–219.
- Принцип исторического моделирования и болгарская история // Славяноведение. 2000. № 1. С. 29–31.

2001

- Искусство русских изографов на Балканских землях (XVIII–XX в.) // Славянский альманах 2000 / отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Индрик, 2001. С. 319–328.
- К истории русской религиозной живописи на Балканах // XI ежегодная Богословская конференция ПСТБИ — ПСТГУ — 2001. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2001. С. 149–156.
- Свобода и «живая вода» русской души // Педагогика. 2001. № 1. С. 98–102.

2002

- Балканы: один тезис Йозефа Геббельса и одиннадцать моих // Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В. Г. Карасева (1922–1991) / отв. ред. Г. Ф. Матвеев, Л. В. Кузьмичева. М.: Мосгорархив, 2002. С. 249–251.
- Государство у Константина Леонтьева (Восток, Россия и Славянство) // Трибуна русской мысли. 2002. № 3. С. 109–119.
- Идея славянского объединения и возрождение России. Шифр «Амур» // Славяноведение, 2002. № 1. С. 93–100.
- Младороссы: наброски к портрету в зеркале эпохи // Славянский альманах 2001 / отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Индрик, 2002. С. 263–285.
- «Молодая Россия» (к вопросу о русском фашизме) // Славяноведение. 2002. № 4. С. 21–32.

Опыт истории страны, которой не было (Сербия в 1918–1941 гг.) // Славяноведение. 2002. № 5. С. 22–36.

2003

Болгария: примирение с Россией и провозглашение независимости // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Индрик, 2003. С. 410–429.

Из «хроники славянства» (Болгария в международных отношениях 1879–1896 гг.) // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Индрик, 2003. С. 191–216.

Русская молодежь в эмиграции // Славяноведение. 2003. № 4. С. 47–54.

Русская Церковь в Болгарии (1940–1950-е годы) // Славяноведение. 2003. № 6. С. 85–94.

2004

Лица без национальности; мусульмане в Боснии и Герцеговине, 1919–1944 годы // Славяноведение. 2004. № 5. С. 49–65.

Русский дом // Славянский альманах 2003 / отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Индрик, 2004. С. 196–203.

2005

Косово: «радость в силе» / «сила в радости» // Двести лет новой сербской государственности: к юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / отв. ред. В. К. Волков. СПб.: Алетейя, 2005. С. 267–278.

«Късмет Космета». (О судьбе Косова и Метохии) // Славяноведение. 2005. № 5. С. 54–66.

Плюс история минус // Славянский альманах 2004 / отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Индрик, 2005. С. 341–348.

Русский театр в ресторане: Белград 20-х гг. XX в. // *Godišnjak za društvenu istoriju*. 2005. 12. Св. 1–3. С. 111–127.

2006

Без отечества: быт(ие) русских в югославской провинции (от времени короля Александра до власти маршала Тито) // Славяноведение. 2006. № 4. С. 32–43.

Для чего ты, москаль, не привёз нам денег?.. // Родина. 2006. № 1. С. 55–57.

Размышления о судьбах Болгарии, Стефане Стамболове, государственности // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.) / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2006. С. 117–124.

Русская молодежь в эмиграции // Педагогика. 2006. № 3. С. 62–69.

Русский театр в Югославии (1921–1944 гг.) // Славянский альманах 2005 / отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Индрик, 2006. С. 241–289.

Столица одиночества: русские изгнанники в югославской столице // Родина. 2006. № 4. С. 81–85.

Футурология прошлого (к вопросу об исторической памяти) // Россия и Болгария: к 125-летию русско-турецкой войны 1875–1878 гг. / ред. А. В. Карасев, В. И. Косик, И. Ф. Макарова. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 141–149.

Utemeljitelj Hrvatske Pravoslavne Crkve vladika Germogen // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata. Rubovi, memorija / ur. I. Lukšić. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 2006. S. 231–236.

2007

Досуг и быт в Белграде в 1920–1940-х гг. // Славянский альманах 2006 / отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Индрик, 2007. С. 323–372.

«Картинки» русского военного присутствия в Югославии в 1920–1940-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 2. С. 118–126.

Русские изгнанники в Болгарии в 1920–1950-х годах // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2007. № 1 (22). С. 21–39.

Русский балет в Югославии // Славяноведение. 2007. № 6. С. 3–15.

2008

Взгляд на русскую эмиграцию в Болгарии («картинки истории») // Историкослависты МГУ. Кн. 6. Б. Н. Билунов. Материалы конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Б. Н. Билунова / отв. ред. Г. Ф. Матвеев. М.: Изд-во Московского университета, 2008. С. 172–200.

О единстве памяти. Русские архитекторы в Югославии // Архитектурное наследие Русского Зарубежья / отв. ред. С. С. Лешошко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 257–272.

Русские в католической Хорватии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2008. № 1 (26). С. 139–141.

Русские в Сербии: мир Церкви и Церковь и Мир // Макарьевские чтения: материалы седьмой международной конференции (21–23 ноября 2008 года) / отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ), 2008. С. 93–109.

Русские имена на оперной сцене Югославии // Славянский альманах 2007 / отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Индрик, 2008. С. 298–323.

Судьба Космета (история и современность) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2008. № 1 (26). С. 70–88.

2009

Наброски к «портрету» русской эмиграции в Болгарии в 1920–1950-х гг. // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: вторая половина XIX — первая половина XX в. / отв. ред. Т. А. Покивайлова. М.: Индрик, 2009. С. 76–94.

О феноменах русофильства и русофобства в Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. Сборник статей / отв. ред. Е. С. Узенёва. М.: Институт славяноведения РАН: ГАСК, 2009. Т. 4: Россия и славянские народы во времени и пространстве. С. 83–97.

Русская культура в Словении XX века (русские имена в театре) // Славяноведение. 2009. № 1. С. 52–61.

Русская эмиграция в Югославии: Русская православная церковь (РПЦЗ) в Югославии и ее ключевая роль в сохранении русской идентичности — русское просвещение и печать — русский военный в Белграде и в провинции // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: вторая половина XIX — первая половина XX в. / отв. ред. Т. А. Покивайлова. М.: Индрик, 2009. С. 10–50.

Там Плевен, Шипка и Балканы в нас не померкнули никогда // Родина. 2009. № 6. С. 63–67.

Что болгарская столица — это русский уголок... // Родина. 2009. № 4. С. 30–34.

2010

Заметки о выступлениях русских актеров и актрис в Югославии // В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: ПРОБЕЛ, 2010. С. 454–470.

Русские зодчие в Югославии // Славянский альманах 2009 / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2010. С. 283–300.

Русские на театральных сценах Балкан (1920–1940-е годы) // Studia Balkanica: к юбилею Р. П. Гришиной / отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 239–257.

Фердинанд I, царь болгарский // Sine ira et studio. Исследования в память о проф. Зина Маркова / ред. К. Д. Косев. София: Проф. Марин Дринов, 2010. С. 254–273.

2011

Впечатления от путешествия в сказку // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье / отв. ред. О. Н. Ильина. СПб.: Русская эмиграция, 2011. Вып. 14. С. 85–87.

Время и судьбы: русское православное священство и монашество в Независимом государстве Хорватии, апрель 1941 — апрель 1942 г. // Макарьевские чтения: материалы девятой международной конференции (21–23 ноября 2010 года) / отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского университета, 2011. С. 248–254.

К портрету предстоятеля Хорватской православной церкви митрополита Гермогена // Славянский альманах 2010 / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. С. 130–140.

Национализм и его вариации в маршах эпохи (младороссы) // Славяноведение. 2011. № 4. С. 28–36.

«Отцы и дети» в эмиграции (из истории младоросской мысли) // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII — начале XX в. / отв. ред. С. И. Данченко. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 216–254.

Русский театр в Югославии в 1920–1930-е гг. // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия / отв. ред. Т. А. Покивайлова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 390–443.

2012

«Крыло бабочки» // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 59–64.

Лидия Мансветова — из жизни на балканских сценах // Славянский альманах 2011 / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2012. С. 349–356.

Младороссы между двумя войнами (из идейно-теоретического наследия) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Сборник статей / отв. ред. Е. С. Узенёва. Т. 7: Образ России в славянских странах. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 96–105.

Страна табака, алых маков и революционеров (Вардарская Македония между двумя мировыми войнами) // *Bulgarian Historical Review*. 2012. Т. 40. № 1–2. С. 127–151.

Черная Гора (1918–1941) // *Славяноведение*. 2012. № 5. С. 51–60.

2013

Александр и Александра (из «послужного списка» русских мастеров сцены в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, позднее Королевства Югославии) // *Историки-слависты МГУ. Кн. 10: Славянский мир профессора Матвеева* / отв. ред. Ю. А. Борисёнок, А. Н. Литвинова, З. С. Ненашева. М.: Родина МЕДИА, 2013. С. 126–132.

Вардарская Македония между двумя мировыми войнами // *Славяноведение*. 2013. № 1. С. 11–23.

Константинополь в текстах русских панславистов // *Историки-слависты МГУ. Кн. 10: Славянский мир профессора Матвеева* / отв. ред. Ю. А. Борисёнок и др. М.: Родина МЕДИА, 2013. С. 96–103.

Пространство памяти в архитектуре (из истории русского зодчества на Балканах) // *Простори памћења: зборник радова. Том 1: Архитектура* / ур. А. Кадјевић, М. Попадић. Београд: Службени гласник, 2013. С. 232–241.

Русские в Хорватской Православной Церкви (1942–1944) // *Русское зарубежье и Вторая мировая война: IV Культурологические чтения «Русская эмиграция XX век»* (Москва, 28–29 марта 2011 года) / сост. И. Ю. Билюкова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. С. 138–156.

Футурология прошлого (к вопросу об исторической памяти и исторической политике) // *Bulgarian Historical Review*. 2013. Т. 41. № 3–4. Р. 158–165.

2014

Балканы: от Николая I до Николая II // *Императорский Дом Романовых и Балканы* / отв. ред. В. Б. Каширин. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 136–149.

- Воспитание чувств не по Гюставу Флоберу (Борис III) // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы, взаимодействия XIX–XXI вв. / отв. ред. В. П. Козлов. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 141–149.
- Воспоминания Симо Милутиновича о путешествии в середине XIX века в Россию и современная пьеса Углеши Шайтинаца «Право на руса» // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М.: Центр книги Рудомино, 2014. С. 227–231.
- Качаки и Косово: немного «плохой истории» // Независимость Албании в общебалканском контексте: К 100-летию образования Албанского государства / отв. ред. П. А. Искендеров. М.: ИСл РАН, 2014. С. 235–256
- Константинополь — русская дорога // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. / отв. ред. Р. П. Гришина. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 517–528.
- Лямур, тужур, оревуар — историко-личные заметки на полях истории // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М.: Центр книги Рудомино, 2014. С. 555–559.
- Мир идей Любена Каравелова // Българско Възраждане — идеи, личности, събития: годишник на Общобългарски комитет и Фондация «Васил Левски». София: Златен змей, 2014. Т. 15. С. 23–28.
- Немного о русской прессе на Балканах в межвоенный период // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А. А. Улуяна: сб. статей / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 309–327.
- Россия — моё отечество, но Сербия — моя родина // Листая страницы сербской истории... / отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2014. С. 241–270.
- Русофильство и русофобство на Балканах XIX–XX вв. (Болгария, Сербия, Россия) // Српске студије. 2014. Књ. 5. С. 337–353.

2015

- В Софии все неспокойно: из истории разрыва России с Болгарией // Родина. 2015. № 2. С. 61–64.
- Время испытаний: к истории разрыва русско-болгарских отношений 1886–1896 гг. // Güney-doğu Avrupa araştırmaları dergisi. 2015. Issue 28. S. 121–133.
- Константинополь — русская дорога // Славяноведение. 2015. № 1. С. 22–31.
- Рожденные в Санкт-Петербурге: русские художники в Югославии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (24). С. 86–92.
- Русская культура в Хорватии, 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (22). С. 9–16.
- Русские имена на балетных сценах в Белграде // Српске студије. 2015. Књ. 6. С. 322–344.

2016

- Актер, сцена, власть // Славянский альманах. 2016. Вып. 3–4. С. 210–227.

Балканы: память и памятники в процессе «печатания» новой культуры национализма // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 33–40.

Из македонской истории // Српске студије. 2016. Књ. 7. С. 256–270.

Леонид Сергеевич Лада-Якушевич и русские архитекторы в Чехословакии // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. Документы и материалы / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 266–273.

Русский Белград Александра Соловьева // 125 година од рођења Александра Васильевича Соловјева / ур. З. С. Мирковић, Н. Кршљанин. Београд: Правни факултет, 2016. С. 285–312.

Сергей Моравский о русских студентах в Праге // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. Документы и материалы / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 274–277.

Терорът на Мнемозина // Историческо бъдеще. 2016. № 1–2. С. 226–238.

2017

Болгария: от независимости к Балканским войнам // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 270–284.

Болгарский мир Любена Каравелова и Россия // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 65–71.

Константин Леонтьев: размышления о Болгарии // Ави-Тохол: Новият прочит на българското вчера, днес и утре. 2017. Кн. 39. С. 68–80.

«Культурное своеобразие» евразийства в мыслях его лидеров // Историја. Здружение на историчарите на Република Македонија. 2017. Год 52. № 1. С. 165–182.

Немного о «неизвестном» евразийстве // Славяноведение. 2017. № 4. С. 41–51.

О феноменах русофильства и русофобства в Болгарии — от Александра Баттенберга до наших дней // Ави-Тохол: Новият прочит на българското вчера, днес и утре. 2017. Кн. 38. С. 56–79.

Политическое развитие Болгарии после освобождения // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 55–86.

Русский Белград // Славянский мир в третьем тысячелетии: сборник статей / отв. ред. Е. С. Узенёва. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. Т. 12: Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. С. 443–455.

Театральные тумбы Болгарии // Русистика без границы. 2017. Т. 1. Кн. 2. С. 45–52.

Террор памяти // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 75–88.

2018

Болгария — Россия: варианты истории // Балканите и Европа в Източната криза 1875–1881 г. / ред. П. Митев, Т. Георгиева. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски». С. 297–303.

- Дом на песке (Вардарская Македония) // *Историја. Здружение на историчарите на Република Македонија*. 2018. Год. 53. № 1. С. 81–124.
- Колесо фортуны или немного о русской жизни в Болгарии // *Русистика без граници*. 2018. Т. 2. Кн. 1. С. 75–84.
- Ксения Грундт-Дюме и ее коллеги на словенской сцене в начале 1930-х гг.: (По неопубликованным мемуарам русской балерины) // *Slovenica IV. Российско-словенские отношения в XX веке* / отв. ред. Л. А. Кирилина. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 292–300.
- Между прошлым и будущим (о русской эмиграции в Софии) // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т. В. Волокитиной / ред. Е. Л. Валева, Н. С. Гусев, Н. М. Куренная, А. С. Стыкалин, М. М. Фролова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 45–59.
- Младороссы: национализм и его вариации в среде русской эмиграции // *Вопросы национализма*. 2018. № 1 (31). С. 179–188.
- Образ врага в балканском зеркале // *Limes slavicus 3: Културни концепти на славянството* / ред. С. Цанов. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2018. С. 210–230.
- Память русских в Баня-Луке (из биографий) // *Славяноведение*. 2018. № 4. С. 62–73.

2019

- Встречи в прошлом // *Столетие двух эмиграций 1919–2019: сборник статей* / отв. ред. А. Ю. Тимофеев. М.: Институт славяноведения РАН; Белград: Информатика, 2019. С. 391–402.
- «Летит, как пух от уст Эола» (русские звезды балета на сценах Сербии, Хорватии, Словении в XX веке) // *Искусство Сербии, Хорватии и Словении в XX веке: сборник статей* / отв. ред. и сост. Н. В. Злыднева. М.: Индрик, 2019. (Искусство стран Центральной и Восточной Европы). С. 485–517.
- Миры хорватского режиссера Оливера Фрлича, театрального провокатора и правдоискателя // *Славяноведение*. 2019. № 1. С. 47–55.
- Пути-дороги русских в Болгарии // *Историки-слависты МГУ: Кн. 12: Bulgarica, Slavica et Rossica*. Научный сборник в честь заслуженного профессора Московского университета Людмилы Васильевны Гориной / отв. ред. О. А. Дубовик, П. Е. Лукин. СПб.: Алетейя, 2019. С. 189–201.
- Размышления на тему альтернативных вариантов развития болгарской истории // *Болгария и Россия (XVIII–XXI вв.)*. Стереотипы: возникновение, бытование, разрушение: сборник статей / отв. ред. И. И. Калиганов, Р. Дамянова. М.: Институт славяноведения РАН. 2019. С. 201–211.
- СССР в донесениях хорватских дипломатов в Софии в годы войны (1941–1944) // *Славяноведение*. 2019. № 3. С. 76–84.

2020

- 1941–1945 годы в судьбах «русских балканцев» // *Русское Зарубежье. XX век. Мировые войны: Слепухинские чтения — 2018: труды Международной научной конференции* / отв. ред. Н. А. Слепухина. СПб.: Фонд Слепухина: Ладога, 2020. С. 268–275.

- Достоевский: Восточный вопрос // Српске студије. 2020. Књ. 11. С. 117–130.
- К портрету экарха Стефана I, митрополита Софийского // Русистика без граници. 2020. Т. 4. Кн. 3. С. 67–76.
- Цветущая красота русского вклада в культуру и науку: Балканы // Нансеновские чтения / ред. Е. И. Белова, М. В. Кротова и др. СПб.: Северная звезда, 2020. С. 288–296.
- Читая Достоевского и его размышления о славянах (Болгария) // Болгария — Россия. 140 лет дипломатических отношений: история, состояние, перспективы: материалы юбилейной болгаро-русской конференции (05–06 июля 2019): сборник статей. М.: Издательский дом «ИМЦ», 2020. С. 225–230.
- Ballet scene in Belgrade (1930–1940) // Accelerando [Elektronski izvor]: Belgrade journal of music and dance. 2020. God. 5. № 5.

2021

- Достоевский: Восточный вопрос // Славяноведение. 2021. № 1. С. 85–93.

2022

- Белград по-русски — некоторые воспоминания русской эмиграции // Српске студије. 2022. Књ. 13. С. 207–248.
- Мысли и прогнозы Достоевского в «Дневнике писателя» // Русистика без граници. 2022. Т. 6. Кн. 1. С. 66–75.
- Руската емиграция в Словения между службите на сигурност на СССР и Югославия след 1944 г. // Исторически преглед. 2022. Т. 78. № 4. С. 109–119.
- Русские в профашистской Хорватии в годы войны // Великая Отечественная. XX век. Люди и судьбы: Слепухинские чтения — 2020: труды Международной научной конференции / отв. ред. Н. А. Слепухина. СПб.: Фонд Слепухина. С. 100–108.

2023

- Достоевский. Славянство. Болгария // Ф. М. Достоевский и славянство / отв. ред. А. Ю. Пескова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 25–54.
- Монархизм, национализм, патриотизм и союзная империя — слагаемые революционного консерватизма // Русистика без граници. 2023. Т. 7. Кн. 4. С. 72–78.
- Русские беженцы в Хорватии // Русистика без граници. 2023. Т. 7. Кн. 1. С. 59–65.

2024

- Александр Островский на балканских подмостках // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2024. № 1. С. 59–69.
- Александр Федоров: стихи и жизнь // Изгнанието и творчеството като съдба: Александър Митрофанович Фьодоров / ред. Р. Д. Русев. София: Издателски център «Боян Пенев», 2024.
- Свидетельства времени из XX века // Историки-слависты МГУ: Кн. 17: Югославян волшебные портреты. К юбилею доцента Людмилы Васильевны Кузьмичёвой. Научный сборник / отв. ред. Г. Ф. Матвеев, Ю. А. Борисёнок, О. А. Дубовик, К. В. Мельчакова. М.: Издатель Степаненко, 2024. С. 394–400.

Избранные рецензии и обзоры:

- Н. С. Киняпина. Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX в. (1878–1898) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 159–162.
- Сербы в Российской империи. Русские без России. Сербские русские // Славяноведение. 1997. № 1. С. 92–97 (в соавторстве с Булатовой Р. В.).
- В. Д. Козлитин. Русская и украинская эмиграция в Югославии 1919–1945 // Славяноведение. 1998. № 4. С. 112–115.
- Л. П. Лаптева. Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX в. // Славяноведение. 1998. № 3. С. 96–100 (в соавторстве с М. Ю. Досталь).
- М. Јовановић. Доселовање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924 гг. // Славяноведение. 1998. № 4. С. 115–118.
- А. Арсеньев. У излуцины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду // Славяноведение. 2001. № 4. С. 115–117.
- И. Г. Воробьева. Профессор-славист Нил Александрович Попов // Славяноведение. 2001. № 2. С. 101–103.
- В. М. Хевролина. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев // Славяноведение. 2006. № 4. С. 90–96.
- Попов А. В. Российское православное зарубежье: история и источники. С приложением систематической библиографии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2006. № 3 (21). С. 149–152.
- Ц. Кьосева. Руската емиграция в България // Славяноведение. 2006. № 4. С. 98–101.
- Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М.: Русская панорама, 2005. 430 с. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2007. № 3 (24). С. 169–174.
- Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век // Славяноведение. 2007. № 6. С. 120–121.
- Е. П. Серапионова. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы // Славяноведение. 2007. № 5. С. 115–118.
- М. Јованович. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940 // Славяноведение. 2007. № 4. С. 85–88.
- В. Янчев. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност. Българският опит 1878–1912. В. Търново, 2006. 308 с. (В. Янчев. Армия, общественный порядок и внутренняя безопасность. Болгарский опыт 1878–1912) // Славяноведение. 2008. № 1. С. 93–98.
- И. Жейнов. Документи от архива на външната политика на Руската Империя (1865–1877 г.) / издирил, подготвил, составил и бележки: Иво Жейнов. Русе, 2009. 270 с. // Славяноведение. 2010. № 3. С. 95–96.
- Р. Дамянова. Емоциите в културата на българското възраждане. София, 2008. 199 с. // Славяноведение. 2010. № 1. С. 112–113.

- Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. 315 с. // Славяноведение. 2010. № 4. С. 82–84.
- И. Ф. Макарова. Болгары и Танзимат // Славяноведение. 2011. № 4. С. 87–89.
- Из Югославии в СССР, или Непридуманные истории из жизни одного поколения / сост. Г. И. Бутурович, Е. Л. Куликовская-Касалица, А. Р. Тогуняц. СПб., 2009. 333 с. // Славяноведение. 2011. № 3. С. 116.
- Молодежь русского зарубежья: [Полчанинов Р. В. Молодежь Русского Зарубежья: воспоминания, 1941–1951. М.: Посев, 2009. 416 с.] // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье / отв. ред. О.Н. Ильина. Вып. 14. СПб.: Русская эмиграция, 2011. С. 42–43.
- «Погасло дневное светило...». Рускага литературна емиграция в Бългaрия 1919–1944. София, 2010. 461 с. («Погасло дневное светило...». Русская литературная эмиграция в Болгарии 1919–1944) // Славяноведение. 2011. № 4. С. 91–95.
- Ульянкина Т. И. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М.: Росспэн, 2010. 639 с. // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. Т. 32. № 2. С. 159–162.
- И. Стоянов. ТЦБК. Идеи и проекты. Велико Тырново, 2010. 227 с. // Славяноведение. 2012. № 1. С. 100–102.
- С. Н. Букасова-Богословова. Рускага следа във Варна. Варна, 2009. 126 с. // Славяноведение. 2012. № 1. С. 99.
- Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе / отв. ред. Л. Н. Будагова. Серия «Slavica et Rossica». М., 2011. 446 с. // Славяноведение. 2012. № 6. С. 109–111.
- Д. В. Скрынченко. Обрывки из моего дневника // Славяноведение. 2013. № 4. С. 103–104.
- Н. В. Гоголь и славянские литературы // Славяноведение. 2013. № 6. С. 74–77.
- Последните български владци в Македония. Съставител Лизбет Любенова. София, 2012. 430 с. (Последние болгарские владыки в Македонии) // Славяноведение. 2013. № 5. С. 114–116.
- Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания // Славяноведение. 2014. № 4. С. 108–110.
- Болгарская книга о русской литературе // Славянский альманах 2014 / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2014. Вып. 1–2. С. 352–355.
- Гуськова Е. Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М., 2013. — 310 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 4 (77). С. 188–193.
- П. Мангачев. Генерал Казимир Эрнрот — живот и дело в Бългaрия (П. Мангачев. Генерал Казимир Эрнрот — жизнь и дело в Болгарии) // Славяноведение. 2014. № 3. С. 106.
- Сага за балканската война. Дневник на свещеник Иван Дочев (Сага о балканской войне. Дневник священника Ивана Дочева) // Славяноведение. 2014. № 1. С. 123–124.
- Из Сербии с любовью: Алексей Борисович Арсеньев // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 449–457.

- Й. Гешева. Консерваторите, партията, личностите и изграждане на българската държава 1879–1886 г. (Й. Гешева. Консерваторы, партия, личности и строительство болгарского государства 1879–1886 гг.) // Славяноведение. 2015. № 1. С. 105–108.
- Любенова Л. По пътя на българската духовност. Т. 1. Изследвания по църковна история. София, 2014 // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 2 (63). С. 163–165.
- И. Тодев. Човекът е историческо животно. Рефлексии и саморефлексии (И. Тодев. Человек суть историческое животное. Рефлексии и саморефлексии) // Славяноведение. 2016. № 3. С. 95–97.
- М. В. Тортика (Лобанова). Между молотом европейской модернизации и наковальной евразийских империй: миражи центризма в социал-демократической практике Болгарии и России (конец XIX — начало XX ст.). Харьков, 2015. 793 с. // Славяноведение. 2016. № 5. С. 105–106.
- П. Мангачев. Документална история на руските бежанци в България (1919–1944). В 2-х т. София, 2015. Т. 1, с. 248. Т. 2, с. 199. (П. Мангачев. Документальная история русских беженцев в Болгарии (1919–1944)) // Славяноведение. 2016. № 4. С. 99–100.
- Руската колония во Скопје (1920–1943 год). Сборник на документи. Скопје, 2015. 909 с. (Русская колония в Скопье (1920–1943 г.). Сборник документов) // Славяноведение. 2016. № 4. С. 101–102.
- В. Бондаренко. Русский некрополь на Шипке. М., 2016. 688 с.: илл. // Славяноведение. 2017. № 5. С. 102–104.
- Галина Петкова «Да се даде ръководеща нишка»: история на руската литература от проф. П. Бицили в три книги (България, 1931–1934 г.). София, 2017. 655 с. // Русистика без граници. 2017. Т. 1. Кн. 4. С. 125–128.
- Р. Михнева, К. Грозев, Г. Рупчева. «Малката Русия» на жълтите павета. София, 2016. 246 с. (Р. Михнева, К. Грозев, Г. Рупчева. «Маленькая Россия» на желтой брусчатке) // Славяноведение. 2017. № 5. С. 104–105.
- Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898) / edit. F. Solomon, A.-V. Ceobanu, A. Cușco, G. Șkundin. Iași, 2014. 459 s. (Дипломатические документы российских представителей в Румынии (1888–1898)) // Славяноведение. 2017. № 1. С. 107–108.
- Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). В 2 кн. / авторы-составители А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаевский. Белград, 2018. Кн. 1. 638 с. Кн. 2. 690 с. // Славяноведение. 2019. № 4. С. 126–127.
- М. А. Бирман. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М., 2018. 442 с. // Славяноведение. 2019. № 2. С. 111–114.
- П. Н. Базанов. «Петропольский Тацит» в изгнании. Жизнь и творчество русско-го историка Николая Ульянова. СПб., 2018. 510 с. // Славяноведение. 2019. № 4. С. 128–130.
- Златкова Ю. Константин Леонтьев и Балканите. София: Аванград Прима, 2020. 298 с. ISBN 9786192394608 // Русистика без граници. 2020. Т. 4. Кн. 4. С. 83–89.

- П. Мангачев. Акад. Димитър Михалчев — между философията и дипломацията. София, 2020. 135 с. (П. Мангачев. Акад. Димитър Михалчев — между философией и дипломатией) // Славяноведение. 2021. № 5. С. 150–152.
- Попова Т. Н. Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «Сфумато». Одесса: Бондаренко М. А. 2021. 569 с. ISBN 9786178005160 // Русистика без границы. 2021. Т. 5. Кн. 3. С. 75–80.
- Ю. Златкова. Константин Леонтиев и Балканите. София, 2020, 297 с. (Константин Леонтьев и Балканы) // Славяноведение. 2021. № 1. С. 121–124.

Публикации документов:

- Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1850–1864 гг.: документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1985. 495 с.
- Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1865–1875 гг.: документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1988. 440 с.
- Письмо генерала П. И. Залесского // Славяноведение. 1994. № 4. С. 111–113.
- Переписка святителя Тихона со святейшим Димитрием, Патриархом Сербским и архиепископом Белградским // Богословский сборник. Православный Свято-Тихоновский богословский институт. 2000. № 6. С. 251–267 (*совместно с прот. Владимиром Воробьевым, О. Ефремовой и О. Косик*).
- Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2008. 448 с.
- Русия и възстановяването на българската държавност (1878–1886 г.) = Россия и восстановление болгарской государственности (1878–1885 г.). София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2008. 439 с.

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ».
МОСКВА, 21–22 МАЯ 2024 Г.
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

Артём Юрьевич Перетяtko

Кандидат исторических наук,
старший преподаватель
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
заведующий Молодежной лабораторией ЮФУ
и ВШЭ «Междисциплинарные исследования
в регионе Большого Кавказа и Ближнего Востока»
Почтовый адрес: ул. Пушкинская, 160,
Ростов-на-Дону, 344006, Россия
Электронный адрес: peretiatko@sfedu.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Аннотация

В этом году конференции молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие» в ее актуальном ежегодном молодежном формате исполнилось 10 лет. За десятилетие своего существования конференция прошла заметный путь, меняясь вместе с окружающим миром. Ей удалось стать важным центром интеллектуальных контактов для молодых ученых из разных регионов России и мира. В то же время эволюция конференции не обошлась и без определенных потерь, прежде всего, связанных с репрезентативностью зарубежных участников. Статья посвящена работе секции «История», в которой участвовали ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Екатеринбурга, Казани, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Белграда (Сербия), Будапешта (Венгрия) и Минска (Республика Беларусь). Показано, что тематика докладов молодых ученых отличалась крайним разнообразием, тематическим, региональным и методологическим. Помимо событийной истории исследователи обращались к микроистории, к биографиям как известных исторических деятелей, так и персоналий второго плана, но чаще всего в основе исследований был анализ текстов. Благодаря подобным подходам раздвигались и географические рамки изучаемых территорий, далеко не ограничивающихся славянскими странами: например, анализировались тексты русских дипломатов об Иране или французской писательницы Ж. де Сталь о Богемии. Наконец, хронологически историков интересовали темы от Великой Моравии до политического скандала с президентом Венгрии К. Новак в 2024 г. Все это позволяет прийти к выводу, что славяноведение в России, несмотря на очевидные сложности, продолжает развиваться.

Ключевые слова

Конференция, молодые ученые, славяноведение, методы исторического исследования, история дипломатии, история Югославии

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2024 г.

Статья доработана автором 9 октября 2024 г.

Статья принята в печать 29 октября 2024 г.

Цитирование: *Перетятко А. Ю.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 21–22 мая 2024 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 304–316. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.15>

**YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”.
MOSCOW, 21–22 MAY 2024.
SECTION “HISTORY”**

Artyom Yu. Peretyatko

Ph. D., Senior lecturer,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University;
Head of the Southern Federal University
and HSE University Laboratory of Young Scholars
“Interdisciplinary researches in the region
of Greater Caucasus and Middle East”
Postal address: Pushkinskaya str., 160,
Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: peretiатко@sfedu.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Abstract

The Conference of Young Scientists “Slavic World: Community and Diversity” in its current annual format has celebrated its 10th anniversary. The conference has come a long way and changed along with the surrounding world over the decade of its existence. It has become an important center of intellectual contacts for young scientists from different regions of Russia and the world. At the same time, the evolution of the conference was not without certain losses, primarily related to the representation of foreign participants. The article is devoted to the work of the “History” section, which was attended by scientists from Moscow, St. Petersburg, Voronezh, Yekaterinburg, Kazan, Nizhny Novgorod, Rostov-on-Don, Belgrade (Serbia), Budapest (Hungary) and Minsk (Republic of Belarus). It is shown that the topics of the reports of young scientists were extremely diverse thematically, regionally and methodologically. In addition to the history of events, researchers turned to microhistory, to biographies of both famous historical figures and secondary personalities, but most often the research was based on text analysis. Thanks to such approaches, the geographical boundaries of the studied territories were expanded, far from being limited to Slavic countries: for example, texts of Russian diplomats about Iran or the French Writer J. de Stael about Bohemia were analyzed. Finally, chronologically, historians were interested in topics from Great Moravia to the political scandal with the President of Hungary K. Novak in 2024. All this allows us to conclude that Slavic studies in Russia, despite obvious difficulties, continue to develop.

Keywords

Conference, young scientists, Slavic studies, methods of historical research, history of diplomacy, history of Yugoslavia.

Received 11 September 2024

Revised 9 October 2024

Accepted 29 October 2024

For citation: Peretyatko, A. Yu., 2024. Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 21–22 May 2024. Section “History”. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 304–316. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.15>

В этом году конференции молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие» исполнилось 10 лет¹. За десятилетие своего существования конференция прошла заметный путь, меняясь вместе с окружающим миром. Ей удалось стать важным центром интеллектуальных контактов для молодых ученых из разных регионов России и мира, мероприятием, в рамках которого поддерживаются старые и возникают новые научные связи. Этому способствует ход конференции, предусматривающий деление исторической секции на узкие тематические подсекции, в рамках которых происходят дискуссии. Наконец, за время существования конференции были расширены объемы текстов, публикуемых по итогам конференции, что позволило полноценно презентовать основные положения докладов участников остальному научному сообществу².

Конференция была открыта двумя подсекциями: «Этническое и религиозное в Средние века и раннее Новое время. Часть I» и «Часть II», которые оказались достаточно разными. Первая из них (модератор М. В. Лескинен) началась докладом В. Е. Есис (Национальный исторический музей Республики Беларусь) «Меч в балтских и славянских представлениях как социальный объект». Исследовательница продемонстрировала широкую эрудицию и смелость обобщений, рассматривая социальную роль меча не только у балтов и славян, но и у скандинавов в широком хронологическом диапазоне (с X по XIII в.). К сожалению, масштабность обобщений привела к тому, что и выводы о социальной роли мечей у балтов и славян оказались универсальными, а не уникальными для рассматриваемых обществ: по мнению докладчицы, меч был боевым оружием, на нем скреплялись договоры, и возможно, он был регалией власти. Принципиально иной подход к исследуемой проблеме продемонстрировал Н. В. Евстафьев (Институт славяноведения РАН) в докладе «Европейские авторы XVI в. в поисках меритократии и веротерпимости в Османской империи: специфика профессиональной эпохи». Как видно уже из названия, автора в большей

¹ Кокунина Л. К., Новосельцев Б. С., Усачева А. В., Ясинская М. В. Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие». Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 470–472; Евстафьев Н. В. Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 23–24 мая 2023 г. Секция «История». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 267–278. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.18>

² Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 20–21 мая 2014 г. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2014; Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 26–27 мая 2015 г. / отв. ред. О. В. Хаванова. М.: ИСЛ РАН, 2015; Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2017 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. Москва: ИСЛ РАН, 2017; Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018.

степени интересовали не реалии Османской империи, но то, почему некоторые европейские авторы XVI в. описывали Османскую империю как меритократическую и веротерпимую страну и было ли это связано с конфессиональной ситуацией в мире. Н. В. Евстафьев пришел к любопытному выводу, что для некоторых европейских авторов откровенное восхваление отдельных аспектов устройства Османской империи было своеобразным полемическим приемом, позволяющим подчеркнуть недостатки христианских стран. Таким образом, уже в рамках первой подсекции оказались представлены противоположные подходы, встречающиеся в современном славяноведении: широкое обобщение и осознанное сужение темы исследования, исследование социальной истории и анализ текстов как субъективных конструктов, призванных в первую очередь доказать правоту авторов, а не описать объективную реальность.

Напротив, в рамках второй подсекции (модератор Л. М. Аржакова) исследователи, анализируя различные регионы в XVII в., демонстрировали схожесть исследовательских подходов и полученных результатов. Н. Р. Белова (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) в докладе «Ересь как орудие дьявола в чешскоязычной католической литературе эпохи барокко» анализировала чешскоязычные сочинения католических проповедников периода Контрреформации, приходя к выводу о том, что в рамках транслируемой текстами картины мира человек постоянно сталкивался с угрозой обмана еретиками, за которыми стояла еще более опасная фигура дьявола. По мнению Н. Р. Беловой, уместно говорить об осознанном запугивании католическими проповедниками своей паствы, чтобы укрепить ее в вере. К. М. Медведев (Санкт-Петербургский государственный университет) в докладе «“Отцеубийство”, “Авель” и “Каины”: трактовки убийства Иосафата Кунцевича католиками и униатами Речи Посполитой» анализировал тексты католических и униатских авторов об убийстве И. Кунцевича, показывая, что оно регулярно позиционировалось как «отцеубийство», а убийцы назывались «Каинами». Докладчик пришел к выводу, что в разбираемых им текстах убийство И. Кунцевича не просто рассматривалось как мученичество, но и это мученичество оказывалось доказательством истинности католической веры, способной порождать мучеников (при этом православные, то есть «схизматики» в рамках лексики авторов разбираемых текстов, якобы своих мучеников не имели). В результате оба доклада, несмотря на принадлежность авторов к различным научным школам, продемонстрировали большой потенциал изучения религиозных текстов XVII в. и мрачность картины мира католика той эпохи.

Подсекция «Проблемы изучения чешской истории XIX–XX вв.» (модератор Г. П. Мельников) наглядно продемонстрировала, насколько различные темы и подходы к ним находятся в фокусе современных российских богемистов. Доклад И. А. Ксенофонтова (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) «Трактат “О Германии” Ж. де Сталь

в парадигме представлений богемских чехов и французов друг о друге в начале XIX в.» вызвал дискуссию и даже определенные возражения у части аудитории: в нем шла речь о *les Bohêmes* в тексте Ж. де Сталь, то есть, в переводе на русский, скорее о «богемце», чем «чехе». И. А. Ксенофонов обратил внимание на этот факт, однако счел, что в большинстве случаев можно рассматривать «богемцев» Ж. де Сталь как чехов (более того, в выполненном для доклада переводе французского оригинала *les Bohêmes* переведены именно как «чехи»). Хотя на общие выводы И. А. Ксенофопова (о незнании французским обществом начала XIX в. чехов и отнесении Богемии к германскому миру) данная неточность не влияет, далеко не все, сообщаемое Ж. де Сталь о *les Bohêmes*, следует однозначно рассматривать как характеристику чехов, а не всех жителей Богемии.

Доклад В. В. Котова (Институт славяноведения РАН) «Несостоявшийся пражский съезд славянских гимнастических обществ 1868 г. и формирование концепции сокольских слетов» рассматривал данный несостоявшийся съезд в аспекте двух частных проблем: насколько не произошедший в реальности сокольский слет 1868 г. послужил основой для первого сокольского слета в 1882 г., и что вообще послужило образцом для чешских соколов в проведении подобных мероприятий. Исследователь пришел к выводу о том, что основные пункты программ слетов 1868 г. и 1882 г. совпадали и были созданы под явным влиянием немецких Турнфестов.

Наконец, доклад Т. В. Гимадеева (Казанский государственный аграрный университет) «Чешский историк Йозеф Пекарж и Аграрная партия» демонстрировал биографический подход к чешской истории. Докладчик рассматривал последние годы существования Австро-Венгрии и большую часть истории первой Чехословацкой республики через призму деятельности конкретного персонажа. Подобный взгляд на историю славянских государств представляется нам перспективным, хотя в данном докладе автор воздержался от обобщающих выводов.

Подсекция «Положение социалистической Югославии в мире: партнерство и конфронтация» (модератор Н. В. Бондарев) преобладали классические доклады о событийной истории. В этом контексте нам представляется особенно показательным доклад Д. Д. Пальчикова (Государственный академический университет гуманитарных наук) «Политика СКЮ (Союза коммунистов Югославии. — А. П.) по консолидации югославского общества перед VII съездом партии». До краха коммунистических режимов Центральной и Восточной Европы коммунистические историки активно исследовали ход партийных съездов в своих странах, интерпретируя их как важнейшие и рубежные события. Доклад Д. Д. Пальчикова имеет определенные параллели с этим подходом: исследователь обратился к рубежному, по его мнению, съезду СКЮ, на котором была принята программа партии, предполагающая особый югославский путь строительства социализма. Однако докладчик показал, что в действительности югославское общество

перед съездом было далеко не единым, и власти различными способами пытались сплотить его, продемонстрировав внешним наблюдателям единство партии и народа (в том числе и понимая, что новая программа может вызвать недовольство в СССР, а раскол в югославском обществе — спровоцировать военное вмешательство советских войск). Таким образом, традиционный историографический сюжет получил новое наполнение.

Более традиционным было наполнение доклада Д. Секуловича (Высшая школа экономики) «Экономическая политика Югославии 1980–1991 гг. Перестройка перестройки?». Автор обратился к широкой и многократно исследованной теме, которая тем не менее не перестает привлекать историков. Опираясь на большой массив источников и литературы, автор пришел к выводу о том, что в 1980–1991 гг. в Югославии предпринималось несколько параллельных попыток перестройки государства и идеологии, причем иногда противоречащих друг другу.

Принципиально отличался от других докладов секции доклад Б. С. Новосельцева (Институт славяноведения РАН) «Строительство здания советского посольства в Белграде и югославского посольства в Москве (конец 1960-х — начало 1970-х гг.)». Хотя он тоже был посвящен событийной истории, в данном случае корректнее говорить о микроистории: докладчик подробно восстановил ход параллельной постройки советского посольства в Югославии и югославского посольства в СССР. Здания строились по принципу взаиморасчета: советская сторона безвозмездно предоставляла участок и строила югославское посольство в Москве, а югославская сторона аналогичным образом строила советское посольство в Белграде, причем дипломатами было написано десятки нот с взаимными претензиями, а заседания специальной комиссии по взаиморасчетам продолжались несколько лет. Б. С. Новосельцев справедливо считает, что при подобном подходе опыт строительства посольств полезен для понимания специфики рутинной работы дипломатов и коммуникации между ними. При всей локальности данного сюжета он представляется нам очень ярким и характерным, и важным не только в контексте истории дипломатии, но и для понимания специфики позднего СССР.

Подсекцию «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы на современном этапе развития» (модератор А. С. Стыкалин) открыл доклад Д. П. Ерёмкина (Институт Европы РАН) «Общегосударственный кризис в БиГ 1999 г.», тематически и методологический продолжающий предыдущую секцию. Он описывал ход политического кризиса в Боснии и Герцоговине в 1999 г., выразившегося в месячном бойкоте общегосударственных институтов БиГ сербскими и хорватскими институтами федерации. Докладчик, во-первых, обратил внимание на то, что данный сюжет остается подробно не рассмотренным в современной историографии, а во-вторых, резонно указал, что итоговое принуждение международным сообществом боснийских сербов и хорватов к сотрудничеству с общегосударственными

институтами БиГ показало исключительную степень влияния внешних акторов на внутреннюю жизнь этой страны.

Напротив, доклад Д. А. Афандеева (Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского) «В поиске примирительного нарратива: трудное прошлое в официальных обращениях премьер-министров России и Польши 2009–2010 гг.» представлял собой попытку соотнести событийную историю и анализ нарративов. Докладчик анализировал то, как определенное улучшение российско-польских отношений в 2009–2013 гг. повлияло на попытки значимых политиков (прежде всего, В. В. Путина и Д. Туска) найти некую приемлемую для обеих сторон версию исторической памяти в своих публичных речах. По мнению Д. А. Афандеева, точкой соприкосновения для двух политиков на тот момент было однозначное осуждение советского тоталитаризма, позволившее русской стороне однозначно осудить Катынь как преступление этого тоталитаризма, а польской стороне отделить русских в принципе от советского режима, в числе жертв которого признавалось наличие как поляков, так и русских. Докладчик пришел к важному в наше сложное время выводу о том, что несмотря на сложную историю взаимоотношений, Россия и Польша потенциально могут избегать войн памяти.

А. К. Александрова (Институт славяноведения РАН) в докладе «Отношения между государством и церковью в современной Греции: фактор членства в Европейском союзе» касалась не менее сложного вопроса о том, как церковь адаптируется к реалиям светского общества. По ее мнению, православие исторически являлось важнейшим элементом греческой идентичности, однако это зачастую противоречит нормам ЕС, что провоцирует конфликты между греческим государством и Элладской православной церковью. Наиболее глубокой нам представляется идея А. К. Александровой о том, что, несмотря на постепенную утрату ЭПЦ влияния в греческом обществе последних десятилетий, на данный момент европейская составляющая греческой идентичности не вытеснила православную, но сосуществует с ней.

Наконец, два последних доклада первого дня конференции были посвящены вопросам актуальной политики Венгрии. Н. Ю. Шишов (независимый исследователь, Венгрия) в докладе «Политический скандал Венгрии: отставка президента Каталин Новак в феврале 2024 г.» рассматривал как конкретное событие (отставку президента Венгрии из-за того, что она помиловала человека, скрывшего факты педофилии), так и влияние этого события на внутривнутриполитическую обстановку в стране. А. О. Гриднева (Московский государственный институт международных отношений) в докладе «“Трианонская травма” и ее интерпретации в XXI веке» рассматривает то, как действующий премьер-министр В. Орбан использует против своих противников, венгерских политиков либерального и социалистического спектра, реальную или кажущуюся ошибку, допущенную их предшественниками более столетия назад, — подписание Трианонского мирного договора, зна-

чительно сократившего территорию Венгрии и оставившего значительную часть венгерского народа за пределами венгерского государства.

Таким образом, в современной истории молодых славяноведов привлекают не столько анализ нарративов или выявление картины мира определенных социальных групп, сколько событийная политическая история или даже непосредственно политические кризисы.

Второй день конференции открыла подсекция «Дипломатические миссии в истории международных отношений. Фактор личности» (модератор П. И. Прудовский). Опираясь на название, можно было ожидать, что большая часть докладов будет посвящена биографиям отдельных дипломатов. В действительности, однако, открывавший подсекцию доклад Д. Д. Копаневой (Санкт-Петербургский государственный университет) и Н. В. Белова (Санкт-Петербургский государственный университет, Библиотека РАН) «Статейный список посланника Г. В. Булгакова и подьячего Е. Бреева (1647–1648 гг.): контекст и персоналии» был посвящен вовлечению в научный оборот данного статейного списка, до настоящего времени малоисследованного. Его текст содержит информацию как о путешествии российских дипломатов в Исфахан и обратно, так и о их встречах с различными чиновниками государства Сефевидов и даже своеобразные разведанные, добытые при шахском дворе. Интересно, что вопросы после доклада подняли проблему использования в источнике устаревших этнонимов и регионимов, не всегда переводимых в современные реалии: по словам докладчиков, в источнике не упоминались ни Персия, ни Иран, а государство, в которое направлялись дипломаты, именовалось кызылбашским.

Следующие два доклада действительно были посвящены нюансам биографий дипломатов. Д. О. Манин (Уральский федеральный университет) в докладе «Роль Иоганна Госенца в проекте организации франко-русской торговли на рубеже 1660–1670-х гг.» анализировал деятельность немецкого торговца в России XVII в. И. Госенца, в 1669–1670 гг., в обход Посольского приказа, ведшего переписку с французскими властями о перспективах франко-русской торговли. М. Т. Накишова (Уральский федеральный университет) в докладе «Деятельность тайного кабинет-секретаря А. В. Макарова в контексте курляндского кризиса времен Екатерины I» доказала, что, когда в 1726 г. курляндский сеймик избрал герцогом знаменитого Морица Саксонского, а российские власти начали оказывать противодействие его кандидатуре, направив в Курляндию дипломатическую миссию А. М. Девиера, существенную роль в контроле этой миссии осуществлял тайный кабинет-секретарь А. В. Макаров. Хотя оба биографических доклада были посвящены очень частным сюжетам, нельзя не признать, что выявление малоизвестных фигур, оказавших большое влияние на международные переговоры, является перспективным направлением исследования.

Заключительный в подсекции доклад К. В. Мельчаковой «К вопросу о русской помощи в возведении православного собора в Сараеве: изготов-

ление иконостаса» (Институт славяноведения РАН) носил, подобно первому, не биографический характер. Докладчица обратилась к микроистории: зная, что иконостас Собора Рождества Пресвятой Богородицы в Сараеве выполнен русскими мастерами, исследовательница решила детально восстановить его историю, тем более что находящаяся в открытом доступе информация об этом иконостасе оказалась не совсем верной.

Подсекция конференции «Проекты переустройства Европы в первой половине XX в.» (модератор А. А. Силкин) была посвящена более масштабным дипломатическим сюжетам. М. Радивоевича (Белградский университет) в докладе «Влияние соглашения о Константинополе и проливах на позицию России относительно переговоров Антанты с Италией о вступлении в Первую мировую войну. Положение Сербии» интересовала в основном событийная история и сложный ход переговоров по вступлению Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты. Докладчик показал, что интересы России и Италии на Балканах в 1915 г. очевидно пересекались: Италия претендовала на часть славянских земель, прежде всего Далмацию, в то время как Российская империя традиционно позиционировала себя защитницей славян. В то же время М. Радивоевич обратил внимание на любопытный нюанс: если сербские власти в 1915 г. вели курс на объединение с хорватами и словенцами, и не желали передачи Италии после победы территорий, населенных представителями этих народов, то российские власти считали возможным передать Италии хорватские и словенские, но не сербские и черногорские территории.

Т. Д. Меркушина (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) в докладе «“Польша является страной, которую нетрудно победить, но нелегко сохранить”»: роль Д. Ллойд Джорджа в советско-польской войне в 1920 г.» обратилась к истории дипломатии в контексте биографии и политической карьеры британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа. Она продемонстрировала, что в 1920 г. британского премьера интересовала в большей степени нормализация отношений с Советской Россией, чем помощь формально союзному государству, Польше. Как показала исследовательница, это объяснялось желанием Д. Ллойд Джорджа улучшить экономическое положение Великобритании. В то же время, как нам представляется, доклад выявил ограниченность чисто биографического подхода в историческом исследовании: осталось неясным, насколько обоснована была позиция Д. Ллойд Джорджа и как она соотносилась с позициями других политических деятелей.

Наконец, А. Г. Мирзоян (Российский государственный гуманитарный университет) в докладе «Отношение в британской прессе к подготовке миссии У. Ренсимена (июль-август 1938 г.)» исследовал не столько само дипломатическое событие, сколько его отображение в газетных текстах. Исследователя интересовали газетные отклики и прогнозы относительно направления в Чехословакию британской миссии для помощи в урегулиро-

вании конфликта с судетскими немцами и Третьим рейхом. Как известно, в конечном счете деятельность британского правительства в урегулировании этого конфликта закончилась Мюнхенским соглашением и передачей всех спорных земель, а в дальнейшем и всей территории Чехословакии Рейху, что, в свою очередь, способствовало дальнейшей нацистской агрессии. Поэтому иронично, что почти все проанализированные докладчиком британские издания, от фашистских до лейбористских, оценивали подготовку миссии У. Ренсимена не просто положительно, но и оптимистично, надеясь, что она поможет в разрешении кризиса. Только коммунистическая *The Daily Worker* критиковала миссию, впрочем, не вполне самостоятельно: в рамках этой критики приводились выдержки из советских «Известий».

Таким образом, две подсекции продемонстрировали не только интерес молодых ученых к истории дипломатии, но и готовность изучать эту историю различными методами. В рамках конференции 2024 г. именно изучение истории дипломатии оказалось самой популярной темой среди молодых ученых, возможно потому, что в современном мире становится очень востребованной (но, к сожалению, редкой) способность решать конфликты дипломатическим, а не силовым путем.

Подсекция «Библиотечное дело. История книг и периодики» (модератор Д. Г. Полонский) была посвящена как анализу текстов, так и попыткам реконструировать историю издания отдельных книг и даже историю экземпляров книг. Открыла подсекцию Я. В. Мартынова (Российская государственная библиотека / Институт славяноведения РАН) докладом «Экземпляры произведения С. Твардовского “*Wojna domowa*” в собрании Российской государственной библиотеки». В докладе описывалась история двух конкретных экземпляров поэмы С. Твардовского *Wojna domowa*, выполненных в Калише в 1681 г., а в настоящее время хранящихся в РГБ и имеющих владельческие записи. Я. В. Мартынова считает, что судьбы этих экземпляров польской поэмы показывают, как российское общество второй половины XVII в. контактировало с польской культурой; дальнейшее изучение отдельных экземпляров старинных польских книг может помочь установить круг их хозяев и то, какие социальные страты были охвачены этими контактами.

М. В. Колмакову (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена) интересовала история издания книги, что нашло отражение в докладе «“Переводы из работ философов Чехословакии”»: сборник, изменивший имя». Как рассказала М. В. Колмакова, в 1969 г. Институтом философии АН СССР для служебного пользования был издан реферативный сборник «Некоторые проблемы марксистско-ленинской философии в работах философов Чехословакии». В 1970 г. библиотеки, в которые поступил данный сборник, получили задание изменить его обложку, чтобы название поменялось на «Переводы из работ философов Чехословакии». Причины подобного изменения при этом не указывались. Как пока-

зала докладчица, подобное изменение было связано с событиями 1968 г., с Пражской весной. В рамках дискуссии обсуждался вопрос о том, что после демонстрации чехословацким обществом очевидной нелояльности СССР — для советских философов стало опасно позиционировать смелые и не всегда ортодоксальные тексты философов из Чехословакии в качестве относящихся к марксистско-ленинской философии.

Дискуссию вызвал и доклад И. Д. Ерофеева (Институт славяноведения РАН) «Славянофильские идеи на страницах журнала “Славянский мир” 1905–1907 гг.». Докладчик обратился к текстам журнала «Славянский мир», выходившего в Кракове в 1905–1914 гг. и бывшего органом местного «Славянского клуба». Как показал И. Д. Ерофеев, журнал призывал к сохранению Австро-Венгрии, либерализации России и их союзу против Германии. Однако существенные вопросы у аудитории вызвало позиционирование подобных идей в качестве «славянофильских». И здесь мы снова сталкиваемся с проблемой адекватной передачи смыслов, заложенных в источниках, с помощью современной лексики: «славянофилами» называли себя сами члены «Славянского клуба» на страницах журнала, однако в современном русском языке данный термин имеет четкое значение и привязан к русским деятелям XIX в., а не к польским деятелям XX в.

Конференция завершалась вопросами историографии — подсекцией «Историки и историография. Проблемы изучения истории славянских народов» (модератор М. А. Робинсон). К. А. Юрьев (Воронежский государственный университет) выступил с классическим историографическим докладом «Изучение Великой Моравии на раннем этапе развития отечественной дореволюционной историографии», в общих чертах описывающим деятельность целого ряда ученых и уточняющим, как в Российской империи начиналось изучение Великой Моравии. Научная новизна доклада состояла в том, что, если в других исследованиях об отечественной историографии Великой Моравии рассматриваются работы, написанные с 1860-х гг., то К. А. Юрьев предлагает учитывать и более ранние тексты, посвященные преимущественно кирилло-мефодиевской тематике, поскольку в них затрагивались сюжеты, связанные с Великой Моравией.

Схожего подхода придерживался и Янь Лэй (Институт славяноведения РАН) в докладе «Турбулентные события на постъюгославском пространстве первой половины 1990-х в “зеркале” реакций государственных деятелей и экспертов КНР». Проанализировав широкий круг текстов от газетных публикаций до академических статей, исследователь пришел к выводу, что и государственные деятели, и ученые КНР занимались югославской проблемой, как исследуя ее, так и призывая решить путем мирного урегулирования. В то же время следует отметить, что подобную позицию едва ли следует считать эксклюзивной для КНР, а специфику китайских текстов о раскладе Югославии ученый специально не выявлял.

Два других прозвучавших на подсекции доклада были посвящены анализу отдельных текстов. А. Ю. Перетятко (Южный федеральный университет) в докладе «Классификации народов во втором издании “Описания всех обитающих в Российском государстве народов” И. Г. Георги» доказывал, что в разбираемой им книге присутствует даже не одна, а две классификации народов. Сам И. Г. Георги старался делить народы на группы по «единородству», то есть единству происхождения, но отдельные народы объединял в группы по географическому или религиозному принципу. Незвестный автор «Предуведомления» ко второму русскому изданию книги предложил делить все народы Российской империи на «руссов» (фактически финнов), «славян», «татар», «монгол» и «пришельцев», оставив вне этих групп «козаков», которых он позиционировал как сословие, но считал нужным описать отдельно из-за особенностей одежды и обычаев. В. И. Короневский (Санкт-Петербургский государственный университет) в докладе «Как выстроить историю Западной Руси вокруг святого? Св. Афанасий Брестский в концепции епископа Иосифа (Соколова)» фактически пытался понять, как в одном тексте могут сосуществовать опора на православную агиографию и опора на научную историю второй половины XIX в. Проанализировав текст епископа Иосифа (Соколова) об Афанасии Брестском, докладчик пришел к выводу, что для него характерен своеобразный компромисс между верой и историей: фигура святого остается ключевой фигурой для истории своего региона, но при этом обмирщается и встраивается в конкретный исторический контекст, и даже одно из его чудес десакрализируется, превращаясь из пророчества в историческое прозрение.

Таким образом, если подвести итоги конференции, то в первую очередь следует обратить внимание на ее тематическое разнообразие. Интересно, что географически наибольший интерес вызывала история Югославии в бурном и кровавом для нее XX в., а сюжетно — история дипломатии и история текстов (как печатных изданий, так и идей, лежащих в основе отдельных книг). Разнообразны были и подходы, применяемые молодыми историками. Докладов, посвященных крупным историческим событиям, традиционной событийной истории, было немного. Зато исследователи неоднократно обращались к микроистории и биографиям отдельных деятелей, в том числе третьего-четвертого плана. Больше всего докладов было основано на анализе тех или иных текстов: от средневековой католической литературы до передовиц китайских газет 1990-х гг. Все это позволяет говорить о том, что славяноведение в России продолжает свое непростое развитие, несмотря на очевидные проблемы.

Источники

Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 20–21 мая 2014 г. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. 31 с.

- Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 26–27 мая 2015 г. / отв. ред. О. В. Хаванова. М.: ИСл РАН, 2015. 36 с.
- Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2017 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. Москва: ИСл РАН, 2017. 88 с.
- Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. / Отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. 306 с.

Литература

- Евстафьев Н. В.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 23–24 мая 2023 г. Секция «История». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 267–278. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.18>
- Кокунина Л. К., Новосельцев Б. С., Усачева А. В., Ясинская М. В.* Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 468–478.

References

- Evstafyev, N. V., 2023. Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 23–24 May 2023. Section “History”. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 267–278. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.18> (In Russian)
- Kokunina, L. K., Novosel'tsev, B. S., Usacheva, A. V., Iasinskaia, M. V., 2015. International academic conference “The World of Slavs: The Common and the Diversities”. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 468–478. (In Russian)

**КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ»
МОСКВА, 21–22 МАЯ 2024 Г.
СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»**

Анна Васильевна Грасько

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: anna-grasko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7805-9008

Аннотация

В работе секции «Литературоведение» принимали участие молодые ученые из Москвы (РГГУ, РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славяноведения РАН), Калининграда (БФУ им. И. Канта), Нижнего Новгорода (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского), Ростова-на-Дону (Южный федеральный университет). Первое заседание было посвящено рассмотрению славянских литератур с точки зрения поэтики, в его рамках было представлено три доклада с польской темой — докладчики обратились к творчеству Б. Шульца и творчеству современной польской писательницы О. Токарчук; еще два докладчика говорили о чешской литературе, а именно о романе классика-соцреалиста В. Ржезача, а также о творчестве современного поэта Р. Малоги; один доклад был посвящен сербскому поэту Й. Дучичу. Второе заседание объединило доклады с литературно-культурологической проблематикой. Поднимались такие темы, как формирование и использование русско-болгарского параллельного корпуса текстов, аллюзии на творчество Б. Окуджавы в романе сербской писательницы В. Огненович, сравнительно-сопоставительный анализ темы смерти в творчестве Б. Мильковича и Ф. К. Сологуба, тема чая в чешских травелогах об СССР 1920-х гг., отражение советского кинематографа 1920–30-х гг. в публицистике чешского писателя И. Вайля. Модераторами подсекций выступили сотрудники Института славяноведения РАН, специалисты по славянским литературам. Участники заседаний и модераторы активно вступали в научный диалог, выявляли проблемные вопросы, намечали дальнейшие перспективы для исследований. Кроме докладчиков, которые принимают участие в конференции ежегодно, к конференции в этом году присоединились новые участники, что свидетельствует об актуальности проводимого регулярно научного мероприятия.

Ключевые слова

Конференция, молодые ученые, славяноведение, литературоведение, славянские литературы

Статья поступила в редакцию 26 октября 2024 г.

Статья доработана автором 22 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 5 декабря 2024 г.

Цитирование: *Грасько А. В.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 21–22 мая 2024 г. Секция «Литературоведение» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 317–321. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.16>

**YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”
MOSCOW, 21–22 MAY 2024.
SECTION “LITERARY STUDIES”**

Anna. V. Grasko

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: anna-grasko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7805-9008

Abstract

The conference was attended by young scholars from Moscow (Russian State University for the Humanities, Russian State University named after A. N. Kosygin, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences), Kaliningrad (IKBFU named after I. Kant), Nizhny Novgorod (N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod) Rostov-on-Don (Southern Federal University). The first session was devoted to examinations of Slavic literatures from the point of view of poetics. Within this framework three reports with a Polish theme were presented — the speakers addressed the works of B. Schulz and the works of the modern Polish author O. Tokarczuk; the focus of two speakers was on the works of the Czech classic socialist realist V. Režáč, as well as the modern poet R. Mały; one report was devoted to the Serbian poet J. Dučić. The second session included presentations on literary and cultural issues. Such topics as the formation and use of the Russian-Bulgarian parallel corpus of texts, allusions to the works of B. Okudzhava in the novel of the Serbian writer V. Ognjenović, a comparative and contrastive analysis of the theme of death in the works of B. Milkovich and F. K. Sologub, the theme of tea in Czech travelogues about the USSR in the 1920s, the reflection of Soviet cinema of the 1920s–30s in the journalism of the Czech writer J. Weil. The subsections were moderated by employees of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, specialists in Slavic literatures. Meeting participants and moderators actively engaged in scholarly dialogue, identified problematic issues, and outlined further prospects for research. In addition to the speakers who take part in the conference every year, new participants joined the conference this year, which indicates the continuing relevance of this regularly held scientific event.

Keywords

Conference, young scientists, Slavic studies, literary studies, Slavic literatures

Received 26 October 2024

Revised 22 November 2024

Accepted 5 December 2024

For citation: Grasko, A. V., 2024. Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 21–22 May 2024. Section “Literary studies”. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 317–321. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.16>

В этом году литературоведческая секция традиционной майской конференции молодых ученых состояла из двух тематических блоков: «Поэтика литературы» и «Русско-славянские культурные парадигмы». Участники представили одиннадцать докладов, разнообразных по проблематике и жанровой специфике материала. В качестве модераторов выступили сотрудники Института славяноведения РАН, специалисты по славянским литературам — д.ф.н. И. Е. Адельгейм и к.ф.н. И. А. Герчикова.

Первое заседание («Поэтика литературы») традиционно было посвящено вопросам, связанным с организацией художественных текстов. Открыл заседание доклад М. О. Жировой-Лубневской (Балтийский федеральный университет имени И. Канта) «Феномен трансгрессии в романе О. Токарчук “Путь Людей Книги”». По мнению автора, именно феномен трансгрессии, преодоления пространства является важным сюжетобразующим и смыслообразующим компонентом в романе. Автор также акцентировал внимание на том, что «Путь Людей Книги» можно считать романом с универсальной темой путешествия человека к знаниям, к истине. Еще один доклад, материалом которого стала польская литература, представила Д. А. Балаклеец (Балтийский федеральный университет им. И. Канта): «Между метафорой и метаморфозой: образно-речевая специфика повести Б. Шульца “Коричные лавки”». В рамках доклада автору удалось найти особую точку зрения и представить убедительный анализ, позволяющий отразить художественное своеобразие произведения, сюжет которого связан с переходом метафоры в видимые метаморфозы. К польской литературе также обратилась постоянная участница конференции молодых ученых И. А. Либина (Балтийский федеральный университет им. И. Канта), выступившая с докладом «“Новая конфигурация культурной памяти” в географическом пространстве “Родной Европы” Ч. Милоша». Автобиографический текст Ч. Милоша рассматривается исследователем в контексте вопроса идентичности, при этом делается вывод об идентичности самого писателя — в рамках этой идентичности домом признается лишь «вечно длящееся пространство культуры и памяти». Другая постоянная участница конференции, Л. А. Винокурова (МГУ имени М. В. Ломоносова), обратилась к современной чешской поэзии в докладе «Мифологема ворона в контексте мотивно-образной структуры поэтического сборника Радека Малого “Вороньи песни”». Л. А. Винокуровой удалось выделить разные ипостаси образа ворона, который предстает и как ворон-предвестник, связанный с внешним миром, и как ворон-первопредок, спящий внутри лирического субъекта, и как ворон-посредник, он же — «подставной» автор сборника, безуспешно пытающийся преодолеть внутреннее противоречие между двумя мирами — современностью и древностью, человечеством и природой. А. Р. Кашина (РГУ имени А. Н. Косыгина) обратилась к сербской поэзии, а именно — к сербскому поэту Й. Дучичу в докладе «“Заход

солнца” в момент “Заката Европы”: поэтика декаданса в творчестве Й. Дучича». Представив подробный анализ стихотворного текста, А. Р. Кашина сделала вывод, что данный текст наиболее полно отражает мироощущение сербских декадентов в эпоху «конца века»: ощущение угрозы со стороны внешних, незримых сил, осознание хрупкости неожиданного покоя, слабая надежда на мир, желание верить в истинность любви, дающей надежду на спасение. Завершил секцию доклад М. А. Марушиной (РГГУ) «Специфика системы персонажей в романе В. Ржезача “Наступление”», в котором автор предложил два взаимодополняющих подхода к описанию персониферы романа.

Второе заседание («Русско-славянские культурные парадигмы») объединило доклады литературно-культурологического характера, посвященные вопросам русско-славянских культурных и литературных связей. Доклад Л. В. Свитиной (Южный федеральный университет) «Специфика переводов текстов А. П. Чехова на болгарский язык как одна из проблематик построения параллельного корпуса текстов» затронул вопрос формирования русско-болгарских корпусов переводных текстов: на примере анализа переводных рассказов А. П. Чехова автор показал возможности, связанные с использованием подобных корпусов. Е. С. Насырова (Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского) в докладе «Функции аллюзий на песни Булата Окуджавы в романе Виды Огневич “Наблюдая Птиц”» обратилась к интересной теме аллюзий на песни Б. Окуджавы в сербской литературе, продемонстрировала различные приемы, с помощью которых в художественный текст внедряются аллюзии на песни Окуджавы и целые песенные фрагменты, а также рассказала об их художественной функции в романе. К. А. Турукина (Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского) представила компаративное исследование «Сопоставление образа смерти в творчестве символистов — сербского поэта Бранко Мильковича и русского поэта и писателя Ф. К. Сологуба». Автор сделала попытку раскрыть смысл образа смерти в творчестве двух поэтов, указывая на то, что смерть представлена здесь в том числе и как созидательная сила, которая заключает в себе очистительную функцию, как нечто недостижимое, как синоним жизни настоящей, истинной, жизни той непознаваемой, бессознательной части души, которую в реальном мире мы постичь не можем. Таким образом, по мысли К. А. Турукиной, смерть в произведениях русского и сербского поэтов, несмотря на ужас и тьму, свойственные ей, приобретает также и положительные коннотации. К чешско-русской проблематике обратилась Е. Е. Клейменова (РГГУ), представив динамичный, наполненный характерными цитатами доклад «Чай в травелогах чешских писателей о Советском Союзе 1920-х годов (М. Майерова, Й. Копта)». Исследователь делает любопытный вывод о том, что в 1920-е гг., несмотря на смену власти и политического режима в России, чай оставался неотъемлемым элементом этнического стереотипа

о русском народе, а тема национального напитка в травелогах иностранцев неизменно являлась поводом для сопоставления «своей» и «чужой» культуры. Завершил секцию доклад А. В. Грасько (Институт славяноведения РАН) «Советский кинематограф 1920–30-х гг. в публицистической рецепции Иржи Вайля», где автор предпринимает попытку воссоздать тот образ советского кинематографа, который создавал в своей публицистике левый писатель и интеллектуал Иржи Вайль, особенно выделявший стремление к документальности, влияние теоретиков ЛЕФа на кинематограф, а также масштабность и разнообразие тем нового советского кино.

Таким образом, работа обеих литературоведческих секций в этом году была весьма плодотворной и показала, что в разных регионах России поддерживается живой интерес к славянским литературам, при этом в поле зрения исследователей попадают не только классики, но и современные авторы, а предметом анализа становится самый разный литературный материал — поэзия, проза, публицистика, автобиографические произведения.

**КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ».
МОСКВА, 21–22 МАЯ 2024 Г.
СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

Владислав Игоревич Березнев

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: v.bereznev@inslav.ru
ORCID: 0009-0009-0272-1833

Аннотация

В этом году в работе секции «Языкознание» принимали участие молодые ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Калининграда, Вероны (Италия), Регенсбурга (Германия). Доклады по актуальным вопросам славянского языкознания были разделены на шесть тематических блоков. Первый блок был посвящен исследованию языка памятников славянской книжности, в представленных сообщениях затрагивались вопросы лексикологии (в частности — лексических заимствований) и переводоведения. На втором заседании были рассмотрены проблемы грамматики современных славянских языков. В прозвучавших докладах была проведена попытка сравнения однократного способа глагольного действия в хорватском и русском языках, поднят вопрос употребления целевого инфинитива в простом предложении в современном сербском языке, оценена эвентуальная возможность подсчета неопределенных местоимений, сопоставлены глаголы зрительного восприятия в сербском и русском языках. В третьей подсекции затрагивались вопросы славянской диалектологии и лингвопрагматики: шла речь о полных и кратких формах личных местоимений в словенских диалектах, контекстных реализациях чешских и словацких пословиц в сети Интернет, трудностях перевода разновидностей русского языка на другие языки, а также представлен обзор одного украинского говора Воронежской области. Четвертое заседание посвящалось проблемам славянской фразеологии и ономастики. В пятый тематический блок вошли доклады по вербальной и невербальной коммуникации. Завершала конференцию подсекция, включавшая исследования по вопросам взаимодействия славянских языков и культур. В прозвучавших на ней сообщениях разрабатывались проблемы социо- и этнолингвистики. Обсуждение докладов проходило во время работы секций и в перерывах. Конференция впечатляет как наличием большого количества молодых ученых, принимающих в ней участие ежегодно, так и постоянно растущим числом новых исследователей не только из нашей страны, но и из-за рубежа. Все это свидетельствует о важности и значимости проведения данного научного мероприятия.

Ключевые слова

Конференция, славяноведение, лингвистика, грамматика, семантика, этнолингвистика, палеославистика, диалектология, ономастика, социоллингвистика, языковые контакты

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2024 г.

Статья доработана автором 3 декабря 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Березнев В. И.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 21–22 мая 2024 г. Секция «Языкознание» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 322–328. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.17>

**YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”.
MOSCOW, 21–22 MAY 2024.
SECTION “LINGUISTICS”**

Vladislav I. Bereznev

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: v.bereznev@inslav.ru
ORCID: 0009-0009-0272-1833

Abstract

This year, young scholars from Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Nizhny Novgorod, Kaliningrad, Verona (Italy), Regensburg (Germany) took part in the work of the Linguistics section. Presentations on current issues of Slavic linguistics were divided into six thematic blocks. The first block was devoted to the study of the language of Slavic literature; the presentations touched upon issues of lexicology (in particular, lexical borrowings) and translation studies. The second session was devoted to the problems of grammar of modern Slavic languages. In the presentations, an attempt was made to compare the single mode of verbal action in Croatian and Russian, the issue of using the target infinitive in a simple sentence in modern Serbian was raised, the eventual possibility of counting indefinite pronouns was assessed, and the verbs of visual perception in the Serbian and Russian languages were compared. The third subsection addressed issues of Slavic dialectology and linguopragmatics: it was about full and short forms of personal pronouns in Slovenian dialects, contextual realizations of Czech and Slovak proverbs on the Internet, difficulties in translating varieties of the Russian language into other languages, and an overview of one Ukrainian dialect of the Voronezh region was presented. The fourth session was devoted to the problems of Slavic phraseology and onomastics. And the fifth thematic block included presentations on verbal and non-verbal communication. The conference was concluded with a subsection dedicated to the interaction of Slavic languages and cultures. The presentations covered the problems of socio- and ethnolinguistics. Discussion of the reports took place during the work of the sections and during breaks. The conference is impressive both in the large number of young scholars who take part in it every year and in the constantly growing number of new researchers not only from our country but also from abroad. All this testifies to the importance and significance of holding this scientific event.

Keywords

Conference, Slavic studies, linguistics, grammar, semantics, ethnolinguistics, paleoslavistics, dialectology, onomastics, sociolinguistics, language contacts

Received 28 November 2024

Revised 3 December 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Bereznev, V. I., 2024. Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 21–22 May 2024. Section “Linguistics”. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 322–328. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.17>

Секция «Языкознание» на ежегодной конференции молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие» в 2024 г. была представлена как никогда широким в тематическом отношении кругом сообщений, разделенных на шесть блоков: «Исследования языка памятников славянской книжности», «Актуальные вопросы грамматики современных славянских языков», «Славянская диалектология и лингвопрагматика», «Славянская фразеология и ономастика», «Вербальные и невербальные единицы современной коммуникации» и «Вопросы взаимодействия славянских языков и культур».

Первое заседание секции, модератором которого выступила научный сотрудник Отдела славянского языкознания ИСл РАН Е. А. Смирнова, открывал доклад Н. П. Иордани (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Москва) «К вопросу о некоторых жанровых особенностях старорусских памятней», в котором автор после анализа отобранного материала пришла к выводу, что формуляр памяти как жанра деловой письменности характеризовался высокой степенью вариативности, поскольку являлся инструментом взаимодействия местных органов власти (церковной или светской) и был документом внутреннего пользования, что позволяло составлять его более вольно.

В центре внимания Ю. В. Островской (Горноскуль) (независимый исследователь, Москва) оказалась церковнославянская лексика в румынском языке, заимствованная при усвоении кирилло-мефодиевской традиции. После анализа данных, представленных в словарях современного румынского языка, автор пришла к заключению, что церковнославянизмы все еще используются для обозначения церковных реалий, при том что наряду с ними имеются как латинские, так и собственно румынские обозначения.

Сообщение З. В. Вальтер (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) было посвящено проблеме перевода фрагмента трактата Св. Августина “De Civitate Dei” в польской и церковнославянской традиции. В работе были рассмотрены два типа перевода, после чего сделан вывод о том, что различия в существующих вариантах возникли по причине вольной передачи латинского стихотворения М. Бельским.

Завершающий первую подсекцию доклад Л. И. Шутовой (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) касался вопроса лексических заимствований в Толковом Апокалипсисе, изданном в 1625 г. в Киево-Печерской Лавре. В исследовании рассматривались многочисленные маргиналии к основному тексту, использование которых объясняется попыткой толкования лексических единиц для введения в церковнославянский узус определенного рода лексики, в частности грецизмов, а также для устранения текстологических лакун.

Подсекция «Актуальные вопросы грамматики современных славянских языков» проходила под председательством старшего научного сотрудника Отдела славянского языкознания ИСл РАН Г. П. Пилипенко. Первым

выступал Д. С. Соколов (РГГУ, Москва), представлявший доклад «Однократный способ глагольного действия в хорватском языке в сопоставлении с русским». В ходе работы над отобранным материалом выяснилось, что в рассмотренных языках однократные глаголы могут образовываться как сходным образом (при помощи аффиксов *-nu-*, *-i-*, *u-*), так и различно (в хорватском с приставкой *za-*, а в русском — с приставкой *c-*).

В исследовании Р. С. Фисуна (Регенбургский университет, Регенбург, Германия) проводилась попытка подсчета неопределенных местоимений в русском, украинском, польском, чешском и хорватском языках. После проведенного анализа и составления диаграммы автор пришел к выводу, что из-за разницы в грамматических традициях подсчитать такие единицы, как и оценить, какие местоимения кодифицированы в языке, практически невозможно.

В своем докладе М. И. Хажомия (ПСТГУ, Москва) рассмотрела частотную для сербского языка конструкцию с целевым инфинитивом. Оказалось, что зависимый целевой инфинитив встречается в основном в разговорном и региональном вариантах языка, а предложный инфинитив — не только в разговорном стиле, но и в языке СМИ, и даже в официально-деловом.

Последним выступлением, представленным на заседании по грамматической проблематике, стал доклад В. В. Каприеловой (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) «Глаголы зрительного восприятия в сербском и русском языках». При схожести систем глаголов зрительного восприятия в русском и сербском языках серб. глаголы *videti* и *gledati* употребляются в значениях, связанных с мыслительной деятельностью, более активно, чем соответствующие им рус. *видеть* и *смотреть*.

В третьей подсекции «Славянская диалектология и лингвопрагматика», модератором которой выступал старший научный сотрудник Отдела славянского языкознания ИСл РАН М. Н. Саенко, первой представляла свой доклад «Полные и клитические формы личных местоимений в словенских диалектах» М. М. Громова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва). В работе было рассмотрено архаическое явление словенского диалектного синтаксиса — использование полных форм личных местоимений на месте клитических форм в литературном языке. На основе диалектных данных восстанавливается относительная хронология возникновения местоименных клитик в словенском языке.

В докладе С. В. Дьяченко (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Москва) «Об одном украинском говоре Воронежской области» были представлены основные направления, по которым ведется работа над исследованием говора села Колодежное Подгоренского района Воронежской области, исторически относящегося к слобожанским говорам украинского языка. Планируется создать звучащий корпус говора, дифференциальный словарь и произвести описание диалектной системы на всех языковых уровнях (в настоящее время частично описаны лишь некоторые фонетические черты).

Ф. Брессан (Веронский университет, Верона, Италия) рассказал о результатах своего исследования в докладе «О трудности перевода разновидностей русского языка на итальянский язык: одесский язык в творчестве И. Э. Бабеля». Художественный перевод вариантов одного языка на другой всегда является очень сложной задачей, требующей от переводчика оригинальности в передаче речевых средств с сохранением исходного локального или социального колорита. На примере переводов текста «Одесских рассказов» И. Э. Бабеля на итальянский язык докладчиком был проведен анализ переводческих стратегий, примененных к лингвистическим особенностям одесского говора.

Последним в блоке было представлено совместное сообщение Ю. В. Касаткиной и Е. С. Столяровой (СПбГУ, Санкт-Петербург) «К вопросу о контекстных реализациях в интернет-пространстве чешских и словацких пословиц». В ходе анализа функционирования паремий на страницах веб-сайтов докладчицы пришли к следующему выводу: основная цель включения пословиц — повышение экспрессивно-эмоциональной и экспрессивно-оценочной составляющих текста для привлечения внимания читателей.

Второй день конференции начался с самой маленькой по количеству сообщений подсекции «Славянская фразеология и ономастика» под председательством младшего научного сотрудника Отдела славянского языкознания С. А. Борисова. Заседание открывал доклад О. С. Румянцевой (ИСЛ РАН, Москва) «Члены Святого семейства в польских паремиях: номинации, характеристики, коннотации», в рамках которого автором были рассмотрены номинации Иисуса Христа, святого Иосифа и Богородицы в польских пословицных выражениях, а также присущие им признаки и связанные с ними ассоциации.

А. А. Широкова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) выступала с докладом «Отражение особенностей формы и строения растения в польских флоронимах (на восточнославянском фоне)», в котором были представлены результаты анализа флоронимов современного литературного польского языка, образованных от названий составных частей цветущего растения или его строения в целом.

Модератором пятого заседания «Вербальные и невербальные единицы современной коммуникации» выступила старший научный сотрудник Отдела славянского языкознания ИСЛ РАН Д. Ю. Ващенко. Н. А. Попова (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) в рамках сообщения «Без-префиксальные дериваты от лексемы *слово* в истории русского языка и в говорах» рассказала о семантике «бессловесности», выделив следующие тематические группы: немота, молчание, косноязычие, безропотность. В результате работы автор пришла к заключению, что бóльшая разветвленность семантики у древнерусских образований данного гнезда, в отличие от диалектных, вызвана различиями в аксиологических системах (христианской и языческой).

А. С. Зарецкая (РГГУ, Москва) представила свое исследование «Образование форм женского рода от иностранных фамилий в современном чешском языке», в котором были рассмотрены особенности функционирования в текстах чешских блогов и новостных заметок иностранных женских фамилий, традиционно передаваемых с добавлением суффикса *-ová* к мужскому варианту родового имени, после отмены официального запрета на использование женщинами мужского вида данного типа антропонимов. Выявились некоторые закономерности. Так, фамилии актрис и певиц теперь чаще всего остаются в том же виде, в каком употребляются в родном языке (за исключением русских фамилий, при передаче которых продолжают добавлять суффикс *-ová* к мужскому варианту: *Pugačev — Pugačevová*), а вот фамилии политиков, спортсменов и писательниц — сохраняют исконный вид реже.

В докладе П. М. Меньшовой (НИУ ВШЭ, Москва) «Особенности употребления комбинации “два восклицательных знака” в русскоязычной интернет-коммуникации» была предпринята попытка выяснить, в каких целях пользователями русскоязычного сегмента Интернета используется знак «!!» на конце предложения. Для этого был проведен опрос среди 720 респондентов в возрасте от 15 до 50 лет в социальной сети «ВКонтакте», а также проанализировано 124 сообщения из личных переписок информантов и автора исследования. Все это позволило прийти к следующему выводу: данное сочетание символов используется для усиления искренности или важности сообщения.

Подсекцию закрывал доклад Э. А. Штин (НГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород) «Перевод эмоционально окрашенных лексем на сербский язык в романе М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”», в рамках которого был представлен анализ лексических единиц экспрессивного характера в монологической и диалогической речи персонажей романа и их передача на сербский язык в переводе Златы Коцич.

В последнем блоке «Вопросы взаимодействия славянских языков и культур», модератором которого вновь выступил Г. П. Пилипенко, были представлены доклады на различные темы. В. А. Немчинов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) представил сообщение «Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских словаков в мажоритарном сербском окружении», в котором рассказал о результатах полевого социолингвистического исследования среди представителей славянских меньшинств в автономном крае Воеводина в Республике Сербия.

В центре внимания О. О. Секиро (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) оказались понятия рус. *интеллигенция* и серб. *izobražene ljudi*. На материале публицистики И. С. Аксакова было продемонстрировано функциональное разнообразие языковой рефлексии с целью воздействия на читателя. Иноязычное, но не «чуждое» мировоззрению автора слово *izobražen* выражает «свой» смысл: с одной стороны, здесь бессознательно верная оценка

сербским народом общественно-политической ситуации того времени, а с другой — уподобление такой позиции детской игре.

Заключительным в секции «Языкознание» был доклад А. П. Якимовой (ИСл РАН, Москва) «Мотивы, связанные с наличием одежды у героя фольклорной песни, на примере болгарских народных песен». Автором был проанализирован корпус текстов болгарского песенного фольклора, в которых подробно описывался народный костюм. Особое внимание уделялось мотиву надевания и переодевания. Обнаружилось несоответствие в назначении обычно используемой в качестве оберега нарядной одежды (чаще всего свадебной): так, процесс облачения героя обычно предшествовал трагическим событиям.

Количество молодых ученых, принявших участие в работе секции «Языкознание» в этом году, свидетельствует о востребованности научного мероприятия не только среди отечественных, но и среди зарубежных исследователей. Это лишний раз подтверждает важность и значимость проведения данного симпозиума в стенах Института. По результатам конференции будет опубликован сборник материалов, в который войдут тексты представленных докладов.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ А. Н. ТОЛСТОГО

Татьяна Юрьевна Кравченко

Хранитель книжных фондов,
Государственный музей истории
русской литературы им. В. И. Даля;
Научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Шелапутинский пер., д. 1, стр. 1,
Москва, 109004, Россия
Электронный адрес: tukravchenko@yandex.ru

Аннотация

17 октября 2024 года в Мемориальном музее-квартире А. Н. Толстого на Спиридоновке прошла презентация первого тома нового собрания сочинений А. Н. Толстого, работа над которым ведется в стенах Института мировой литературы уже более 30 лет. 13 томов этого издания представят читателю собственно художественное наследие русского и советского классика: рассказы, повести, романы, сказки, пьесы и стихи. Это часть полного собрания сочинений А. Н. Толстого, которое предполагается выпустить в нескольких сериях. В первый том 13-томника включены произведения А. Н. Толстого 1900–1910 гг. Основное отличие этого издания от предыдущих собраний сочинений — научное комментирование текстов с привлечением самых разных источников. Введены в научный оборот ранее неизвестные материалы из фонда А. Н. Толстого из отдела рукописей ИМЛИ, а также материалы исследования личной библиотеки писателя, хранящейся в книжных фондах Государственного музея истории русской литературы им. В. И. Даля. Впервые тексты произведений критически устанавливаются путем сверок всех предыдущих изданий, а также сохранившихся машинописей и автографов. Кроме того, современность требует нового прочтения даже уже неоднократно публиковавшихся и ранее откомментированных текстов, и эта задача также должна быть решена в новом 13-томнике. На презентации речь шла и о том, с какими трудностями была сопряжена работа по подготовке этого издания, как со временем менялись концепция и принципы отбора текстов к публикации, как менялся исследовательский состав. Участники презентации почтили память д.ф.н. Алисы Михайловны Крюковой, инициатора этого проекта и первого руководителя исследовательской группы. Также было отмечено плодотворное сотрудничество Института мировой литературы с Государственным музеем истории русской литературы и выражена надежда на укрепление и расширение связей между ИМЛИ и ГМИРЛИ.

Ключевые слова

А. Н. Толстой, источниковедение, новое собрание сочинений, первый том, русская литература 1900–1910-х годов

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2024 г.

Статья доработана автором 3 декабря 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Кравченко Т. Ю.* Презентация нового собрания сочинений А. Н. Толстого // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 329–334. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.18>

PRESENTATION OF THE NEW COLLECTED WORKS BY A. N. TOLSTOY

Tatyana Ju. Kravchenko

Curator,
State Literary Museum;
Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Shelaputinsky lane, 1, Building 1,
Moscow, 109004 Russia
E-mail: tukravchenko@yandex.ru

Abstract

On October 17, 2024, a presentation of the first volume of the new collected works by A. N. Tolstoy took place at the A. N. Tolstoy Memorial Museum-Apartment on Spiridonovka. This project has been going on at the Institute of World Literature for more than 30 years. The 13 volumes of this publication will introduce the readers to the heritage of A. N. Tolstoy. This heritage consists of short stories, novellas, novels, fairy tales, plays and poems. This is part of the complete works of A. N. Tolstoy, which is supposed to be released in several series. The first volume of the 13-volume collection includes the works of A. N. Tolstoy created in 1900–1910. The main difference between this new edition and previous collected works is the scientific commentary on texts involving various sources. Researchers used previously unknown materials from the A. N. Tolstoy Foundation, which is located in the Institute of World Literature manuscript department and materials from the writer's personal library, stored in the book collections of the State Museum of the History of Russian Literature. All this have been introduced into scientific circulation. For the first time, the texts of works are critically verified by comparing all previous editions, as well as preserved typescripts and autographs. In addition, our epoch requires a new approach to the texts that have already been repeatedly published and previously commented on. This task also should be solved in a new 13-volume book. The speakers at the presentation talked about the difficulties the group faced in preparing this publication. They also explained how the concept and principles of selecting texts for publication had changed over time and how the research team had been reorganized. The participants of the presentation honored the memory of Dr. Alisa Mikhailovna Kryukova, the initiator of this project and the first head of the research group. They also noted the fruitful cooperation of the Institute of World Literature with the State Museum of the History of Russian Literature and expressed hope for strengthening and expanding this relationship.

Keywords

A. N. Tolstoy, new collected works, first volume, Russian literature of the 1900–1910

Received 28 November 2024

Revised 3 December 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Kravchenko, T. Ju., 2024. Presentation of the New Collected Works by A. N. Tolstoy. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 329–334. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.18>

В октябре 2024 г. вышел в свет первый том нового собрания сочинений Алексея Николаевича Толстого — 13-томника, в который войдут все художественные произведения писателя: рассказы, повести, романы, пьесы, сказки, стихи. Это составная часть полного собрания сочинений А. Н. Толстого, которое предполагается выпустить в нескольких сериях. Группа для работы над 13-томником была создана в Институте мировой литературы больше тридцати лет назад, в 1990 г., за прошедшее время не раз менялись и концепция издания, и состав исследователей.

Галина Николаевна Воронцова, к.ф.н., старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ, руководит группой уже почти двадцать лет, она была ее членом с самого начала, она и открыла торжественную презентацию первого тома, состоявшуюся 17 октября в Мемориальном музее-квартире А. Н. Толстого на Спиридоновке. Отметив, что Алексей Николаевич Толстой, как ни парадоксально, один из самых цитируемых ныне писателей, Галина Николаевна привела фразу из трилогии «Хождение по мукам», особенно полюбившуюся отечественным политологам — «Пора бы тебе дать отчет, Рощин!» — и попросила собравшихся считать презентацию вариантом такого отчета.

Прежде всего речь зашла о концепции издания. Когда работа только начиналась, предполагалось, что в первый том войдет стихотворное наследие писателя. Но это было неверное решение — собрание сочинений выдающегося русского прозаика надо начинать с прозы. И поэтому в вышедшем сейчас первом томе — прозаические произведения 1900–1910 гг. Именно в этот период в основном сложилась индивидуальная манера письма А. Н. Толстого, в которой сочетаются колоритно прописанный быт, характерность персонажей, насыщенный просторечиями разговорный язык и легкая ирония. Повести, рассказы и роман «Чудаки» объединены общей темой — жизнь провинциального заволжского дворянства, той среды, в которой прошли детство, отрочество и юность А. Н. Толстого. Впервые эти произведения собраны под одной обложкой. Впервые приведены научные комментарии, где одним из основных разделов идет критика, до этого ни разу не собиравшаяся воедино и не проанализированная. Впервые читатель сможет познакомиться с текстами, в свое время не дошедшими до публикации, которые, однако, демонстрируют, что и в самом начале творческого пути А. Н. Толстой не был писателем одной темы, а интенсивно искал свою дорогу в литературе. Он не просто вошел — он ворвался в литературную жизнь своего поколения, в 1909–1910 гг. об А. Н. Толстом уже писали в журналах самых разных направлений: в «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Аполлоне», «Русском слове»...

Г. Н. Воронцова с благодарностью упомянула исследователей, принимавших участие в работе над первым томом: одного из старейших сотрудников ИМЛИ Ирину Павловну Казакову (к сожалению, не дожившую

до этого дня), к.ф.н. Ольгу Васильевну Быстрову, д.ф.н. Татьяну Игоревну Радомскую, Юрия Николаевича Кириянова; рецензентов д.ф.н. Веру Николаевну Терехину и д.ф.н. Ольгу Алимовну Богданову; автора оригинал-макета Анну Залмановну Бернштейн. И конечно, особо отметила Г. Н. Воронцова своего учителя, д.ф.н. Алису Михайловну Крюкову, посвятившую многие годы изучению творчества А. Н. Толстого и стоявшую, так сказать, у истоков этого начинания. Именно А. М. Крюкова была инициатором издания нового собрания сочинений А. Н. Толстого.

Об А. М. Крюковой говорила и Наталья Васильевна Корниенко, член-корреспондент РАН, заведующая отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ. В 1989 г., когда справляли «поминки по советской литературе»¹ и А. Н. Толстого сбросили с корабля современности, А. М. Крюкова боролась за создание группы для работы над собранием сочинений «отставленного» писателя. Группа была сформирована в последний год существования СССР, ее история драматична, состав ее много раз менялся, и только благодаря Г. Н. Воронцовой, «взвалившей на себя эту тяжелую ношу после смерти Алисы Михайловны, мы имеем сегодня возможность взять в руки первый том. И это научное собрание сочинений, выдержанное в давно сложившихся принципах: в нем есть история текста, есть реальный комментарий, есть историко-литературный контекст».

Обычно, как заметила Н. В. Корниенко, если речь заходит о новом собрании сочинений известного писателя, многие (и журналисты в первую очередь) спрашивают, зачем это нужно, ведь несколько собраний (в случае А. Н. Толстого — четыре) уже существует. Но любое собрание сочинений — памятник не только писателю, это и памятник времени, в которое оно создается. Сейчас мы читаем иначе, чем тридцать или пятьдесят лет назад. И у исследователей, работающих над изданием, впереди дорога длинная: выход первого тома — праздник, а дальше продолжится работа: «Алексея Николаевича Толстого читали, читают и будут читать, куда мир существует».

После Н. В. Корниенко выступила к.ф.н. Ольга Васильевна Быстрова — как и Г. Н. Воронцова, она, можно сказать, «ветеран», поскольку пришла в группу по подготовке собрания сочинений А. Н. Толстого через полгода после ее создания. О. В. Быстрова поделилась воспоминаниями, как проходила работа в группе, когда ее руководительницей была А. М. Крюкова, а также с какими трудностями они столкнулись после смерти Алисы Михайловны, о влиянии на работу группы в этот период некоторых недобросовестных исследователей творчества А. Н. Толстого — в частности, В. В. Петелина, автора нескольких биографий писателя.

Оценку этим биографиям дала Татьяна Никитична Толстая, писатель, внучка А. Н. Толстого, выступавшая после О. В. Быстровой. Еще в 1983 году

¹ Название эссе Виктора Ерофеева, 1989 г.

в журнале «Вопросы литературы» Т. Н. Толстая опубликовала обширную рецензию на изданную за год до этого научную монографию В. В. Петелина², в которой доказательно обвинила автора в плагиате, «написанном по схеме: обворовать и опозлить и своего героя, и десятки достойных мемуаристов, которые уже не могут за себя постоять».

Потом о сложностях работы над новым собранием сочинений рассказала член редколлегии издания и рецензент первого тома д.ф.н. Вера Николаевна Терехина, ведущий научный сотрудник ИМЛИ, руководитель группы изучения творчества В. В. Маяковского. Первоначально было задумано выпустить 30 томов, но впоследствии решили сделать более близкое современности издание, более мобильное, более концентрированное, и 30 томов превратились в 13. Много споров велось о принципе отбора — брать для основной публикации первоначальный текст или переработанный (А. Н. Толстой после первого журнального или газетного варианта имел обыкновение дорабатывать свои произведения). В. Н. Терехина стояла за первоначальный текст, но группа убедила ее, что более продвинутый, отредактированный вариант предпочтительнее для читателя, а остальное интереснее для исследователя.

На протяжении нескольких лет сотрудники группы принимали участие в описании той части архива, которая находится в фонде А. Н. Толстого в Отделе рукописей ИМЛИ. Введение этих документов в научный оборот через комментарии к конкретным сочинениям — одна из задач, которую решит новое собрание сочинений. Кроме того, как отметила в следующем выступлении член группы к.ф.н. Анна Сергеевна Акимова, теперь стала относительно доступна для исследования личная библиотека А. Н. Толстого, которая хранится в книжных фондах Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля. В составе библиотеки — многочисленные издания произведений Толстого с его пометками и правкой, книги с дарственными надписями, литература, которой писатель пользовался при создании своих романов и повестей, также с его пометками и замечаниями на полях. Все это необходимо для полноценного научного комментирования, в частности, исторического романа «Петр Первый», — за подготовку этого текста для собрания сочинений отвечает как раз А. С. Акимова.

Потом слово взял директор ГМИРЛИ Дмитрий Петрович Бак. Он поздравил исследователей творчества А. Н. Толстого, а также читателей с выходом долгожданной книги и пообещал и дальше оказывать содействие столь плодотворному сотрудничеству музея и ИМЛИ — тем более что такое сотрудничество имеет давние корни и традиции. И в этом Д. П. Бака поддержала Инна Георгиевна Андреева, заведующая Мемориальным музеем-квартирой А. Н. Толстого, который является составной частью ГМИРЛИ.

² Петелин В. В. Судьба художника. Жизнь, личность, творчество Алексея Николаевича Толстого. М.: Воениздат, 1982.

В заключение торжественного вечера-праздника актеры, приглашенные И. Г. Андреевой, прочитали рассказ А. Н. Толстого «Актриса», весьма характерный для раннего периода творчества писателя, представленного в первом томе.

Остается добавить, что второй том нового собрания сочинений — «Повести и рассказы 1911–1914 гг. Роман “Хромой барин”» — уже готов к изданию, а работа группы сейчас целиком сосредоточена на подготовке центральных в творчестве А. Н. Толстого произведений — трилогии «Хождение по мукам» и романа «Петр Первый».

**ГЕННАДИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ЦЫХУН
(30.10.1936–18.10.2024)**

Наталья Борисовна Корина

Prof. PhDr., CSc.,
член Этнолингвистической комиссии при МКС,
профессор кафедры славянской филологии,
Философский факультет,
Университет им. Константина Философа
в Нитре (Словакия)
Почтовый адрес: Просп. Андрея Глинки, 1,
Нитра, 949 01, Словакия
Электронный адрес: nkorina@ukf.sk

Аннотация

В некрологе перечисляются основные вехи профессиональной биографии проф. Г. А. Цыхуна — выдающегося белорусского слависта и этимолога, теоретика ареальной лингвистики и инициатора целого ряда контрастивных белорусско-инославянских исследований. Оцениваются его научные заслуги, основные труды и его вклад в белорусскую и мировую лингвистику.

Особое внимание уделено центральным направлениям его научной деятельности — этимологии и ареальной лингвистике, прежде всего значению трудов Г. А. Цыхуна для изучения Балканского языкового союза и его персональной роли в создании многотомного этимологического словаря белорусского языка. Отдельно подчеркиваются широта исследовательского диапазона проф. Цыхуна и значение его исследований для белорусского языкознания, которое благодаря его выдающимся достижениям по многим показателям достигло мирового уровня.

Оценка многогранного научного наследия Г. Цыхуна дополняется характеристикой его личности, ярко выступающей на фоне воспоминаний об этом замечательном ученом и человеке.

Ключевые слова

Г. А. Цыхун, этимология, ареальная лингвистика, белорусская лингвистика, славистика

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2024 г.

Статья доработана автором 5 декабря 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Корина Н. Б.* Геннадий Афанасьевич Цыхун (30.10.1936–18.10.2024) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 335–340. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.19>

**GENNADII AFANAS'EVICH TSYKHUN
(30.10.1936–18.10.2024)**

Natalia B. Korina

Prof. PhDr., CSc.,
member of Ethnolinguistic Commission
of the International Committee of Slavists,
professor of the Department of Slavic Philology,
Faculty of Arts,
Constantine the Philosopher University
in Nitra (Slovakia)
Postal address: Tr. A. Hlinku, 1,
Nitra, 949 01, Slovakia
E-mail: nkorina@ukf.sk

Abstract

The obituary lists the main stages of the professional biography of prof. G. A. Tsykhun, an outstanding Belarusian Slavist and etymologist, theorist of areal linguistics and the initiator of a number of contrastive Belarusian-Slavic studies. His achievements, main works and his contribution to Belarusian and world linguistics are assessed.

Particular attention is paid to the central areas of his scholarly activity — etymology and areal linguistics, including his works on the Balkan Language Union and his role in the creation of a multi-volume etymological dictionary of the Belarusian language. Separately, the broad spectrum of prof. Tsykhun's research and his significance for Belarusian linguistics, which thanks to him has reached a global level in many aspects, are emphasized.

The assessment of the multifaceted heritage of G. Tsykhun is complemented by a description of him as a person, which is given against the background of memories of this remarkable scholar and personality.

Keywords

G. A. Tsykhun, etymology, areal studies, Belarusian linguistics, Slavic studies

Received 20 November 2024

Revised 5 December 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Korina, N. B., 2024. Gennadii Afanas'evich Tsykhun (30.10.1936–18.10.2024). *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 335–340. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.19>

18 октября 2024 г. нас навсегда покинул белорусский ученый мирового уровня, выдающийся лингвист, крупнейший белорусский этимолог и теоретик ареальной лингвистики, многолетний председатель Белорусского комитета славистов и руководитель славянского отдела Института языкознания им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси Геннадий Афанасьевич Цыхун. Он всего двух недель не дожид до своего 88-летия.

Выпускник болгарского отделения кафедры славянской филологии Ленинградского университета (1958), Г. А. Цыхун стал одной из центральных фигур белорусской болгаристики и македонистики, однако этим его научная деятельность далеко не ограничивалась. Как истинный сын белорусского народа он работал прежде всего на благо белорусской лингвистики, прикладывая свои усилия и талант к тому, чтобы она находилась на мировом уровне. Международное признание Геннадия Афанасьевича отражают многочисленные звания, присвоенные ему научными учреждениями разных стран. Профессор Г. А. Цыхун — доктор филологических наук, *doctor honoris causa* Софийского университета им. Климента Охридского, академик Македонской академии наук и искусств, почетный член Международного комитета славистов. И это далеко не всё.

Немногие ученые могут сравниться с Геннадием Афанасьевичем по широте научного диапазона: в общетеоретическом и славистическом плане это диалектология и ареальная лингвистика, этимология и историческая лексикология, болгаристика и македонистика, балканославика и балто-славянская проблематика, палеославистика и контрастивные межславянские исследования, этнолингвистика и история славистики; в белорусском языкознании — этимология, диалектология, диалектная лексикография и лингвогеография, историческая лексикология, социоллингвистика, компьютерная лингвистика, китабистика.

Многие научные труды Г. А. Цыхуна вошли в золотой фонд славистики. Значительным вкладом в изучение Балканского языкового союза стала монография «Типологические проблемы балканославянского языкового ареала» (1981), в которой он на материале южнославянских диалектов проследил пути и направления развития балканских языковых инноваций и определил их центры в южнославянском ареале. Именно через балканославику Г. А. Цыхун пришел к своему следующему крупному научному достижению — разработке ареальной типологии славянских литературных языков. В работе «Ареальная типология славянских языков: Принципы и направления исследований» (1988) проф. Цыхун определил различия между диалектным членением и ареальной структурой языка, показав это на примере белорусской языковой территории. Проблеме определения ареальной базы литературного языка посвящена работа «Ареальные аспекты формирования славянских литературных языков» (1993) и ряд статей.

В научной деятельности Геннадия Афанасьевича одно из центральных мест всегда занимала этимология, и именно он поднял белорусскую этимологию на мировой уровень. Уже в 1960-е годы он приступил к работе (тогда еще подготовительной) над многотомным «Этимологическим словарем белорусского языка» (ЭСБМ) в отделе славянского и теоретического языкознания Института языкознания им. Якуба Коласа (тогда еще АН БССР) под руководством проф. В. В. Мартынова и со временем перенял бразды правления этого фундаментального и уникального в своем роде научного проекта. Геннадий Афанасьевич посвятил ЭСБМ более полувека своей жизни и, как справедливо отмечает его преемник на ниве белорусской академической славистики Н. П. Антропов, был единственным из белорусских лингвистов, кто готовил и первый, и последний из изданных на сегодняшний день 14-ти томов словаря, который даже в незаконченном виде (до буквы Т) содержит более 32 тысяч словарных статей и является по своему заголовочному составу одним из крупнейших этимологических словарей отдельного живого славянского языка. Проф. Цыхун — один из основных авторов ЭСБМ: лично и в соавторстве он подготовил более 9 тысяч словарных статей, многие из которых вошли в золотой фонд славянской этимологии.

Органичным дополнением ареальных и этимологических исследований Г. А. Цыхуна стали разработки в области белорусской и славянской диалектологии с выходом в этнолингвистику: вместе с Н. И. Толстым и его коллегами он еще в 60-х включился в полевые исследования Полесья — уникального славянского региона, настоящего клада славянских древностей, внося таким образом свой вклад в исследование вопроса прародины славян, балто-славянской проблематики и этнокультурных аспектов истории славянства. Не зря говорится, что талантливый человек талантлив во всем — Геннадий Афанасьевич отличился и в этой области. В составе авторской тройцы совместно с А. Кривицким и И. Яшкиным он создал уникальный пятитомный «Туровский словарь» (1982–1987), известный специалистам далеко за пределами Белоруссии, и впоследствии завершил лингвогеографическое описание этого региона: в 2016 г. под его редакцией вышел «Лингвистический микроатлас Туровщины». Новаторский подход Г. А. Цыхуна к полесской проблематике отразился также в серии статей об истории отдельных слов и выражений и связанных с ними элементов традиционной культуры, которые позднее вошли в сборник «Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбраныя працы» (2018).

Благодаря таким подвижникам, каким был проф. Цыхун, белорусская проблематика получила резонанс на международном уровне. В частности, его статья о белорусском языке в Энциклопедии Восточной Европы Визера, изданной в 2002 г. в Австрии (Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens (WEEO); Weißrussisch), является наиболее авторитетным источником сведений о системной и дискурсивной структуре, функционировании и социо-

лингвистических особенностях белорусского языка для немецкоязычного пространства — а немецкая славистика, как известно, является крупнейшей в Западной Европе.

Многое можно было бы сказать о вкладе Геннадия Афанасьевича в социолингвистику, прежде всего в исследование «трасянки» — смешанного речевого продукта белорусско-русского двуязычия, получившее широкий международный резонанс благодаря публикации на немецком языке в сборнике трудов Ольденбургского университета (2013), о его многочисленных трудах по белорусско-инославянским (болгарским, польским, русским, украинским и т.д.) связям и их значении... В каждой из областей многогранной деятельности проф. Цыхуна можно долго перечислять его научные заслуги, и это прекрасно сделали мои коллеги; я же позволю себе остановиться еще лишь на двух аспектах, которые лично для себя считаю очень важными.

Геннадий Афанасьевич был не только серьезным ученым, но и популяризатором научного знания и активным общественным деятелем. Он не заключал свои обширнейшие познания и богатейший опыт в узкие рамки академизма, а делился ими со всеми, кому они могли быть полезны: выступал на радио и телевидении, давал интервью газетам и журналам, активно участвовал в общественной жизни. После распада СССР (в 1991–1993 гг.) он возглавил Комиссию по усовершенствованию орфографии Общества белорусского языка им. Ф. Скорины (бел. *Таварыства беларускай мовы імя Ф. Скарыны*), которая стала в 1993–1994 гг. государственной, и внес таким образом свой вклад в устранение исторических и идеологических противоречий, которыми страдала и до сих пор страдает белорусская интеллигенция. В этом проявился его глубокий, а главное, деятельный гуманизм, с которым связан и второй важный для меня и гораздо более личный аспект — Геннадий Цыхун как человек, как личность.

Мне посчастливилось быть ученицей двух выдающихся славистов — Адама Евгеньевича Супруна, который руководил моей дипломной работой в университете, и Геннадия Афанасьевича Цыхуна, под руководством которого я писала кандидатскую диссертацию и работала научным сотрудником в Белорусской академии наук. Именно он послужил мне во многом личным примером. Во-первых, Геннадий Афанасьевич никогда не давил на своих аспирантов и максимально способствовал развитию их научного кругозора: когда у нас не было возможности выезжать за рубеж и устанавливать контакты с иностранными коллегами, он из каждой своей зарубежной поездки привозил нам литературу по теме диссертации — сам делал для нас копии журнальных статей, что почти 35 лет назад было гораздо более сложной технической и финансовой задачей, чем сейчас. Во-вторых, он был для нас образцом строгой научной дисциплины: при работе над белорусским этимологическим словарем мы, неопытные молодые научные сотрудники, получили от него четкую пошаговую инструкцию по сбору и проверке

языкового материала, которая должна была неукоснительно соблюдаться. Результаты этой методологически выверенной работы объединялись и обсуждались всем отделом, и только потом научные «старейшины» формулировали окончательную этимологическую версию, которая входила в словарь. В-третьих, он подавал нам личный пример самоуважения и человеческого достоинства. Со свойственной ему тонкой иронией (безусловным признаком развитого интеллекта) Геннадий Афанасьевич нередко ставил на место зарвавшихся бюрократов, которые найдутся в любой организации, чем придавал смелости более робким коллегам.

Ко всему перечисленному следует добавить, что проф. Цыхун был прекрасным организатором. Он координировал работу коллектива создателей ЭСБМ, организовал эффективный обмен информацией между российскими и белорусскими учеными в проекте по исследованию Полесья, который велся коллективом под руководством Н. И. и С. М. Толстых. Во времена, когда не было ни интернета, ни смартфонов, это было вовсе не легкой задачей! И всегда помогал как мог всем, кто в помощи нуждался. В нищете начала девяностых он через свои личные контакты добился для меня, аспирантки-словакистки, стипендии словацкого министерства на научную стажировку в Братиславе и даже помог получить отдельный тревел-грант для оплаты дорожных расходов. И никогда ни словом не обмолвился о том, сколько кому помог, потому что считал это само собой разумеющимся. И потому что был скромным человеком, как часто бывает у людей огромного человеческого масштаба.

Светлая Вам память, дорогой Учитель! Ваше человеческое тепло останется в сердцах тех, кто знал Вас лично, а Ваше уникальное научное наследие сохранится для всех последующих поколений ученых и станет для многих источником творческого вдохновения. Проверено на личном опыте!

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446 (журнала)
DOI 10.31168/2412-6446.2024.19.3-4 (выпуска)

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2024.19.3-4

Главный редактор:
Е. С. Узенёва
Редакторы (русский язык):
И. С. Пекунова, В. С. Кучко
Редакторы-корректоры:
Е. В. Дейкина, Т. К. Дейкина
Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов
Дизайн обложки:
П. К. Донской

Editor-in-Chief:
Elena S. Uzeneva
Russian Language Copy-Editors:
Irina S. Pekunova, Valeria S. Kuchko
Proofreaders:
Elizaveta V. Deykina, Tamara K. Deykina
Computer layout:
Pavel N. Morozov
Cover design:
Pavel K. Donskoy

На обложке:

Фрагменты фотографий из книги
«Vjesnik Etnografskog muzeja u Zagrebu za etno-
grafiju, etnologiju, antropologiju, i prehistoriju. Kn. 3.
Zagreb, 1937».

URL:https://www.google.ru/books/edition/Vjesnik_Etnografskog_muzeja_u_Zagrebu_za/Azc5zUif5-8C?hl=ru&gbpv=1

Vjesnik Etnografskog muzeja... P. 62 / Srbi s sred-
njega dela Kosovega polja (Fotografija iz leta 1929)

Vjesnik Etnografskog muzeja... P. 265 / Djevojke
u Cerovcu. — Foto Ivo T. Franič

Vjesnik Etnografskog muzeja... P. 266 / Momak
i devojka (studenti) iz Cerovca. — Foto Ivo T. Franič

On the cover:

Photo fragments from
«Vjesnik Etnografskog muzeja u Zagrebu za etno-
grafiju, etnologiju, antropologiju, i prehistoriju. Kn. 3.
Zagreb, 1937».

URL:https://www.google.ru/books/edition/Vjesnik_Etnografskog_muzeja_u_Zagrebu_za/Azc5zUif5-8C?hl=ru&gbpv=1

Vjesnik Etnografskog muzeja... P. 62 / Srbi s sred-
njega dela Kosovega polja (Fotografija iz leta 1929)

Vjesnik Etnografskog muzeja... P. 265 / Djevojke
u Cerovcu. — Foto Ivo T. Franič

Vjesnik Etnografskog muzeja... P. 266 / Momak
i devojka (studenti) iz Cerovca. — Foto Ivo T. Franič

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
Ленинский просп., д. 32А, корп. «В», Москва, 119334, Россия

Адрес электронной почты:
slavmillen@yandex.ru

Сайт:
slavicworld.ru

Подписано в печать 19.12.2024. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 27,3.
Объем 21,0 печ. л.

Заказ № 66.

Тираж 500 экз.